

В О Ц А Р Е Н І Е

ИМПЕРАТРИЦЫ

АННЫ ІОАННОВНЫ.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭТЮДЪ

Д. А. КОРСАКОВА.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1880.

В О Ц А Р Е Н І Е

ИМПЕРАТРИЦЫ

АННЫ ІОАННОВНЫ.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭТЮДЪ

Д. А. КОРСАКОВА.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1880.

По опредѣленію Историко-Филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета печатать дозволяется. Казань, 10 января 1880 г.

Деканъ Н. Оирсовъ.

Предлагаемый этюдъ касается событія весьма мало изслѣдованнаго въ русской исторической литературѣ. Воцареніе императрицы Анны Іоанновны составляетъ очень важный и интересный эпизодъ изъ русской исторіи первой половины XVIII в. Съ одной стороны онъ является естественнымъ результатомъ общественныхъ нестроеній, послѣдовавшихъ за кончиной Преобразователя Россіи и служившихъ выраженіемъ реакціи противъ нѣкоторыхъ реформъ Петра В.; съ другой стороны—составляетъ прологъ къ исторіи мрачнаго и суроваго царствованія Анны Іоанновны.

Во время воцаренія Анны Іоанновны ощутительно выражается тотъ антагонизмъ между русскими и иностранцами, который достигаетъ своего апогея къ концу царствованія этой государыни; въ воцареніе Анны Іоанновны сказывается и та рознь между русскими людьми, которая характеризуетъ ихъ послѣдующее несогласіе въ политическихъ воззрѣніяхъ и мѣропріятіяхъ. Среди этой борьбы и розни весьма замѣтно выражаются политическіе замыслы преобладавшихъ въ то время въ русскомъ обществѣ людей родословныхъ и средняго пляхетства. Замыслы эти ошибочны и произвольны на нашъ теперешній взглядъ, но они имѣютъ историческія причины для своего существованія.

II

Принципы, во имя которых враждовали и соединялись русскіе родословные люди и шляхтичи 1730 года,—для насъ не существуютъ болѣе: они стали достояніемъ прошлаго; страсти ихъ волновавшія, — чужды намъ. Мы отдѣлены отъ 1730 года временемъ въ полтора столѣтій, живемъ и дѣйствуемъ совершенно въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ жили и дѣйствовали русскіе люди первой половины XVIII в. Реформы настоящаго Царствованія, обновившія общественный бытъ Россіи, дали нашей политической и общественной жизни инныя основы, чѣмъ тѣ, которыя существовали въ 1730 году. Поэтому мы, русскіе люди второй половины XIX в., можемъ совершенно объективно и вполне спокойно отнестись къ событіямъ, происходившимъ полтора столѣтія назадъ.

Въ концѣ 1877 года, по ходатайству его Сіятельства Господина Министра Народнаго Просвѣщенія, графа Дмитрія Андреевича Толстаго, пишущій эти строки получилъ ВЫСОЧАЙШЕЕ разрѣшеніе на занятія въ Государственномъ Архивѣ, и только въ силу этого благосклоннаго вниманія со стороны его Сіятельства къ научнымъ цѣлямъ автора, онъ могъ положить въ основу своей работы документы, бывшіе доступными весьма немногимъ.

При составленіи предлагаемаго этюда авторъ останавливался преимущественно на вопросахъ менѣе другихъ изслѣдованныхъ; поэтому онъ имѣлъ въ виду слѣдующія задачи:

1) Подвергнуть строгой критикѣ источники исторіи воцаренія императрицы Анны Іоанновны.

III

2) Изучить личности всѣхъ главныхъ и второстепенныхъ участниковъ въ событіяхъ. На второстепенныхъ, какъ на совѣтъ почти не изслѣдованныхъ, авторъ обратилъ особое вниманіе.

3) Изложить политическіе планы верховниковъ и шляхетства, которые (особенно планы шляхетства) до сихъ поръ представляются въ не совѣтъ ясномъ свѣтѣ.

Сообразно съ этими задачами книга распадается на три части: 1) введеніе, въ которомъ указываются причины, подготовившія событія воцаренія Анны Іоанновны и рассматриваются главнѣйшіе источники и монографическія изслѣдованія, послужившія матеріаломъ для этюда, 2) подробное прагматическое изложеніе самаго хода событій и характеристики главныхъ участниковъ въ нихъ, 3) приложенія.

Приложенія предназначаются для немногихъ. Они интересуютъ весьма небольшой кружокъ спеціалистовъ по исторіи русскаго XVIII в. Въ нихъ авторъ сгруппировалъ данныя интересныя, но слишкомъ мелочныя, чтобы внести ихъ въ текстъ, и помѣстилъ три источника, изъ которыхъ два являются въ свѣтъ впервые, а одинъ былъ извѣстенъ только въ нѣмецкомъ переводѣ. Мелочныя данныя состоятъ во 1-хъ, изъ критико-библіографическихъ замѣтокъ о важнѣйшихъ, но мало изслѣдованныхъ, документахъ по исторіи воцаренія Анны Іоанновны, во 2-хъ, изъ свѣдѣній біографическихъ объ участникахъ разныхъ шляхетскихъ проэктвъ и челобитныхъ.

Авторъ видитъ вполне ясно недостатки и промахи своего труда, и, совершенно отстраняя отъ

IV

себя личное самолюбіе, искренно желаетъ лишь одного: строгаго и безпристрастнаго суда ученой и литературной критики. Въ ихъ приговорѣ, какъ бы суровъ онъ ни былъ, авторъ надѣется найти силы на дальнѣйшіе труды въ области русской исторіи.

Въ заключеніе авторъ считаетъ особо отраднымъ для него долгомъ принести глубочайшую и искреннюю благодарность слѣдующимъ лицамъ, наиболѣе способствовавшимъ его труду своими указаніями и совѣтами: академикамъ А. О. Бычкову и Я. К. Гроту, директору главнаго Архива М. И. Д. барону О. А. Бюлеру, профессорамъ—К. Н. Бестужеву-Рюмину и Е. Е. Замысловскому; Л. Н. Майкову, А. Н. Пыпину и Г. О. Штендману, начальнику Сенатскаго Архива П. И. Баранову, управляющему Синодальнымъ Архивомъ Н. И. Григоровичу и старшему дѣлопроизводителю Государственнаго Архива Н. А. Гюббенету.

ВВЕДЕНИЕ.

Характеръ реакціи, наступившей вслѣдъ за кончиной Петра В.—Главнѣйшія явленія внутренней государственной жизни Россіи съ 1725 по 1730 годъ.—Событія воцаренія Анны Іоанновны, какъ результатъ этихъ явленій.—Главнѣйшіе источники и литература исторіи воцаренія Анны Іоанновны.

Первые пять лѣтъ послѣ кончины Петра Великаго характеризуются особенно сильной реакціей противъ программы царя-преобразователя. Реакція эта выражается съ одной стороны въ произвольномъ толкованіи нѣкоторыхъ воззрѣній Петра, съ другой—въ противодѣйствіи началамъ его реформы. Петръ унесъ съ собою въ могилу ключъ отъ своихъ великихъ замысловъ, и ближайшіе продолжатели его дѣла не могли найти этого ключа. Они восприняли только внѣшность, форму его преобразованій, но не въ состояніи были постичь содержанія этой формы; они не были въ силахъ воскресить духа перваго императора. Преобразовательная программа Петра Великаго была обпирна. Она обнимала не только политическую сферу московскаго государства, но касалась, мысли, совѣсти и частной жизни всѣхъ подданныхъ московскаго царя. Сфера нравственной жизни и бытовыхъ условій не поддается передѣлкѣ такъ легко, какъ внѣшне-государственная жизнь страны; при насильственномъ прикосновеніи къ этой сферѣ—протестъ и реакція всегда неизбѣжны и всегда повятны. Открыто сопротивляться Петру было нельзя: онъ былъ самодержавный царь, воля его была непреклонна и для подданныхъ эта воля являлась закономъ. И вотъ мы видимъ цѣлое теченіе пассивно-отрицательнаго отношенія къ реформѣ; теченіе это рѣзче всего

II

выразилось въ двухъ противоположныхъ т. сказ. общественныхъ полюсахъ, въ самомъ верхнемъ слое русскаго народа, и въ самомъ низшемъ—въ боярствѣ и въ крестьянствѣ. Пассивные протестапты изъ того и изъ другаго слоя -- у б ѣ г а ю т ь отъ тягостей петровыхъ „повнествъ“, но тѣ и другіе б ѣ г у т ь р о з н о, безъ общаго плана, безъ ясно сознанной мысли. Крестьяне уѣзгають въ дѣйствительности, бояре уѣзгають въ переносномъ смыслѣ, углубляются мысленно въ самихъ себя. Крестьяне уѣзгають или на Волгу, на „широкое раздолье“, въ степь, въ „мать-тихую пустыню“, или зарубесжные лѣса литовскіе; бояре уѣзгають своими воспоминаніями и мечтами въ московскую, донетровскую Русь, или въ заморскія страны, стремясь пайти идеалы лучшаго существованія въ прошломъ родной страны, или въ современномъ положеніи сосѣднихъ государствъ.

Но Петра Великаго не стало: весьма естественно протестъ изъ пассивнаго перешелъ въ активный. Выразителемъ этого протеста является высшій слой русскаго народа, который всего болѣе былъ придавленъ реформой—„родословные люди“. Они возстають и противъ „повыхъ русскіихъ людей“, выдвинутыхъ реформой, и противъ ипоземцевъ, явившихся къ намъ въ обиліи во время реформы. И тѣ и другіе даютъ отпоръ: возникаетъ двойная борьба—общественная и національная.

При Екатеринѣ I—одерживають побѣду повые русскіе люди и ипоземцы, при Петрѣ II-мъ—побѣдителями являются родословные люди; во время воцаренія Анны Іоанновны родословные люди думаютъ побѣдить окончательно, но проигрываютъ навсегда свое дѣло. Участвія въ государственной жизни русской земли требуютъ себѣ также средній служилый классъ—шляхетство, но родословные люди не допускають его до этого участія и тѣмъ создаютъ себѣ враговъ среди русскіихъ же людей. Побѣждаютъ ипоземцы; „родословные русскіе люди“ припижены совершенно; они „искореняются“ систематически и гибнутъ въ безсильной борьбѣ съ вѣмцами и новыми людьми.

Еще очень недавно смотрѣли на реакцію, послѣдовавшую за кончиной царя-преобразователя, какъ на выраженіе олигархическихъ замысловъ непогихъ своскорыстныхъ вельможъ и стремленіе русскіихъ людей возвратиться къ до-реформеннымъ порядкамъ, къ старинному строю москов-

III

скаго государства. Въ особенности такой взгляд прилагался къ событіямъ воцаренія императрицы Анны Іоанновны. Но если мы пристальнѣе взглянемъ въ явленія внутренней государственной жизни Россіи съ 1725 по 1730 г.—то неизбежно придемъ къ инымъ заключеніямъ. Эти явленія были главнѣйшими элементами, образовавшими фактъ воцаренія Анны Іоанновны. Они были слѣдующія: 1) неопредѣленность престолонаслѣдія послѣ Петра Великаго, 2) личныя качества его ближайшихъ преемниковъ, 3) государственное значеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта, 4) неопредѣленность правъ шляхетскаго сословія, 5) отношенія русскихъ людей къ иностранцамъ.

Остановимся на каждомъ изъ этихъ явленій.

1) Петръ Великій, отстранивъ отъ престолонаслѣдія сына своего, царевича Алексѣя Петровича, предпочелъ наследственному династическому началу принципъ *избирательный*. Право избранія наследника престола онъ предоставилъ исключительно царствующему государю, выходя въ этомъ случаѣ логически изъ своего представленія о самодержавной власти государя; власть эту Петръ В. опредѣляетъ въ воинскомъ артикулѣ слѣдующимъ образомъ: „Его величество есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ отвѣта дать не долженъ, по силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанской государь, по своей волѣ и благомыслию управлять“.—Но Петръ В. умеръ не избравъ себѣ послѣдника. Новые люди реформы, опираясь на войско, возвели послѣ его кончины на престолъ російскій его супругу Екатерину І-ю, какъ императрицу коронованную имъ при жизни. Манифестъ о вступленіи на престолъ Екатерины былъ изданъ отъ имени *сената, синода и генералитета*, которые *согласно приказамъ* объявить въ народъ о воцареніи Екатерины І-й. Манифестъ этотъ заключалъ въ себѣ нарушеніе основныхъ законовъ Петра Великаго, которыми не указанъ случай *согласнаго приказа* двухъ верховныхъ коллегій и совершенно произвольной группы высшихъ военныхъ служилыхъ людей. Сенатъ не обремененъ былъ правомъ избирать государя Россіи по кончинѣ безнаслѣдственнаго государя; тѣмъ менѣе могъ претендовать на это право синодъ, изолированный Петромъ Великимъ отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла „гражданскія“; генералитетъ не имѣлъ при Петрѣ никакого политическаго зна-

ченія и былъ просто офіціальнымъ терминомъ для обозначенія совокупности генераловъ. Между тѣмъ это нарушение имѣло громадныя послѣдствія: ово служило прецедентомъ *избранія государя произвольной группой высшихъ должностныхъ лицъ, по ихъ усмотрѣнію.*

Еще въ 1722 г. при самомъ изданіи „Устава“ о правѣ царствующаго государя назначать себѣ наслѣдника, многіе сомнѣвались въ этомъ правѣ, такъ что потребовались доказательства его; съ этой цѣлью была издапа политическая прокламація—„Правда воли Монаршей“. „Правда“ предусматриваетъ возможность кончины государя до назначенія имъ преемника, и если придерживаться строго толкованій „Правды“, то послѣ Петра В. должна была воцариться одна изъ его дочерей, Анна или Елизавета. При воцареніи Екатерины I-й явилось еще болѣе недовольныхъ. Противниками ея было большинство „родословныхъ людей“, желавшихъ видѣть на престолѣ внука Петра Великаго, Петра Алексѣевича. Они распались на двѣ партіи: умѣренные предлагали объявить Екатерину регентомъ государства до совершеннолѣтія Петра Алексѣевича, крайніе—хотѣли заключить ее и двухъ ея дочерей въ монастырь. По воцареніи Екатерины явилась новая „конъюнктура“: Остерманъ предлагалъ обвинять десятилѣтняго Петра Алексѣевича съ его семнадцатилѣтней теткой Елизаветой Петровной—но эта „конъюнктура“ не исполнилась, какъ прямо противорѣчащая постановленіямъ Православной Церкви.

Екатерина I-я, умирая, опредѣлила престолонаслѣдіе „тестаментамъ“: она передавала престолъ Петру Алексѣвичу, а въ случаѣ его кончины безъ избранія себѣ преемника, должны послѣ него царствовать, сначала старшая ея дочь, Анна Петровна, съ ея „десцепдентами“, а за нею вторая дочь, Елизавета Петровна, и ея „десцепденты“. При составленіи „тестаментъ“ явились противники воцаренія Петра II-го: то были „новые люди реформы“, игравшіе активную, но позорную роль въ гибели царевича Алексѣя и боявшіеся мести отъ его сына. Въ то же время поносились слухи, что „тестамента“ Екатерины I-й былъ составленъ Меншиковымъ. Тестаментъ Екатерины и слухъ о совершеніи его Меншиковымъ дали мысль князьямъ Долгорукимъ составить впослѣдствіи подложный тестаментъ отъ имени Петра II

въ пользу „государыни-невѣсты“, княжны Екатерины Долгорукой.

2) Петръ Великій былъ на дѣлѣ именно такимъ самодержцемъ, идеаль котораго онъ выразилъ въ „воинскомъ артикулѣ“. Тяжело приходилось его подданнымъ, но не легко было и самому царю. Онъ, не смотря на свою крутость и своеправность, могъ всегда служить русскимъ людямъ образцомъ трудолюбца и подвижника на престолѣ. Немногіе изъ его современниковъ-подданныхъ оцѣнили его съ этой стороны; для большинства изъ нихъ онъ былъ источникомъ „тяготы неудобноносимой“; но и для этого большинства онъ являлся съ оросоломъ славы и величія. Совершенно иными личностями были Екатерина I и Петръ II. Первая—была женщина добрая и даже умная, но необладавшая широкимъ государственнымъ умомъ; второй—былъ ребенокъ, личность котораго не могла опредѣлиться вполне. Весьма естественно, что самодержавіе Екатерины I и Петра II—было фиктивно. Фактическимъ правителемъ государства во все правленіе Екатерины и въ первый годъ правленія ребенка-императора былъ князь Меншиковъ, этотъ „прегордый Голиаѳъ“, какъ называли его современники. Весьма естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ въ умахъ людей родословныхъ, этихъ потомковъ „думцевъ“ царей московскихъ, являлась мысль о томъ, что они имѣютъ болѣе право на официальное участіе въ управленіи страной, чѣмъ имѣетъ это право выскочка-пирожникъ, лукаво прикрывавшійся самодержавіемъ женщины и ребенка. Была мысль ограничить власть Екатерины I-й сенатомъ.

3) При отсутствіи дѣйствительнаго самодержца на престолѣ, у родословныхъ людей развивалась и другая мысль: о болѣшемъ расширеніи и распространеніи коллегіальнаго порядка, введеннаго Петромъ Великимъ въ его государственныхъ учрежденіяхъ. „Въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ“—говорилъ Петръ, мотивируя преимущество коллегіальнаго порядка передъ управленіемъ единоличнымъ. Князь Меншиковъ былъ полнымъ олицетвореніемъ именно такой „единой персоны“, преисполненной „страсти“, и родословные люди весьма естественно приходятъ къ мысли о необходимости верховной коллегіи. Такой коллегіей явился Верховный Тайный Совѣтъ, учрежденный въ 1726 году.

Обыкновенно съ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ соединяется представленіе о какомъ то сборищѣ олигарховъ, преслѣдовавшихъ исключительно свои эгоистическія цѣли, въ ущербъ интересовъ всѣхъ остальныхъ общественныхъ классовъ земли русской. Такое представленіе невѣрно.

Верховный Тайный Совѣтъ съ самаго учрежденія своего задается широкимъ планомъ „поправленія внутреннихъ государственныхъ дѣлъ“, одушевляясь мыслию объ общемъ благѣ. Прежде всего онъ заботится объ улучшеніи финансовъ и экономическихъ и промышленно-торговыхъ условий страны, сильно расшатавшихся во время двадцатилѣтней войны. „Деньги суть артерія войны“—говорилъ Петръ Великій и стремился къ тому, чтобъ „денегъ какъ возможно болѣе искать“. Вся тяжесть этого исканія само-собою падала на преобладающій въ Россіи классъ земледѣльцевъ—крестьянство. По этому Верховный Тайный Совѣтъ особенно заботится объ улучшеніи участи крестьянъ именно съ финансовой, экономической стороны. Измѣненіе податной системы въ смыслѣ облегченія для крестьянъ—„для бѣднаго крестьянства“, какъ выражается Верховный Тайный Совѣтъ,—является для него существенной реформой въ цѣломъ рядѣ предпринятыхъ имъ реформъ.

Не вдаваясь въ излишнія подробности, отмѣтимъ лишь главнѣйшія изъ распоряженій Верховнаго Тайнаго Совѣта за четырехлѣтнее его существованіе.

1) Верховный Совѣтъ принимаетъ рядъ мѣръ для облегченія крестьянамъ платежа подушныхъ денегъ, какъ за текущіе годы, такъ и недоимокъ прежнихъ лѣтъ, 2) изыскиваетъ способы, чтобы избавить крестьянъ отъ чрезмѣрнаго количества начальниковъ и „командировъ“, которые только ихъ притѣсняютъ и кормятся на ихъ счетъ; съ этой цѣлью предпринимается въ областномъ управленіи рядъ реформъ, сосредоточивающихъ всю власть въ лицѣ губернатора, 3) заботится о расширеніи торговли, о свободѣ ея и объ уничтоженіи стѣснительныхъ монополій и привиллегій, выражая эти воззрѣнія въ „Вексельномъ уставѣ 1729 г.“ и въ дѣятельности комиссіи о коммерціи; мануфактурь-коллегія была уничтожена для большаго облегченія торговли, 4) заботится о благосостояніи посадскихъ людей и горожанъ; главный магистратъ упраздненъ „для лучшаго посадскихъ охраненія“, 5) стремится уравнивать государствен-

VII

ные расходы съ доходами и съ этою цѣлью уменьшаетъ бюджетъ расходовъ, сокращаетъ штаты чиповпиковъ въ коллегіяхъ и возстановляетъ ревизіонъ-коллегію.

Верховный Совѣтъ обращаетъ вниманіе на всѣ стороны государственной жизни. Онъ заботится и о развитіи юстиціи, и о просвѣщеніи, и о духовенствѣ, и о войскахъ, и о возстановленіи самоуправленія Малороссійскаго народа. Его озабочиваетъ мысль о сочиненіи новаго уложенія и для этого образуется комиссія изъ выборныхъ отъ шляхетства (1728—1729 г.), поддерживается типографія и изданіе „публичныхъ вѣдомостей“, совсѣмъ было прекратившихся вслѣдъ за кончиной Петра В. Въ вопросахъ о духовенствѣ Верховный Совѣтъ становится защитникомъ опять таки массы народа и монастырскихъ и архіерейскихъ крестьянъ; въ вопросахъ о войскахъ—его заботитъ лучший способъ расквартированія полковъ по губерніямъ и онъ изыскиваетъ мѣры для облегченія воинскихъ постоевъ какъ относительно обывателей, такъ и относительно солдатъ; являлась мысль отпускать ежегодно по домамъ двѣ трети всѣхъ наличныхъ солдатъ и офицеровъ изъ шляхетства, чтобы „могли привести свои деревни и дома въ надлежащій порядокъ“. Въ 1727 г. были возстановлены статьи Хмельницкаго о выборѣ гетмана въ Малороссіи. Эта мѣра Верховнаго Тайнаго Совѣта, а равно и нѣкоторые другія (выборные отъ шляхетства для сочиненія „уложенія“, учрежденіе комиссіи о коммерціи и изданіе Вексельнаго Устава)—происходятъ въ правленіе Петра II, въ то время, которое почитается у насъ исключительно временемъ придворныхъ крамолъ и интригъ.

Въ правленіе князя Мещикова, при Екатеринѣ I-й, Верховный Тайный Совѣтъ стремился упрочить за собою высшую правительственную власть. Въ присягѣ гг. министровъ (членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта) и сенаторовъ, изданной вслѣдъ за учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, императрица Екатерина I не имѣетъ титула самодержицы, а присягающій обѣщается, что будетъ исполнять свою должность по „регламентамъ и инструкціямъ Верховнаго Тайнаго Совѣта“. Всѣ резолюціи Верховнаго Тайнаго Совѣта получали силу высочайшаго указа, если онѣ подписаны всѣми членами Совѣта; воспрещалось исполнять указы не подписанные, *или* императрицею, *или* членами Верховнаго Тайнаго Совѣта. Въ формулѣ императорскаго

VIII

титула указовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта Екаторина также не называлась самодержицею. По „тестаменту“ Екаторины, Верховному Тайному Совѣту во время малолѣтства Петра II-го прямо предоставляется „полная власть, равная государственной“, только „онъ ничего не можетъ перемѣнить въ наслѣдіи престола“. Всѣ члены его, вмѣстѣ съ двумя принцессами (Анной Петровной и Елизаветой Петровной) и герцогомъ голштинскимъ назначались членами регентства надъ малолѣтнимъ императоромъ.

При Петрѣ II, особенно по сверженіи Меншикова, Верховный Тайный Совѣтъ почувствовалъ въ себѣ еще болѣе силы и весьма естественно стремился все болѣе и болѣе расширять свою власть.

Иностранцы съ самаго учрежденія Верховнаго Совѣта видѣли въ немъ первый шагъ къ измѣненію существующей формы правленія. Указавъ на это значеніе Верховнаго Совѣта, французскій резидентъ Кампредонъ писалъ между прочимъ слѣдующее: „Но они (родословные люди) рѣшатся и на быструю перемѣну, если имъ удастся упрочить свое значеніе и пересилить верховную власть, получивъ преимущества, которыя они сочтутъ нужными для учрежденія и поддержанія формы правленія, подобной англійской. Вѣроятно, это и побудило предпринять такой образъ дѣйствій, по крайней мѣрѣ наиболѣе разсудительные люди ожидаютъ подобныхъ послѣдствій отъ этого новаго учрежденія; мнѣніе это вполне согласно съ тѣмъ, что уже извѣстно о намѣреніяхъ главнѣйшихъ изъ русской націи“.

4) Терминъ „шляхетство“, которымъ опредѣлялась въ первую половину XVIII в. совокупность служилыхъ людей,—новое сословіе образованное Петромъ В.,—при самомъ преобразователѣ отличался большою сбивчивостью и неопредѣленностью. Первоначально этимъ терминомъ Петръ опредѣлялъ только среднихъ и низшихъ служилыхъ чиновъ московскаго государства; высшіе старинные чины бояре, окольничіе, думные дворяне и новые чины, тайные и дѣйствительные тайные и дѣйствительные статскіе совѣтники—не входили въ его составъ; офицеры вновь образованныхъ арміи и флота, не только не входили въ составъ шляхетства но даже ставились выше шляхтичей. Мало по малу терминъ „шляхетство“ переносится на всѣхъ служилыхъ людей, высшихъ и низшихъ, старыхъ и новыхъ.

IX

Въ московскомъ государствѣ служилые люди не составляли сословія, въ нихъ не было корпоративнаго единства; совершенно наоборотъ, высшіе чины не имѣли ничего общаго съ низшими. Ихъ раздѣляла непродолимая пропасть, черезъ которую не могъ никогда переступить низшій служилый чинъ, отбывавшій натуральную служебную повинность за вознагражденіе земельнымъ паѣломъ—помѣстьемъ и вотчиной. Высшіе чины, думные люди, состояли почти исключительно изъ людей родословныхъ; не одна личная заслуга, но и *порода*, происхожденіе отъ заслуженныхъ предковъ, давала право на чинъ боярина и окошничаго. (Къ нимъ примыкали младшіе члены родословныхъ фамилій, посившіе обыкновенно средній чинъ стольника). Петръ Великій выставилъ для службы нѣкой принципъ: самый „худородный“ человекъ могъ достигъ высшаго положенія въ государствѣ только своими личными заслугами. Эти новыя основанія службы были ясно и категорически опредѣлены въ табели о рангахъ. Табель устанавливала іерархію чиновъ, раздѣленную на 14 классовъ; первый офицерскій чинъ и чинъ 8-го класса гражданской службы давалъ потомственному права сословія, названнаго официально не шляхетствомъ, а дворянствомъ; пріобрѣтеніе высшаго служебнаго положенія посредствомъ родословности, происхожденія, было совсѣмъ уничтожено, но все-таки допущена нѣкоторая уступка происхожденію: всѣ потомки служилыхъ людей, могущіе доказать, что предки ихъ за сто лѣтъ до изданія „табели“ были также служилыми людьми какого бы то ни было чина,—признавались потомственными дворянами даже еслибы они были простыми рядовыми, или низшими чиновниками. За особыя заслуги давались титулы, свойственные западно-европейской родовой аристократіи—князей, графовъ, бароновъ, устанавлились гербы для дворянъ и особое дворянское учрежденіе—герольдія, вѣдавшее новое дворянское сословіе. Такимъ образомъ „табель о рангахъ“ создавала новую аристократію чиновно-бюрократическую со всѣми вѣдшими атрибутами западно-европейской родовой аристократіи.

Въ чемъ же заключались права и обязанности этого новаго шляхетскаго, или дворянскаго сословія?

Въ первую половину XVIII в. оно вовсе не было тѣмъ привилегированнымъ сословіемъ, какимъ явилось позднѣе;

Х

у него не только не было никаких привилегій сравнительно съ другими сословіями, у него даже не было правъ. Сословіе шляхетское освобождалось отъ личной переписи (ревизіи) и личной подушной подати, въ иныхъ, очень рѣдкихъ случаяхъ—отъ пытокъ, и пользовалось въ некоторыхъ льготами въ торговлѣ, по всѣмъ остальнымъ натуральнымъ и денежнымъ повинностямъ оно несло паравнѣ съ другими сословіями и не было освобождено отъ тѣлесныхъ наказаній, которыя въ созваніи большинства шляхтичей не считались даже позорными. При такомъ почти полномъ отсутствіи правъ, на шляхетствѣ лежала весьма тяжелая обязанность—постоянной службы государству, которая при Петрѣ В. была не отбываніемъ повинности, а приложеніемъ знанія къ государственнымъ потребностямъ. Поэтому для шляхетства кромѣ службы явилось другое обязательное занятіе—ученье: отправка молодыхъ дворянъ за море и обязательное поступленіе въ „цифирныя“ и „навигаторскія“ и „инженерныя“ школы. И служба и наука не легко дались шляхетству. Военная служба, какъ въ сухопутномъ войскѣ, такъ и во флотѣ, была пожизненная, отставки были очень рѣдки и затруднительны, строгости „воинскаго артикула“ и продолжительныя войны—дѣлали военную службу весьма тяжелою, почти невыпосимою. Ежегодные смотры недорослей у воеводъ и губернаторовъ и экстренные смотры въ Москвѣ въ сенатѣ и у герольдмейстера, контроль съ его стороны надъ шляхетскими подростками, годными къ службѣ—все это весьма естественно стѣсняло шляхетство, которому еще такъ памятно было привольное житье дворянъ и дѣтей боярскихъ въ своихъ деревняхъ въ свободное отъ походовъ время. При опредѣленіи шляхтичей въ школы и при отправленіи ихъ „за море“ не принимались въ соображеніе природныя склонности молодыхъ людей: и въ школы и за море ихъ отправляли насильно. Блѣдствіе отсутствія моря и флота въ Московскомъ государствѣ, морское дѣло было ему совершенно чуждо и молодые баричи конечно не могли имѣть склонности къ „навигаторской“ наукѣ. Герольдмейстеръ былъ верховный наблюдатель за успѣхами шляхтичей въ наукахъ: онъ долженъ былъ слѣдить, чтобы молодые шляхтичи, подготовлявшіеся къ гражданской службѣ, учились бы по крайней мѣрѣ „экономіи“ и „закону“.

XI

Служба въ московскомъ государствѣ опредѣлялась весьма важнымъ преимуществомъ: вознагражденіе за службу было владѣніе населенною землею. Всѣ служилые люди были помѣщиками и вотчинниками; это такъ срослось съ понятіемъ современниковъ, что иначе они не могли себѣ представить служилаго человека. Петръ Великій не только ввелъ совершенно новую систему вознагражденія за службу, но сильно измѣнилъ какъ старинное понятіе о помѣстьѣ и вотчинѣ, такъ и отношеніе крестьянъ къ землевладѣльцамъ. Въмѣсто раздачи помѣстій и вотчинъ, Петръ В. ввелъ *денежное жалованье*, по рядомъ съ этимъ онъ смѣшалъ различіе между помѣстьемъ—владѣніемъ временнымъ и вотчиной—владѣніемъ наследственнымъ, приравнявъ первое ко второму, а земледѣльцевъ при этихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, крестьянъ, смѣшалъ совершенно съ холопами. Владѣніе вотчинами, право пользованія ими, и право распоряжаться ими—было подвергнуто сильнымъ ограниченіямъ. Право пользованія ограничивалось разными исключеніями, вновь созданными регаліями; право распоряженія ограничивалось весьма существенно закономъ о единонаслѣдіи (1714 г.).

Законъ 1714 г. о единонаслѣдіи исходилъ изъ принципа аристократическаго. Онъ стремился создать классъ родовитыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Недвижимое имѣніе должно было переходить по наслѣдству къ одному изъ сыновей владѣльца, по его усмотрѣнію, если же владѣлецъ самъ не назначалъ наслѣдника, то таковымъ признавался старшій сынъ; владѣлецъ, не имѣвшій сыновей, могъ отдать свое недвижимое имущество одному изъ членовъ своей фамиліи по своему выбору; если онъ не сдѣлалъ распоряженія при жизни, то имѣніе отдавалось ближайшему въ родѣ. Младшіе братья (кадеты) должны служить въ военной и гражданской службѣ и заниматься торговлей, промыслами и ремеслами, или могли даже поступать въ бѣлое духовенство; кадеты могли сами приобрѣтать вотчины лишь съ извѣстными ограниченіями: для этого положено было извѣстное число лѣтъ обязательной службы, или обязательнаго занятія торговлею и промышленностью. Послѣдній въ родѣ, если имѣетъ только дочерей, можетъ отдать недвижимое имѣніе одной изъ нихъ; но для возобновленія фамиліи мужъ дочери долженъ принять фамилію тестя. Такимъ образомъ Петръ Великій хотѣлъ ограничить вотчинное право из-

ХП

вѣстнымъ только количествомъ служилыхъ людей, а остальныхъ желалъ ввести въ классъ промышленный и торговый, даже въ бѣлое духовенство.

Закопъ о единоваслѣдіи произвелъ большое разстройство въ шляхетскомъ хозяйствѣ, преимущественно у средняго и мелкаго шляхетства. Русскіе люди привыкли къ раздѣлу имущества, а потому считали закопъ несправедливымъ по существу. Шляхетство смотрѣло на меньшихъ членовъ семьи какъ на обиженныхъ сравнительно со старшимъ. Начинали различными путями обходить закопъ, или доводить его результаты до крайнихъ предѣловъ: стали продавать, несмотря на запрещеніе, деревни въ чужой родъ, а полученные деньги дѣлили поровну между дѣтьми; перепродавали имѣнія для укрѣпленія кадетамъ; писали на себѣ чей нибудь долгъ въ духовномъ завѣщаніи, прося паслѣдника выплатить его меньшимъ дѣтямъ; спятый съ полей хлѣбъ, rogatый скотъ и лошадей, какъ движимое имущество, отдавали кадетамъ, вслѣдствіе чего паслѣдникъ получалъ имѣніе безъ рабочаго скота и безъ сѣмянъ на слѣдующій годъ, а кадеты получали хлѣбъ и скотъ безъ земли. Иногда между членами семьи случались кровавыя драки изъ-за паслѣдства. Чѣмъ меньше было состояніе и многочисленнѣе семья—тѣмъ болѣе было разстройства и обѣдненія. Бѣдные шляхтичи, кадеты небольшихъ имѣній, записывались охотой въ подушный окладъ.

5) Петръ Великій, перестраивая московское государство на европейскій образецъ, весьма естественно призвалъ „изъ-за моря“ большое количество иностранцевъ для обученія русскихъ людей рѣшительно всему, начиная съ администраціи и военнаго дѣла и кончая мелочными ремеслами; но онъ смотрѣлъ на этихъ иностранцевъ не иначе, какъ на экспертовъ, знающихъ людей, какъ на учителей, которые послѣ наученія русскаго народа „какъ дѣтей“ (Петръ В. считалъ русскій народъ дѣтьми), должны уступить мѣсто своимъ ученикамъ. Иностранцы служилые люди и мастера одинаково *панимались* имъ по контракту; офицеры-иностранцы получали жалованья больше, чѣмъ русскіе, но принимались на службу ниже тѣхъ чиновъ, какіе занимали у себя дома; права иностранцевъ жившихъ въ Россіи были ограничены. Весьма немногіе изъ этихъ наемниковъ достигли высшихъ служебныхъ мѣстъ: этого достиг-

ХІІІ

ли или люди дѣйствительно выдающихся умственныхъ способностей, или личные любимцы Петра В. Во главѣ всѣхъ отраслей управленія при Петрѣ стояли русскіе. Въ числѣ сенаторовъ при учрежденіи сената мы не видимъ ни одного иностранца; всѣ президенты коллегій (за весьма малыми исключениями) были русскіе, большинство губернаторовъ и генераловъ—тоже. Только въ послѣдніе годы царствованія Петра В. роль иностранцевъ усиливается. Въ этомъ отношеніи имѣетъ большое значеніе помолвка старшей дочери Петра В. съ герцогомъ голштинскимъ. Герцогъ переѣзжаетъ въ Петербургъ и его министръ Бассевичъ становится вскорѣ рѣшителемъ судебъ русскаго государства. Около Екатерины сосредоточиваются разные иностранцы-авантюристы, частью изъ московской Нѣмецкой Слободы, частью изъ вновь завоеванныхъ балтійскихъ провинцій и Польши; рядомъ съ родословными иностранцами вродѣ Левенвольде и графа Салъги, возвышаются разные Мопсы, Балки и Крамеры. По кончинѣ Петра В. выражается въ русскихъ людяхъ ненависть противъ этихъ иностранцевъ и голштинцевъ. Едва вступила на престолъ Екатерина, какъ по Петербургу стали распространяться слухи о нападеніи на иностранцевъ, и даже такіе иностранцы, какъ Остерманъ и Ягушинской, начали укладывать свои пожитки, чтобы выбраться изъ Россіи по добру-по здорову. Въ два года царствованія Екатерины все болѣе и болѣе развивается у русскихъ людей злоба противъ нѣмцевъ-проходимцевъ и наконецъ выражается открытымъ протестомъ при Петрѣ II-мъ. Князья Долгорукіе, видя очень хорошо, что въ *новомъ* Петербургѣ уже стала образовываться нѣмецкая закваска, перевозятъ ребенка-императора въ *старую* Москву, гдѣ не смотря на ломку, произведенную Петромъ Великимъ, были сильны національныя русскія традиціи. Предполагавшійся бракъ отрока-императора съ *русскою* княжной Долгорукой возбуждалъ въ современникахъ симпатію именно съ національною точки зрѣнія.

Исчисленныя явленія и подготовили тѣ замыслы, которые выразились при воцареніи Анны Иоанновны. Замыслы эти были логическимъ результатомъ предыдущаго, какъ является все въ исторіи, природѣ которой такъ же чуждо явленіе случайное, какъ оно чуждо природѣ физической и нравственной; индивидуальной природѣ человека. Верховный

XIV

Тайный Совѣтъ, избирая Анну Иоанновну, парубилъ „тестаментъ“ Екатерины I-й, но тестаментъ этотъ признавался въ то время подложнымъ. Избирая ее, онъ считалъ себя представителемъ высшей власти въ Россіи и въ фактъ избранія выходилъ изъ мыслей Петра В. объ *избраніи* достойнѣйшаго себѣ преемника. Въ этомъ случаѣ Верховный Совѣтъ впасть въ существенную ошибку, будучи на дѣлѣ совершенно самозваннымъ представителемъ Россіи, но онъ подражалъ въ этомъ случаѣ генералитету и сенату при воцареніи Екатерины I-й. Противъ этой-то его роли и возстало шляхетство.

ОБЗОРЪ ИСТОЧНИКОВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Приступая къ обзору источниковъ исторіи воцаренія императрицы Анны Иоанновны, мы должны прежде всего оговориться. Мы рассмотримъ только главнѣйшіе источники, относящіеся преимущественно къ самому факту избранія Анны Иоанновны и вступленія ея на престолъ. Всѣ остальные источники, какъ относительно событій воцаренія Анны Иоанновны, такъ и относительно лицъ, принимавшихъ участіе въ этихъ событіяхъ—мы указываемъ въ своемъ мѣстѣ, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Источники нашего изслѣдованія сами собой распадутся на двѣ большія группы: отечественныя и иноземныя. Первая группа состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: 1) документовъ, касающихся избранія и воцаренія Анны Иоанновны, официальныхъ записокъ и разныхъ правительственныхъ и официальныхъ актовъ, 2) записокъ русскихъ людей. Иноземныя источники, не столь богатые по матеріалу, состоятъ главнымъ образомъ изъ донесеній пословъ и изъ мемуаровъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ.

ДОКУМЕНТЫ ОФИЦИАЛЬНЫЕ.

Изъ этой категоріи документовъ въ VIII т. первого **Полнаго Собранія Законовъ**, напечатано всего лишь *семь* указовъ, а именно: а) *28 января*, указъ изъ В. Т. С. объ учрежденіи входа Ея Величества Государыни Царевны Анны Иоанновны въ Москву противъ того, какъ учреждено было въ 1728 году для входа блаженной памяти Государя Императора Петра II (№ 5497).—б) *того же числа*, указъ В. Т. С. о поставкѣ подводъ для шестія Ея Величества отъ Лифляндской границы къ Москвѣ (№ 5493).—в) *4 февраля*, манифестъ отъ имени В. Т. С. о кончинѣ Императора Петра II и о воспріятіи Россійскаго престола Государыней Царевною Анною Иоанновною (№ 5499).—г) *5 февраля*, указъ изъ В. Т. С. о возношеніи Ея Императорскаго Величества въ церковномъ служеніи и о писаніи Высочайшаго имени въ грамотахъ, указахъ и прочихъ актахъ такимъ же титуломъ, какъ сіе было при императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ (I-II) и о сдѣланіи государственныхъ печатей по тому же примѣру (№ 5500).—е) *9 февраля*, форма о титулахъ Государыни Императрицы Анны Иоанновны (№ 5501).—ф) *26 февраля*, о посылкѣ въ губерніи и провинціи парочныхъ и о возвращеніи въ Москву прежде посланныхъ изъ сената съ указами и присягами унтеръ-офицеровъ (№ 5508).—г) *28 февраля*, манифестъ о вступленіи на Россійскій престолъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Анны Иоанновны, о *воспріятіи* самодержавія и объ учиненіи вновь присяги, съ приложеніемъ клятвеннаго обѣщанія (№ 5509).

Изъ этого перечисленія видно, какъ неполны правительственныя сообщенія о воцареніи Анны Иоанновны, вошедшія въ П. С. З. Впрочемъ, неполнота эта весьма понятна. Въ П. С. З. вносились только обнародованные въ свое время печатные манифесты и указы, а документы о воцареніи Анны Иоанновны по самому существу своему не могли быть *все* обнародованы.

Кромѣ „Полнаго Собранія Законовъ“ издано въ свѣтъ нѣсколько правительственныхъ распоряженій и официальныхъ документовъ касающихся воцаренія Анны Иоанновны

въ различныхъ спеціальныхъ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ. Но всѣ эти документы (которые мы подробно указываемъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ на тѣхъ страницахъ нашей книги, гдѣ идетъ о нихъ рѣчь)—въ большинствѣ случаевъ изданы по частнымъ, не всегда вѣрнымъ, копіямъ; вслѣдствіе чего мы должны были обратиться къ изученію подлинныхъ документовъ, хранящихся въ архивахъ: Государственномъ, Сенатскомъ, Синодальномъ—въ С.-Петербургѣ и въ главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ. Всѣ разсмотрѣнные вами документы въ этихъ архивахъ также подробно указываются въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Здѣсь же мы остановимся только на общемъ характерѣ самыхъ важныхъ документовъ.

А) ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВЪ.

1) **Подлинные документы о восшествіи на престолъ Императрицы Анны Іоанновны** (разд. III, дѣла №№ 4 и 6). Ко всѣмъ этимъ документамъ имѣется современная обложка съ собственноручною подписью императрицы Анны Іоанновны: „о коварныхъ письмахъ, какъ я на престолъ возшла“. Сохранился также въ дѣлѣ № 6 конвертъ съ слѣдующей надписью Екатерины II-й: „безъ именного указа никому не выдавать“, подъ которою рукою П. И. Панина написано: „Въ семь пакетѣ паходятся въ подлинникахъ пункты отъ верховнаго совѣта императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ предложенныя, ею подписанныя и потомъ изорванные, прошеніе отъ дворянства къ Ея Величеству о уничтоженіи оныхъ и о привятіи накіе самодержавной власти и разныя бумаги до сего важнаго прошенія касавшіяся“. „Кондиціи“ многими изслѣдователями считались утраченными. Такого мнѣнія держатся, напримѣръ, составитель сборника „La Cour de Russie il y a cent ans“, г. Щербальскій, въ статьѣ о восшествіи на престолъ Анны Іоанновны и князь П. В. Долгорукой, въ своихъ „Mémoires“, изданныхъ въ 1867 году.

II) **Слѣдственные дѣла о князьяхъ Долгорукихъ съ 1730 по 1741 годъ включительно.** Всѣхъ такихъ дѣлъ въ Государственномъ архивѣ *двадцать одинъ* номеръ въ 34 фоліантахъ. Изъ нихъ для настоящаго изслѣдованія послужили главнымъ образомъ *экстракты*,

XVII

составленные въ 1738—1741 гг. изъ дѣлъ по доносу на Долгорукихъ тобольскаго подъячаго Тишина, 28 экстрактовъ въ 3-хъ частяхъ (дѣло № 181), и судъ и приговоръ надъ Долгорукими въ 1739 году (дѣло № 182).

В) АРХИВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

Занятія въ немъ значительно облегчаются прекрасной „Описью Высочайшихъ повелѣній, хранящихся въ этомъ архивѣ“, составленной и изданной начальникомъ его П. И. Барановымъ (Сиб. 1872—78, 4 т.). Въ Сенатскомъ архивѣ нами рассмотрѣны Книги именныхъ указовъ и высочайшихъ повелѣній за 1704—1740 года и дѣлъ Кабинета 1731—1740 г. Эти книги весьма много пополняютъ такъ наз. „Полное Собраніе Законовъ“ и представляютъ богатый матеріалъ для фактическихъ свѣдѣній о служебной карьерѣ очень многихъ участниковъ въ шляхетскихъ проэктахъ и мнѣніяхъ. Благодаря почти исключительно этому источнику, мы могли опредѣлить большую часть личностей, подписавшихъ шляхетскіе проэкты и мнѣнія.

С) ДѢЛА ВЕРХОВНАГО ТАЙНАГО СОВѢТА

хранятся въ трехъ архивахъ: Государственномъ, Сенатскомъ и Главномъ М. И. Д. въ Москвѣ.

Въ Государственномъ Архивѣ находятся **Черновые журналы Верховнаго Тайнаго Совѣта съ 19 января по 28 февраля 1730 года включительно**, на 72 листахъ (разд. III, д. № 5). Журналы эти важны тѣмъ, что бѣловыхъ журналовъ за это время не сохранилось. Написанные второпяхъ, на скоро, они представляютъ скорѣе конспектъ засѣданія, чѣмъ его журналъ. Присутствующіе члены Верховнаго Тайнаго Совѣта въ нѣкоторыхъ журналахъ названы только по именамъ, безъ фамилій,—очевидно писецъ не считалъ нужнымъ заносить хорошо извѣстныя ему фамиліи въ черновой набросокъ журнала. Журналы Верховнаго Тайнаго Совѣта представляютъ полную картину его распоряженій по внутреннему государственному управленію за все время отъ смерти Петра II до присяги на самодержавіе Анны Іоанновны.

XVIII

Въ Сенатскомъ Архивѣ хранятся: 1) **Книга вѣрными протоколамъ, состоявшимся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ** за январь и февраль 1730 года, на 215 листахъ, in fol. (кн. лит. к), 2) **Книги указовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта** съ 1726 по 1730 годъ.

Дѣла Верховнаго Тайнаго Совѣта (св. № 7) въ Главномъ Архивѣ М. И. Д. въ Москвѣ касаются дипломатическихъ сношеній съ иностранными державами за указанное время и заключаютъ въ себѣ:

1) Отпуски протоколовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, на 38 листахъ.

2) Бѣловой журналъ, или дневную записку дѣламъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, на 79 листахъ.

3) Черновое сообщеніе въ Верховный Тайный Совѣтъ о вспомогательныхъ пѣсарю нѣмецкому войскахъ, изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, отъ 19 февраля 1730 года, на 3-хъ листахъ.

Въ томъ же архивѣ просмотрѣна нами рукопись въ листъ, подъ заглавіемъ: „**Управление Всероссійской Имперіи во время бывшаго Верховнаго Совѣта**“— въ черновомъ спискѣ, съ помарками и поправками, сдѣланными рукою А. Ѳ. Малиновскаго, бывшаго директоромъ Архива М. И. Д. (№ 15¹¹). Въ рукописи находится всего 458 нумерованныхъ листовъ. Рукопись эта есть сводъ, составленный Малиновскимъ преимущественно изъ журналовъ и протоколовъ В. Т. С., хранящихся въ главномъ архивѣ М. И. Д.; кромѣ нихъ, источниками для Малиновскаго послужили: а) печатные манифесты и указы, б) переписка князя В. Л. Долгорукаго, с) разные архивные документы и выписки, d) „*Supplement au corps diplomatique*“, сборникъ составленный Руссе, и другіе иностранные сборники въ томъ же родѣ; но дѣлами Верховнаго Тайнаго Совѣта, хранящимися въ архивахъ Государственномъ и Сенатскомъ, Малиновской не пользовался: это доказывается сличеніемъ его рукописи съ вышеназванными дѣлами. Весьма плохимъ и исполненнымъ ошибокъ и недосмотровъ извлеченіемъ изъ рукописи Малиновскаго являются такъ наз. „**Протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта**“, напечатанные въ „Чтеніяхъ Московскаго Общ. Ист. и Древн. Россійск.“, (1858 года, книга II). Не имѣя никакого официального значенія и будучи составлены столѣтіемъ позже событій,

XIX

о которыхъ идетъ въ нихъ рѣчь,—эти извлеченія никакъ не могутъ быть почтены официальными протоколами.

Д) АРХИВЪ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА

заключаетъ въ себѣ весьма немного документовъ относящихся непосредственно къ воцаренію Анны Іоанновны. Къ нему относятся только Дѣла о кончинѣ Петра II и о восшествіи на престолъ Анны Іоанновны за №№ 32, 34, 35 и 36.

ЗАПИСКИ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ

Русскіе мемуары, сообщающіе свѣдѣнія о разсматриваемыхъ событіяхъ, принадлежатъ лицамъ двухъ поколѣній: современники, участники и неучастники въ событіяхъ воцаренія Анны Іоанновны, а за тѣмъ люди слѣдующаго поколѣнія повѣствуютъ намъ объ этихъ событіяхъ и ихъ дѣятеляхъ. После раздражительныхъ отзывовъ непосредственныхъ участниковъ въ событіяхъ, принадлежавшихъ притомъ къ разнымъ партіямъ, какъ на примѣръ, Теофана Прокоповича, Татищева, и др.—до насъ доходятъ болѣе спокойныя сужденія мемуаристовъ современниковъ — очевидцевъ и не принимавшихъ личнаго участія въ событіяхъ; сюда относятся двое Миниховъ —отецъ и сынъ. Мемуаристы втораго поколѣнія, едва родившіеся около 1730 года, или даже увидѣвшіе свѣтъ въ концѣ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ XVIII вѣка, еще хладнокровнѣе говорятъ о событіяхъ воцаренія Анны Іоанновны, которыя являются для нихъ уже прошлымъ, историческимъ фактомъ; онъ ихъ не волнуетъ; они относятся къ нему критически, хотя въ большинствѣ случаевъ тенденціозно: ихъ критерій лежитъ, частію въ личныхъ воззрѣніяхъ на дѣятелей этихъ событий, частію въ общемъ воззрѣніи той или другой партіи.

А) ОЧЕВИДЦЫ И УЧАСТНИКИ СОБЫТІЙ.

1) **Теофанъ Прокоповичъ** оставилъ намъ особое сказаніе „о кончинѣ Петра II и о вступленіи на престолъ Анны Іоанновны“, написанное въ скоромъ времени по пріятіи императрицею самодержавія. Сказаніе Теофана, какъ

видно, было довольно распространено среди образованныхъ русскихъ людей второй половины XVIII и XIX вв. Нами просмотрѣны и сличены *девять* списковъ этого сказанія, а именно: 1) Государственнаго Архива подъ заглавіемъ: „конецъ Петра II-го“, (разд. III, дѣло № 6, л. л. 57—72), списокъ исправляющій явныя ошибки текста въ печатномъ изданіи этого сказанія А. В. Терещенки (Сынъ Отеч. 1837 г. ч. CLXXXIV, стр. 23—73 и отд. изданіе въ томъ же году). Списокъ Государственнаго Архива почти дословно схожъ со спискомъ Языкова, напечатаннымъ имъ въ приложеніи къ „Запискамъ дюка Лирійскаго и Бервикскаго“, Спб. 1845 (стран. 186—217): поэтому мы вездѣ ссылаемся на текстъ Языкова, 2) и 3) Списки извѣстнаго русскаго исторіографа Герг. Фрир. Мюллера (Глав. Арх. М. И. Д., Портфели Мюллера, № 150, тетр. 1 и 8), 4) Списокъ А. О. Малиновскаго (тамъ же, Бумаги Малиновскаго, портф. № 9), 5) Списокъ Императорской Публичной Библіотеки, 6) Д. М. Княжевича, 7) П. П. Бекетова, 8) и 9) Печатные тексты Терещенки и Д. И. Языкова. (Объ изданіяхъ ихъ см. выше).

Лучшій и самый достовѣрный изъ списковъ—ссть списокъ Государственнаго Архива. Онъ относится, если не къ самому 1730 г., то несомѣнно къ тридцатымъ гѣдамъ XVIII ст. Написанъ онъ весьма четкимъ, красивымъ почеркомъ, близко подходящимъ къ почерку важнѣйшихъ государственныхъ актовъ 1730 года. Онъ заключаетъ въ себѣ 29 стр. въ листъ и помѣщается въ дѣлѣ о восшествіи на престолъ Анны Іоанновны, въ концѣ подлинныхъ документовъ о ея воцареніи. Три списка Главнаго Московскаго Архива М. И. Д., *два* Г. Ф. Мюллера (второй половины XVIII вѣка) и *одинъ* Малиновскаго (XIX вѣка)—представляютъ нѣкоторыя отмѣны въ отдѣльныхъ словахъ списка Государственнаго Архива; но отмѣны эти въ большинствѣ случаевъ не важны, явныя же просто описки. Списокъ Импер. Публичной Библіотеки относится къ концу XVIII вѣка. Списки Княжевича, Бекетова и печатные тексты Терещенки и Языкова—свѣ новыя, двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. Списокъ Бекетова изданъ М. П. Погодинымъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1830 года, (ч. I. стр. 42—74) съ измѣненіемъ правописанія на нынѣшнее. Са-

мый неисправный изъ нихъ — текстъ Терещенки, наполненный нѣкоторыми очень грубыми ошибками, искажающими смыслъ повѣствованія. Въ печатномъ изданіи онъ названъ: „Исторія о избраніи и востшествіи на престолъ блаженныя и вѣчно-достойныя памяти государыни императрицы Анны Іоанновны, Самодержицы Всероссійской“. Самое это заглавіе, показываетъ его позднее происхожденіе, во всякомъ случаѣ уже по смерти Анны Іоанновны, а ошибки текста Терещенки ясно свидѣлствуютъ что онъ изданъ по новой и неисправной копіи. Вотъ самыя главныя изъ этихъ ошибокъ.

Списокъ Государствъ. Архива: «Который владѣнія образъ въ толь маломъ числѣ владѣющихъ, не можетъ нарецися владѣтельство избранныхъ гречески аристократія, но развѣ сконическое тѣранство или насильство, которое олигархія у Еллиновъ именуется».

Терещенко, отд. изд., стр. 14: «Который владѣнія образъ (В. Т. С.) въ толь маломъ числѣ владѣющихъ, не можетъ нарецися владѣтельство избранныхъ, греческа аристократія, но развѣ сконическое (у Терещенки здѣсь поставленъ знакъ вопроса) торжество или насильство, которая олигархія у Еллиновъ именуется».

Оеофанъ, описавъ собраніе 2 февраля, на которомъ выслушано было письмо Анны Іоанновны съ согласіемъ ея на кондичіи, говорить:

Списокъ Государствъ. Архива: «И сами тѣ, которые вчера великой отъ сего собранія пользы надѣялись, опустили уши, какъ бѣдные ослики».

Терещенко: ibid., с. 23. «И самы тѣ, которые вчера великой отъ сего собранія пользы надѣялись, опустили уши, какъ бѣдные Ослики».

Сказаніе Оеофана Прокоповича, направленное противъ верховниковъ, имѣетъ цѣлію доказать произвольность и преступность ихъ олигархической „затѣйки“ ограничить самодержавіе. Оно написано витіевато - рѣзкимъ языкомъ, какъ проповѣди Прокоповича, и отличается особой злостью тона и ироніей въ отзывахъ о князьяхъ Голицыныхъ и Долгорукихъ: очевидно перомъ Оеофана руководитъ оскорбленное самолюбіе. Вообще это произведеніе крайне субъективно и тенденціозно: это памфлетъ на побитую партію

верховниковъ. Сказаніе передаетъ весьма любопытныя фактическія подробности о всѣхъ событіяхъ отъ смерти Петра II до „воспріятія“ самодержавія Анной Іоанновной, съ весьма рѣзкими и произвольными характеристиками дѣятелей этихъ событій и сужденіями о самыхъ событіяхъ.

Въ неразрывной связи съ этимъ „сказаніемъ“ находится: „Изъясненіе, каковы были нѣкихъ лицъ умыслы, затѣйки и дѣйствія въ призовѣ на престолъ Ея Императорскаго Величества“, принадлежащее *неизвѣстному* автору. Издатель этого „изъясненія“ по списку И. П. Шульгина (въ „Памятникахъ Новой Русск. Истор.“ Кашпирева, томъ I, отд. II, стр. 11—16), предполагаетъ, что оно можетъ принадлежать Теофану Прокоповичу. „Записка (изъясненіе)“—говоритъ издатель—„судя по слогу, писана какимъ либо лицомъ, учившимся въ малороссійскихъ духовныхъ училищахъ. Слово *з а т ѣ й к а* напоминаетъ Теофана“. Тщательное сличеніе „изъясненія“, съ „сказаніемъ“, какъ по языку, такъ и по содержанию, привело насъ къ несомнѣнному заключенію, что то и другое написано однимъ лицомъ: языкъ, выраженія, воззрѣнія политическія и отношеніе къ верховникамъ—и тутъ и тамъ одинаковы.

„Изъясненіе“ писано раньше „сказанія“, которое есть ничто иное, какъ подробное развитіе фактической стороны избранія Анны Іоанновны. Изъясненіе написано, какъ видно, вскорѣ послѣ 25 февраля 1730 г., въ то время, когда собирались свѣдѣнія о степени виновности Голицыныхъ и Долгорукихъ въ *республиканскихъ*, какъ тогда выражались, замыслахъ и есть, по всей вѣроятности, записка, поданная Теофаномъ Аннѣ Іоанновнѣ. Фактическая сторона событій изложена кратко, занимая всего 39 печатныхъ строкъ. Затѣмъ слѣдуетъ 19 обвинительныхъ пунктовъ противъ себялюбивыхъ, эгоистическихъ, олигархическихъ дѣяній верховниковъ.

Весьма возможно, что „сказаніе“ написано Теофаномъ для пополненія фактической стороны „изъясненія“ и представлено имъ также Аннѣ Іоанновнѣ. Въ 1730 г. онъ подалъ императрицѣ нѣсколько „записокъ“. (См. напр. записку „о притѣсненіяхъ православныхъ въ Австрійскихъ владѣніяхъ“ напечатанную въ „Русскомъ Арх.“ 1863).

2) В. Н. Татищевъ, одинъ изъ видныхъ дѣятелей въ событіяхъ 1730 года, оставилъ записку о шляхетскихъ со-

вѣщаніяхъ по вопросамъ о государственномъ устройствѣ Россіи, бывшихъ въ Москвѣ въ февралѣ 1730 г. Записка его называется: „Произвольное и согласное разсужденіе и мнѣніе собравшагося шляхетства русскаго о правленіи государственномъ“. Она напечатана въ сборникѣ „Утро“ на 1859 г., стр. 369 — 379, по списку М. П. Погодина. Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій позволилъ намъ сличить эту политическую записку Татищева съ своимъ спискомъ въ рукописномъ сборникѣ in fol. подъ заглавіемъ: „Историческія бумаги“ (т. 12). Записка Татищева въ этомъ сборникѣ находится въ новой современной намъ копіи (почеркъ 50-хъ годовъ текущаго столѣтія), но представляетъ любопытные варианты къ тексту, напечатанному Погодинымъ, и во многихъ мѣстахъ исправляетъ его ошибки. Дѣятельный участникъ шляхетскихъ совѣщаній и редакторъ одного изъ политическихъ проектовъ шляхетства, Татищевъ представляетъ въ своей запискѣ политическіе мнѣнія и предложенныя въ основу редакторовавшаго имъ мнѣнія и представленнаго Верховному Тайному Совѣту княземъ Черкасскимъ.

3) **Записка**, поданная императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ правителемъ дѣлъ В. Т. С., **В. П. Степановымъ**, заключающая подробности о сочиненіи „кондицій“. Записка эта напечатана безъ имени автора по списку Шульгина въ I т. Памятниковъ Новой Русской Исторіи Кашпирева (отд. II, с. 10—11). Доказательства ея принадлежности В. П. Степанову слѣдующія. Въ подлинномъ черновомъ журналѣ В. Т. С. 19 января 1730 года читаемъ: „При выходѣ приказано т. с. г-ну Степанову съ вышеписанною инструкціею и письмомъ, написаннымъ къ государынѣ царевнѣ, и съ кондиціями ѣхать къ барону Андрею Ивановичу (т. е. Остерману) и князю Алексѣю Григорьевичу (Долгорукому)“. (См. Г о с у д. А р х., разд. III, д. № 5, л. 5). — Возвращеніи Степанова отъ Остермана и А. Г. Долгорукаго дожидался во дворцѣ Анисимъ Масловъ (Зап., с. 11). Масловъ былъ второй секретарь Верховнаго Тайнаго Совѣта и, кромѣ Степанова, никого не могъ въ этотъ день *дожидаться*: члены совѣта всѣ разѣхались по домамъ, а въ канцеляріи Совѣта одинъ только Степановъ былъ непосредственнымъ пачальникомъ Маслова, всѣ же остальные чиновники были или ниже его по службѣ, или же прямо подчинены ему. Въ запискѣ го-

ворится, что съ вышеназванными документами ѣздилъ къ Остерману и кн. А. Г. Долгорукому авторъ записки.

4) **Записка неизвѣстнаго о сношеніяхъ съ Анной Іоанновной сторонниковъ самодержавія по пріѣздѣ императрицы въ Москву.** Эта записка составляетъ отрывокъ изъ рукописи А. Ѳ. Малиновскаго: „Управленіе Всероссійской Имперіи во время бывшаго Верховнаго Совѣта“. Неизвѣстно, откуда заимствовалъ эти подробности Малиновскій; во всякомъ случаѣ ихъ могъ знать только современникъ, и при томъ близко посвященный въ тайные переговоры. Записка напечатана Д. И. Языковымъ въ примѣчаніяхъ къ его изданію Записокъ герцога Лирійскаго (Спб. 1845, стр. 180—182).

В) **СОВРЕМЕННОКИ НЕ ОЧЕВИДЦЫ И НЕ УЧАСТВОВАВШІЕ ВЪ СОБЫТІЯХЪ.**

1) **Графъ Христ. Бурхардъ Минихъ**, фельдмаршалъ (р. 1683 г. † 1766) въ своей запискѣ, „Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie“, представленной имъ императрицѣ Екатеринѣ II около 1765 года—сообщаетъ краткій обзоръ происшествій 1730 г., въ связи съ предыдущими и послѣдующими измѣненіями въ высшихъ правительственныхъ сферахъ Россіи. (Въ первый разъ записка Миниха издана въ Копенгагенѣ въ 1774 году; мы пользовались русскимъ ея переводомъ Е. П. Карновича, изд. Исаковымъ подъ редакціею С. Н. Шубинскаго въ Спб., въ 1874 г.). Лично Минихъ очень нерасположенъ къ В. Т. С., видя въ немъ олигархическую коте-рію себялюбцевъ, но онъ маскируетъ свое нерасположеніе, приписывая ненависть къ верховникамъ всѣмъ русскимъ вообще. Минихъ, самъ честолюбивый олигархъ въ душѣ, не былъ членомъ Верховнаго Совѣта и весьма естественно завидовалъ верховникамъ. Но помимо зависти, онъ не могъ равнодушно переносить преобладаніе *русскаго* элемента въ В. Т. С. Всѣ факты воцаренія императрицы Анны Іоанновны изложены въ четырехъ параграфахъ (35—38) и занимаютъ всего *восемь* печатныхъ страницъ русскаго перевода (с. 37—44). Скользя по фактамъ, Минихъ высказываетъ глубокую симпатію къ Аннѣ Іоанновнѣ, называя

ее великой государыней. Послѣдующая роль Миниха въ нѣмецкомъ правительствѣ Анны Іоанновны заставляетъ историка съ особенной осторожностью пользоваться его „Записками“.

2) Сынъ фельдмаршала, графъ Іоаннъ Эрнестъ **Минихъ**, (р. 1708 † 1788 г.) въ своихъ Запискахъ, написанныхъ имъ въ ссылкѣ, въ Вологдѣ, въ 1758 г., (изд. въ русскомъ переводѣ 1817 года) отводитъ событіямъ воцаренія Анны Іоанновны всего шесть страницъ (стр. 42—48). Свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, любопытны тѣмъ, что они или состоятъ въ передачѣ ходившихъ объ этихъ событіяхъ слуховъ за границей, или же основаны на позднѣйшихъ о нихъ разсказахъ. Минихъ - сынъ ничѣмъ не былъ заинтересованъ въ исходѣ разсматриваемыхъ событій, а потому разсказъ его отличается болѣею объективностью и справедливостью сравнительно съ разсказами о тѣхъ же событіяхъ другихъ современниковъ.

с) МЕМУАРИСТЫ ВТОРАГО ПОКОЛѢНІЯ.

1) **Христіанъ Германъ Манштейнъ** (р. 1711 † 1757 г.) въ своихъ „Запискахъ о Россіи“ (1727—1744) отводитъ довольно много мѣста событіямъ воцаренія Анны Іоанновны. Главы III и IV и часть V-й главы (с. 19—33) посвящены этимъ событіямъ. Полнота свѣдѣній, по вѣдомому точное знакомство съ подробностями событій и мастерское литературное изложеніе издавна упрочили за Записками Манштейна репутацію одного изъ важнѣйшихъ и достовѣрнѣйшихъ источниковъ по русской, послѣпетровской исторіи. Такъ смотрѣли на него любители русской исторіи XVIII вѣка, такъ же относились къ нему и ученые изслѣдователи. Извѣстность Записокъ Манштейна превосходитъ собою не только извѣстность всѣхъ остальныхъ мемуаровъ о Россіи XVIII вѣка, но большинство источниковъ русской исторіи. Почти всѣ свѣдѣнія о воцареніи Анны Іоанновны до 60-хъ годовъ текущаго столѣтія, когда начались архивныя работы по русской исторіи XVIII вѣка, черпались изъ Манштейна. Между тѣмъ, при строго критическомъ изученіи этихъ Записокъ, мы не можемъ отнести Манштейну первенствующаго мѣста въ числѣ источниковъ для исторіи воцаренія Анны Іоанновны.

Манштейнъ, родившійся въ Петербургѣ, съ четырнадцати-лѣтняго возраста до 1736 года проживалъ въ Пруссіи сначала кадетомъ, а потомъ офицеромъ прусской службы. 19-ти лѣтній юноша Манштейнъ не былъ, т. обр., вопреки увѣрѣніямъ иныхъ писателей (напр. А. В. Терещенки, въ примѣчаніяхъ къ Сказанію о восшествіи на престолъ Анны Іоанновны), *оцвидцемъ* избранія на російскій престолъ герцогини курляндской; но до него не могли не доходить тѣ разнообразные слухи объ этомъ избраніи, которые обращались въ то время въ Западной Европѣ и находили себѣ мѣсто въ иностранной журналистикѣ. Манштейнъ прожилъ въ Россіи съ 1736 по 1744 г., въ то время, когда послѣ всецѣлаго господства въ правительствѣ вѣмецкаго тріумвирата и затѣмъ короткаго правленія Анны Леопольдовны, по восшествіи Елизаветы Петровны, произошла въ правительственныхъ сферахъ реакція противъ вѣмцевъ. Стоя въ близкихъ отношеніяхъ къ Миниху, Манштейнъ, послѣ его паденія, долженъ былъ оставить Россію. Записки свои онъ началъ писать въ Пруссіи, послѣ 1745 г., будучи въ то время человекомъ очень близкимъ къ Фридриху II-му. Во время пребыванія Манштейна въ Россіи ходили самые недостоверные слухи и пересказы о событіяхъ воцаренія Анны Іоанновны. Въ царствованіе самой императрицы объ этихъ событіяхъ нельзя было говорить свободно и открыто. Впослѣдствіи, при Елизаветѣ, истинный ихъ характеръ все болѣе и болѣе утрачивался, и вслѣдствіе естественной забывчивости отъ теченія времени, и вслѣдствіе антагонизма правительства Елизаветы Петровны съ вѣмецкимъ правительствомъ Анны Іоанновны. Видные дѣятели 1730 года или сошли въ могилу, или не мечтали болѣе о томъ, о чемъ мечтали тогда, а официальные кружки елизаветинскаго времени не дружелюбно смотрѣли на побѣдителей 1730 г., сторонниковъ самодержавія Анны Іоанновны, считавшейся, по воцареніи дочери Петра Великаго, узурпаторомъ верховной власти. Весьма естественно, что такое положеніе вопроса о событіяхъ 1730 года въ то время, какъ жилъ въ Россіи Манштейнъ, только затемняло его, а не разъясняло.

Въ общемъ разсказъ Манштейна передаетъ именно тѣ событія, которыя дѣйствительно происходили, но въ частностяхъ, при передачѣ подробностей событій и при ихъ оцѣнкѣ, онъ впадаетъ въ ошибки. Манштейну была неиз-

вѣства одна очень важная сторона въ этихъ событіяхъ: стремленіе шляхетства къ измѣненію русскаго государственнаго устройства, мнѣнія поданныя имъ по этому вопросу въ В. Т. С. и пререканія, происшедшія вслѣдствіе этого между В. Т. С. и шляхетствомъ. Изъ подробностей передаваемыхъ Маништейномъ, основанныхъ на слухахъ и устныхъ преданіяхъ, для историка особенно важны тѣ, которыя по характеру своему не могутъ быть провѣрены несомнѣнно - достоверными источниками; къ нимъ относятся: а) роль Остермана въ провозглашеніи самодержавія Анны Иоанновны и старанія ея образовать себѣ партію по пріѣздѣ въ Москву; б) шансы Елизаветы Петровны на воцареніе въ 1730 году и уклоненіе ея отъ этого, с) сѣверное сіяніе, видѣнное въ Москвѣ въ день провозглашенія Анны Иоанновны самодержавной и аллегорически-пророческія слова по этому случаю князя Д. М. Голицына.

2) Невѣрности Маништейна обратили на себя скоро вниманіе. Вслѣдъ за изданіемъ его записокъ (1775 г.) появились **анонимныя замѣчанія на записки Маништейна**. До прошлаго 1879 года авторъ ихъ не былъ съ точностью опредѣленъ; ихъ приписывали сначала графу И. А. Остерману (сыну канцлера), а затѣмъ графу І. Э. Миниху (сыну фельдмаршала). Только въ прошломъ году, въ послѣсловіи къ новому изданію „Замѣчаній“ въ „Русской Старинѣ“ (т. XXVI) П. Н. Петровъ высказалъ весьма основательныя соображенія въ пользу того, что авторъ этихъ замѣчаній былъ никто другой, какъ извѣстный дѣятель екатерининской эпохи, графъ П. И. Панинъ. Изъ фактовъ воцаренія Анны Иоанновны авторъ „замѣчаній“ останавливается на слѣдующихъ свидѣтельствахъ Маништейна: а) на обвиненіи Остермана въ сокрытіи „тестамента“ Екатерины I-й, б) на отправкѣ Ягушинскимъ Сумарокова, с) на стараніи Анны Иоанновны образовать себѣ партію по пріѣздѣ въ Москву. Опровергая Маништейна въ неточности показаній, авторъ замѣчаній самъ впадаетъ въ нѣкоторыя, впрочемъ мелкія, ошибки.

3) Записка князя **Мих. Мих. Щербатова** (р. 1733 † 1790 г.) „о поврежденіи правовъ въ Россіи“ написана въ 1788—89 г. (доказательства см. въ Русск. Стар. 1871, III, с. 688) и обнимаетъ собою все время отъ Петра В. до Екатерины II включительно. Избранію Анны Иоанновны посвя-

XXVIII

щено семь страниц VI главы. (Р. Ст. 1870, II, с. 47—53). Авторъ останавливается здѣсь не столько на изложеніи фактовъ, сколько на ихъ анализѣ и объясненіи съ своей аристократической точки зрѣнія. Его симпатіи лежатъ на сторонѣ ограниченія, но онъ врагъ олигархіи, въ особенности врагъ исключительнаго господства Долгорукихъ. У него видна какая-то затаенная, намъ невѣдомая, давнишняя фамиллярная вражда къ Долгорукимъ. О князьяхъ Голицыныхъ вообще и о Дм. Мих. Голицынѣ въ частности Щербатовъ отзывается съ сочувствіемъ. Неудача движенія въ пользу ограниченія, по мнѣнію Щербатова, произошла вслѣдствіе „паденія въ благородныхъ духа благородной гордости“, бывшаго знаменемъ времени общаго „поврежденія нравовъ“. Дѣятели этого движенія отличались трусостью. Разрушители „установленій“, такъ называетъ князь Щербатовъ ограниченіе, — Теофанъ Прокоповичъ, В. Н. Татищевъ и кн. А. Д. Кантемиръ, — дѣйствовали изъ личныхъ, своекорыстныхъ цѣлей. Личныя отношенія къ Долгорукимъ и Голицынымъ, какъ этихъ „разрушителей“, такъ и другихъ дѣятелей въ пользу самодержавія — Ягушинскаго, Головкина, кн. Черкаскаго, кн. Трубецкаго и Салтыковыхъ, очерчены мастерски и даютъ историку весьма любопытное и важное освѣщеніе всего переворота, совершеннаго 25 февраля 1730 г. Взглядъ Щербатова, по поводу избранія Анны Іоанновны, на „перемѣны въ государствѣ“, которыя „всегда согласны съ правами и умоначертаніемъ народа“, и характеристики главныхъ дѣятелей разсматриваемыхъ событій — дополняютъ интересъ его записки и, вмѣстѣ съ изложенными воззрѣніями на фактъ избранія Анны Іоанновны, ставятъ эту записку въ рядъ первостепенныхъ источниковъ. Предвзятая воззрѣнія мѣшаютъ кн. Щербатову давать вѣрныя характеристики: ихъ нужно принимать со строгой критикой. Кромѣ того, писавши, какъ видно, по памяти и по фамиллярнымъ преданіямъ, не справляясь съ письменными свидѣтельствами, князь Щербатовъ нерѣдко впадаетъ въ грубыя ошибки. Такъ напримѣръ, онъ считаетъ голштинскую герцогиню Анну Петровну живой въ 1730 г. и разсуждаетъ о ея кандидатурѣ на русскій престолъ. Имена и отчества Долгорукихъ онъ, кажется, перепутываетъ намѣренно, изъ пренебреженія къ нимъ; — трудно предположить, чтобы онъ дѣйствительно могъ ихъ не знать,

или случайно перепутать: Алексѣя Григорьевича Долгорукаго онъ называетъ Григорьемъ Алексѣвичемъ, Сергѣя Григорьевича—Григорьемъ Θεодоровичемъ, ставя отца вмѣсто сына. Прошеніе шляхетства Аннѣ Іоанновнѣ о возстановленіи самодержавія является у него послѣ коронаціи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно было подано до коронаціи за два мѣсяца. Первое прошеніе князя Черкаскаго—о пересмотрѣ всѣхъ мнѣній и проектовъ выборными отъ шляхетства, поданное за вѣсколько часовъ до прошенія о самодержавіи,—очевидно князю Щербатову совершенно вѣзвѣстно.

4) **Записъ а князя Петра Петровича Долгорукаго** (р. 1744 † 1815) о засѣданіи В. Т. С. 19 янв. 1730 г., избравшемъ Анну Іоанновну, составлена на основаніи разсказовъ кн. Вас. Михайл. Долгорукаго-Крымскаго (р. 1722 † 1782), сына кп. Мих. Влад. Долгорукаго.

Записка эта не издана вполнѣ, но въ извлеченіи находится въ „Memoires du prince Pierre Dolgoroukow“, (t. I, p. 305—306) и въ брошюрѣ кн. Алексѣя Долгорукаго и Н. Шилевской, изд. подъ редакціей кн. Всеv. Долгорукаго, Спб. 1869 г., подъ заглавіемъ: „Долгорукіе, Долгоруковы и Долгорукіе - Аргутинскіе (стр. 113—116). Князь П. В. Долгорукой въ своихъ „Memoires“ указываетъ источникъ, а брошюра приводитъ „записку“ безъ цитаты, по видимому изъ „Memiores“ кн. П. В. Долгорукаго.—Записка передаетъ подробно порядокъ засѣданія В. Т. С., разныя мнѣнія о престолонаслѣдіи и о кандидатахъ на русскій престолъ, указывая лицъ, которыя высказывали эти мнѣнія, послѣдовательность, въ какой они выражались, и пренія ими возбужденныя. При сличеніи этихъ любопытныхъ подробностей съ разсказомъ объ этомъ же засѣданіи В. Т. С. Манштейна и кн. Щербатова, приходишь къ заключенію, что оба они въ данномъ случаѣ пользовались разсказомъ или фельдмаршала кн. Долгорукаго, или его брата. Разсказы того и другаго очень близки къ Запискѣ кн. П. П. Долгорукаго, составляя ея сокращеніе или resumé. На основаніи этой же записки изложено засѣданіе В. Т. С. объ избраніи Анны Іоанновны въ „Сказаніи о родѣ князей Долгорукихъ“. (См. изд. 1840 г., стр. 116—118). Кн. П. В. Долгорукой въ своихъ „Memoires“ (t. I, p. 312) сообщаетъ кромѣ того текстъ „кондицій“ В. Т. С., записанный его дѣдомъ также со словъ князя В. М. Долгорукаго-Крымскаго. Этотъ текстъ интере-

сень по вариантамъ сравнительно съ другими словесными пересказами „кондицій“. (Объ этой редакціи см. въ I-мъ приложеніи къ настоящему изслѣдованію).

ИСТОЧНИКИ ИНОЗЕМНЫЕ.

ДОНЕСЕНІЯ ПОСЛОВЪ И МЕМУАРЫ.

1) Во главѣ этого отдѣла долженъ быть поставленъ сборникъ извлеченій изъ депешъ англійскихъ и французскихъ пословъ подъ заглавіемъ: *La cour de Russie il y a cent ans.* (1725—1783), Paris, Berl. et Leipzig, in 8°, 1-е изд. 1858 г., 3-е 1860 года. (Мы пользовались третьимъ изданіемъ). Сборникъ этотъ очень распространенъ у насъ, и на основаніи его главнымъ обр. сообщались свѣдѣнія въ журнальныхъ статьяхъ о событіяхъ изъ исторіи преемниковъ Петра В. до Екатерины II. ⁽¹⁾ Происшествія воцаренія Анны Иоанновны изложены выписками изъ депешъ резидентовъ, англійскаго Кл. Рондо и французскаго Маньяна, и нѣкоего де-Бюсси. Для насъ важны въ „*La Cour de Russie*“ только депеши англійскаго резидента Рондо, подлинниками которыхъ мы не имѣли возможности воспользоваться; французскій переводъ ихъ тщательно провѣренъ нами по тексту Раумера (*Beiträge*, II, Leipz. 1836 г.) Что же касается до выписокъ изъ депешъ Маньяна и де-Бюсси, то мы пользовались ими въ болѣе подробныхъ редакціяхъ, — о чемъ рѣчь будетъ ниже.

Кромѣ депешъ, англійскій резидентъ Кл. Рондо оставилъ еще записку подъ заглавіемъ: „*Characters of the*

⁽¹⁾ По словамъ книгопродавца Шнейдера въ Берлинѣ, сборникъ этотъ составилъ нѣкто Гранблѣ, издатель газеты „*Messenger de Berlin*“ и сотрудникъ многихъ парижскихъ газетъ — изъ разныхъ сочиненій, преимущественно изъ „*Beiträge zur neuern Geschichte*“ Раумера, 1836—1839 5 томовъ. (См. каталогъ книгъ Чертковской б-ки, отд. I, Исторія, М. 1863 г. с. 313 примѣчаніе къ № 1349). — Составитель каталога ошибочно указываетъ вмѣсто приведеннаго сочиненія Раумера его же *Historisches Taschenbuch*. Клейшмидтъ назыв. составителемъ эт. сборника Принца де-Линь (см. его книгу „*Russland's Geschichte und Politik dargestellt in der Gesch. des russ. hohen Adels*“, Cassel 1877).

some Russian noblemen"; записка эта найдена въ 1858 году Ю. В. Толстымъ въ лондонскомъ королевскомъ архивѣ и издава въ переводѣ на русскій языкъ дважды: а) въ 1861 году, въ „Чтеніяхъ Московскаго общ. Исторіи и Древностей Россійск.“, кп. II, и б) въ „Письмахъ леди Рондо“, изд. С. Н. Шубинскаго, Спб. 1874 г., стр. 215—246. По мнѣнію г. Толстаго, записка эта составлена между 21 декабря 1730 года и 19 января 1731 ст. ст., (въ теченіи января 1731 нов. ст.) Характеристики Рондо часто противорѣчатъ подобнымъ же замѣткамъ испанскаго посла герцога де-Лиріа.

2) Французскій резидентъ **Маньянъ** (Magnan) былъ аккредитованъ при русскомъ дворѣ съ 1727 по 1734 годъ. Денеші его извлечены А. И. Тургеневымъ изъ парижскаго государственнаго архива, а выдержки изъ нихъ, относящіяся къ событіямъ отъ 2 февраля до 24 апрѣля 1730 года, напечатаны Н. И. Тургеневымъ въ приложеніяхъ къ его книгѣ „La Russie et les Russes“ (ed. de Bruxelles 1847, III, 258—286). Русскій переводъ этихъ выдержекъ помѣщенъ въ „Памятникахъ Новой Русской исторіи“ Кашпирева (т. I, отд. II, с. 360—378). Переводъ этотъ не совсемъ точенъ, вслѣдствіе чего мы вездѣ ссылаемся на Тургенева. Маньянъ не всегда справедливо оцѣниваетъ событія и людей. Онъ видитъ въ замыслахъ верховниковъ и шляхетства исключительное желаніе возвратиться къ старинѣ.

3) Нѣкто **де-Бюсси**, французъ, оставилъ любопытную по своимъ подробностямъ записку о 25 февраля 1730 года, дѣй провозглашенія Анны Іоанновны самодержавной императрицей.—Записка эта напечатана также Н. И. Тургеневымъ, въ его „La Russie et les Russes“, вмѣстѣ съ извлеченіями изъ Маньяна, вслѣдствіе чего вошла и въ русскій переводъ ихъ.

4) Донесенія саксонско-польскаго посла **Іоанна Людовика Лефорта** († 1738) были давно извѣстны занимающимся русской исторіей по обширнымъ выпискамъ изъ нихъ профессора Марбургскаго университета **Эрнеста Германа** въ его „Geschichte des Russischen Staates“ Bd. IV, Hamburg 1849.—Воцареніе императрицы Анны Іоанновны (Gesch. des Russ. Staates, IV, S. 538—548) разсказано Германомъ почти исключительно на основаніи депешъ Лефорта. Въ 1868 году профессоръ Германъ началъ издавать

подлинники донесеній Лефорта, сопровождая ихъ русскимъ переводомъ, въ „Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“. Относящіяся до изслѣдованнаго нами вопроса депеши Лефорта находятся въ V томѣ „Сборника“ (стр. 338—382).

I. Л. Лефортъ, племянникъ извѣстнаго любимца Петра Великаго, Франца Лефорта, состоялъ въ русской службѣ съ 1715 г., а въ 1720 г. поступилъ на службу къ польскому королю Августу II и былъ его представителемъ при русскомъ дворѣ съ 1721 по 1734 г. Давнишнее пребываніе и служба Лефорта въ Россіи сблизили его совершенно съ русскими. Онъ былъ свой человѣкъ у Долгорукихъ и Голицыныхъ, и они не стѣснялись откровенно выражать ему свои мысли. Вслѣдствіе такого исключительнаго положенія среди русскихъ, депеши Лефорта имѣютъ особую цѣну для историка.

5) Депеши прусскаго посланника, **Акселя фонъ Мардефельда** изданы въ XV томѣ „Сборника Русскаго Ист. Общ.“, но доведены тамъ лишь до 23 (12) февраля 1730 г. Продолженіе этихъ депешъ еще не изданное, а именно съ 23 февраля по 16 марта нов. ст. 1730 г., обязательно сообщено намъ членомъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, Г. Θ. Штевдапомъ съ дозволеніемъ сдѣлать изъ этихъ депешъ извлеченія. Депеши Акс. Мардефельда кратки и не показываютъ въ прусскомъ посланникѣ настоящаго пониманія тогдашнихъ русскихъ событій. Онъ судитъ обо всемъ, какъ чужеземецъ и притомъ нѣмецкаго происхожденія. Сердце его, конечно, не могло лежать къ тогдашнему движенію среди русскаго дворянства, направленнаго противъ нѣмцевъ.

6) Доселѣ неизданныя и неизвѣстныя нашимъ ученымъ депеши датскаго посланника при русскомъ дворѣ **I. Вестфалена** обязательно доставлены намъ, благодаря посредству академика Я. К. Грота, въ копіяхъ съ подлинниковъ, хранящихся въ копенгагенскомъ королевскомъ архивѣ. Копіи сняты подъ наблюденіемъ проф. К. Смита и имъ проверены.—Интересы Даніи заставляли ее всячески стараться, чтобы голштинскій принцъ Петръ-Ульрихъ, воцарившійся въ Россіи въ 1762 году съ именемъ Петра III, не получилъ русскаго императорскаго престола въ 1730 году, по смерти Петра II, а также опасаться воцаренія въ это

время Елизаветы Петровны, родной тетки Петра-Ульриха. Поэтому датскій посланникъ Вестфаленъ примыкаетъ къ Долгорукимъ и Голицынымъ, противникамъ Петра-Ульриха и Елизаветы Петровны, и привѣтствуетъ избраніе Анны Іоанновны, герцогини курляндской. Въ депешахъ своихъ Гестфаленъ зорко слѣдитъ за Елизаветой Петровной во все время съ болѣзни Петра II до провозглашенія Анны Іоанновны самодержавной императрицей. Его занимаютъ не столько тогдашніе толки и мѣропріятія генералитета и шляхетства о государственномъ устройствѣ Россіи и подробности избранія Анны Іоанновны, сколько колебанія общественнаго мнѣнія за и *противъ* голштинскаго принца и Елизаветы Петровны.

Извлеченія изъ депешъ Вестфалена, касающіяся воцаренія Анны Іоанновны, мы помѣщаемъ въ приложеніи къ настоящему изслѣдованію (приложен. № 3-й).

7) Герцогъ де-Лиріа и де-Херико, испанскій посолъ при русскомъ дворѣ съ мая 1727 г. до ноября 1730 г., былъ сынъ маршала Франціи, извѣстнаго полководца XVIII в., герцога де-Лиріа и Бервика (¹). Посолъ де-Лиріа оставилъ важныя матеріалы для исторіи воцаренія Анны Іоанновны: 1) Донесенія испанскому правительству, 2) извлеченія изъ дневника, 3) записку о характерѣ лицъ, находившихся въ его время при русскомъ дворѣ. Донесенія изданы впервые въ 1868—1869 гг. въ переводѣ съ испанскаго на русскій языкъ К. Л. Кустодіева, священника при русской миссіи въ Мадридѣ, съ примѣчаніями переводчика и П. И. Бартенева (Сборн. Бартенева XVIII-й вѣкъ, кн. II и III). Донесенія переведены о. Кустодіевымъ съ подлинныхъ отпусковъ де-Лиріа, находящихся въ дневникѣ, который онъ велъ со дня вазначенія своего посломъ, и хранящихся въ домашнемъ архивѣ теперешняго представителя дома де-Лиріа въ Испаніи, герцога де-Альба и де-Лиріа.

(¹) Испанскій посолъ нигдѣ не называется въ современныхъ документахъ де-Бервикъ. Въ 1730 г. онъ подписывалъ свою фамилію такъ: «Duc de Liria et de Xerico». Въ грамотѣ Филиппа V, короля испанскаго, отъ 25 іюля 1730 года, названъ онъ герцогомъ де-Лиріа и де-Херико, графомъ Финиутъ, барономъ де-Босвортъ (См. гл. Моск. Арх. Мин. Ин. Д., св. IX, тетрадь № 6).

Профессоръ петербургскаго университета К. Н. Бестужевъ-Рюминъ обязательно сообщилъ намъ подлинную французскую рукопись, русскій переводъ которой изданъ Языковымъ въ 1845 г. подъ заглавіемъ: „Записки дюка Лирійскаго и Бервикскаго во время пребыванія его при императорскомъ российскомъ дворѣ въ званіи посла короля испанскаго, 1727—1730 гг.“ Языковъ неправильно называлъ свой переводъ „Записками“ и еще болѣе неправильно почелъ ихъ отрывками изъ будто бы изданныхъ „Записокъ“ де-Лиріа. Такихъ Записокъ не существуетъ. Языковъ принялъ за Записки испанскаго посла Записки его отца, маршала Бервика, неимѣющія ничего общаго съ русскими происшествіями; онѣ окапчиваются 1716 годомъ. Записки эти были изданы нѣсколько разъ на французскомъ языкѣ (въ 1737, 1738 и 1778 г.—два изданія). Переданная намъ проф. Бестужевымъ-Рюминымъ рукопись состоитъ изъ 164 нумер. страницъ въ подлиста писчей бумаги и, судя по почерку, относится къ двадцатымъ годамъ XIX в. Въ ней находятся: а) вышеупомянутое извлеченіе изъ журнала де-Лиріа подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Extrait du journal du duc de Lihria et Berwick, ambassadeur de Philippe V, roi d'Espagne, étant parti de Madrid le 10 Mars 1727“. (с. 3—137) и б) *Traité particulier des caractères de différentes personnes* (о лицахъ, бывшихъ при русскомъ дворѣ) (с. 137—164).

При сличеніи оригинала съ переводомъ, оказываются непростительныя ошибки противъ французскаго текста, на что было уже указано въ „Русской Старинѣ“ (1873 г., 1-е изд., VIII, с. 28—40, ст. „О запискахъ де-Лиріа“). Цензурныя условія того времени заставили издателя многое исключить какъ изъ „дневника“ герц. де-Лиріа, такъ и изъ „характеристикъ“, но нѣкоторыя мѣста выброшены Языковымъ по непонятной причинѣ. И тѣ и другія исключенія возстановлены въ вышеприведенной статьѣ. Особенно бросаются въ глаза искаженія текста въ „характеристикахъ“. Впрочемъ, поправки, сдѣланныя въ „Русской Старинѣ“, не всегда отличаются полнотой и правильностью перевода.

При сличеніи извлеченій изъ дневника де-Лиріа съ его депешами оказывается, что первыя состоятъ изъ сокращенія послѣднихъ. Сокращеніе это герцогъ сдѣлалъ впоследствии, вспоминая свое пребываніе въ Россіи, какъ онъ самъ выражается, „для его собственнаго удовольствія и для по-

ученія его дѣтей“; (рукоп., стр. 164), изъ чего само собою слѣдуетъ, что извлеченія эти никогда не предназначались для обнародованія. Депеши носятъ на себѣ отпечатокъ свѣжести впечатлѣній, что, весьма естественно, сглажено самимъ герцогомъ въ извлеченіяхъ. Де-Лиріа внесъ въ свои извлеченія только сущность тѣхъ событій, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ въ Петербургѣ и Москвѣ съ 1727 по 1730 г. включительно, опустивъ всѣ подробности. Онъ исключилъ также всѣ свои сообщенія о тогдашнихъ общихъ европейскихъ дѣлахъ. Въ виду этихъ соображеній мы пользуемся въ своемъ трудѣ исключительно депешами де-Лиріа, а не его „извлеченіями“. Характеристики, приложенныя къ извлеченіямъ, отличаются рѣзкостью, желчностью тона и не всегда соотвѣтствуютъ дѣйствительному характеру лица, къ которому относятся. Это определяется, какъ личнымъ характеромъ и воззрѣніями де-Лиріа, такъ и исключительностью его положенія при русскомъ дворѣ. Интересы испанскаго правительства были прямо противоположны интересамъ нѣмецкаго императора, а между тѣмъ большинство русскихъ государственныхъ людей того времени находилось подъ сильнымъ вліяніемъ цесарскаго посла, графа Вратислава. Донесенія де-Лиріа отличаются необыкновенной полнотой съ фактической стороны. Въ объясненіяхъ событій онъ пристрастенъ. До провозглашенія Анны Іоанновны самодержавной государыней де-Лиріа на все смотритъ глазами Долгорукихъ, а послѣ этого событія держитъ исключительно сторону императрицы. Политическія воззрѣнія генералитета и шляхетства для де-Лиріа или просто непонятны, или антипатичны: онъ видитъ въ нихъ стремленіе возвратиться къ „московскому“ варварству. Передъ личностью и реформой Петра В. онъ благоговѣтъ, всюду называя его „великимъ“.

Кромѣ перечисленныхъ донесеній пословъ мы пользовались современными событіямъ корреспонденціями изъ Россіи, помѣщенными въ нѣмецкихъ и французскихъ періодическихкихъ изданіяхъ 1730 года: „Die Europäische Fama“, (выход. въ Лейпцигѣ), „Mercure historique et politique“ (изд. въ Парижѣ Н. Scheuerler'омъ) и „Nationen Gespräche, oder cu-

rieuse Discourse über die jetzigen Conjecturen und wichtigsten Begebenheiten“ (выход. въ Берлинѣ у Ambr. Naude), а также позднѣйшими замѣтками о воцареніи Анны Іоанновны, находящимися въ различныхъ мемуарахъ и сборникахъ. Изъ нихъ мы остановимся только на двухъ, болѣе важныхъ: на книгѣ Шмидтъ-Физельдека и на Запискахъ князя П. В. Долгорукаго.

Шмидтъ-Физельдекъ, бывшій въ царствованіе Елизаветы Петровны гувернеромъ дѣтей графа Миниха-сына, въ семидесятыхъ годахъ XVIII в. занимавшій кафедру государственнаго права и истории въ брауншвейгскомъ лицей (am Braunschweigischen Carolino), а затѣмъ должность совѣтника и архивариуса брауншвейгскаго герцога,—составилъ сводъ извѣстныхъ ему матеріаловъ, какъ русскихъ такъ и иностранныхъ, за время отъ смерти Петра Великаго до воцаренія Елизаветы Петровны, подъ заглавіемъ: „Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaisers Peter des Grossen“, 2 Bd., Riga 1777—1784 г. ('). Свѣдѣнія о царствованіи Анны Іоанновны, находящіяся у Шмидтъ-Физельдека, не полны и не отличаются строго критическимъ анализомъ, но наводятъ на многія любопытныя соображенія. Сравнительная близость автора къ описываемымъ событіямъ весьма естественно мѣшала ему вполне ясно понимать явленія тридцатыхъ годовъ XVIII в. Шмидтъ-Физельдекъ въ рассказѣ о воцареніи Анны Іоанновны (т. II, стр. 1—58), приводитъ въ приложеніяхъ подлинныя документы изъ русскихъ государственныхъ архивовъ въ нѣмецкомъ переводѣ. Нѣкоторые изъ этихъ документовъ появились въ его книгѣ впервые и были извѣстны ученымъ только изъ его книги до 1869 года, т. е. до появленія XIX т. „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева. Кромѣ этихъ документальныхъ свидѣтельствъ, въ книгѣ Шмидтъ-Физельдека встрѣчается нѣсколько извѣстій, безъ указанія откуда онъ ихъ заимствовалъ. Иныя изъ нихъ мы приводимъ въ своемъ мѣстѣ.

Книга князя **П. В. Долгорукаго** (р. 1816 † 1868 г.), написанная имъ на французскомъ языкѣ и изданная въ

(') См. Письмо Альбаума, профессора въ Ревельской Ritterschule къ академику Штелину отъ 31 авг. 1774 г.—въ статьѣ Н. Н. Некарскаго: «о перешикѣ Штелина», Зап. акад. II, т. III, кн. 2, с. 123—129.

Женевѣ въ 1867 г. подъ заглавіемъ: „Memoires du Prince Pierre Dolgoroukow“, заключаеъ въ себѣ не мемуары, не Записки кн. П. Р. Долгорукаго, а собраніе свѣдѣній изъ разныхъ источниковъ о событіяхъ въ жизни знатнѣйшихъ русскихъ фамилій за первую половину XVIII в. Кромѣ семейныхъ преданій князей Долгорукихъ и другихъ извѣстныхъ русскихъ титулованныхъ и не титулованныхъ родовъ, источниками для автора этой книги были: сказанія о родѣ князей Долгорукихъ и нѣкоторыхъ другихъ фамиліяхъ, отдѣльно изданныя родословныя княжескихъ и дворянскихъ фамилій, фамиліи бумажныя князей Долгорукихъ, бумажныя Карабанова, генеалогиста и анекдотиста русскаго дворянства, современные эпохѣ мемуары русскихъ и иностранцевъ, разные записки, частію рукописныя, частію напечатанныя въ Россіи въ разныхъ сборникахъ, архивныя документы и, наконецъ, монографіи, появлявшіяся въ русскихъ журналахъ 1857—1867 гг., преимущественно статьи гг. Семева, Шишкина и Щербальскаго. При сличеніи книги Долгорукаго съ архивными источниками и монографіями, несомнѣнно приходитъ къ заключенію, что авторъ пользовался какъ тѣми, такъ и другими весьма добросовѣстно съ фактической стороны, позволяя себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ высказывать иногда весьма рѣзкія и не всегда основательныя сужденія; отсутствіе цитатъ придаетъ, правда, видъ недостоверности книгѣ и вводитъ въ невольное сомнѣніе читателя, мало знакомаго съ источниками исторіи русскаго XVIII в. Въ смыслѣ источника, книга князя Долгорукаго имѣетъ значеніе только въ тѣхъ частяхъ, гдѣ передаетъ неизвѣстныя изъ другихъ источниковъ свѣдѣнія, иной разъ недостовѣрныя въ подробностяхъ, но весьма характеристическія для иллюстраціи эпохи и ея дѣятелей.

Въ заключеніи разсмотрѣнія источниковъ, мы считаемъ долгомъ оговориться относительно пользованія тремя трудами, цитаты на которые для иныхъ могутъ показаться не убѣдительными: 1) Дѣянія Петра Великаго, Голкова, 2) Бавтыша-Камеяскаго, „Словарь достопамятныхъ людей Русской земли“ (1836 г. 5 т. и 1847 г. 3 т. всего 8 томовъ) и 3) разные статьи П. О. Карабанова. Изъ „Дѣяній“, мы позволили себѣ заимствовать, и то весьма рѣдко, нѣкоторыя письма Петра Великаго и нѣсколько анекдотовъ, приводя ихъ только какъ анекдоты—небольше. Въ

смыслъ анекдотовъ или біографическихъ деталей указывали мы и на характерныя преданія въ статьяхъ Карабанова. Что же касается до книги Бантыша-Каменскаго, то провѣривъ большинство его показаній письменными источниками, на которые онъ ссылается, мы пришли къ заключенію, что фактическая сторона его біографій вполне достовѣрна; на отвѣтственности Бантыша-Каменскаго лежатъ только его ссылки на устные преданія и рассказы, которые, разумеется, мы не могли провѣрить.

Вопросъ о воцареніи Анны Іоанновны не былъ рассмотрѣнъ вполне научно русскими учеными до 1861 г. Въ этомъ году является небольшая замѣтка покойнаго С. М. Соловьева, впервые ставящая вопросъ этотъ научнымъ образомъ въ русской исторической литературѣ. („Штенцы Петра Великаго“, Русск. Вѣстн. 1861 г., т. XXXIII).

Нельзя считать учеными изслѣдованіями немногія страницы посвященныя воцаренію Анны Іоанновны въ разныхъ историческихъ компиляціяхъ начала вывѣшняго вѣка и двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, вроде „Новаго Ядра Россійской Исторіи“ И. в. Нехачина (3-е изд., М. 1810 г., ч. VIII, стр. 20—26) „Русской исторіи“ С. Н. Глинки (3-е изд., М. 1823 г., ч. VIII, с. 76—78), „Обзора главнѣйшихъ происшествій съ кончины Петра В. до вступленія на престолъ Елизаветы Петровны“ А. Вейдемейера (1-е изд., 1831, 4-е изд. 1848.—См. 4-е изд., ч. I, с. 92—110). Всѣ свѣдѣнія у названныхъ авторовъ изложены, главнымъ образомъ, на основаніи Мавштейна, вслѣдствіе чего игнорируется шляхетское движеніе, выразившееся въ проектахъ и мнѣніяхъ. Общая картина событій представляется въ слѣдующемъ видѣ: Своекорыстные верховники, побуждаемые олигархическими стремленіями, намѣренно обошли прямого и законнаго наслѣдника русскаго престола (голландскаго принца Петра-Ульриха) и избрали самовольно Анну Іоанновну, ограничивъ ея власть, ради своихъ собственныхъ эгоистическихъ интересовъ. Но противъ ихъ замысловъ возстало дворянство и, предводимое княземъ Черкасскимъ, просило императрицу принять самодержавіе.

Съ 1858 года наступаетъ новая эра въ изслѣдованіи русскаго XVIII в. Завѣса тайны, такъ долго скрывавшая его отъ любопытства публики, нѣсколько приподнялась. Было издано множество матеріала и появилась масса монографій и біографій изъ исторіи первой половины XVIII в. Изъ нихъ двѣ монографіи спеціально посвящены восшествію на престолъ императрицы Анны Іоанновны, именно: П. К. Щ е б а л ь с к а г о (Русск. Вѣст. 1859 г., т. XIX, с. 5—64) и І. Н. Ш и ш к и н а. (Сѣверное Сіаніе 1862 г., № 8).

Статья г. Щебальскаго, написанная живо и бойко, кромѣ извѣстныхъ прежде свѣдѣній изъ Манштейна, де-Лиріа, Теофана Прокоповича и друг., заключаетъ въ себѣ новыя для времени ея появленія данныя изъ архивныхъ, неизданныхъ источниковъ (выписокъ изъ дѣла Долгорукихъ, бумагъ Малиновскаго, „Произвольнаго разсужденія“ Татищева, въ то время еще не обнародованнаго), а также изъ только что вышедшихъ тогда за границей мемуара кн. Щербатова „О поврежденіи правовъ въ Россіи“ и сборника „La Cour de Russie“. Изъ послѣдней книги г. Щебальскій черпаетъ особенно обильно. При появленіи своєї статья г. Щебальскаго встрѣчена была, по достоинству, весьма сочувственно. Страдая недостаточнымъ изученіемъ источниковъ, статья эта до сихъ поръ представляетъ интересъ, какъ связаное и въ общихъ чертахъ правдивое изложеніе событій воцаренія Анны Іоанновны. Статья талантливаго писателя по русской исторіи XVIII в. І. Н. Шишкина представляетъ очень хорошо написанный, популярный очеркъ исторіи воцаренія Анны Іоанновны, не сообщающій, впрочемъ, ничего новаго сравнительно со статьею г. Щебальскаго.

Статьей С. М. Соловьева—„Птенцы Петра В.“ (Русск. Вѣстн. 1861 г., т. XXXIII. стр. 5—49), какъ мы уже говорили выше, открывается серія научныхъ трудовъ послѣдняго времени по исторіи воцаренія Анны Іоанновны. Кромѣ сообщенія новыхъ архивныхъ свидѣтельствъ объ этомъ событіи, ученый изслѣдователь исторіи Россіи въ этой небольшой статьѣ освѣщаетъ фактъ воцаренія Анны Іоанновны общимъ историческимъ взглядомъ на реформу Петра и ея послѣдствія. Для С. М. Соловьева воцареніе Анны есть эпизодъ изъ борьбы птенцовъ Петра Великаго съ иностранцами съ одной стороны, и—противниками реформы съ другой.

Въ одинъ годъ со статьей С. М. Соловьева появилась въ Москвѣ магистерская диссертация Н. А. Попова: „Татищевъ и его время“. Событіямъ воцаренія Анны Іоанновны, въ которыхъ Татищевъ принималъ столь дѣятельное участіе, г. Поповъ посвящаетъ въ своей книгѣ цѣлую 2-ю главу (стр. 66—133). Г. Поповъ для объясненія этихъ событий, рассматриваетъ теорію и практику царской власти на Руси съ Іоанна Грознаго и вліяніе на политическія воззрѣнія русскаго шляхетства первой половины XVIII в. политическихъ западно-европейскихъ сочиненій. Затѣмъ онъ излагаетъ фактическую сторону событий преимущественно по де Лиріа, Маньяну, Теофану Прокоповичу и „Произвольному разсужденію“ Татищева (по изданію Погодина въ „Утѣ“ 1859). Политическія мнѣнія шляхетства не разъяснены достаточно и передапы исключительно по одному „Произвольному разсужденію“ Татищева (стр. 111—122).

Весьма любопытныя замѣчанія на вторую главу книги Н. А. Попова встрѣчаемъ въ рецензіи М. Н. Лонгинова. (Р. В. 1861 г., т. XXXIV, Лит. обзор., стр. 108—115). На основаніи шляхетскихъ заявленій, изложенныхъ въ статьяхъ Щербальскаго и Соловьева, и „Произвольнаго разсужденія“ Татищева,—рецензентъ выдвигаетъ на первый планъ въ исторіи воцаренія Анны Іоанновны воззрѣнія шляхетства и даетъ этимъ воззрѣніямъ должную оцѣнку. Также заслуживаютъ вниманія его отзывы о верховникахъ, которыхъ онъ не осуждаетъ безусловно. Г. Лонгиновъ съ сочувствіемъ останавливается на ихъ мысляхъ, выраженныхъ въ кондиціяхъ, объ уничтоженіи конфискацій имѣній и раздачи государственныхъ имуществъ частнымъ лицамъ (стр. 112—113) и даетъ правдивую характеристику личностей „верховниковъ“ (стр. 109).

Въ XIX т. „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ С. М. Соловьева (М. 1869 г.) переданы событія воцаренія Анны Іоанновны на основаніи всего извѣстнаго печатнаго матеріала и новыхъ изслѣдованій автора въ государственномъ архивѣ и главномъ московскомъ архивѣ М. И. Д. (стр. 241—271). Спокойно обсуждая, по своему обычаю, событія, С. М. Соловьевъ представляетъ намъ не полную картину воцаренія Анны Іоанновны, но мастерской очеркъ „умоначертанія“ какъ верховниковъ, такъ и главныхъ вождей оппозиціонной партіи шляхетства. По воззрѣніямъ поч-

теннаго историка, олигархическое правительство верховниковъ ввергло бы Россію въ тѣ же смуты, какія испытали Польша и Швеція; опасеніе именно этихъ смуть руководило сторонниками самодержавія, которые не предусмотрѣли только, что самодержавіе Анны Іоанновны будетъ направляться нѣмцами, отъ которыхъ придется плакать русскимъ людямъ (стр. 217—269).

XIX-й томъ „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева вызвалъ двѣ статьи: 1) рецензію не извѣстнаго автора, „Русскіе верховники прошлаго вѣка“, въ „Вѣстн. Евр.“ 1870 г. (т. I, кн. 2, стр. 245—257) и 2) Е. П. Карновича—„Замыслы верховниковъ и челобитчиковъ въ 1730 году“ (Отеч. Зап. 1872 т. CXIX, отд. I, стр. 209—237; 485—516; кн. 1 и 2).

Статья „Вѣстника Европы“, излагая кратко, по Соловьеву, происшествія съ 19 января по 25 февраля 1730 г., выдвигаетъ на первый планъ верховниковъ, только вскользь упоминая о движеніи шляхетства. Замыслы верховниковъ авторъ статьи считаетъ замыслами олигархическими, враждебно настроенными къ интересамъ русскаго народа (подъ которымъ разумѣетъ однихъ крестьянъ) и видитъ въ стремленіи верховниковъ только продолженіе старинныхъ боярскихъ тенденцій ограничить самодержавіе исключительно ради своей выгоды.

Иначе смотритъ на эти событія г. Карновичъ. Онъ считаетъ преувеличеніемъ обвиненіе верховниковъ въ олигархическихъ замыслахъ и доказываетъ, что ихъ мысль объ ограниченіи самодержавія Анны Іоанновны находила сочувствіе и въ остальномъ шляхетствѣ. Въ движеніи шляхетства г. Карновичъ видитъ лишь выраженіе недовольства на исключительное присвоеніе верховниками права избранія Анны Іоанновны и предложенія ей „кондицій“; право это шляхетство признавало за собой. Г. Карновичъ подробно анализируетъ политическія, экономическія и культурныя условія Россіи XVII в. и первой четверти XVIII в., и замыслы верховниковъ, а равно и притязанія шляхетства,—являются для него логическимъ результатомъ этихъ условій. Въ изложеніи событій у С. М. Соловьева, не смотря на ихъ полноту сравнительно съ предшествовавшими изслѣдованіями, г. Карновичъ видитъ пробѣлы и недомолвки и пытается пополнить то и другое. Статья г. Карновича сообщаетъ изслѣдователю обидь-

ный матеріалъ для размышленій, наводя на очень важныя соображенія, вслѣдствіе чего и является весьма существеннымъ пособіемъ при изученіи исторіи воцаренія Анны Іоанновны.

Изъ иностранныхъ ученыхъ изслѣдованій, въ которыхъ излагается воцареніе Анны Іоанновны, мы остановимся лишь на двухъ, какъ на болѣе замѣчательныхъ, именно—на монографіи І. В. Бартольда: „Anna Ioanowna. Cabinet, Hof, Sitte und gesellschaftliche Bildung in Moskau und St.-Petersburg“,—помѣщенной въ „Historisch. Taschenbuch“ Раумера (1836, Bd. 1, S. 175—396) и на IV-мъ т. „Geschichte des Russischen Staates“ Марбургскаго профессора Германа (Hamb. 1849).

Монографія Бартольда обнимаетъ собою все царствованіе Анны Іоанновны и составлена исключительно по печатнымъ иностраннымъ источникамъ; впрочемъ, списокъ ихъ, приводимый авторомъ въ концѣ, далеко не полонъ. Монографія написана съ тѣми учеными пріемами и съ той тщательностью, съ какими пишутся обыкновенно хорошія нѣмецкія историческія изслѣдованія, хотя Бартольдъ, по своей національности и по малому знакомству съ внутреннимъ положеніемъ страны, симпатизируетъ вполне нѣмецкому правительству Анны Іоанновны. Воцаренію Анны Іоанновны посвящена большая часть III-й главы (с. 229—236); остальная часть этой главы излагаетъ жизнь и характеристику Остермана (с. 236—250). Въ вопросѣ объ ограниченіи власти Анны Іоанновны всѣ симпатіи автора—на сторонѣ императрицы и сторонниковъ самодержавія. Образъ дѣйствій верховниковъ названъ восточнымъ (echt orientalisches), а поступки противниковъ Анны Іоанновны вообще признаются близорукими. Самому замыслу ограниченія самодержавной власти Бартольдъ не придаетъ особаго значенія; о кондичіяхъ онъ только упоминаетъ, не излагая даже сущности ихъ.

Извѣстный изслѣдователь исторіи русскаго XVIII в. профессоръ Германа сообщаетъ въ своей книгѣ вполне ученое и обстоятельное изложеніе воцаренія Анны Іоанновны (с. 538—548). Составленное, главн. образомъ, на основаніи депешъ саксонско-польскаго посла Лефорта, съ добавленіемъ свѣдѣній изъ Маньяна и Шмидтъ-Физельдека, повѣствованіе проф. Германа отличается фактической полнотой и

XLIII

совершеннымъ безпристрастіемъ. Здѣсь впервые обращено должное вниманіе на петиціи шляхетства, изъ которыхъ приводятся главнѣйшія, какъ въ текстѣ, такъ и въ приложеніяхъ. (Русскій переводъ исторіи царствованія Анны Іоанновны Іермана помѣщенъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1866 г., О воцареніи ея, см. с. 1—38).

I.

19 ЯНВАРЯ 1730 ГОДА.

Ковчина Петра II. — Удаленіе трехъ архіереевъ. — Составъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, его засѣданіе въ ночь съ 18 на 19 января и избраніе Анны Іоанновны. — Подробности этого засѣданія и роль въ немъ князя Д. М. Голицына. — Ожиданія генералитета и разговоръ П. И. Ягушинскаго съ княземъ С. Г. Долгорукимъ. — Составленіе «пунктовъ» и ихъ первоначальная редакція — Собраніе генералитета, знатнаго шляхетства и духовенства въ Кремлѣ, утромъ 19 января. — Пересмотръ и дополненіе «пунктовъ». — Назначеніе въ Митаву трехъ депутатовъ и данная имъ инструкція. — Письмо верховниковъ къ Аннѣ Іоанновнѣ. — Окончательная редакція «пунктовъ».

18 января 1730 года первопрестольная русская столица Москва находилась въ очень тревожномъ положеніи. Въ „Лафертовскомъ“ дворцѣ кончалъ жизнь отрокъ-императоръ, 15-ти лѣтній Петръ II, съ которымъ пресѣкалась мужская отрасль дома Романовыхъ. То былъ канунъ дня, назначеннаго для его бракосочетанія съ княжною Екатериною Долгорукою.

Понятна тревога столицы, понятны тѣ страхи, которые рисовались напуганному воображенію москвичей, столько разъ испившихъ уже горькую чашу „нестроений земскихъ“ отъ „перемѣнъ“ на „верху“. Москвѣ приходилось постоянно начинать эту чашу; на ея долю выпадалъ всегда первый глотокъ—самый горькій. Люди родословные, и книжники, и грамотники московскіе—припоминали то время, когда замутилась вся земля русская, когда настала великая смута, послѣ того какъ умеръ въ Угличѣ меньшей сынъ грознаго царя. Смуты стрѣлецкія были хорошо памяты многимъ старикамъ, а отъ нихъ переходилъ рассказъ къ дѣтямъ и внукамъ. Кто будетъ править царствомъ, когда не станетъ „второго императора?“ какъ и посредствомъ кого устроится

„нарядъ и земское строеніе“ русской земли? Эти вопросы невольно озабочивали и смущали всѣхъ и каждаго, и каждый рѣшалъ ихъ по своему.

Поздно вечеромъ 18 января къ „Лафертовскому“ дворцу стали съѣзжаться министры Верховнаго Тайнаго Совѣта, сенаторы, генералитетъ, члены синода. Умирающаго государя причастили и соборовали. Онъ впалъ въ безпамятство. Началась предсмертная агонія.

— „Запрягайте сани—я ѣду къ сестрѣ!...“ вскрикнулъ Петръ II въ бреду—и испустилъ духъ. Былъ въ началѣ первый часъ ночи на 19-е января.

Странное стеченіе обстоятельствъ поражаетъ насъ при кончинѣ отрока-императора. Сынъ злосчастнаго царевича Алексѣя Петровича, ненавистника и хулителя иноземныхъ новшествъ Петра Великаго, жилъ, былъ боленъ и преждевременно скончался въ Нѣмецкой Слободѣ, въ домѣ нѣкогда принадлежавшемъ первому другу изъ иноземцевъ царя преобразователя, тому самому женевцу Лефорту, которому на Западѣ долго приписывали самый замыселъ реформы. Въ Нѣмецкой Слободѣ дѣлъ Петра II, первый Петръ, воспиталъ къ себѣ отрицательное отношеніе къ московской дѣйствительности, а въ домѣ Лефорта справлялъ веселые праздники въ честь побѣдъ надъ застарѣлыми московскими обычаями.

Едва успѣли саповники нѣсколько придти въ себя отъ горестнаго впечатлѣнія смерти отрока-императора, какъ господа министры Верховнаго Совѣта и „бывшіе въ то время въ домѣ Его Величества изъ сената и изъ генералитета“—стали между собою о чемъ то перешептываться. Синодальные члены, три архіерея, соборовавшіе императора: Теофанъ Прокоповичъ, Георгій Дашковъ и Теофилактъ Лопатинскій—собрались уходить. Ихъ остановилъ фельдмаршалъ кн. Долгорукой. Именемъ прочихъ онъ просилъ архіереевъ „поумѣнкатъ немного, внушая, что скоро имѣетъ быть совѣтованіе о избраніи государя новаго“. Затѣмъ онъ ушелъ въ отдѣльную палату къ сановникамъ и, возвратившись черезъ нѣсколько времени, объявилъ архіереямъ новое рѣшеніе.

— „Верховному Совѣту“ — говорилъ фельдмаршалъ— „заблагодарасудилось къ находящему дню (19 января) быть всѣхъ чиновъ собранію въ 10-мъ часу по полуночи, когда

и они, архіереи, изволили бы прибыть сами и другихъ бы, какъ архіереевъ, такъ и тѣхъ архимандритовъ, которые состоятъ сиподальными членами, съ собою привели бы“.

Архіереи уѣхали изъ дворца, весьма основательно замѣтивъ „уже въ самомъ семъ поступкѣ вѣкую хитрость, ибо верховные (члены Верховнаго Совѣта) и другіе начальники тамъ (т. е. во дворцѣ) остались“⁽¹⁾.

Верховный Тайный Совѣтъ состоялъ въ то время собственно изъ пяти членовъ, которые на официалномъ языкѣ назывались тогда министрами. То были: канцлеръ графъ Гаврила Ивановичъ Головкинъ, вице-канцлеръ и старшій гофмейстеръ умершаго императора, баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ, второй гофмейстеръ, князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой, князь Василій Лукичъ Долгорукой и князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ. Засѣдалъ также въ Совѣтѣ, по званію министра не имѣлъ, сибирскій губернаторъ, князь Михаилъ Владиміровичъ Долгорукой. Онъ прибылъ къ ожидаемому бракосочетанію своей племянницы, княжны Екатерины Долгорукой, съ Петромъ II. Всѣ эти лица находились во дворцѣ во время кончины императора. Кромѣ нихъ въ то время находились во дворцѣ слѣдующія лица изъ сената и генералитета: три фельдмаршала—князь Василій Владиміровичъ Долгорукой, князь Михаилъ Михайловичъ-старшій Голицынъ и князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой; трое князей Долгорукихъ—сенаторъ Иванъ Григорьевичъ, камергеръ Сергѣй Григорьевичъ и ихъ племянникъ, оберъ-камергеръ и фаворитъ Петра II, Иванъ Алексѣевичъ; шталмейстеръ Павелъ Ивановичъ Ягупинской и генералы—Иванъ Ильичъ Дмитріевъ-Мамоновъ и Левъ Васильевичъ Измайловъ. Остальные лица „изъ сената и изъ генералитета, которые при томъ, въ домѣ его Императорскаго Величества случились“ (какъ выражается современный официалный актъ)—по именамъ не извѣстны, но, по всей вѣроятности, въ числѣ ихъ были всѣ первенствующіе придворные чины.

Министры Верховнаго Совѣта, пригласивъ съ собою князя Михаила Владиміровича Долгорукаго и двухъ фельд-

⁽¹⁾ Черновые журналы В. Т. С., Госуд. Арх., разд. III, дѣло № 5, л. 3.—Сказ. Θεοφ. Прокоповича, стр. 186—187.

маршаловъ—Долгорукаго и Голицына, удалились въ особую камору для совѣщанія о томъ, кому быть государемъ на Руси. Третій фельдмаршалъ, князь Трубецкой, и всѣ остальные „изъ сената и генералитета“--остались дожидаться рѣшенія „осьмичнаго совѣта“ (какъ называлъ это собраніе Ѳеофанъ Прокоповичъ).

Весьма любопытны дошедшія до насъ подробности объ этомъ ночномъ засѣданіи.

Князья Долгорукие были очень взволнованы, особенно князь Алексѣй Григорьевичъ, отецъ „государыни-невѣсты“, княжны Екатерины. Онъ заявилъ, что Петръ II оставилъ завѣщаніе, которымъ „вслѣдіе“ престола передаетъ по своей кончинѣ обрученной своей невѣстѣ, но встрѣтилъ рѣзкія возраженія; со стороны князя Дмитрія Михайловича Голицына и двухъ фельдмаршаловъ—Голицына и Долгорукаго.

Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ обратился къ собранію съ слѣдующими словами:

— „Мужская отрасль императорскаго дома пресѣклась“, говорилъ онъ, „и съ нею пресѣклось прямое потомство Петра I. Нечего думать о его дочеряхъ, рожденныхъ до брака съ Екатериной; завѣщаніе Екатерины I не можетъ имѣть для насъ никакого значенія. Эта женщина низкаго происхожденія (князь Голицынъ выразился гораздо рѣзче) не имѣла викакого права возсѣсть на російскій престолъ, тѣмъ менѣе располагать короной російской. Завѣщаніе покойнаго императора подложно“.

Князь Василій Лукичъ Долгорукой хотѣлъ возразить Голицыну, но фельдмаршалъ Долгорукой остановилъ его рѣзкимъ движеніемъ, и громко, голосомъ полнымъ энергіи и убѣжденія, воскликнулъ:

„Да, это завѣщаніе подложно! Никто не въ правѣ вступать на престолъ, когда находятся на лицѣ женскіе члены императорскаго дома. Всего справедливѣе и разумнѣе было бы избрать государыню-бабку, царицу Евдокію Ѳеодоровну“.

— „Я воздаю полную дань достоинствамъ вдовствующей царицы“—снова началъ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ,—„но она только вдова государя. Есть дочери царя, три дочери царя Ивана. Избраніе старшей изъ нихъ, Екатерины Ивановны, привело бы къ затрудненіямъ. Сама она добрая женщина, но ея мужъ, герцогъ мекленбургскій, золъ и сумасброденъ. Мы забываемъ Анну Ивановну, гер-

погнню курляндскую—это умная женщина; правда, у нея тяжелый характеръ, по въ Курляндіи на нес пѣтъ псевдовольстій“.

Голицына поддержалъ князь Василій Лукичъ Долгорукой.

— „Ваша воля“, закончилъ князь Голицынъ свою рѣчь, обращаясь къ остальнымъ членамъ собранія „кого изволите, только надобно *себѣ полегчить*“.

— „Какъ это полегчить?“—спросилъ канцлеръ Головкинъ.

— „Такъ полегчить, *чтобы воли себѣ прибавить*“—отвѣчалъ князь Голицынъ.

— „Хоть и зачнемъ, да не удержимъ этого“—возразилъ князь Василій Лукичъ Долгорукой.

— „Право удержимъ!“ утверждалъ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ.

Никто не отвѣчалъ ему на это, но на избраніе курляндской герцогини согласились всѣ.

Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, видя, что вопросъ о томъ, чтобы „воли себѣ прибавить“, не разсматривается, снова замѣтилъ:

— „Будь воля ваша, только надобно, написавъ, послать къ ея величеству *пункты*“⁽²⁾.

Въ то время, какъ происходило совѣщаніе восьми савонниковъ,—въ другой залѣ Лефортовскаго дворца съ нетерпѣніемъ и злорадствомъ ожидали ихъ рѣшенія „особы изъ

⁽²⁾ Записка кн. П. П. Долгорукаго, въ „Memoires du pr. P. Dolgoroukow“. I, p. 303—306. — Показанія кн. В. А. Долгорукаго 6 ноября 1739 года. Госуд. Арх. разд. VI, д. № 181, ч. I, л. 243—246. — Саксонско-польскій посланникъ Лефортъ доносилъ своему правительству ²⁰/₃₁ января: „Фельдмаршалъ Долгорукій объявилъ въ присутствіи всего собранія, что, пока будетъ жива хотя единая отрасль царскаго рода, онъ не позволитъ Долгорукимъ помогать престолу, котораго добивался князь Алексѣй дся своей дочери, невѣсты царя. Такимъ образомъ, вслѣдствіе этого событія снова соединились старинные роды князей Долгорукихъ и князей Голицыныхъ“. (См. Сборн. Русск. Ист. Общ., т. V, с. 343.) — Подробнѣе объ этомъ застѣданіи Верховнаго Совѣта см. въ депешѣ датскаго посла Вестфалена, № 4, (III-е приложеніе къ настоящему изслѣдованію). — Сообщенія Вестфалена представляютъ любопытный варіантъ къ подробностямъ, находящимся у насъ въ текстѣ.

сената и генералитета". Подробности всего бывшего въ этой залѣ во время совѣщанія до насъ не дошли. Намъ извѣстна только одна весьма характеристичная сцена, указывающая на настроеніе умовъ дожидавшихся сенаторовъ и генераловъ.

Павель Ивановичъ Ягушинской, генераль-прокуроръ Петровскаго сената и любимецъ перваго императора, подошелъ къ камергеру князю Сергѣю Григорьевичу Долгорукому, увелъ его въ сосѣднюю комнату и, стоя съ нимъ у окна, велъ бесѣду о предметѣ совѣщаній верховниковъ.

— „Мнѣ съ миромъ бѣда не убытокъ“, заключилъ свою бесѣду Ягушинской, „но долго-ли намъ терпѣть, что намъ головы сѣкутъ; теперь время, чтобъ самодержавію не быть!“

— „Не мое то дѣло, я въ таковое дѣло не плетусь, ниже о томъ думаю“, отвѣчалъ князь Долгорукой уклончиво и робко.

На этомъ и прекратился ихъ разговоръ.

Въ это время показались восемь рѣшителей судьбы русскаго государства. Всѣ поспѣшили къ нимъ.

Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ объявилъ, „что положили на престолѣ російскомъ быть курляндской герцогинѣ Аннѣ Іоанновнѣ“. Всѣ присутствовавшіе сановники къ этому „склонны были“, какъ замѣчаетъ подлинный оффиціальныи журналъ Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Павель Ивановичъ Ягушинской опять не выдержалъ. Онъ подошелъ къ князю Василю Лукичу Долгорукому и „съ великимъ желаніемъ“ говорилъ ему:

— „Батюшки мои, *прибавьте намъ какъ можно воли!*“

„Говорево уже о томъ было, по то не надо“,—отвѣчалъ ему князь Василій Лукичъ.

Послѣ этого сенаторы и генералитетъ стали расходиться по домамъ.

— „Куда они расходятся?“—спросилъ князь Дмитрій Голицынъ у князя Сергѣя Долгорукаго.

„Пошли всѣ вонъ“,—отвѣчалъ ему тотъ.

— „Надо ихъ воротить, чтобъ не было отъ нихъ чего“,—сказалъ на это Голицынъ.

Князь Сергѣй Долгорукой пошелъ предложить сенаторамъ и генералитету не разѣзжается по домамъ, но князь Дмитрій Голицынъ остановилъ его, сказавъ:

— „Постой, я самъ ихъ возвращу“.

Онъ пошелъ догонять уходящихъ и вскорѣ возвратился вмѣстѣ съ Иваномъ Ильичемъ Дмитріевымъ-Мамоповымъ, Львомъ Васильевичемъ Измайловымъ, Павломъ Ивановичемъ Ягушинскимъ и нѣкоторыми другими, которыхъ не могъ упомнить девять лѣтъ спустя князь Сергѣй Долгорукой, очевидецъ и даже участникъ этой сцены. Но самое его выраженіе „и другіе, а кто именно того не упомяну“ даетъ поводъ предполагать, что не всѣ сенаторы и генералы, бывшіе во дворцѣ, вернулись съ Голицынымъ, что иные разѣхались по домамъ, весьма естественно тая злобу противъ „министровъ“ за то, что тѣ не пригласили и ихъ на совѣщаніе. Во главѣ этихъ недовольныхъ былъ фельдмаршалъ, князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой.

Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ сталъ разговаривать съ возвратившимися генералами. Что говорили генералы, князь Долгорукой не слышалъ, а князь Голицынъ сообщалъ имъ „что станетъ-де писать пункты, чтобъ не быть самодержавствію“. Объ этихъ-то „пунктахъ“ онъ и совѣщался съ ними, имѣя полное основаніе бояться утаить отъ нихъ эти пункты. Мы увидимъ въ послѣдствіи, какъ Ягушинской и другіе „изъ сената и генералитета“ отплатили Голицыну и Долгорукимъ за ихъ неосмотрительность въ этомъ дѣлѣ (*).

Современный officialный протоколъ Верховнаго Тайнаго Совѣта такъ излагаетъ описанныя здѣсь событія:

„Егда всепресвѣтлѣйшій великій государь Петръ второй, императоръ и самодержецъ Всероссійскій, отъ временнаго въ вѣчное блаженство сего генваря 18 въ 1-мъ часу по полуночи отъиде, въ тожъ время верховный тайный совѣтъ, генераль-фельдмаршалы, духовный синодъ, такожъ изъ сената и изъ генералитета, которые при томъ въ домѣ Его Императорскаго Величества быть случились, имѣли разсужденіе о избраніи кого на Россійской престолъ, и поже императорское мужескаго колѣна наслѣдство пресѣклось, того ради разсудили оной поручить рожденной отъ крови царской, царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ, герцогинѣ курляндской“ (*).

(*) Допросъ кн. Серг. Гр. Долгорукаго 6 ноября 1739 г., Госуд. Арх., отд. VI, д. № 181, ч. I, л. 247—249.

(*) Госуд. Арх., отд. III, д. № 6, л. I. Бѣловой протоколъ В. Т. С.

Когда разошлись „бывшіе изъ сената и генералитета“, — восемь сапожниковъ, избравшихъ Анну Іоанновну, снова удалились въ особую палату. На этотъ разъ они собрались въ комнатѣ около той, въ которой скончался Петръ II и занялись составленіемъ „пунктовъ“. Усадивъ за маленький столикъ Василя Петровича Степанова, правителя дѣлъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, верховники начали диктовать ему „пункты“. Диктовали нѣсколько лицъ за разъ и притомъ самые разнообразныя „пункты“, такъ что Степановъ не зналъ что записывать. Болѣе другихъ диктовали князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ и князь Василій Лукичъ Долгорукой.

Виля, что за „разными приказы медлится“, канцлеръ Головкинъ и фельдмаршалъ Михайлъ Михайловичъ Голицынъ обратились съ просьбой къ Андрею Ивановичу Остерману, чтобы тотъ, „яко знающій лучше штиль, диктовалъ“. Осторожный дипломатъ началъ было отговариваться тѣмъ, что онъ, какъ иностранецъ, „въ такое важное дѣло вступать не можетъ“, но затѣмъ, уступивъ общему требованію, сталъ редактировать словесно „пункты“, диктовалъ уже одинъ Василій Лукичъ Долгорукой, и Степанову легко было записывать^(*).

Вотъ эта первоначальная, черновая, редакція „пунктовъ“.

„Черезъ сіе наикрѣпчайше обѣщаемся, что наиглавнѣйшее мое попеченіе и стараніе будетъ не токмо о содержаніи, но и о крайнемъ и всевозможномъ распространеніи православныя нашей вѣры греческаго исповѣданія. Еще обѣщаемся, что понеже цѣлость и благополучіе всякаго государства отъ благихъ совѣтовъ состоитъ, того ради мы нынѣ уже утвержденный верховный тайный совѣтъ въ 8-ми персонахъ всегда содержать и безъ онаго верховнаго тайнаго совѣта согласія:

- 1) Ни съ кѣмъ войны не вчинять.
- 2) Миру не заключать.
- 3) Вѣрныхъ нашихъ подданныхъ новыми податями не отягощать.
- 4) Въ знатныя чины, какъ въ стацкіе, такъ и въ военные, сухопутные и морскіе, выше полковничья ранга—не жаловать, ниже къ знатымъ дѣламъ никого не опредѣлять.
- 5) У шляхетства живота, чести и имѣнія безъ суда не отнимать.
- 6) Вотчины и деревни не жаловать.

(*) Записка В. П. Степанова. «Памятн. Нов. Русск. Истор.» Кашперова, т. I, отд. II, стр. 10—11.

7) Государственные доходы въ расходы не употреблять и всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать» (*).

Основанія этихъ „пунктовъ“ были очень серьезны, а инициатива и порядокъ ихъ составленія до крайности произвольны. Кто уполномочивалъ „восьмилучное“ собраніе ограничивать самодержавную власть избранной въ императрицы курляндской герцогини, кто уполномочивалъ его предложить тѣ, а не другія ограниченія? Никто.—Случайное собраніе сановниковъ, изъ которыхъ почти половина не принадлежала даже къ составу Верховнаго Тайнаго Совѣта, имѣвшаго при Петрѣ II высшее правительственное значеніе—является какимъ-то самозваннымъ учредительнымъ собраніемъ, постановляющимъ новый образъ правленія въ російскомъ государствѣ. Это случайное собраніе, прежде всего, само опредѣляетъ свой составъ подъ именемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, принявъ за нормальное число членовъ именно то число, въ какомъ находилось тогда собраніе, и ставитъ себя выше власти государыни, которая безъ согласія его не можетъ дѣлать самыхъ существенныхъ въ государствѣ распоряженій. Въ этомъ произвольномъ присвоеніи себѣ верховной власти въ странѣ—случайной группой восьми лицъ, никѣмъ не уполномоченной на то дѣло, за которое она взялась, въ той торопливости и въ той тайнѣ, съ которыми производилось составленіе пунктовъ—слѣдуетъ прежде всего искать причину неуспѣха дѣла верховниковъ. Дальнѣйшее ихъ поведеніе, какъ мы увидимъ, имѣло все основаніе возстановлять противъ себя всѣ общественныя группы того времени—и генералитетъ, и шляхетство, и духовенство.

Не подписавъ приведенныхъ нами пунктовъ „за позпотою“, верховники разѣхались по домамъ „на малое время“.

Такъ кончилась почъ съ 18 на 19 января.

Къ 10-ти часамъ утра 19 января почти всѣ верховники съѣхались въ Кремль въ „Мастерскую Палату“, гдѣ имѣлъ обычныя засѣданія Верховный Совѣтъ. Не пріѣхали только князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой, да Андрей Ивановичъ Остерманъ, посѣдившіе въ „Лафертовъ“ дворецъ въ останкамъ умершаго императора. Къ тому времени въ

(*) Госуд. Арх., отд. III, д. № 4, л. 13.

залахъ Кремлевскаго дворца были уже собраны „члены синаода и знатные духовнаго чина, сенатъ, генералитетъ и прочіе военные и стацкіе чины и изъ коллегій не малое число до брегадира“. Старше вельможи, заслуженные сподвижники Петра Великаго—графъ Иванъ Алексѣевичъ Мушинъ-Пушкинъ, князь Иванъ Ѳеодоровичъ Ромодановской и обиженный фельдмаршалъ князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой—и тѣ явились на это собраніе.

„Весь собравшійся сенатъ и генералитетъ и прочіе стацкіе чины до брегадира“ были приглашены верховниками составить съ ними общее собраніе. Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, отъ лица остальныхъ верховниковъ, объявилъ всему собранію, „какъ о кончинѣ Петра II, такъ и о порученіи (официальное выраженіе того времени), російскаго престола государынѣ царевнѣ и спрашивалъ, согласны-ли на то?“ Всѣ отвѣчали утвердительно. Послѣ этого каждому сенатору, генералу и лицамъ изъ шляхетства было вручено по экземпляру особой записки (извлеченіе изъ журнала засѣданія въ ночь съ 18 на 19 января, приведенное нами выше). О „пунктахъ“ не было сказано ни слова⁽⁷⁾.

Испанскій посолъ герцогъ де-Леріа такъ описываетъ это собраніе: „Собраніе открылъ рѣчью князь Дмитрій Голицынъ, какъ самый старшій; хотя при этомъ и находился великій канцлеръ, но онъ имѣлъ такое сильное воспаленіе въ горлѣ, что не могъ говорить. Князь Голицынъ сказалъ, что, такъ какъ Богъ наказалъ ихъ, взявши къ себѣ царя, и такъ какъ эта монархія не можетъ остаться безъ главы, которая бы управляла ею, то онъ думаетъ, что никто не можетъ быть скорѣе государемъ, какъ герцогиня курляндская (Анна Іоанновна) дочь царя Ивана, брата Петра I, и тетка покойнаго, принцесса,—которую,—такъ какъ она од-

⁽⁷⁾ Чернов. журналы В. Т. С., Госуд. Арх. отд. III, д. № 5, л. 3—4: «При вышеписанномъ собраніи».—читаемъ мы въ этомъ журналѣ—изъ членовъ В. Т. С. дѣйствительной тайный совѣтникъ князь Д. М. Голицынъ, какъ о кончинѣ Его Императорскаго Величества, такъ и о порученіи Російскаго Престола государынѣ царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ,—объявилъ всѣмъ и притомъ спрашиваны согласны (ль) тому, на что всѣ при томъ будущіе объявили, что согласны, а кто при томъ былъ, тому врученъ журналъ, особливая записка».

ной и той же крови съ древними государями и украшена всѣми необходимыми качествами,—онъ считаетъ наиболѣе достойною этого и что если они того же мнѣнія, пусть выразятъ это виватами, каковыя всѣмъ собраніемъ и повторились три, или четыре раза, вслѣдствіе того, что всѣ главные министры и генералы признали ее царицей и присягнули ей въ вѣрности ⁽⁸⁾“.

Послѣ этого всѣ приглашенные на собраніе удалились. Остались только господа министры Верховнаго Тайнаго Совѣта, да князья—Михаилъ Михайловичъ-старшій Голицынъ, и Долгорукіе: Василій и Михаилъ Владиміровичи. Они пригласили къ себѣ членовъ синода и прочихъ архіереевъ. Высшимъ іерархамъ было также объявлено объ избраніи Анны Іоанновны, но согласія ихъ спрошено не было. Затѣмъ архіереямъ приказано было, чтобы въ ектесіяхъ имени умершаго императора и обрученной его невѣсты (княжны Екатерины Долгорукой) исключить. Послѣ этого они были отпущены ⁽⁹⁾.

Феофанъ Прокоповичъ говоритъ, что онъ отъ имени духовенства отвѣчалъ верховникамъ, что „не только онъ, но и вся братія его на то согласуютъ, но и желаютъ тотчасъ въ престольной церкви (въ Успенскомъ Соборѣ) при всенародномъ присутствіи торжественнымъ молебствіемъ благодарить всемілостивѣйшему Богу за толикое полученное отъ него дарованіе“.

⁽⁸⁾ «Осмнадцатый вѣкъ», сборникъ Бартенева, кн. III, с. 27—28. Краткія упоминанія о томъ же см. въ депешахъ Лефорта (Сб. Русск. Истор. общ., V, 342—343) и Мардефельда (ib. XV, 404—409).—Лефортъ утверждаетъ, что, по окончаніи собранія въ Кремлѣ, объ избраніи Анны Іоанновны было объявлено войскамъ, а Мардефельдъ, что войска тогда-же присягнули новой императрицѣ. Де-Лирія и Лефортъ относить это собраніе къ 5 ч. утра, Феофанъ Прокоповичъ—къ 10-ти.

⁽⁹⁾ Чернов. журналы В. Т. С., Госуд. Арх., отд. III, д. № 5, л. 3—4. Приводимъ подлинный текстъ относящагося сюда мѣста изъ этого журнала: «Потомъ (послѣ объявленія князя Д. М. Голицына) прочіе всѣ выступили, а остались гг. министры В. Т. С-та, да генералъ-фельдмаршалы и д. т. сов. Кн. Мих. Влад. Долгорукой. И притомъ вступили члены Св. Синода и прочіе архіереи и о вышесказанномъ имъ объявлено; имъ-же приказано, чтобы въ ектеніѣ Императорское Величество и обрученную Его Невѣсту исключить».

Но верховники на это не согласились, что всѣхъ присутствующихъ очень удивило ⁽¹⁰⁾.

Отпустивъ духовенство, верховники занялись обсужденіемъ подробностей избранія Анны Іоанновны. Эти обсуждения были прерваны на короткое время „допущеніемъ въ застѣланіе Совѣта малороссійскаго гетмана Давида Павловича Апостола съ знатною старшиною, а за нимъ царевича грузинскаго Бакара Вахтапгеевича съ дѣтьми. Имъ также было объявлено о кончинѣ императора и о „порученіи россійскаго престола Аннѣ Іоанновнѣ“ ⁽¹¹⁾.

Прежде всего верховники занялись дополненіемъ составленныхъ ночью пунктовъ. Многія прибавки къ нимъ привезли князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ и князь Василій Лукичъ Долгорукой и велѣли включить ихъ въ текстъ „пунктовъ“.

Прибавки эти были слѣдующія:

Во вступленіи къ „пунктамъ“ вставлено: „Также по принятіи короны россійской, въ супружество во всю мою жизнь не вступать и наслѣдника, ни при себѣ, ни по себѣ никого неопредѣлять“. Къ 4-му пункту прибавлено: „и гвардіи и прочимъ войскамъ быть подъ вѣдѣніемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта“. 7-й пунктъ первой редакціи поставленъ 8-мъ, а 7-й пунктъ написанъ вповь: „При дворѣ своемъ придворныхъ чиновъ изъ иноземцевъ не держать“. За пунктами слѣдовала новая, небывшая прежде, приписка: „а буде что по сему обѣщанію не исполню и не додержу, то лишена буду короны россійской“.

При вторичномъ пересмотрѣ этой дополненной редакціи, явились еще нѣкоторые важныя измѣненія. Такъ вступленіе къ кондиціямъ было значительно дополнено. Начало этого вступленія написано совершенно вновъ. Редакція 7-го пункта была изложена въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „въ придворные чины, какъ русскихъ, такъ и иноземцевъ, безъ совѣту Верховнаго Тайнаго Совѣта не производитъ“. Кромѣ

⁽¹⁰⁾ Сказаніе Теоф. Прокоповича, с. 189—190.

⁽¹¹⁾ Госуд. Арх., Чернов. журналы В. Т. С., л. 4.

того есть нѣсколько мелкихъ, большею частью редакціонныхъ, измѣненій и въ другихъ пунктахъ ⁽¹²⁾).

Затѣмъ былъ составленъ манифестъ, или объявленіе отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта о кончинѣ Петра II и объ избраніи Анны Іоанновны.

Пункты, названные въ окончательной редакціи „кондиціями“, предполагено было отправить къ Аннѣ Іоанновнѣ въ Митаву съ тремя депутатами отъ Верховнаго Совѣта, сената и генералитета. Фельдмаршалъ Долгорукой предложилъ еще четвертаго депутата—отъ духовенства, но встрѣтилъ рѣзкое возраженіе со стороны князя Дмитрія Михайловича Голицына. — „Нѣтъ!“ говорилъ тотъ съ жаромъ, „духовенство не заслужило никакого уваженія. Оно опозорило себя согласіемъ на водареніе Екатерины (первой), не имѣвшей на то никакого права“.

Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ предложилъ назначить депутатами князя Василя Лукича Долгорукаго, какъ хорошо извѣстнаго Аннѣ Іоанновнѣ и своего меньшаго брата, князя Михаила Михайловича-младшаго Голицына, сенатора. Тогда канцлеръ Головкинъ, съ своей стороны, предложилъ третьяго депутата, генерала Леонтьева, своего родственника ⁽¹³⁾.

Составлены были инструкціи депутатамъ и письмо отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, которое они должны были передать Аннѣ Іоанновнѣ.

Къ сожалѣнію, эта инструкція не дошла до насъ, по соображаясь съ дѣйствіями депутатовъ въ Митавѣ и съ дальнѣйшими распоряженіями Верховнаго Тайнаго Совѣта, можно заключить, что, приблизительно, въ ней заключались слѣдующія наставленія: 1) Вручить Аннѣ Іоанновнѣ „кондиціи“ совершенно наединѣ, безъ присутствія постороннихъ. 2) Слѣдить строго за тѣмъ, чтобы ей не было сообщено какихъ либо вѣстей изъ Москвы помимо депутатовъ. 3) Объяснить ей, что „кондиціи“ заключаютъ въ себѣ волю и жела-

⁽¹²⁾ Госуд. Арх., д. № 4, л. 14—16.—Подробности о черновыхъ редакціяхъ «пунктовъ» и объ отношеніи ихъ къ бѣловой редакціи «кондицій» см. въ I-мъ Приложеніи къ настоящему изслѣдованію.

⁽¹³⁾ Чернов. журн. В. Т. С., л. 4—Prince P. Dolgoroukow, *Memoires* I, 345.

ніе всего русскаго народа (въ то время подъ пародоми разумѣлись высшіе полноправные классы общества). 4) Убѣдивъ ее принять „кондиціи“, потребовать отъ нея удостовѣренія въ ихъ исполненіи. 5) По подписаніи ею „кондицій“, прислать ихъ немедленно въ Москву съ однимъ изъ депутатовъ. 6) Стараться о томъ, чтобы она не брала съ собой въ Москву своего камеръюнкера Бирона и вообще никого изъ придворныхъ курляндцевъ. 7) Поторопить Анну Іоанновну пріѣздомъ въ Москву, до чего не будетъ объявлено въ пародѣ о кончинѣ Петра II и о ея избраніи. 8) О всѣхъ дѣйствіяхъ депутатовъ въ Митавѣ, о времени отъѣзда изъ Митавы царевны Анны Іоанновны и о слѣдованіи ея отъ Митавы до Москвы съ каждой станціи доносить Верховному Тайному Совѣту, для чего князю Василию Лукичу Долгорукому выдать „цифривую азбуку“, т. е. условленный цифровой шифръ. 9) Анну Іоанновну отпудь не допускать ѣхать одну, а сопровождать ее депутатами. 10) Озаботиться, чтобы, какъ о побѣдѣ депутатовъ, такъ и о переговорахъ ихъ съ Анной Іоанновной, не могли дойти слухи до Петербурга и за границу (14).

Письмо было слѣдующаго содержанія:

«Премилостивѣйшая Государыня! Съ горькимъ собогѣзнованіемъ нашимъ Вашему Императорскому Величеству верховный тайный совѣтъ доносить, что сего настоящаго году, Генваря 18, пополночя въ первомъ часу, вашего любезнѣйшаго племянника, а нашего всемилостивѣйшаго Государя, Его Императорскаго Величества Петра II не стало, и какъ мы, такъ и духовнаго и всякаго чина свѣцкіе люди того жъ времени заблаго разсудили російскій престолъ вручить вашему Императорскому Величеству, а какимъ образомъ Вашему Величеству правительство имѣть, тому сочинили кондиціи, которыя къ Вашему Величеству отправили изъ собра

(14) Чернов. журн. В. Т. С., л. 4.—Инструкція эта вмѣстѣ съ цифровой азбукой упоминается въ современномъ черновомъ реестрѣ бумагъ, находившихся у князя В. А. Долгорукаго въ Митавѣ.—См. Госуд. Арх., отд. III, д. № 6, л. 55—56. Мы возстановили эту инструкцію на основаніи: а) переписки кн. В. А. Долгорукаго съ В. Т. С. во время его посольства въ Митаву (См. о ней въ обзорѣ источниковъ, въ отдѣлѣ «Протоколы и журналы В. Т. С.» в) черновыхъ журналовъ и бѣловыхъ протоколовъ В. Т. С. за это же время и с) преданій о посольствѣ депутатовъ въ Митаву, находящихся у кн. П. В. Долгорукаго (Memoires, I, p. 315) и Малиновскаго («Управленіе Всерос. имперіи» ркп., л. 3).

вія своего съ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ князь Васиіемъ Лукичемъ Долгорукимъ, да съ сенаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ князь Михаіломъ Михаіловичемъ Голицынымъ изъ генераломъ маеоромъ Леонтьевымъ и всепокорно просимъ оныя собственною своею рукою пожаловать подписать и не умедля сюды въ Москву ѣхать и російскій престолъ и правительство воспріять» (1⁶).

Въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, изъ которой требовался паспортъ для проѣзда депутатовъ, было написано намѣренно весьма неопредѣленно и даже темно. Изъ коллегіи требовался паспортъ „отправленному отъ верховнаго тайнаго совѣта изъ членовъ, дѣйствительному тайному совѣтнику князь Васиію Лукичу Долгорукому съ прочими при немъ отправленными персонами *для некоторыхъ дѣлъ* въ княжество Курляндское, въ городъ Митаву“ (1⁶).

Для скорого и безпрепятственнаго слѣдованія депутатовъ велѣно было поставить на всѣхъ ямскихъ станахъ отъ Москвы до Риги по тридцати подводъ; числа подводъ отъ Риги до Митавы означено не было, а опредѣлено выставить ихъ столько, сколько потребуесть князь Васиіій Лукичъ Долгорукой. Какъ о выставкѣ подводъ, такъ и вообще о „послушаніи во всемъ“ Васиію Лукичу Долгорукому, посланы указы губернаторамъ новгородскому и рижскому.

Затѣмъ призванъ въ засѣданіе бригадиръ Полибинъ, завѣдывавшій почтами, и получилъ отъ Верховнаго Совѣта слѣдующій приказъ: 1) оцѣпить всю Москву заставами, поставивъ по всѣмъ трактамъ на разстояніи въ 30-ти верстахъ отъ города по унтеръ-офицеру съ нѣсколькими чело-
вѣками солдатъ, которые обязаны пропускать ѣдущихъ

(1⁶) Госуд. Арх., отд. III, д. № 6, л. 4.—То же письмо находится въ этомъ дѣлѣ и въ копіи (л. 5.) и, кромѣ того, въ черновой редакціи, въ дѣлѣ № 4, л. 11—12. Письмо это напечатано у С. М. Соловьева, «Исторія Россіи». т. XIX, с. 246.—Подписи на письмѣ слѣдующія: «Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшіе рабы: канцлеръ графъ Головкинъ, князь Михаіла Голицынъ (фельдмаршалъ), князь Васиіей Долгорукой (фельдмаршалъ), князь Дмитрій Голицынъ, Андрей Остерманъ, князь Алексѣй Долгорукой».

(1⁶) Главн. Моск. Арх. М. Н. Д.—Журналъ В. Т. С. 19 янв. 1730 г., связка 74, № 2, л. 1.—Манифестъ о кончинѣ Петра II былъ обнародованъ только 9 февраля. Мы приводимъ его въ V-й главѣ нашего изслѣдованія.

изъ Москвы только съ паспортами, выданными отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта; 2) изъ ямскаго приказа, завѣдывающаго почтами, никому не выдавать ни подвозъ, ни подорожныхъ и пикуда не посылать эстафетъ; 3) вольнонаемнымъ извозчикамъ наниматься запретить; 4) провѣдывать не проѣхалъ ли кто, по какимъ подорожнымъ и куда, изъ Москвы 18 января, и буде кто проѣхалъ, то записывать по чьимъ подорожнымъ ⁽¹⁷⁾.

Въ этомъ же засѣданіи Верховный Тайный Совѣтъ избралъ въ свои члены „двухъ первыхъ генералъ-фельдмаршаловъ“—князей Долгорукаго и Голицына, узаконивъ этимъ избраніемъ ихъ фактическое участіе въ двухъ засѣданіяхъ Совѣта 19 января ⁽¹⁸⁾.

Порѣшивъ всѣ эти дѣла, верховники разѣхались по домамъ, куда имъ доставлены были для подписи: кондиціи, письмо къ Аннѣ Іоанновнѣ и инструкція депутатамъ. Къ князю Алексѣю Григорьевичу Долгорукому и Остерману, не присутствовавшимъ въ утреннемъ засѣданіи 19 января, возилъ эти акты на домъ для подписи, по приказанію остальныхъ верховниковъ, правитель дѣлъ Верховнаго Тайнаго Совѣта Василій Петровичъ Степановъ. Остерманъ подписалъ только письмо—остальныхъ документовъ не подписалъ. На это онъ имѣлъ свои причины, какъ увидимъ впоследствии, весьма основательныя. Онъ заболѣлъ именно 19 января и съ того времени не ѣздилъ въ засѣданія Верховнаго Совѣта. Враги вице-канцлера увѣряли, что болѣзнь была притворная, но было отъ чего въ самомъ дѣлѣ заболѣть человѣку дѣйствительно привязанному къ безвременно погибшему своему питомцу отроку-императору. Систематическій умъ ученаго вѣнца былъ совсѣмъ сбивъ съ толку. Остерманъ не могъ понять какъ можно было такъ легкомысленно и опрометчиво дѣйствовать въ столь важномъ дѣлѣ, какъ дѣйствовали русскіе вельможи 19 января 1730 г.

Въ 8 часовъ вечера 19 января были вручены князю Василю Лукичу Долгорукому кондиціи, письмо, инструкція

⁽¹⁷⁾ Госуд. Арх., Чернов. журн. В. Т. С., л. 4—5.

⁽¹⁸⁾ Ibid. л. 6.—«Оба фельдмаршала—Голицынъ и кн. Долгорукой—пишетъ прусскій посланникъ Мардефельдъ 2 февраля н. ст., «вошли по собственному авторитету членами В. Т. С. Первый сказалъ, что имъ предлагается быть членами упомянутого совѣта, ибо никто изъ засѣдающихъ въ немъ не понимаетъ военнаго дѣла». (Сб. Русск. Ист. Общ., т. XV, с. 404).

и цифирная азбука. Поздно вечеромъ того же дня три депутата выѣхали изъ Москвы въ Митаву ⁽¹⁹⁾.

Такъ закончился первый день по кончинѣ послѣдняго изъ мужской отрасли дома Романовыхъ.

Окончательная редакція „кондицій“, врученная князю Василию Лукичу Долгорукому, заключала въ себѣ дальнѣйшую, подробную переработку третьей, черновой, редакціи „пунктовъ“. Она начиналась слѣдующимъ вступленіемъ:

«Понеже, по волѣ всемогущаго Бога и по общему желанію русскаго народа, мы, по преставленіи всепресвѣтѣйшаго, державнѣйшаго великаго Государя Петра втораго, Императора и Самодержца Всероссійскаго, нашего любезнѣйшаго Государя племянника, императорскій всероссійскій престолъ воспріяли и, слѣдуя божественному закону, правительство свое такимъ образомъ вести намѣрена и желаю, дабы оное въ началѣ къ прославленію Божескаго имени и къ благополучію всего нашего государства и всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ служить могло». — «Того ради», — продолжаетъ эта окончательная редакція, — «черезъ сіе наискрѣпчайше общаемся, что наиглавнѣйшее мое попеченіе и стараніе будетъ не только о содержаніи, но и о крайнемъ и всевозможномъ распространеніи православныя нашей вѣры греческаго исповѣданія, такожде, по принятіи короны руссійской, въ супружество во всю мою жизнь не вступать и наслѣдника, ни при себѣ, ни по себѣ никого не опредѣлять. Еще общаемся, что понеже цѣлостъ и благополучіе всякаго государства отъ благихъ совѣтовъ состоитъ, того ради мы нынѣ уже учрежденный верховный тайный совѣтъ въ восьми членахъ всегда содержать и безъ онаго верховнаго тайнаго совѣта согласія»:

Затѣмъ слѣдуютъ пункты въ томъ же порядкѣ, какъ и въ первоначальной, черновой, редакціи, съ слѣдующими измѣненіями:

- 1) Ни съ кѣмъ войны не вѣчинять.
- 2) Мѣру не заключать.
- 3) Вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими новыми податми не отягощать.
- 4) Въ знатнѣе чины, какъ въ статскіе, такъ и въ военныя, сухопутныя и морскіе, выше полковничья ранга не жаловать, ниже къ знатымъ дѣламъ никого не опредѣлять, и гвардіи и прочимъ полкамъ быть подъ вѣдѣніемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта.
- 5) У шляхетства живота и имѣнія и чести безъ суда не отымать

⁽¹⁹⁾ Государ. Арх.—Чернов. журн. В. Т. С., л. 5.—Снес. выше примѣч. 14-е; см. Записку В. П. Степанова, с. 11.

6) Вотчины и деревни не жаловать.

7) Въ придворные чины, какъ русскихъ, такъ и иноземцевъ, безъ совѣту Верховнаго Тайнаго Совѣта не производить.

8) Государственные доходы въ расходъ не употреблять—

И всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать. А буде чего по сему общанію не исполню и не додержу, то лишена буду короны росиской⁽²⁰⁾.

⁽²⁰⁾ Госуд. Арх., разд. III, д. № 6, л. 28.—Подробности объ окончательной редакціи «кондицій» см. въ приложеніи I-мъ къ настоящему изслѣдованію.

II.

ВЕРХОВНИКИ И ГЛАВНѢЙШІЕ ИХЪ ПРОТИВНИКИ ИЗЪ ГЕНЕРАЛИТЕТА И СИНОДА.

Политическое значеніе князей Долгорукихъ и Голицыныхъ и ихъ предки и старшіе родственники XVII в.—Князья Долгорукіе и Голицыны въ Верховномъ Совѣтѣ въ 1730 году.—Г. И. Головкинъ и А. И. Остерманъ.— П. И. Ягушинской, князь И. Ю. Трубецкой и графъ И. А. Мусинъ-Пушкинъ.— Князь М. М. Голицынъ-младшій и М. И. Леонтьевъ.—
 Феофанъ Прокоповичъ, Феофилактъ Лопатинскій и Георгій Дашковъ.

Князья Долгорукіе и Голицыны, составлявшіе большинство „верховниковъ“, являются главными дѣятелями въ безгосударное время по смерти Петра II—не произвольно и не случайно. Ихъ происхожденіе, ихъ жизнь—воспитывали въ нихъ именно ту политическую роль, которую они разыграли 19 января. Ихъ политическія задачи складывались постепенно, изъ рода въ родъ, переходя по наслѣдію отъ предковъ, развиваясь подъ вліяніемъ различныхъ условій ихъ воспитанія и политической карьеры.

Обращаясь къ своимъ семейнымъ преданіямъ, князья Долгорукіе и Голицыны съ гордостью могли остановиться на вѣкоторыхъ изъ своихъ предковъ, сослужившихъ службу родной землѣ. Но помимо семейныхъ преданій, они по природѣ своей не могли отрѣшиться отъ „умоначертанія“ этихъ предковъ: они были „плоть отъ плоти, кость отъ кости“ Голицыныхъ и Долгорукихъ XVII в. Въ ихъ жилахъ текла кровь тѣхъ Долгорукихъ, которые защищали Московское царство въ лихолѣтье смутнаго времени, и которые сжигали мѣстническія книги, а затѣмъ составляли родословія бояръ; тѣхъ Голицыныхъ, которые презрительно и гордо смотрѣли на потомка татарина мурзы Чета, надѣвшаго

шапку Мономаха, которые изъ патриотизма отвергали скипетръ и корону и возбуждали завистливую ненависть въ Петръ Великомъ. Конечно, не всѣ они въ равной мѣрѣ унаслѣдовали качества и достоинства своихъ предковъ, но эти качества и свойства не безслѣдно прошли для нихъ, видоизмѣнившись сообразно ихъ субъективнымъ свойствамъ и условіямъ вѣка, въ который они жили и дѣйствовали. Кроме того, многіе изъ Долгорукихъ и Голицыныхъ 1730 года испытали на себѣ непосредственное вліяніе своихъ старшихъ родственниковъ: многіе изъ нихъ воспитаны ими, на многихъ дѣйствовалъ ихъ примѣръ и возбуждалъ подражаніе. Для того чтобы лучше понять стремленія Долгорукихъ и Голицыныхъ 1730 года, припомнимъ въ общихъ чертахъ жизнь, дѣятельность и характеръ нѣкоторыхъ изъ предковъ и родственниковъ ихъ XVII в., вѣка знаменательнаго въ исторіи русской политической организаціи. Въ теченіе этого вѣка три поколѣнія князей Долгорукихъ и Голицыныхъ представляютъ изъ среды своей замѣчательныхъ, но различныхъ по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, политическихъ дѣятелей.

Въ началѣ и во все продолженіе XVII в. выдаются члены младшей линіи князей Долгорукихъ, предки князя Василя Владиміровича; старшая же линія,—предки кн. Василя Лукича и князя Алексѣя Григорьевича,—выступаютъ на историческую арену въ концѣ XVII в.

Начало XVII в., смутное время Московскаго государства—памятно въ семейныхъ преданіяхъ кн. Долгорукихъ подвигами двухъ ихъ предковъ. Князь Борисъ Григорьевичъ Долгорукой Роща въ 1608 г. мужественно защищалъ Троице-Сергіеву лавру отъ шаекъ „воровскихъ литовскихъ людей“ подъ предводительствомъ Лисовскаго и Сапѣги. Гораздо шире дѣятельность другаго Долгорукаго—князя Владиміра Тимоѣевича, члена боярской думы въ критическое время междоусобицы (1610—1613). Въ то время, какъ большинство бояръ, подъ давленіемъ гетмана Жолкевскаго, избрало въ цари польскаго королевича Владислава, князь Владиміръ Тимоѣевичъ, вмѣстѣ съ княземъ Василиемъ Васильевичемъ Голицынымъ (о которомъ мы скажемъ ниже), былъ сторонникомъ избранія въ цари Михаила Романова. На единственной дочери Владиміра Тимоѣевича Долгорукаго, Маріи Владиміров-

нѣ, женится юный царь Михаилъ Романовъ, но съ небольшимъ черезъ три мѣсяца послѣ свадьбы царица Марія умираетъ скоростипжно отъ отравы. При царяхъ Алексѣй Михайловичъ и сынъ его Ѳеодоръ—особенно выдаются трое Долгорукихъ: князь Юрій Алексѣевичъ, его сынъ князь Михаилъ Юрьевичъ и племянникъ князь Владиміръ Дмитріевичъ. Юрій Алексѣевичъ, женатый на родственницѣ всесильнаго при царѣ Алексѣѣ боярина Морозова, отличался суровымъ нравомъ и страшною жестокостію, съ рѣдкимъ соединеніемъ разнообразныхъ талантовъ: замѣчательнаго криминалиста-практика, техника-артиллериста, администратора и полководца. Его кровавая расправа съ Разинцами сохранилась до нашихъ дней въ памяти народной на Волгѣ и на Дону. Сынъ его, Михаилъ Юрьевичъ, фаворитъ царя Ѳеодора Алексѣевича, занимавшій высокую должность начальника Разряда и женатый на дочери знаменитаго государственнаго чловѣка этого царствованія, кн. Василя Васильевича Голицына,—былъ однимъ изъ выдающихся дѣятелей при уничтоженіи мѣстничества. Отецъ и сынъ пали жертвами перваго стрѣлцкаго мятежа. Извѣстенъ характерный афоризмъ стараго князя Юрія Алексѣевича, при видѣ трупа сына, привезеннаго къ нему стрѣльцами: „Щуку злодѣи съѣли, да зубы остались цѣлыми“. Двоюродный братъ князя Михаила Юрьевича Долгорукаго, князь Владиміръ Дмитріевичъ Долгорукой, женатый на родственницѣ знаменитаго дѣятеля смутнаго времени Прокопія Лапунова, былъ предсѣдателемъ комиссіи, разсматривавшей, по сожженіи мѣстническихъ книгъ, разрядныя записи и составившей изъ нихъ родословныя росписи бояръ, извѣстныя подъ именемъ „Бархатной книги“. Владиміръ Дмитріевичъ сошелъ въ могилу въ началѣ реформаторской дѣятельности Петра Великаго (1701 г.), относясь къ ней сочувственно.

Но болѣе видное мѣсто среди сподвижниковъ Петра занимаютъ представители старшей линіи князей Долгорукихъ, два сына окольничаго, князя Ѳеодора Ѳеодоровича Долгорукаго († 1664), князья Яковъ и Григорій Ѳеодоровичи. Князь Яковъ Ѳеодоровичъ, идеализированный въ семейныхъ преданіяхъ князей Долгорукихъ, былъ искреннимъ патріотомъ, чловѣкомъ прямаго, твердаго и независимаго характера, неподкупной честности и консерватив-

наго образа мыслей. Онъ ѣздилъ посломъ во Францію и Испанію въ знаменательную годину англійской революціи 1688 г и начавшейся во Франціи реакціи противъ деспотизма Людовика XIV-го, а впоследствии участвовалъ съ успѣхомъ въ азовскихъ походахъ Петра Великаго и въ началѣ борьбы его съ Карломъ XII. Взятый шведами въ плѣнъ при несчастномъ разгромѣ русскихъ войскъ подъ Нарвой, князь Яковъ Оеодоровичъ находился въ плѣну у шведовъ почти одиннадцать лѣтъ, посвятивъ эти года основательному изученію государственнаго устройства, законодательства и исторіи Швеціи. По возвращеніи изъ плѣна, (освободиться изъ котораго удалось ему бѣгствомъ), онъ былъ назначенъ сенаторомъ и въ этомъ званіи прославился необычайной честностью, правдивостью и законнымъ образомъ дѣйствій. Онъ умеръ въ глубокой старости въ 1720 году. Его меньшой братъ, князь Григорій Оеодоровичъ, былъ восемнадцать лѣтъ посломъ въ Польшѣ, въ то самое время, когда Рѣчь Посполитая, силою историческихъ событій, отживала свою политическую самостоятельность (съ 1700 по 1712 и съ 1715 по 1720 гг.). Князь Григорій Оеодоровичъ былъ не только свидѣлемъ, но и участникомъ въ фактахъ историческаго разложенія шляхетской республики, представлявшей въ то время печальное зрѣлище: при политической распушенности магнатовъ и шляхты и при придавленности низшихъ классовъ, Польша была раздираема честолюбіемъ двухъ своихъ королей и двухъ сильныхъ сосѣдей—Карла XII и Петра Великаго ⁽¹⁾.

Таковы были самые видные представители двухъ линій князей Долгорукихъ въ XVII в. Обѣ эти линіи заявляютъ себя одновременно въ исторіи и обѣ носятъ различный характеръ. Младшая линія чужда иноземныхъ вліяній, ея чле-

⁽¹⁾ О. кн. Долгорукихъ XVII и XVIII в см. въ «Сказаніяхъ о родѣ князей Долгоруковыхъ», с. 44—87; у А. Kleinschmidt'a: «Russlands Geschichte und Politik dargestellt in der Geschichte des russischen hohen Adels.» Cassel 1877., s. 47—58. Книга Клейншмидта представляетъ весьма толково составленный сводъ свѣдѣній о замѣчательныхъ русскихъ фамиліяхъ, какъ существующихъ въ настоящее время, такъ и угасшихъ. Источники Клейншмидта общеизвѣстны, вслѣдствіе чего въ книгѣ его нельзя искать новыхъ фактовъ, но освѣщеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ весь-

ны являются хранителями традицій стариннаго московскаго боярства: участіе въ избраніи царя волей земли и въ „нарядѣ“ земскомъ—становится семейнымъ преданіемъ этой липіи. Брачные союзы сближаютъ ея членовъ съ Романовыми, князьями Голицыными и съ героемъ земскимъ русскаго безгосударнаго времени Прокопіемъ Ляпуновымъ. Иной характеръ носитъ на себѣ старшая линія. Представители ея отличаются на поприщѣ дипломатическомъ и по долгу живутъ въ чужихъ странахъ: одинъ во Франціи и Швеціи, другой въ Польшѣ—и оба близко знакомятся съ тамошними политическими порядками.

Переходимъ къ князьямъ Голицынымъ.

XVII в. выдвигаетъ на первый планъ двухъ Васильевъ Васильевичей. Одинъ изъ нихъ былъ выдающимся дѣятелемъ смутнаго времени, другой знаменитымъ государственнымъ человѣкомъ въ правленіе царя Феодора Алексѣевича и царевны Софьи.

Василій Васильевичъ Голицынъ-старшій, заклятый врагъ Бориса Годунова, былъ въ числѣ самыхъ ревностныхъ сторонниковъ перваго Лжедмитрія, руководилъ убійствомъ сына и дочери Годунова и предалъ поруганію патріарха Іова, креатуру и клеврета Бориса. Въ междоусобице князь Василій Васильевичъ явилъ собою великій примѣръ патріотическаго самоотверженія. Предложенный патріархомъ Гермогеномъ въ цари, онъ отказался отъ своей кандидатуры въ пользу Михаила Романова, ради спокойствія земскаго, и вызвался самъ ѣхать однимъ изъ пословъ къ Сигизмунду III. Шесть лѣтъ протомился онъ въ плѣну у поляковъ и умеръ на чужбинѣ, не оставивъ потомства. Князь Василій Васильевичъ являлся сторонникомъ не исключительно только боярскихъ стремленій: онъ былъ любимъ духовенствомъ, низшими служилыми людьми и простымъ

ма оригинально, если не ново, и должно быть принято во вниманіе; главное же достоинство книги Клейншмидта заключается въ ея систематичности; по этому она очень пригодна и удобна для справокъ.—Въ своихъ «Memoires», кн. II. В. Долгорукой повторяетъ въ сокращеніи свѣдѣнія, сообщаемыя имъ въ «Сказаніяхъ» о своемъ родѣ.

народомъ, всегда будучи за одно съ самыми популярными дѣятелями: патріархомъ Гермогеномъ, Филаретомъ Романовымъ и Прокопіемъ Ляпуновымъ (*). Его племянникъ въ пятомъ колѣнѣ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, человекъ очень рѣдкихъ умственныхъ способностей и замѣчательнаго для своего времени образованія — заслужилъ отъ иностранцевъ-современниковъ наименованіе „великаго“, а отъ теперешнихъ европейцевъ удивленіе. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ былъ реформаторъ съ широкими замыслами, которые смѣлостью своею опережаютъ возрѣвія его современниковъ на нѣсколько столѣтій. Ему удалось привести въ исполненіе только одну, сравнительно незначительную, реформу — уничтоженіе мѣстничества. Голицынъ мечталъ объ освобожденіи крестьянъ съ землею, о равномѣрной раскладкѣ податей, о расширеніи русской торговли, о завладѣніи Азовомъ и Крымомъ; онъ призывалъ ученыхъ изъ Греціи и Польши, а служивыхъ иноземцевъ изъ Германіи, и стремился образовывать русскихъ служивыхъ людей, заботясь о посылкѣ ихъ за границу; онъ хлопоталъ объ устройствѣ библиотекъ и проповѣдывалъ принципъ свободы совѣсти и религіозныхъ вѣрованій. Князь Василій Васильевичъ въ дѣлѣ сближенія Московскаго государства съ Западомъ былъ не только предтечей, но и соперникомъ Петра Великаго. Быть можетъ, въ этомъ именно и слѣдуетъ искать причину ненависти Петра къ Голицыну, выразившейся въ опалѣ и въ двадцатичетырехъ-лѣтней ссылкѣ послѣдняго (*). Двоюродные братья князя Василія Васильевича, князья Борисъ и Петръ Алексѣевичи Голицыны, были близкими людьми къ Петру Великому. Борисъ былъ воспитателемъ Петра, но по интригамъ Нарышкиныхъ, сосланъ въ почетную ссылку: онъ назначенъ судьей Приказа Казанскаго Дворца и тридцать лѣтъ управлялъ обширными землями быв-

(*) Бантышъ-Каменскій. Словарь достоп. людей, 1836 г., т. II, с. 52—58.

(*) Торошенко. Оп. жизнеоп. сановниковъ, управл. иностр. дѣлами въ Россіи, т. I. — Погодинъ «Воспоминаніе о кн. В. В. Голицынѣ въ сборникѣ «Складчина», Спб. 1874 г., с. 143—158. Погодинъ основывается въ своей статьѣ главнымъ образомъ на свидѣтельствахъ де-ла-Нёвилля, въ его книгѣ: «Relation curieuse et nouvelle de Moscovie». Paris 1698.

шихъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго. Къ сожалѣнію, мы слишкомъ мало знакомы съ личностью кн. Бориса Голяцына, чтобы прослѣдить его вліяніе на послѣдующія идеи преобразователя Россіи, по что оно было—это несомнѣнно. Князь Борисъ умеръ во Флорищевой пустынь, постригшись подъ именемъ Боголѣпа (*).

Познакомившись съ тѣми изъ князей Долгорукихъ и Голицыныхъ XVII в., которые наиболѣе выказали себя на „полѣ ратномъ“ и въ „совѣтѣ земскомъ“, перейдемъ къ ихъ потомкамъ XVIII в.

Представитель старшей линіи князей Долгорукихъ, князь Василій Лукичъ былъ человѣкъ весьма умный и очень образованный. По словамъ испанскаго посла де-Лирія, онъ прекрасно говорилъ на многихъ иностранныхъ языкахъ, а голштинскій посланникъ Бассевичъ считаетъ его человѣкомъ „le plus poli et le plus aimable des Russes de son temps“. Продолжительное пребываніе во Франціи, въ Польшѣ, въ Даніи и Швеціи представляло Василю Лукичу обширное поле для наблюденій и давало большой матеріалъ для размышленій; его практическій умъ не былъ затронутъ тѣмъ просвѣтительнымъ движеніемъ во Франціи, котораго онъ былъ свидѣтелемъ, но близкое знакомство съ тогдашними государственными порядками Франціи, Польши, Даніи и Швеціи—оставило глубокій слѣдъ въ его политическихъ воззрѣніяхъ, выяснивъ ему политическое значеніе аристократіи. Свою фамилію считалъ онъ самою аристократическою въ Россіи и связывалъ съ нею преобладаніемъ мысль о благоденствіи страны. Опытный и искусный дипломатъ, онъ никогда не шелъ къ своей цѣли прямою дорогою и не затруднялся въ выборѣ средствъ для ея достиженія. Въ его нравственныхъ воззрѣніяхъ вообще много іезуетизма, въ образѣ дѣйствій—коварства и лукавства.

Служебная карьера князя Василя Лукича Долгорукаго началась во Франціи при пресловутомъ въ то время дворѣ Людовика XIV-го. Сыпъ стольника и Кіевскаго воеводы, князя Луки Теодоровича, Василій Лукичъ отправился во

(*) Бятышъ-Каменскій. Словарь. 1836., II, 50—53.

Францію въ 1687 г. молодымъ человекомъ, въ свитѣ своего дяди, князя Якова Ѳеодоровича Долгорукаго. Тринадцать лѣтъ пробылъ онъ въ Парижѣ, въ самый разгаръ общественнаго и литературнаго движенія знаменательнаго въ исторіи цивилизаціи новой Европы. Среди расфранченнаго придворнаго общества Версаля, сластолюбивыхъ и деспотическихъ вакханалій стараго короля и льстивой придворной литературы—уже нарождались зачатки будущаго политическаго, общественнаго и умственнаго перерожденія Франціи, а за ней и всей Европы. Англійская революція 1688 года, происшедшая на другой годъ по приѣздѣ Васиція Лукича во Францію, была первымъ толчкомъ для того просвѣтительнаго движенія, которое выразилось въ злой и безпощадной критикѣ Вольтера и въ отрицательной философіи энциклопедистовъ. Но князя Васиція Лукича не охватилъ этотъ вихрь просвѣтительнаго движенія. Во Франціи онъ сдружился съ іезуитами, и аббатъ Июбѣ памель въ немъ впоследствии дѣятельнаго агента для своей католической пропаганды въ Россіи.

XVIII столѣтіе застасть Васиція Лукича въ Польшѣ. Съ 1700 по 1706 годъ состоитъ онъ тамъ при русскомъ послѣ, другомъ своему дядѣ, князѣ Григоріи Ѳеодоровичѣ Долгорукомъ, а въ 1706 и 1707 г. замѣняетъ его. Съ 1707 по 1720 г. Васицій Лукичъ пребываетъ посломъ нашимъ въ Даніи. Дипломатическая миссія его была трудна. Ему нужно было, прежде всего, разорвать союзъ датскаго короля Фридриха IV-го съ Карломъ XII, а затѣмъ укрѣпить союзъ и дружбу Россіи съ Даніей. Онъ достигъ этой цѣли лишь въ концѣ 1709 года, послѣ Полтавской побѣды: 28 октября 1709 года датскій король объявилъ войну Швеціи. Въ 1711, 1712 и 1714 гг. стараніями Васиція Лукича заключены новые союзные договоры Россіи съ Даніей. Въ концѣ 1720 года, Васицій Лукичъ былъ отозванъ изъ Копенгагена и отправленъ посломъ во Францію, къ регенту Филиппу Орлеанскому, хлопотать о посредничествѣ при примиреніи со Швеціей и о признаніи Петра Великаго императоромъ. Первое порученіе Васиція Лукича увѣнчалось успѣхомъ, второе не удалось. Французскій посланникъ въ Швеціи Кампредонъ получилъ приказаніе открыть „негочіацію“, согласную съ желаніемъ Петра Великаго; на признаніе же императорскаго титула за Петромъ Великимъ тогдашній премь-

еръ Франціи, кардиналъ Дюбуа, отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. Регентъ обошелся съ Василіемъ Лукичемъ очень любезно: Парижъ встрѣтилъ радушно своего стараго знакомаго. Въ 1724 году Василій Лукичъ назначенъ полномочнымъ мистромъ въ Варшаву съ порученіемъ защищать на сеймѣ интересы православныхъ въ Литовскомъ великомъ княжествѣ и, подобно тому, какъ во Франціи, помогать признанію за Петромъ императорскаго титула. Кроме этихъ официальныхъ порученій, Василій Лукичъ имѣлъ неофициальное—отъ князя Меншикова: стараться объ избраніи его въ герцоги курляндскіе. Съ этихъ поръ Василій Лукичъ ставится всерднымъ „конфидентомъ“ Ижорскаго князя. По смерти Петра Великаго, лѣтомъ 1725 года, онъ снова ѣдетъ въ Варшаву хлопотать за Меншикова, но безуспѣшно: въ слѣдующемъ году курляндскимъ герцогомъ былъ избранъ Морицъ Саксонскій. Однако пребываніе Василія Лукича въ Митавѣ, по поводу курляндскихъ дѣлъ не осталось безслѣднымъ: оно имѣло важное значеніе не только въ послѣдующей судьбѣ Василія Лукича, но и въ исторіи Россіи. Онъ приобрѣлъ расположеніе вдовствующей курляндской герцогини Анны Іоанновны и явился опаснымъ соперникомъ ея камеръ-юнкера Бирона, только что начинавшаго входить въ силу. Тонкій и опытный дипломатъ, писавшій множество договоровъ и имѣвшій „негоціаціи“ со многими дворами, не попалъ курляндской герцогини Анны Іоанновны, обездоленной судьбой и находившейся въ то время, какъ выражались въ XVIII в., въ „мизерномъ“ положеніи. По своимъ митавскимъ впечатлѣніямъ 1726 года, Василій Лукичъ оцѣнилъ Анну Іоанновну въ 1730 году, взявши ее сторону при вопросѣ, кому быть государемъ по смерти Петра II-го?—и горько ошибся въ своихъ расчетахъ!

Осенью 1726 года Василій Лукичъ отправился въ Стокгольмъ съ важнымъ порученіемъ противодѣйствовать сближенію Швеціи съ Англіей и присоединенію первой къ ганноверскому союзу. Эта миссія ему однако не удалась—Швеція приступила къ союзу. Василій Лукичъ имѣлъ все основаніе сѣпнуть въ Петербургъ, куда онъ, по всей вѣроятности, былъ вызванъ своими родичами, князьями Долгорукими: Алексѣемъ Григорьевичемъ и братомъ его, Сергѣемъ. По воцареніи отрока-императора Петра II-го, князья Долгорукіе, Григорьевичи, измышляли выгодныя для нихъ

„конъюнктуры“ и имъ нуженъ былъ опытный дипломатъ-родственникъ. Василий Лукичъ быстро превращается изъ „конфидента“ Меншикова въ его врага и ловко устраиваетъ сѣть, въ которую улавливается будущій тесть императора. Меншиковъ очутился въ Березовѣ, а на мѣстѣ его дочери, невѣсты императора, явилась двоюродная племянница Василия Лукича, княжна Екатерина Алексѣевна ⁽⁵⁾.

Въ кратковременное правленіе отрока-императора Василия Лукичъ становится членомъ верховнаго тайнаго совѣта и всецѣло предается своимъ фамилінымъ „конъюнктурамъ“. Болѣе всего озабочиваетъ его существенный для Долгорукихъ замыселъ—укрѣпить наслѣдіе російскаго престола за государыней-невѣстой. Во время опасной болѣзни Петра II, въ январѣ 1730 года, у князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго созрѣла мысль о составленіи подложной духовной отъ имени императора въ пользу своей дочери государыни-невѣсты. Князь Алексѣй Долгорукой обратился въ такомъ важномъ дѣлѣ за содѣйствіемъ къ Василию Лукичу, и онъ явился самымъ дѣятельнымъ участникомъ въ составленіи подложной духовной. Въ этомъ замыслѣ, князей Долгорукихъ поддерживалъ датскій посланникъ Вестфаленъ. Данія, ведя вѣковую борьбу за Шлезвигъ съ голштинскими герцогами, была очень озабочена предстоящимъ вопросомъ о русскомъ престолонаслѣдіи. Весьма естественно опасаясь усиленія голштинской давастин, въ ущербъ своимъ интересамъ, въ случаѣ воцаренія въ Россіи, послѣ смерти Петра II, голштинскаго принца Петра-Ульриха, или родной его тетки Елизаветы Петровны,—Данія употребляла все мѣры для отстраненія ихъ отъ престолонаслѣдія. Съ этой цѣлью, датскій посланникъ Вестфаленъ усердно содѣйствовалъ притязаніямъ Долгорукихъ, вліяя преимущественно на князя Василия Лукича, съ которымъ былъ знакомъ еще въ Копенгагенѣ.

У ⁽⁵⁾ О князѣ В. Л. Долгорукомъ см. Бантыша-Каменскаго, Словарь, изд. 1836, т. II, 257—272; «Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ», с. 103—106.—«Eclaircissements» Бассевича, голштинскаго министра, «Magazin für die neuere Geschichte und Geographie», Büsching'a Bd. IX.—Де-Лирія, «Характеристики» ркн., с. 143.—Рукопись Малиновскаго, «Управленіе Всеросс. имперіи во время бывшаго В. Т. С.»—(Дѣятельность Долгорукаго за 1726—1729 гг.)—Дипломатическая дѣя-

„Слухъ носится“,—писалъ ему Вестфаленъ—„что его величество весьма боленъ, и ежели послѣдство російской имперіи будетъ цесаревнѣ Елизаветѣ или голштинскому принцу, то датскому королевскому двору съ Россіею дружбы имѣть не можно, а понеже его величества обрученная невѣста фамиліи вашей, то и можно удержать престолъ за пей, такъ какъ послѣ кончины Петра Великаго двѣ знатныя персоны, а именпо — Меншиковъ и Толстой, государыню императрицу удержали, что и по вашей знатпой фамиліи учинить можно и что вы больше силы и славы имѣете“⁽⁶⁾. Въ вочномъ засѣданіи Верховнаго Совѣта 19 января, какъ мы видѣли, замысль этотъ потерпѣлъ всудачу. Князь Василій Лукичъ, будучи опытнымъ дипломатомъ, даже не намекнулъ на него, а первый поддержалъ князя Д. М. Голицына, высказавшись въ пользу курляндской герцогини Анны Іоанновны.

Старшій сынъ князя Григорія Ѳеодоровича Долгорукаго, князь Алексѣй Григорьевичъ, былъ человекъ ограниченный и тщеславный и не отличался не только гражданскими доблестями, но даже хоть сколько нибудь серьезными политическими соображеніями. Молодость его прошла въ Варшавѣ, гдѣ жилъ онъ при своемъ отцѣ, но изъ общественныхъ нравовъ столицы Рѣчи Посполитой, онъ усвоилъ

тельность Д-го подробно изложена С. М. Соловьевымъ на основаніи дѣлъ Главн. Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, въ его «Исторіи Россіи»: дѣятельность въ Даніи, т. XV, с. 352—353; XVII, с. 3—8, 53, 84—90; 340—344; во Франціи, т. XVII, 334—346; въ Польшѣ, т. XVIII, 88—92; въ Швеціи, т. XIX, с. 63—72.—О дѣятельности кн. В. Л. Долгорукаго въ Курляндіи 1726—1727 гг. см. статью Щебальскаго: «Кн. Меншиковъ и графъ Моричъ Саксонскій», Русск. Вѣсти. 1860 г., т. XXV, с. 5—68.

(6) Госуд. Арх., разд. VI, дѣло № 181, ч. II.—Экстрактъ, что по слѣдствію о Долгорукихъ явилось, 1739 г.—Письмо Вестфалена напечатано Арсеевымъ, въ «Исторіи царств. Петра II», стр. 149—150. Письмо это приводитъ Вестфаленъ въ своихъ депешахъ. См. III-е Приложеніе къ настоящему изслѣдованію, депешу № 1.—Объ участіи кн. В. Л. Долгорукаго въ составленіи подложной духовной находится подробныя свидѣнія въ выше приведенномъ дѣлѣ Государственнаго Архива. Извлеченія изъ этого дѣла напечатаны въ «Памятникахъ Нов. Рус. Ист.» Каширева, т. I, отд. II, стр. 174—193.

лишь напыщенность и своекорыстіе польскихъ магнатовъ. Возвысился онъ при Петрѣ II-мъ, не при помощи собственныхъ дарованій, а благодаря своей дочери княжнѣ Екатеринѣ и своему сыну, князю Ивану Алексѣевичу, любимцу Петра II. Политическіе замыслы князя Алексѣя ограничивались прославленіемъ собственной своей персоны и своей семьи, при помощи брачнаго союза его дочери съ императоромъ. Дальше этихъ узкихъ и эгоистическихъ плановъ онъ не шелъ. Его не волновали патріотическія мечтанія, и въ своихъ семейныхъ преданіяхъ онъ останавливался съ сочувствіемъ лишь на бракѣ царя Михаила Романова съ княжной Марьей Владиміровной Долгорукой. Своимъ возвышеніемъ онъ прежде всего воспользовался для личнаго обогащенія, не разбирая при этомъ средствъ. Онъ грабилъ и государственную казну, и частное достояніе своего пареченнаго зятя—императора, и имущество частныхъ лицъ; такъ, напр., будучи душеприкащикомъ графа Θεодора Матвѣевича Апраксина, онъ похитилъ изъ его имущества многія охотничьи принадлежности и разную мебель для дома въ своей подмосковной, селѣ Горенкахъ, куда любилъ пріѣзжать Петръ II. Когда юный императоръ былъ безнадежно боленъ, онъ не задумался надъ средствомъ для спасенія своего интереса и рѣшился на весьма безчестное дѣло, явившись инициаторомъ въ составленіи подложной духовной Петра II (?).

Представитель младшей линіи князей Долгорукихъ въ 1730 году—фельдмаршалъ князь Василій Владиміровичъ Долгорукой (род. 1667 г.),—консерваторъ и легитимистъ по убѣжденіямъ политическимъ, человекъ старо-русскій и православный по воззрѣніямъ, является на ряду съ кн. Голицыными, однимъ изъ лучшихъ представителей московскаго боярства XVII в. Чуждый лукавства и криводушія, не входившій ни въ какіе компромиссы и „конъюнктуры“, непричастный олигархическимъ замысламъ своихъ родичей князей Долгорукихъ, (Василія Лукича и Алексѣя Григорьевича), онъ дѣйствовалъ всегда на чистоту и по-

(?) «Сказ. о родѣ князей Долгоруковыхъ», стр. 87.—Госуд. Арх., разд. VI, д. № 164. «Дѣло о ссылкѣ князей Долгорукихъ и описи ихъ пожитковъ», (1730—1741 гг.) л. 575 и слѣд.

стоянно, не взирая ни на какія обстоятельства, прямо говорилъ правду. Онъ былъ честенъ и храбръ, и дѣло у него никогда не расходилось со словомъ. Испанскій посолъ де-Лиріа, рѣзкій въ своихъ отзывахъ и скупой на похвалу,—даетъ слѣдующую характеристику князя Василя Владиміровича: „Фельдмаршалъ князь Долгорукой“, говоритъ онъ, „былъ человѣкъ съ умомъ и значеніемъ, честный и достаточно свѣдущій въ военномъ искусствѣ. Онъ не умѣлъ притворяться, и его недостатокъ заключался въ излишней откровенности и искренности. Онъ былъ отваженъ и очень тщеславенъ,—другъ ревностный, врагъ непримиримый. Онъ не былъ открытымъ противникомъ иностранцевъ, хотя не очень ихъ жаловалъ. Вѣлъ онъ себя всегда благородно, и я могу сказать, по всей справедливости, что это былъ русскій вельможа, болѣе всѣхъ приносившій чести своей родинѣ“^(*).

Молодость князя Василя Владиміровича прошла въ Малороссіи, гдѣ отецъ его, кн. Владиміръ Дмитріевичъ, былъ городовымъ воеводою (съ 1682 по 1689). Тетка его, Дарья Дмитріевна, была замужемъ за гетманомъ Иваномъ Мартыповичемъ Бруховецкимъ, самъ же Василій Владиміровичъ служилъ одно время въ корпусѣ Мазепы, а затѣмъ состоялъ при Скоропадскомъ. Находясь, такимъ образомъ, по родственнымъ и служебнымъ отношеніямъ своего отца и своимъ собственнымъ, въ близкой связи съ малороссійской старшиной, князь Василій Владиміровичъ имѣлъ случай хорошо ознакомиться съ особенностями „гетманщины“ и съ своеобразнымъ общественнымъ укладомъ „казаковъ - лицарей“. На ряду съ впечатлѣніями украинскаго самоуправленія, онъ находился подъ вліяніемъ московскихъ боярскихъ традицій и преданій о подвигахъ земли русской въ смутную годину междоусобицъ. Князь Василій Владиміровичъ отличался храбростью во время шведской войны и прутскаго похода, за что высоко цѣнилъ его Петръ Великій, еще болѣе уважавшій въ немъ честность и прямоту. Петръ Великій избралъ князя Василя въ предсѣдатели комиссіи для разсмотрѣнія злоупотребленій кн. Меншикова, и

(*) «Характеристики» де-Лиріа, ркп., стр. 117.

князь Ижорскій былъ жестоко, по справедливо обвиненъ Долгорукими. Наступилъ 1718 годъ, ознаменованный въ русскихъ лѣтописяхъ небывалымъ дѣломъ — розыскомъ наследника престола, царевича Алексѣя Петровича. Въ числѣ близкихъ къ царевичу людей оказался и князь Василій Владиміровичъ Долгорукой, охулявшій Петра Великаго за излишество и жесткость его реформъ. На него падало сильное подозрѣніе въ пособничествѣ царевичу къ побѣгу за границу. Долгорукой былъ лишенъ чинъ и имѣній и сосланъ въ Соль-Камскую (Соликамскъ). Участь его была улучшена лишь въ 1724 году, въ день коронаціи Екатерины I-й: онъ былъ принятъ на службу полковникомъ. Екатерина, въ первый же годъ своего царствованія, возвратила Василю Владиміровичу прежніе чины и оставшуюся отъ раздачи другимъ лицамъ часть его родовыхъ имѣній, а въ 1726 году произвела его въ генералъ-аншефы и возвратила ему Андреевскій орденъ. Такого возвышенія Долгорукаго не могъ равнодушно перенести Меншиковъ, и князь Василій Владиміровичъ былъ удаленъ на Кавказъ главнокомандующимъ Низовымъ корпусомъ, расположеннымъ во вновь-завоеванныхъ персидскихъ областяхъ^(*).

Положеніе дѣлъ въ Персіи въ то время было очень запутанное и натянутое. Шахъ Тахмасибъ потерялъ большую часть своихъ владѣній. Сѣверныя провинціи были во власти Россіи, западныя — заняты турками, а въ столицѣ Персіи, Испагани, и прилегавшихъ къ ней провинціяхъ господствовалъ афганскій ханъ Эшрефъ, убившій въ 1725 году брата своего Мирвейса, соперника шаха Тахмасиба. Горскіе владѣтели, подвластные Персіи, недавніе союзники Россіи, дѣлали нападенія на наши кавказскія укрѣпленія. Положеніе русскихъ войскъ, несмотря на замѣчательную распорядительность генераловъ — Левашева и Румянцева, было невыносимо. Дороговизна, при недостаточномъ жалованіи, которое, кромѣ того, неаккуратно высылалось изъ Петербурга, дурной климатъ, при неудовлетворительномъ гигиеническомъ

(*) О кн. Вас. Влад. Долгорукомъ см. «Сказ. о родѣ князей Долгоруковыхъ», стр. 89—99, и Бантыша-Каменскаго: «Дѣянія полководцевъ и министровъ», 2-е изд., стр. 43—59; и «Слов. дост. людей», 1836, II, стр. 247—257.

состояніи войскъ—все это дѣйствовало гибельно на русскія войска: офицеры почти обнищали, солдаты умирали массами. Въ 1724 году, Петръ Великій заключилъ съ Портой договоръ, по которому Тахмасибъ признавался шахомъ только подѣ условіемъ присоединенія къ Турціи западныхъ персидскихъ провинцій, а въ 1726 году, Верховный Тайный Совѣтъ, въ виду усиѣховъ турокъ въ Персіи, рѣшился привлечь на свою сторону Тахмасиба уступкой ему всѣхъ завоеваній Петра Великаго. Мотивомъ для такого рѣшенія были значительные расходы на управленіе новыхъ провинцій и содержаніе въ нихъ войскъ, а также дурной ихъ климатъ, гибельный для русскихъ.

Иначе взглянулъ на дѣло князь Василій Владиміровичъ Долгорукой. Семидесятилѣтній старикъ объѣхалъ всѣ завоеванные русскими провинціи, и результатомъ этого тяжелого для него объѣзда было убѣжденіе въ томъ, что не только не слѣдуетъ отдавать персіанамъ завоеванныхъ провинцій, но даже нужно укрѣпить русское владѣчество на южномъ берегу Каспійскаго моря. Онъ привелъ въ подданство Россіи девять провинцій, лежащихъ на югъ отъ Каспійскаго моря, упрочилъ русскую власть въ прежде завоеванныхъ областяхъ, основавъ новыя крѣпости, и улучшилъ состояніе войскъ. „Пріѣздъ мой великую пользу учинилъ“,—доносилъ князь Долгорукой Екатеринѣ,—„какъ въ послушаніе и надежду весь народъ пришли, равнымъ образомъ непріятель въ великое сumpтвіе, попеже какъ турки, такъ и при дворѣ Тахмасибовомъ, и всѣ недоброжелательные персіане имѣли надежду о слабости нашей, будто мы только можемъ держаться по гварнизонамъ и за безсиліемъ больше не можемъ никакихъ дѣйствъ въ Персіи показывать“. По воцареніи Петра II, князь Василій Владиміровичъ былъ немедленно вызванъ въ Москву и возведенъ въ фельдмаршалы ^(1°).

Братъ его, князь Михаилъ Владиміровичъ, не походилъ на него ни умомъ, ни характеромъ. Это былъ человѣкъ болѣе чѣмъ дюжинный, но безкорыстный и вполне честный. Съ 1711 г. по 1718 г. мы видимъ князя

^(1°) Донесенія Долгорукаго изъ Персіи хранятся въ Гл. Арх. Мин. И. Д. въ Москвѣ. Выдержки изъ нихъ приведены въ «Ист. Россіи» С. М. Соловьева, т. XVIII, с. 9—18.

Михайла Владиміровича Долгорукаго сенаторомъ, а затѣмъ въ 1718 году, онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ былъ замѣшанъ въ дѣло царевича Алексѣя и сосланъ въ деревню. Съ 1721 по 1728 годъ князь Михайлъ Владиміровичъ управлялъ Сибирскою губерніею, послѣ князя Гагарина, возмущившаго Петра Великаго своими безчестными поступками. Вызванный въ сентябрѣ 1728 года въ Москву, князь Михайлъ Долгорукой былъ пожалованъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ ⁽¹¹⁾.

Самымъ даровитымъ, самымъ энергическимъ и самымъ просвѣщеннымъ человѣкомъ изъ „верховниковъ“, безъ сомнѣнія, долженъ быть почтенъ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ. Это крупная личность. Онъ представляетъ собою счастливое сочетаніе стариннаго московскаго боярства съ европеизмомъ, являясь выразителемъ лучшихъ сторонъ этого боярства; на немъ, какъ на модели, можемъ мы изучить, какіе плоды принесло бы намъ общеніе съ Западомъ, еслибы это общеніе шло у насъ постепенно и послѣдовательно, а не было бы такъ круто и рѣзко привито къ намъ, какъ то сдѣлалъ Петръ Великій, и, тѣмъ болѣе, не было бы такъ узко и односторонне понято, какъ понималось оно нашими правителями и людьми власти имѣющими во всѣ царствованія преемниковъ Петра Великаго до Екатерины II. Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ—двулицый Янусъ, стоящій на рубежѣ двухъ эпохъ нашей цивилизаціи — московской и европейской. Однимъ лицомъ своимъ онъ вдумчиво смотритъ въ былое Руси, другимъ—самопадѣянно привѣтствуетъ ея грядущее. Принадлежа къ поколѣнію старшему чѣмъ поколѣніе А. П. Волынскаго, Голицынъ былъ застигнутъ реформою Петра въ зрѣлые годы жизни, когда вполне опредѣляются характеръ и міровоззрѣніе человѣка. Поэтому, мы не видимъ въ немъ ни двойственности, ни разрыва между мыслью и практикою, ни противорѣчій между словомъ и дѣломъ, въ той степени, въ какой эти качества отличаютъ поколѣніе Волынскаго. Князь Д. М. Голицынъ былъ чело-вѣкъ сильнаго характера, но и онъ не представлялъ натуры вполне цѣльной, свободной отъ противорѣчій. Время,

(11) См. «Сказ. о родѣ князей Долгоруковыхъ», с. 99.

въ которое онъ жилъ, время крутого перелома русской жизни и мысли, не могло не оставить слѣда и на этой сильной личности. Стойко и смѣло проводя свои общественныя воззрѣнія, Голицынъ не разъ долженъ былъ уступать „злобъ дня“, не разъ входилъ онъ въ компромиссы, не разъ ставилъ частныя свои интересы выше интересовъ общественныхъ. Онъ былъ чрезмѣрно гордъ и надмененъ, обожалъ власть болѣе всего на свѣтѣ и не переносилъ противорѣчій; этими чертами своего нрава онъ приближался къ нраву двухъ Московскихъ государей—Ивана IV-го и его внука и соименника—грознаго царя. Князь Голицынъ обладалъ обширнымъ умомъ и большимъ образованіемъ, но умъ его, отличаясь сухостью и излишнею теоретичностью, не былъ согрѣтъ теплотою чувства; поэтому отрицательное отношеніе Голицына къ окружавшей его дѣйствительности отзывается дидактизмомъ и ригоризмомъ. Онъ, какъ и большинство московскихъ бояръ, не любилъ нѣмцевъ, во очень хорошо сознавалъ неизбѣжную необходимость для Россіи въ европейской цивилизаціи. Знакомый съ нѣсколькими европейскими языками, онъ много читалъ и въ своей подмосковной, въ селѣ Архангельскомъ, собралъ обширную бібліотеку, въ которой было болѣе 6,000 томовъ историческихъ и политическихъ сочиненій. Въ ней находились русскіе лѣтописцы, хронографы, синописы и сборники—рядомъ съ переводами на русскій языкъ тогдашнихъ корифеевъ европейской мысли: Макіавелли, Томазія, Гуго Гроція, Локка, Пуффендорфа и другихъ. „Въ частной жизни“, (говорить о немъ кн. П. В. Долгорукой въ своихъ „Mémoires“) — онъ сохранилъ многіе старинные русскіе обычаи, которые уже при немъ выходили изъ употребленія. Такъ напримѣръ, его младшіе братья, одинъ — фельдмаршалъ, а другой — сенаторъ, не садились въ его присутствіи иначе, какъ по его личному приглашенію; не только его племянники, но и племянницы, дочери и невѣстки его братьевъ и сестеръ, дѣловали его руку.

Кн. Голицынъ былъ врагъ скороспѣлыхъ нововведеній, безъ особой надобности завозимыхъ къ намъ изъ-за моря. Поэтому онъ не могъ раздѣлять всѣхъ принциповъ преобразовательной программы Петра Великаго. По словамъ испанскаго посла герцога де-Лирія, Голицынъ любилъ говорить: „къ чему намъ нововведенія; развѣ мы не можемъ жить

такъ, какъ жилали наши отцы, безъ того, чтобы иностранцы являлись къ намъ и предписывали намъ новыя законы!" Въ реформѣ Петра Великаго Голицыну болѣе всего были антипатичны стремленія царя измѣнить нравы и благочестивыя обычаи старины. Семейныя дѣла царя возмущали Голицына: его гордый нравъ не примирялся съ насиліемъ Петра въ отношеніи къ сестрамъ и сыну, царевичу Алексѣю; Голицынъ не могъ простить царю его развода съ Лопухиной и сближенія (а затѣмъ и брака) съ маріенбургскою плѣнницею Мартою Скавронскою. Онъ не скрывалъ своихъ симпатій къ злосчастному царевичу Алексѣю Петровичу и къ его сыну Петру Алексѣевичу, впоследствии императору Петру II. Въ отцѣ и сынѣ чтилъ онъ „благородную отрасль благороднаго корня“,—какъ выражались наипрѣдѣлѣе древніе лѣтописцы о потомствѣ Мономаха. За то съ какимъ высокомеріемъ, доходящимъ почти до презрѣнія, отзывался князь о Мартѣ Скавронской, воцарившейся подъ именемъ Екатерины I-й, и дочеряхъ ея, Аннѣ и Елисаветѣ. Князь Дмитрій Михайловичъ не могъ забыть стараній Теофана Прокоповича въ пользу воцаренія Екатерины и вообще не сочувственно относился къ высшему духовенству за отсутствіе въ немъ самостоятельности и независимости. Въ этомъ случаѣ онъ дѣлалъ исключеніе въ пользу одного только Теофилакта Лопатинскаго.

Не смотря на такія воззрѣнія князя Голицына, Петръ Великій не только щадилъ, но и высоко цѣнилъ его. Царь-преобразователь умѣлъ хорошо отличать своихъ порицателей-Голицыныхъ отъ мятежныхъ стрѣльцовъ и фанатиковъ-пустосвятъ. Въ этомъ отношеніи весьма любопытно семейное преданіе, сохраненное однимъ изъ потомковъ кн. Д. М. Голицына, княземъ Н. С. Голицынымъ. „Петръ Великій“,—говоритъ преданіе—„любилъ часто захаживать по утрамъ къ князю Дмитрію Михайловичу, чтобы сообщить ему свои новыя предпріятія, или выслушать его мнѣнія. Князь Д. М. имѣлъ обыкновеніе никого не принимать къ себѣ, не кончивъ утренней молитвы; нерѣдко случалось, что прибытіе высокаго посѣтителя было ранѣе срочнаго часа, но не любя нарушать заведеннаго порядка, Петръ Великій не прерывалъ благочестиваго уединенія князя. „Узнай, Николушка, когда старикъ кончитъ свои дѣла?“ говорилъ го-

сударь родственнику князя Дмитрія Михайловича, мальчику князю Голицыну, жившему у него въ домѣ, и терпѣливо ждалъ выхода стараго князя⁽¹²⁾.

Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, и по своему происхожденію, и по своимъ политическимъ убѣжденіямъ былъ аристократъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова. Происходя отъ Литовскаго великаго князя Гедими-на (въ 14-мъ колѣнѣ) онъ былъ глубоко убѣжденъ, что аристократическій режимъ есть единственно благотворный для общаго блага Россіи и искренно стремился къ достиженію этого блага. Его политическимъ идеаломъ былъ государственный строй Швеціи.

Князь Дмитрій Михайловичъ родился въ 1663 году. Онъ былъ старшій изъ чегырехъ сыновей и трехъ дочерей боярина князя Михаила Андреевича Голицына. Двоюродный братъ князя Дмитрія Михайловича, бояринъ и полководецъ царя Θεодора Алексѣевича и царевны Софіи, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, былъ на верху своей славы и могущества во дни юности князя Дмитрія Михайловича. По обычаю того времени, князь Дмитрій Михайловичъ очень рано былъ зачисленъ въ царскіе стольники. Въ 1695 г. онъ женился на княжнѣ Аннѣ Яковлевнѣ Одоевской, принадлежавшей къ старѣйшему роду изъ князей Рюриковичей. Въ 1697, тридцати четырехъ лѣтъ отъ роду и уже отецъ семейства, князь Дмитрій Михайловичъ былъ посланъ Петромъ Великимъ за границу въ числѣ 39-ти стольниковъ, отправленныхъ въ Италію. Умъ, таланты, образованность и высокое политическое значеніе двоюроднаго брата, а затѣмъ собственное пребываніе въ Италіи—явились для князя Дмитрія Михайловича первыми стимулами серьезнаго изученія исторіи и политики.

Въ 1701, въ чинѣ капитана гвардіи, онъ былъ отправленъ чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь, для склоненія Порты къ согласію на свободное плаваніе русскихъ кораблей по Черному морю. Съ 1708 по 1721 онъ былъ губернаторомъ въ Кіевѣ, а затѣмъ президентомъ ка-

(12) См. «Записки о родѣ князей Голицыныхъ» изд. Е. Серчевскаго, с. 64 и слѣд.

морь-коллегии и сенаторомъ. Князь Голицынъ былъ самымъ просвѣщеннымъ и достойнымъ представителемъ русской власти въ Малороссіи въ критическое для Украйны время. Во время его губернаторства въ Кіевѣ, Мазепа передался Карлу XII, при его участіи былъ выбранъ новый гетманъ Скоропадскій. Князь Голицынъ сумѣлъ сохранить отличныя отношенія какъ къ новому гетману, такъ и ко всей старшинѣ малороссійской и, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ далекъ отъ сепаративныхъ стремленій этой старшины. Все, что было интеллигентнаго въ Кіевѣ и Маллоросіи вообще,—группировалось около просвѣщеннаго губернатора. Онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ лучшими представителями малороссійскаго духовенства, сохранивъ со многими изъ нихъ тѣ же отношенія и по отъѣздѣ изъ Кіева. Онъ былъ въ тѣсномъ общеніи съ Кіевскою академіею, и вокругъ него группировалась цѣлая школа переводчиковъ изъ студентовъ академіи. Они переводили ему съ языковъ лативскаго и польскаго политическія и историческія сочиненія. Эти переводы послужили основаніемъ для его Архангельской библіотеки.

При Екатеринѣ I Дмитрій Михайловичъ былъ назначенъ членомъ верховнаго тайнаго совѣта со времени учрежденія его въ 1726 г. Почину князя Голицына принадлежатъ: забота верховнаго совѣта о положеніи податныхъ классовъ русскаго народа, а также и средства, предпріятыя этимъ высшимъ въ то время государственнымъ учрежденіемъ, къ уменьшенію и облегченію податей. При Петрѣ II, будучи первенствующимъ членомъ верховнаго тайнаго совѣта, Дмитрій Михайловичъ стоялъ во главѣ управленія торговлею, по званію президента коммерцъ-коллегии⁽¹⁸⁾. Еще при Петрѣ Великомъ начинаютъ близкія отношенія князя Д. М. Голицына съ Генрихомъ Фикомъ, весьма образованнымъ человекомъ того времени. Генрихъ Фикъ, голштинецъ родомъ, поступившій на службу къ Петру Великому въ 1715 году, извѣстенъ своими трудами по введе-

⁽¹⁸⁾ Бантышъ-Каменскій, «Словарь», 1836 г. II, 74—79.—Кн. П. В. Долгорукой, «Memoires», I, p. 22—23.—Де-Ларіа, «Характеристики», *ркп.*, с. 143.

нію въ Россіи коллегіального порядка управленія и по плану народнаго образованія. Петръ Великій командировалъ его въ Швецію для изученія тамошняго законодательства и тогда-то возникла у него политическая переписка съ княземъ Д. М. Голицынымъ. При Петрѣ II Фикъ былъ вице-президентомъ коммерцъ-коллегіи (¹⁴).

Князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ — старшій, одинъ изъ самыхъ блестящихъ полководцевъ царствованія Петра I-го, не отличаясь независимымъ умомъ, въ общественныхъ дѣлахъ всецѣло подчинился старшему своему брату князю Дмитрію Михайловичу, но тѣмъ не менѣе заслужилъ справедливое уваженіе современниковъ за благородство своего характера и возвышенность своихъ чувствъ. Его нравственныя достоинства прославлены во многихъ разсказахъ и преданіяхъ, изъ которыхъ мы приведемъ только нѣкоторые, болѣе характеристическіе.

Въ 1708 году, послѣ битвы подъ Лѣснымъ, въ которой Голицынъ отличался необыкновенною храбростью, Петръ Великій расцѣловалъ его, пожаловалъ генералъ-лейтенантомъ и обѣщалъ исполнить все, чего-бы онъ ни пожелалъ. Кн. Михаилъ попросилъ немедленнаго уменьшенія налога на соль, столь необходимую для бѣднаго класса, а вслѣдъ за тѣмъ полнаго прощенія одному изъ своихъ враговъ, князю Аникитѣ Репнину, генералу весьма замѣчательному, но въ это время подпаавшему военному суду за стратегическія ошибки, допускаемыя имъ въ сраженіи при Головинѣ. Съ тѣхъ поръ Голицынъ и Репнинъ стали неразлучными друзьями. Въ продолженіе своей блестящей компаніи въ Финляндіи въ 1714 г., князь Михаилъ получилъ въ награду отъ Петра Великаго значительную сумму денегъ; отецъ многочисленнаго семейства, князь Голицынъ тѣмъ не менѣе употребилъ на расходы для своей арміи половину этой суммы, приказавъ сшить теплые сапоги для всѣхъ солдатъ.

(¹⁴) О Генрихѣ Фикѣ см. у акад. Пекарскаго, въ его «Исторія Академіи наукъ», т. I, с. 201 и примѣч. на той же стр. Ст. Д. В. Полѣнова: «О присягѣ вноземцевъ, принятыхъ въ службу при Петрѣ Великомъ» — Русс. Арх. 1869, с. 1736—1744. — Helbig, «Russische Günstlinge», s. 148—151. — О судьбѣ Фика въ царствованіе Анны Іоанновны у насъ будетъ рѣчь ниже.

Князь Михаилъ Голицынъ былъ человекъ добрый, мягкій, скромный, всегда готовый къ услугамъ и, какъ рѣдкое исключеніе изъ придворныхъ того времени, врагъ всякихъ излишествъ въ пищѣ; поэтому Петръ I-й, питавшій къ нему величайшее уваженіе, никогда не принуждалъ его пить. Кн. Михаилъ Голицынъ, въ числѣ немногихъ русскихъ вельможъ, имѣлъ мужество въ 1718 году отказать Петру В. въ подписи смертнаго приговора царевичу Алексѣю Петровичу. Сынъ царевича Алексѣя—Петръ II-й, не обратилъ должнаго вниманія на поведеніе кн. Михаила въ 1718 году, между тѣмъ какъ Екатерина I-я, тайная ненавистница Алексѣя, взойдя на престолъ, поторопилась вручить фельдмаршальскій жезлъ кн. Михаилу, зная его большую и столь заслуженную популярность въ русской арміи.

Екатерина I-я, награждая Голицына, имѣла все основаніе бояться его силы и значенія, а потому не замедлила удалить его изъ Петербурга, назначивъ командиромъ украинскаго корпуса. Съ Украиной Голицыны были издавна тѣсно связаны; тамъ они имѣли большія помѣстья, тамъ ихъ знали и любили. Кн. Михаилъ Михайловичъ ознаменовалъ свое пребываніе въ Украинѣ услугой народному просвѣщенію. Въ 1726 году, при помощи Бѣлгородскаго епископа Епифанія Тихорскаго, онъ основалъ харьковскій коллегіумъ, бывший до самаго учрежденія въ Харьковѣ университета (1808 г.) разсадникомъ высшаго образованія на лѣвомъ берегу Днѣпра. Голицынъ пожертвовалъ на содержаніе коллегіума свое село Песочки съ хуторами⁽¹⁵⁾.

„Фельдмаршалъ Голицынъ“,—говоритъ о немъ герцогъ де-Лиріа—„герой Россіи; онъ былъ уменъ и благороденъ, хорошій полководецъ, храбръ, очень любимъ войсками, смѣлъ и отваженъ; врагъ иностранцевъ, онъ тѣмъ не менѣе отдавалъ справедливость достойнымъ изъ нихъ, былъ великодушенъ и чрезвычайно вѣжливъ. Его боялись не только вельможи, но и самъ Петръ I-й. Однимъ словомъ, въ странѣ

(15) Кн. П. В. Долгорукой: «Memoires», I, p. 23—24.—Бантышъ-Каменскій, «Дѣянія полководцевъ и министровъ», 2-е изд., I, 199—213; «Словарь», 1836, II, 82 и слѣд.—Объ участіи кн. М. М. Голицына въ основаніи Харьковскаго коллегіума см. у Сергеевскаго въ «Запискахъ о родѣ князей Голицыныхъ», с. 232.

менѣ варварской онъ былъ-бы истинно великимъ человекомъ ⁽¹⁰⁾.

Кромѣ „родословныхъ“ русскихъ людей, князей Долго-рукихъ и Голицыныхъ, къ числу верховниковъ принадлежали двое „худородныхъ“: одинъ русский и одинъ изоме-цъ,—графъ Головкинъ и баронъ Остерманъ.

Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ обязанъ своимъ возвышеніемъ, какъ родству съ Нарышкиными, такъ и своимъ природнымъ дарованіямъ. Отецъ его, бѣдный Алексинскій помѣщикъ, былъ двоюроднымъ дядей и крестнымъ отцемъ царицы Натальи Кирилловны и получилъ отъ Петра Великаго чинъ боярина. Возведенный въ званіе графа, сначала римскаго, а потомъ русскаго, Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ почти во все царствованіе Петра Великаго и послѣ него, до самой своей смерти, стоялъ во главѣ нашихъ дипломатическихъ сношеній, руководимый сначала Шафировымъ, а затѣмъ Остерманомъ. Онъ держалъ себя съ иностранными послами съ большимъ тактомъ и весьма осторожно, а потому всѣ они отзываются о немъ съ большою похвалою. По смерти Петра Великаго, графъ Головкинъ сумѣлъ ловко проплыть между дворскими Спиллой и Харибдой, и въ числѣ весьма немногихъ царедворцевъ пережили всѣ превратности тогдашнихъ карьеръ, мирно смеживъ очи въ своемъ петербургскомъ домѣ, а не въ спѣ-гахъ Березова и Пелыма, или въ какомъ-нибудь медвѣжьемъ углу захолустной деревни. Не выражаясь ни о чемъ опредѣленно и откровенно, усвоивъ себѣ въ этомъ отношеніи

(10) Де-Ливріа «Характеристики», *ркп.*, с. 146.—Клавдій Рондо изображаетъ его нѣсколько въ иныхъ чертахъ: «Гн. Михаилъ Михайловичъ Голицынъ съ дѣтства воспитанъ солдатомъ и доблестно отличался на военномъ поприщѣ»—говоритъ Рондо. «Князь задумчиваго нрава, немногу скупъ и не блистательныхъ способностей, но пріятливъ и легко доступенъ, мужъ великой доблести и отваги беззапятной. Во время шведской войны отличившись во многихъ сраженіяхъ, онъ приобрѣлъ болѣе познаній въ военномъ искусствѣ, чѣмъ кто либо изъ русскихъ генераловъ, и этимъ списалъ уваженіе и любовь всего войска; по этой же причинѣ покойный царь Петръ никому не оказывалъ болѣе уваженія, чѣмъ князю». («Записки Рондо» въ прилож. къ письм. леди Рондо изд. Шубинскаго, с. 221—222).

пріемы своего руководителя Остермана,—Головкинъ умѣлъ весьма ловко лавировать, всегда примирялся съ обстоятельствами и никогда не разрывалъ дружбы съ сильными міра, одинаково преклоняясь, сперва передъ Меншиковымъ и Долгорукими, а впоследствии передъ Бирономъ. Такая политика дала возможность Головкину очень удачно устроить свои служебныя, имущественныя и семейныя дѣла. Сыпь мелкопомѣстнаго Алексинскаго дворянина былъ въ 1730 году владѣльцемъ тридцати тысячъ душъ крестьянъ и очень удачно пристроилъ своихъ сыновей и дочерей. Отъ брака съ Домпой Андреевной Дивовой у него было три сына и три дочери. Старшій сынъ, Иванъ Гавриловичъ, женатый на княжнѣ Гагариной, былъ въ 1730 году севаторомъ; второй сынъ, Александръ Гавриловичъ, человѣкъ большаго ума и рѣдкаго образованія, находился посломъ во Франціи; третій,—Михаилъ Гавриловичъ, занимавшій постъ русскаго посла въ Берлинѣ и пріѣхавшій въ Москву незадолго до кончины Петра II го, былъ женатъ на княжнѣ Екатеринѣ Ивасовѣ Ромодановской, единственной дочери перваго въ то время богача и послѣдняго въ родѣ князей Ромодановскихъ, Ивана Ѳеодоровича. Старшая дочь Головкина, Наталья Гавриловна, была замужемъ за княземъ Ивановъ Ѳеодоровичемъ Барятинскимъ и умерла въ 1726 году, вторая—Анна Гавриловна, за графомъ Павломъ Ивановичемъ Ягушинскимъ, третья—Настасья Гавриловна, за княземъ Никитою Юрьевичемъ Трубецкимъ⁽¹⁷⁾.

(17) «Сказ. о родѣ князей Долгоруковыхъ», с. 224.—Бятышъ-Каменскій, «Дѣян. полковъ», I, 131—134; «Словарь», изд. 1836 г. II, 124 и слѣд.—Хмыровъ, «Историч. статьи», с. 350; его-же: Монографія о гр. Екат. Ив. Головкиной. Сиб. 1867, с. 99 и слѣд.—Россійская родословная книга Кн. П. Долгорукаго, IV, с. 361—362.—Графъ Александръ Гавриловичъ Головкинъ женился за границей на графинѣ Донъ и во время опалы брата Михаила (1741—1742) не возвратился въ Россію. Онъ ѣ въ 1760 г. въ Голландію. Сыновья и внуки его служили въ Голландіи и возвратились въ Россію по приглашенію Екатерины II. (Родосл. кн., IV, 363). См. отзывъ о гр. Гавр. Ив. Головкинѣ де-Ливріа, *ржи.*, с. 112. Кн. Рондо такъ отзывается о Головкинѣ: «Лучшее качество Головкина—его привѣтливое и ласковое обращеніе; благодаря ему, а также своему усердію и личнѣй набожности,

Баронъ Геврихъ Іоганнъ Остерманъ, прозванный впервые Андреемъ Ивановичемъ царицей Прасковей, матерью Анны Іоанновны, былъ сынъ пастора изъ мѣстечка Бокумъ въ Вестфаліи. Извѣстный болѣе всѣхъ другихъ дѣятелей послѣ-петровской Руси, онъ является самымъ замѣчательнымъ и наиболѣе даровитымъ изъ всѣхъ служившихъ иноземцевъ въ Россіи первой половины XVIII в.

Вся жизнь Остермана—упорный и постоянный трудъ, все его нравственное содержаніе—хитрость, лукавство, коварство и интрига. Съ Россіей онъ не былъ связанъ ни чѣмъ: ни національностью, ни исторіей, тѣмъ менѣе родовыми традиціями, которыхъ онъ не имѣлъ. Всегда сдержанный, методичный и послѣдовательный, Остерманъ постоянно дѣйствовалъ на вѣрняка. Онъ точно слѣдовалъ пословицѣ: „семь разъ смѣрай—одинъ разъ отрѣжь“. На Россію смотрѣлъ онъ, какъ на арену для своихъ честолюбивыхъ, но не корыстолюбивыхъ цѣлей. Остерманъ былъ „честный нѣмецъ“, и, оставивъ въ исторіи свой образъ воплощеніемъ дипломатической увертливости и придворной эквилибристики, онъ не запятналъ своего имени казнокрадствомъ и лихоимствомъ; въ частной жизни онъ былъ въ лучшемъ смыслѣ слова нѣмецкій бюргеръ: человекъ аккуратный и точный, онъ любилъ домашній очагъ, былъ примѣрный мужъ и отличный семьянинъ. Обладая обширнымъ, но абстрактнымъ умомъ и имѣя глубокія познанія въ современной ему дипломатіи—онъ считалъ возможнымъ, согласно понятіямъ вѣка, все благо государства устроить посредствомъ дипломатическихъ и придворныхъ конъюнктуръ.

Остерманъ, какъ истый нѣмецъ, свысока относился къ русскому вароду и, какъ человекъ „худородный“, гордо презиралъ людей родовитыхъ. На русскихъ вообще, а на русскихъ вельможъ въ частности, смотрѣлъ онъ съ

онъ пріобрѣлъ большое вліяніе между старыми русскими ханжами и особенно между духовенствомъ. Онъ въ высшей степени корыстолюбивъ и употребляетъ всѣ вообразимыя средства, чтобы накопить огромное богатство, и такъ въ этомъ успѣлъ, что въ настоящее время богатѣйшій вельможа во всей Россіи». (Записки Рондо, въ Письмахъ леди Рондо, изд. Шубляскаго, с. 220—221).

точки зрѣнія нѣмецкаго гелертера и бюргера, какъ на варваровъ и сумасбродовъ. Остерманъ для своей политической карьеры умѣлъ подлаживаться къ людямъ, сперва употребляя ихъ орудіемъ своего возвышенія, а затѣмъ становясь ихъ тайнымъ врагомъ; онъ ловко велъ противъ нихъ интригу и наконецъ стиралъ съ лица земли, когда они заслоняли ему дорогу для дальнѣйшаго возвышенія; при этомъ Остерманъ удачно пользовался другими, преимущественно русскими людьми, самъ оставаясь въ сторонѣ; онъ въ полномъ смыслѣ слова умѣлъ загребать жаръ чужими руками. Такъ онъ поступилъ съ Шафировымъ, такъ поступилъ съ Меньшиковымъ, такъ-же въ послѣдствіи поступилъ съ Долгорукими. Для погубленія Шафирова онъ воспользовался Меньшиковымъ, а его низвергнулъ при помощи Долгорукихъ, „искоренивъ“ которыхъ (по тогдашнему выраженію), спрятался за Бирова. Не даромъ въ послѣдствіи обвинялъ Остермана А. П. Волынской въ „закрытой, безсовѣстной политикѣ“ и считалъ его за человѣка „производящаго себя дьявольскими каналами и не изъясняющимъ ничего прямо, а выговаривающимъ все темными терминами“.

Дѣятельность Остермана во внѣшней политикѣ заслуживаетъ полной и всецѣлой признательности потомства. Знатокъ въ вопросахъ международныхъ сношеній, онъ шелъ въ нихъ по пути, указанному Петромъ Великимъ. Далекъ не такимъ явился онъ въ дѣлѣ внутренняго управленія Россіи, къ которому не имѣлъ подготовки; но эта дѣятельность Остермана началась послѣ 1730 года и лежитъ внѣ предѣловъ нашего изслѣдованія. Остерманъ былъ своимъ человекомъ въ семьѣ старшаго брата Петра Великаго, Іоанна Алексѣевича. Его братъ, Дидрихъ Остерманъ, еще раньше его пріѣзда въ Россію, былъ воспитателемъ Анны Іоанновны и ея сестеръ—Екатерины и Прасковьи^(1*).

(1*) Hempel, «Merkwürdiges Leben und trauriger Fall des russischen Staats-Ministers, A. Grafens v. Ostermann». 2 e Aufl. Bremen. 1743 (замѣчанія на эту біографію см. въ книгѣ Minzlow'a «Pierre le Grand». Spb. 1872, p. 574—576 и въ нашемъ отчетѣ о занятіяхъ въ бібліотекахъ и архивахъ въ Спб. и Москвѣ въ 1877—1878 гг., Учен. Зап. Каз. Univ. 1879 г., кн. I, с. 147). Гемпель безусловный панегиристъ Остер-

Характеристиками графа Головкина и барона Остермана мы заканчиваемъ характеристики членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ моментъ избранія Анны Іоанновны. Изъ сопоставленія этихъ характеристикъ легко выясняется вопросъ о томъ, кто изъ верховниковъ были главными дѣятелями въ вопросѣ объ ограниченіи власти Анны Іоанновны?

То были князь Д. М. Голицынъ и князь В. Л. Долгорукой.

Но кромѣ верховниковъ, дѣйствующими лицами, 18-го и 19-го января, являются „персоны изъ сената, синода и генералитета“, играющія, впрочемъ, въ эти дни пассивную роль. Въ официальныхъ актахъ того времени всѣ эти персоны имѣютъ видъ какой-то безличной толпы, которая выслушиваетъ, чтѣ ей говорить, и не смѣетъ открыто высказать своего мнѣнія. Мало именъ изъ этой массы заносится въ официальные бумаги, излагающія происшествія 18-го и 19-го января. Изъ этихъ именъ самыми замѣчательными являются: изъ сената и генералитета—депутаты, побѣхавшіе въ Москву съ кн. В. Л. Долгорукимъ, младшій братъ князя Д. М. Голицына, князь Михаилъ Михайловичъ-меньшой Голицынъ, и генералъ Леоптьевъ; князь Иванъ Θεодоровичъ Ромодановскій, графъ Павелъ Ивановичъ Ягушинской, князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой и графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусипъ-Пушкинъ; изъ синода три первенствующіе члена его: Θεофанъ Прокоповичъ, Θεофилактъ Лопатинскій и Георгій Дашковъ.

Переходимъ теперь къ біографическимъ даннымъ относительно этихъ восьми персонъ ⁽¹⁹⁾.

мана. Гораздо объективнѣе біографія Остермана неизвѣстнаго автора, помѣщ. въ Магази́нѣ Busching'a, II, 407—414.—А. Терещенко, *Об. обозр. жизни сановниковъ, управлявш. иностранными дѣлами*. Спб. 1837 г. ч. III.—Сводъ біогр. данныхъ объ Остерманѣ у Бятыша-Каменскаго, «Словарь», изд. 1836 г., IV, 53—85.—Де-Лиріа, «Характеристики», *ркп.*, с. 143—144.—Характеристики Рондо по изданію Шубинскаго, с. 223—227.

⁽¹⁹⁾ О кн. И. Θ. Ромодановскомъ мы не говоримъ въ текстѣ, п. ч. онъ не игралъ видной роли въ событіяхъ воцаренія Анны Іоанновны. Вскорѣ по ея воцареніи онъ умеръ (15 марта 1730 г.). Вообще онъ не отличался никакими достоинствами; весь почетъ воздавался ему, какъ

Третій изъ Голицыныхъ, князь Михаилъ Михайловичъ-младшій, носившій это прозваніе до самой смерти своего брата фельдмаршала, т. е. до 45-лѣтняго возраста, чело-вѣкъ посредственнаго ума, но замѣчательно здраваго смысла и величайшаго благородства. Въ 1703 году онъ былъ зачисленъ въ морскую службу и посланъ Петромъ Великимъ въ Голландію для обученія морскому дѣлу. Екатерина I-а, знавшая его прямоу и честность, назначила его въ чинѣ капитанъ-командора президентомъ юстицъ-коллегіи. При Петрѣ II, занимая эту должность, онъ былъ сдѣланъ сенаторомъ⁽²⁰⁾.

Михаилъ Ивановичъ Леонтьевъ († 1755), двоюродный племянникъ царицы Натальи Кирилловны со стороны ея матери, приходился троюроднымъ братомъ Петру Великому. М. И. Леонтьевъ считался по Нарышкинымъ родственникомъ канцлеру Головкину и былъ женатъ на племянницѣ князя Меншикова. Въ царствованіе Анны Іоанновны онъ участвовалъ въ турецкихъ войнахъ 1735—1737 г. и выказалъ себя храбрымъ боевымъ генераломъ; съ 1737 по 1741 годъ занималъ должность кievскаго губератора, а съ 1741 г. (при Елизаветѣ Петровнѣ) былъ главнымъ начальникомъ Малороссіи⁽²¹⁾.

Графъ Павелъ Ивановичъ Ягушинской (р. 1683 г.), полу-полякъ, полу-литвинъ родомъ, былъ сынъ органиста московской лютеранской церкви. Онъ равно обра-тилъ на себя вниманіе Петра Великаго своимъ живымъ

сыну знаменитаго «князя-кесаря» времени Петра Великаго, и какъ по-свѣдному представителю рода князей Ромодановскихъ и чело-вѣку съ громаднымъ состояніемъ. Съ 1717 г. П. О. Ромодановскій явился преемникомъ отца, какъ въ титулѣ князя-кесаря, такъ и въ званіи начальника страшнаго преображенскаго приказа.—См. Хмырова «Графъ Е. И. Головкинъ», с. 74 и слѣд.—Спб. Вѣдомости 1730 г., изв. изъ Москвы отъ 16 марта 1730 г.—Князь Иванъ Ѳеодоровичъ Ромодановскій былъ женатъ на родной теткѣ императрицы Анны Іоанновны, Анастасіи Ѳеодоровнѣ Салтыковой; дочь его, Екатерина Ивановна, вышедшая за Михаила Гавриловича Головкина, приходилась Аннѣ Іоанновнѣ двоюродной сестрой. (См. Долгор., Род. кн., II, 51, 68 и слѣд.).

⁽²⁰⁾ Берхъ. Жизнеоп. росс. адмир., III, 75—125.—Кн. Долго-рукой, «Memoires», I, p. 25—26

⁽²¹⁾ Бантышъ Каменскій, «Словарь», изд. 1836 г., III, 172—174.

умомъ, расторопностью и исполнительностью, сталъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ императору лицъ и пользовался безграничной его довѣренностью. Начавъ службу деньщикомъ при Петрѣ Великомъ, онъ былъ вслѣдъ затѣмъ генераль-адъютантомъ и камергеромъ, а въ 1722 г. достигъ высокаго званія генераль-прокурора сената. Представляя сенаторамъ Ягушинскаго въ этомъ новомъ его званіи, Петръ Великій сказалъ: „Вотъ мое око, коимъ я буду все видѣть. Онъ знаетъ мои намѣренія и желанія—что онъ заблагоразсудитъ, то вы дѣлайте; а хотя бы вамъ показалось, что онъ поступаетъ противно моимъ и государственнымъ выгодамъ, вы, однакожъ, то исполняйте и, увѣдомивъ меня о томъ, ожидайте моего повелѣнія“. Эти слова, приводимыя Голиковымъ, хорошо выясняютъ взглядъ Петра Великаго на Ягушинскаго. Такого же на него воззрѣнія держатся нѣкоторые писатели-анекдотисты второй половины XVIII в. лично его не знавшіе, (Голиковъ, Штелинь и Гельбигъ): они рисуютъ Ягушинскаго человѣкомъ заслуживающимъ общаго уваженія, съ твердымъ характеромъ, говорящимъ всегда правду; но эта характеристика не соответствуетъ дѣйствительному его характеру, который является далеко не съ такими симпатичными чертами. Рѣзко порицавшій другихъ, Ягушинской былъ постоянно свѣдаемъ честолюбіемъ; чуждый Россіи и ея дѣйствительнымъ интересамъ, онъ былъ человѣкомъ карьеры, вездѣ преслѣдуя лишь свою эгоистическую цѣль. Лесть, низкопоклонство, умѣнье поддѣлываться къ людямъ, подмѣчая ихъ слабыя стороны, и рядомъ съ этимъ честолюбивое желаніе возвыситься надъ всѣми людьми родословными—вотъ основныя нравственныя черты Ягушинскаго. Если мы прибавимъ къ этому его жажду богатства, ловкость въ интригѣ, склонность къ кутежу и цыпству и припомнимъ полное отсутствіе въ немъ строгихъ нравственныхъ принциповъ—то получимъ цѣльный образъ реальнаго Ягушинскаго. „Око Петра Великаго“ было не особенно чисто. Быть можетъ, этимъ и слѣдуетъ объяснить ту путаницу, которая произошла въ дѣлахъ внутренняго управленія въ послѣдніе два-три года царствованія Петра (когда Ягушинской былъ генераль-прокуроромъ сената) и страшное развитіе за это время взяточничества и преступленій и проступковъ по должности разныхъ высшихъ и низшихъ чиновниковъ.

Ягушинской не любилъ Меншикова и ненавидѣлъ Остермана не изъ политическихъ принциповъ, но изъ личнаго тщеславія: первый стоялъ ему на пути заискиваній милостей у Петра Великаго, второму онъ не могъ простить отстраненія себя отъ Ништадскаго конгресса. Властолюбивый и честолюбивый нравъ Ягушинскаго не допускалъ соперниковъ. Онъ былъ въ числѣ ревностныхъ сторонниковъ Екатерины при ея воцареніи, надѣясь первенствовать въ ея правленіи, но ошибся въ расчетахъ: Меншиковъ явился всесильнымъ временщикомъ и фактическимъ правителемъ государства. Тогда Ягушинской, не долго думая, сталъ на сторону его враговъ, и при Петрѣ II, по низверженіи Меншикова, присталъ къ Долгорукимъ и Голицынымъ. Но „родословные“ русскіе люди не хотѣли имѣть вичего общаго съ выслужившимся польскимъ проходимцемъ, и Ягушинской не достигъ при нихъ первенствующаго значенія въ русскомъ государствѣ. Съ Долгорукими у Ягушинскаго произошло открытое столкновеніе по слѣдующему поводу: всесильный при Петрѣ II князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукой, вздумалъ было жениться на дочери Ягушинскаго, но князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой, отецъ князя Ивана, оказалъ сильное противодѣйствіе этому браку, какъ унижительному для него союзу. Съ этихъ поръ Ягушинской сталъ отъявленнымъ врагомъ Долгорукихъ.

Съ герцогиней курляндской Анной Іоанновной, Ягушинской познакомился въ 1726 году, когда былъ посланъ въ Варшаву, чтобы воспрепятствовать избранію въ курляндскіе герцоги Морица Саксонскаго. Онъ отпесся съ большимъ сочувствіемъ лично къ Аннѣ Іоанновнѣ и, при тогдашнихъ стѣсненныхъ ея денежныхъ средствахъ, ссужалъ ее деньгами. При избраніи преемника Петру II, онъ пытался сблизиться съ русскими родословными людьми; желая къ нимъ поддѣлаться, онъ, какъ мы видѣли, нетерпѣливо толковалъ о томъ, чтобы „не быть самодержавствію“—но русскіе родословные люди снова отвернулись отъ Ягушинскаго, вслѣдствіе чего онъ и избралъ иное средство для своего дальнѣйшаго возвышенія⁽²²⁾.

(22) Бантышъ-Каменскій; изд. 1847 г., т. II, с. 560—574. (здесь приведены отзывы о Ягушинскомъ Голикова и Штелина). Heibig,

Князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой (род. 1667 г.), послѣдній московскій бояринъ и одинъ изъ первыхъ русскихъ фельдмаршаловъ (по времени производства, а не по заслугамъ)—былъ человекъ весьма добрый, ограниченный и тщеславный. Его жизнь не являетъ собою крупныхъ подвиговъ ни на войнѣ, ни въ гражданской дѣятельности, не смотря на то, что онъ носилъ званіе и фельдмаршала, и сенатора. Взятый шведами въ плѣнъ подъ Нарвою, онъ восемнадцать лѣтъ провелъ въ Стокгольмѣ, не обративъ вниманія ни на государственный строй, ни на законодательство, ни на исторію Швеціи, во чтѣ вникъ его товарищъ по заключенію, князь Я. Ѳ. Долгорукой. Въ Стокгольмѣ, въ 1704 году, родился у него сынъ, впоследствии извѣстный филантропъ эпохи Екатерины II-й, Иванъ Ивановичъ Бецкой. Отзывъ о князѣ Трубецкомъ испанскаго посла де-Лиріа болѣе похожъ на карикатуру, чѣмъ на истину; но если мы и отбросимъ въ этой характеристикѣ преувеличенно-рѣзкія выраженія де-Лиріа, все-таки получимъ довольно опредѣленное представление о личности князя Трубецкаго. Де-Лиріа честитъ его весьма неприличнымъ эпитетомъ „отъявленной скотины“, рисуя князя Трубецкаго слѣдующими чертами: „онъ заикался, былъ преисполненный тщеславія добрякъ, невѣжда въ военномъ искусствѣ и весьма мало уважаемъ“.

Для уясненія его отношеній къ вождю верховниковъ, князю Д. М. Голицыну, припомнимъ, что дочь князя Трубецкаго, Настасья Ивановна, была второй женой молдавскаго господаря, князя Д. К. Кантемира, а ея пасынокъ, Константинъ Дмитріевичъ Кантемиръ, женатый на дочери князя Д. М. Голицына, былъ въ 1730 году владѣтелемъ майората покойнаго своего отца и не смотря на двукрат-

«Russ. Günstlinge». Tubing. 1809, S. 83—93. См. нашу монографію о кн. Ив. Алексѣев. Долгорукомъ, основанную на его показаніяхъ въ 1739 г. и др. документахъ Государственнаго Архива. (Древн. и Нов. Россія 1879 г., т. I, с. 35—36).—Письма Анны Іоанн. къ Ягушинскому 1726—1727 гг. въ «Письмахъ Русск. Госуд., изд. комисіи печат. госуд. грамотъ и договоровъ, в. IV, с. 144—146. Снес. отзывы де-Лиріа въ его «Характеристикахъ» *ржи.*, с. 153—154 и Ровдо, стр. 227—229.

ное постановленіе севата 1725 и 1728 гг.—не выдавалъ своей мачихѣ слѣдующей по закону четвертой части изъ имѣній ея мужа. Вслѣдствіе этихъ семейныхъ неладовъ, отношенія князя Ивана Юрьевича Трубецкаго къ князю Д. М. Голицыну были очень натянуты, даже почти враждебны⁽²³⁾.

Графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, происходившій отъ одного изъ древнѣйшихъ русскихъ боярскихъ родовъ (родоначальникъ его, „мужъ честенъ изъ Нѣмецъ“ Радша, выѣхалъ въ Новгородъ въ концѣ XII в.),—былъ извѣстенъ своимъ умомъ и находился въ большой милости у царя Алексѣя Михайловича. Семейное преданіе Мусиныхъ-Пушкиныхъ объясняетъ эту милость близкими отношеніями царя Алексѣя къ женѣ Ивана Алексѣевича. По этому преданію, старшій сынъ графа, Платонъ Ивановичъ, былъ сыномъ царя Алексѣя. Къ Платону былъ очень расположенъ Петръ Великій и любилъ называть его своимъ братомъ. Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, бояринъ царя Алексѣя Михайловича, въ царствованіе Петра Великаго былъ главнымъ начальникомъ монастырскаго приказа, управляющимъ петербургской типографіей и сенаторомъ. Петръ произвелъ его въ дѣйствительные тайные совѣтники и пожаловалъ первымъ русскимъ графомъ. Въ 1730 г. гр. Мусинъ-Пушкинъ былъ уже преклонныхъ лѣтъ и въ этомъ году скончался⁽²⁴⁾.

Феофанъ Прокоповичъ, архіепископъ Новгородскій, (р. 1681) принадлежитъ безспорно къ числу самыхъ выдающихся умовъ и характеровъ русскаго XVIII в. Онъ

(²³) Бятышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1836 г., т. I. с. 166; т. V. с. 160—164.—Helbig, «Russ. Günstlinge», S. 358—364.—Дневникъ Храповицкаго, изд. Н. П. Барсукова, Спб. 1874, *Примѣчанія*, с. 448.—Де-Ляріа, «Характеристики», *ржн.* с. 148.—Подробности о процессѣ кн. Кантемиръ см. въ нашей статьѣ «Судъ надъ кн. Д. М. Голицынымъ», «Др. и Нов. Россія». 1879 г., Окт. с. 20—63.

(²⁴) Кв. Долгорукой, Род. кн., II, с. 151, 194.—Карabanовъ, Разсказы, Русск. Стар. 1871, т. IV, с. 583.—Голиковъ, Дѣянія Петра Вели., т. XIII, 223, 457; XIV, 257, 385, 453.—Бятышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1836 г., ч. III, с. 385—387.—Князь Чистовича о Феофанѣ Прокоповичѣ.

и князь Д. М. Голицынъ.—равносыльные, достойные одинъ другого бойцы идеи и принципа, но ихъ идеи и принципы діаметрально - противоположны. Теофанъ былъ однимъ изъ тѣхъ самостоятельныхъ и дѣятельныхъ умовъ, которые не идутъ по старинной, традиціонной дорогѣ, а пролагаютъ себѣ новые пути, которые не удовлетворяются теоретическимъ, абстрактнымъ пониманіемъ дѣла, а стремятся осуществить свое пониманіе на практикѣ, немедленно приложить теорію къ жизни. Теофанъ не могъ удовлетвориться схоластическимъ богословіемъ своего времени, еще менѣе могъ онъ стоять на точкѣ зрѣнія бездѣятельнаго, внѣшняго, формальнаго отношенія къ религіи. Врагъ всякаго застоя и формализма, онъ понималъ религію, какъ дѣятельную общественную силу для борьбы съ суевѣріемъ и невѣжествомъ, вслѣдствіе чего и сталъ совершенно сознательно и открыто на сторону реформы Петра Великаго.

Получивъ обширное для своего времени образованіе въ Киевской академіи и въ заграничныхъ школахъ Львова, Кракова и Рима, Теофанъ является замѣчательнымъ богословомъ, проповѣдникомъ, педагогомъ, публицистомъ и администраторомъ, и во всѣхъ этихъ сферахъ дѣятельности въ немъ видѣнъ реформаторъ, отрицательно относящійся къ установившейся рутинѣ. Въ области теоретическаго богословія Теофанъ увлекается протестантскими воззрѣніями, за что подвергается обвиненію со стороны современниковъ. Обвиненія эти идутъ и отъ людей, строго держащихся православнаго ученія, и отъ поборниковъ московской старины, и отъ нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, воспитанныхъ на преданіяхъ схоластическаго католическаго богословія. Въ области богословія практическаго, въ церковной проповѣди—Теофанъ является публицистомъ; въ своихъ проповѣдяхъ онъ борется съ суевѣріемъ и невѣжествомъ, прославляетъ Петра Великаго и пропагандируетъ его преобразовательныя идеи. Истолкованію и объясненію дѣяній Петра посвящено и нѣсколько отдѣльныхъ трактатовъ Теофана; самымъ важнымъ изъ нихъ должно считать такъ наз. „Правду Воли Монаршей“, въ которой Теофанъ рядомъ богословскихъ доказательствъ и историческихъ примѣровъ оправдываетъ законъ 1722 г. о правѣ царствующаго государя назначать преемника по собственному усмотрѣнію. Такимъ же единомышленникомъ Петра Великаго заявляетъ себя Теофанъ и

въ церковныхъ преобразованіяхъ. Его перу принадлежатъ „Духовный Регламентъ“ и извѣстное „Объявленіе“ 1724 года о монашествѣ и монастыряхъ.

Политическія воззрѣнія Теофана были одинаковы съ политическими воззрѣніями Петра Великаго. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что монархизмъ неограниченный—есть единственно-возможная для Россіи форма правленія. Это убѣжденіе Теофана на практикѣ осложнялось еще личными его отношеніями къ людямъ иного образа мыслей, которые притихли при Петрѣ Великомъ, но послѣ его смерти высоко подняли голову. Теофана, вслѣдствіе его солидарности съ Петромъ Великимъ, вообще не любила русская знать, но противниками его въ особенности были князья Долгорукие и Голицыны: первые—за его отрицательное отношеніе къ старинѣ московской, вторые—за его симпатіи къ протестантству. Теофанъ явился однимъ изъ самыхъ ревностныхъ сторонниковъ воцаренія Екатерины. чѣмъ еще болѣе возставилъ противъ себя родословныхъ русскихъ людей, и вся дѣятельность его съ 1725 по 1730 г., въ правленіе Екатерины I и Петра II,—есть борьба съ русской знатью и съ его личными врагами изъ среды духовенства. Въ этой борьбѣ Теофанъ Прокоповичъ проявилъ несимпатичныя черты своего права: властолюбивый и закосчивый, онъ стремился къ власти, хотѣлъ быть временщикомъ въ русской церкви, и если не мечталъ о патріаршествѣ, то надѣялся такъ организовать синодальную коллегію, чтобы первенствовать въ ней фактически. При Петрѣ Великомъ ему не удалось достигъ этого: Стефанъ Яворскій и Θεодосій Яновскій заграждали ему дорогу, да и императоръ былъ не изъ такихъ людей, которые способны равнодушно сносить чье-либо первенство. Со смертію Петра открылась широкая арена для честолюбивыхъ мечтаній временщиковъ. Стефанъ Яворскій сошелъ уже въ могилу, и Теофанъ направилъ всю свою злобу противъ Θεодосія, который и былъ имъ низвергнутъ. Заточенный въ отдаленный монастырь подъ именемъ „чернеца Θεодоса“, онъ явился первой жертвой ненасытнаго честолюбія и жестокой мести, которыми преслѣдовалъ Теофанъ своихъ враговъ. Рядъ архіерейскихъ процессовъ, начатыхъ Теофаномъ уже при Аннѣ и окончившихся послѣ его смерти,—ложится кровавымъ и тяжкимъ укоромъ на память Новгородскаго архіепископа. Эти процессы, которымъ

Оеофанъ постоянно придавалъ политическій характеръ, далеко превосходящій коварствомъ и жестокостью параллельно шедшіе съ ними политическіе процессы государственныхъ людей царствованія Анны Іоанновны: Долгорукихъ, Голицыныхъ, Волюнскаго,—въ гибели которыхъ голословно обвиняется одинъ Биронъ. Если для характеристики вѣмецкаго правительства Анны Іоанновны возможенъ терминъ—*б и р о н о в щ и н а*, какъ синонимъ безправія временщикаго нѣмецкаго террора, то для опредѣленія церковныхъ порядковъ въ первые шесть лѣтъ царствованія Анны Іоанновны, съ ббльшей справедливостью можно употребить названіе—*е с о ф а н о в щ и н ы*.

При Екатеринѣ I, не смотря на погубленіе Оеоодсія Яновскаго, Оеофанъ не могъ первенствовать въ синодѣ. Сильными ему соперниками явились—*О е о ф и л а к т ъ Л о п а т и в с к і й*, архіепископъ Тверской, и ростовскій архіепископъ *Г е о р г і й Д а ш к о в ъ*; первый былъ близокъ къ князьямъ Голицынымъ, второй—къ Долгорукимъ. Объ этихъ соперникахъ Оеофана мы будемъ говорить ниже, здѣсь же замѣтимъ только, что оба они принадлежали къ двумъ партіямъ, раздѣлившимъ наше высшее духовенство съ исхода XVII в.,—*м а л о р у с с к о й* и *в е л и к о р у с с к о й*. Первая партія состояла изъ учениковъ Симеона Полоцкаго и Кіевской академіи, бывшихъ представителями модной въ то время схоластической богословской школы, воспитанной на средневѣковыхъ католическихъ теологахъ; вторая партія отличалась формалистикой и буквализмомъ, присущими мѣстному московскому духовенству XVII вѣка. Обѣ эти партіи враждовали другъ съ другомъ, но обѣ одинаково ненавидѣли Оеофана. Оеофилактъ Лопатинскій принадлежалъ къ партіи малорусской, Георгій Дашковъ—къ партіи великорусской.

При Петрѣ II великорусская партія въ синодѣ взяла полный перевѣсъ, члены ея умножились—и Оеофанъ притихъ. Но не одно это заставило его притихнуть. При Екатеринѣ I и Петрѣ II-мъ самый синодъ утратилъ то независимое положеніе, которое было ему дано Оеофаномъ при его учрежденіи; при Екатеринѣ синодъ былъ раздѣленъ на два „апартамента“, въ первомъ изъ которыхъ засѣдали духовныя лица для управленія собственно церковными дѣлами; второй, названный коллегіей экономіи, составлялся изъ свѣт-

скихъ членовъ и вѣдалъ дѣла судебныя и экономическія. Вслѣдъ за тѣмъ синодъ былъ подчиненъ Верховному Тайному Совѣту, паравнѣ съ сенатомъ и прочими коллегіями, и вмѣсто „правительствующаго“ сталъ называться просто „духовнымъ синодомъ“. Кромѣ того, въ правленіе Петра II начались преслѣдованія всего, что хоть сколько вибудъ напоминало процессъ царевича Алексѣя, въ которомъ Оеофанъ игралъ выдающуюся роль: служба Св. Александру Невскому, заключавшая въ себѣ намеки на царевича, была запрещена; „Правда Воли Монаршей“, написанная Оеофаномъ, отбиралась и уничтожалась. Удары были направлены и прямо противъ Оеофана: типографія Александро-Невскаго монастыря, гдѣ печаталось большинство его сочиненій, была закрыта, подпято загложшее было дѣло объ окладахъ, снятыхъ съ образовъ по распоряженію Оеофана, и архіепископъ Новгородскій былъ присужденъ къ оскорбительному для него взысканію денегъ за утрату церковнаго жемчуга. Оеофанъ былъ совершенно изолированъ и могъ опереться лишь на одного Остермана.

Весьма естественно, что при такомъ положеніи, ему ничего не оставалось больше, какъ стать въ ряды тайныхъ сторонниковъ самодержавія Анны Іоанновны и примкнуть къ явнымъ противникамъ Верховнаго Совѣта, или правильнѣе, князя Д. М. Голицына ⁽²⁶⁾.

Оба соперника Оеофана, Оеофилактъ Лопатинскій и Георгій Дашковъ, были натуры совершенно различныя по уму, по образованію, по характеру и по направленію.

Оеофилактъ Лопатинскій, ученый богословъ-схоластикъ, эллинистъ и критикъ, южнорусскъ по происхожденію, былъ воспитанникомъ Кіевской академіи и закончилъ свое образованіе за границей. По учености онъ могъ быть соперникомъ Оеофану, по уму и характеру—не выдержи-

⁽²⁶⁾ Характеристика Оеофана Прокоповича составлена нами на основаніи почтеннаго труда Г. Чистовича: «Оеофанъ Прокоповичъ и его время», Спб. 1868 г.—См. также рецензіи на эту книгу г. Пыпина, В. Е. 1869 г., т. III, с. 793. и г. Р., Русск. Вѣстн. 1869 г. Апрѣль.—Биографическій очеркъ Оеофана Прокоповича у Бантыша-Каменскаго въ его «Словарѣ», изд. 1847 г., т. III, с. 604—627.

валъ съ нимъ никакого сравненія. Оеофилактъ имѣлъ много фактическихъ свѣдѣній, но не имѣлъ силы возвыситься надъ узкими, формальными схоластическими системами богословія; онъ былъ искренно религіозенъ, глубоко убѣжденъ въ истинахъ православія и всѣмъ сердцемъ преданъ идеѣ независимости церкви отъ свѣтской власти. Не раздѣляя мысли о необходимости синода, онъ скорбѣлъ объ уничтоженіи патріаршества и самъ былъ не прочь сдѣлаться патріархомъ, но его лишенный энергіи умъ и слабый характеръ не давали ему средствъ достигъ желаемаго. Въ 1728 году Оеофилактъ издалъ „Камень Вѣры“, извѣстное полемическое сочиненіе Стефана Яворскаго противъ протестантовъ; ни при Петрѣ Великомъ, ни при Екатеринѣ, книга не появлялась въ печати, а при Петрѣ II она была наконецъ издана по постановленію Верховнаго Тайнаго Совѣта и при участіи князя Д. М. Голицына. Книгѣ этой суждено было впоследствии получить весьма громкую извѣстность, а Оеофилакту пришлось жестоко поплатиться за ея изданіе; но во время воцаренія Анны Іоанновны дѣло о „Каменѣ Вѣры“ только начиналось: въ 1729 году появилось за границей рѣзкое опроверженіе на „Камень Вѣры“, подписанное протестантскимъ богословомъ Буддеемъ. Оеофилактъ, а за нимъ и его друзья, подозрѣвали авторомъ этого памфлета Оеофана Прокоповича^(2*).

Георгій Дашковъ, третій членъ синода, отличался свѣтлымъ природнымъ умомъ, сильной волей и настойчивостью, но не былъ человѣкомъ ученымъ, и не любилъ учености, а такъ какъ среди современнаго ему духовенства самыми учеными людьми были южноруссы, то онъ и неавидѣлъ ихъ отъ всей души. Дашковъ происходилъ изъ старинной шляхетской фамиліи и сталъ извѣстенъ еще при Петрѣ В., оказавши помощь фельдмаршалу Шереметеву при усмирении астраханскаго бунта въ 1706 г. (Въ то время онъ былъ соборнымъ старцемъ въ астраханскомъ Троицкомъ монастырѣ). Подъ монашеской рясой Дашковъ не оставлялъ своихъ шляхетскихъ привычекъ. Будучи архиман-

(2*) См. книгу Чистовича о Оеофанѣ Прокоповичѣ и Филарета, Обзоръ русск. духовн. литерат., кн. II (Спб. 1861), с. 18—21.

дритомъ Троице-Сергіевой лавры, онъ жилъ на широкую ногу: прислуги у него было человѣкъ до двадцати; онъ никогда не ходилъ въ братскую трапезу, а завелъ свой столъ; на церковные вклады содержалъ экипажи и лошадей, строилъ конюшенные дворы и имѣлъ до полутороста конюховъ. Поѣздки его къ родственникамъ и въ приписные къ лаврѣ монастыри отличались великолѣпіемъ: поѣздъ его состоялъ изъ нѣсколькихъ каретъ и колясокъ, сопровождаемыхъ цѣлымъ обозомъ посуды и разныхъ припасовъ; въ обозѣ находилось до полутороста человѣкъ служителей и до двухъ сотъ лошадей; дорогой для отдыха и ночлеговъ разбивались палатки. Родственники гащивали у Дашкова въ лаврѣ по цѣлымъ недѣлямъ, не отказывая себѣ ни въ чемъ; онъ дарилъ ихъ хлѣбомъ, разными припасами, экипажами и лошадьми; племянницъ своихъ выдавалъ замужъ за монастырскихъ дворянъ, посылаемыхъ имъ управителями въ лучшія монастырскія вотчины, которыми распоряжался самовольно и безъ совѣщанія съ братією. Кромѣ всего этого, Георгій Дашковъ былъ не чистъ на руку: онъ бралъ взятки съ своихъ подчиненныхъ и дарилъ лошадьми и деньгами знатныхъ людей, въ которыхъ заискивалъ. Въ 1718 году Георгій Дашковъ былъ посвященъ въ епископы Ростовскіе и съ самаго учрежденія синода оказывалъ ему непочтеніе. Ставъ самъ членомъ синода, онъ явился ревностнымъ защитникомъ автономіи церкви и энергически возсталъ противъ отобранія монастырскихъ имуществъ. При Петрѣ II Дашковъ былъ представителемъ группы людей, мечтавшихъ о возстановленіи патріаршества; въ синодѣ онъ пріобрѣлъ большую силу и первенствующее значеніе, подобравъ себѣ партію изъ великорусскихъ духовныхъ и явившись инициаторомъ всѣхъ мѣръ, направленныхъ противъ Теофана Прокоповича⁽²⁷⁾. Георгій Дашковъ вызвалъ изъ ссылки и сдѣлалъ членомъ синода бывшаго Крутицкаго митрополита Игнатія Смолу, также великорусса. Онъ былъ глубоко преданъ идеѣ патріаршества, не могъ перенести учрежде-

⁽²⁷⁾ Чистовича: «Теофанъ Прокоповичъ», с. 185—190, 223. См. также біографію Георгія Дашкова въ «Православномъ Обзорѣніи», 1863 г., кн. I.

нія синода, относился къ нему непочтительно и въ 1718 году былъ изобличенъ въ приверженности къ царицѣ Евдокии Осодоровнѣ Лопухиной, которую почиталъ настоящей царицей. Петръ Великій пощадилъ Игнатія и отпустилъ его на покой въ Нилову пустынь (*).

(*) См. о немъ подробности въ книгѣ Чистовича о Оеофанѣ Прокѣповичѣ, въ особен. стр. 190—194.

III.

ХАРАКТЕРИСТИКА АННЫ ІОАННОВНЫ И ЕЯ ЖИЗНЬ ДО ВОЦАРЕНІЯ.

Характеристика Анны Іоанновны.—Ея переписка съ С. А. Салтыковымъ (1732—1740) какъ матеріалъ для этой характеристики.—Воспитаніе и обученіе Анны Іоанновны.—Ея замужество и жизнь въ Курляндіи.—Графъ Морицъ Саксонскій и Э. І. Биронъ.—Отношенія Анны Іоанновны къ Петру Великому, Екатеринѣ І, Меншикову, Остерману и друг.—Бестужевскій кружокъ.—Родственныя отношенія Анны Іоанновны.

Курляндская герцогиня Анна Іоанновна (род. 1693 г.), средняя дочь царя Іоанна Алексѣевича, (старшаго брата Петра Великаго) и царицы Прасковьи Феодоровны, (рожд. Салтыковой), по отзывамъ всѣхъ современниковъ лично ее знавшихъ, была одарена отъ природы здравымъ умомъ и чувствительнымъ сердцемъ; ⁽¹⁾ но обстоятельства ея жизни сложились столь неудачно, что эти природныя качества не только не получили должнаго развитія, но были извращены, изуродованы: умъ не былъ обогащенъ образованіемъ и облагороженъ воспитаніемъ, чувство—подвергалось съ молодыхъ лѣтъ оскорбленіямъ, а дѣтство и молодость Анны Іоанновны прошли въ такихъ условіяхъ, при которыхъ нельзя было окрѣпить воли, невозможно было выработаться харак-

⁽¹⁾ Берхгольцъ, Дневникъ, переводъ Аммона, IV, с. 30.—Делриа «Характеристики», *русс.*, с. 138—139.—Манштейнъ, Записки, I, с. 194.—Записки фельдмаршала Миниха, изд. С. Н. Шубинскаго, с. 62—63.—Записки Миниха-сына, с. 173—187.—Письма леди Рондо, изд. Шубинскаго, с. 62—65.—Примѣчанія на записки Манштейна (нов. изд.), Рус. Стар., 1879 г., т. XXVI, с. 399—404 и слѣд.

теру. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ Анна Іоанновна, въ то время когда она была избрана на російскій престолъ, приближаясь уже къ сорокалѣтнему возрасту, является натурой съ весьма противоположными качествами, дававшими поводъ къ самымъ противорѣчивымъ оцѣнкамъ ея.

Въ этой натурѣ, одаренной природой, но изломанной жизнію, проглядываютъ многія наслѣдственные черты ея матери, царицы Прасковьи, и дѣда „тишайшаго и благочестиваго царя“ Алексѣя Михайловича. Царь Іоаннъ Алексѣевичъ, хилый и „нищій духомъ“, не оставилъ слѣдовъ въ характерѣ Анны Іоанновны; въ супружеской жизни онъ игралъ такую-же пассивную роль, какъ и въ дѣятельности государственной. Обвиненный изъ политическихъ разсчетовъ своей даровитой и честолюбивой сестрой, царевной Софьей, царь Іоаннъ скоро уступилъ супружескія права, если вѣрить молвѣ современниковъ, Василю Алексѣвичу Юшкову, управлявшему дворомъ и имѣніями царицы Прасковьи.

Въ характерѣ и образѣ жизни царицы Прасковьи сильно отразилось вліяніе той переходной, преобразовательной эпохи, въ которую она жила. Сохранивъ въ своемъ характерѣ и обиходѣ своеобразныя черты старинной московской боярыни, Прасковья Феодоровна должна была дѣлать уступки новымъ требованіямъ жизни. Суевѣрная и набожная, привыкшая къ патріархальнымъ порядкамъ и своеобразной домашней расправѣ, она дѣлила время между церковными службами и ассамблеями, между юродивыми и театральными зрѣлищами; она должна была прилаживаться ко вкусамъ и требованіямъ своего девера, царя Петра, примѣняться къ характерамъ вліятельныхъ лицъ его двора и допустить обучать своихъ дочерей нѣмецкой грамотѣ и танцамъ⁽²⁾. Набожность и суевѣріе, патріархальность въ домашнемъ быту и самодурство—всѣ эти качества унаслѣдовались ея дочерью, Анной Іоанновной, но еще съ большимъ прилаживаніемъ къ современности, еще съ большими уступками царю Петру и его приближеннымъ. Строптивость, столь свойственная „тишайшему“ Алексѣю Михайловичу,

(2) См. біогр. оч. царицы Прасковьи М. И. Семевского, Время, 1861 г., кн. I—IV.

перешла и къ его внуку, вмѣстѣ съ другими весьма противоположными его склонностями и вкусамъ. Анна Іоанновна также какъ и Алексѣй Михайловичъ, любитъ церемоніалы и торжественные выходы, парчу, золото и драгоценныя украшенія, и входитъ въ мельчайшія подробности ежедневнаго монастырскаго обихода и построения и украшенія церквей; также какъ Алексѣй Михайловичъ, она охотно слушаетъ душеспасительныя бесѣды монаховъ и благочестивыхъ людей, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно ему, до страсти увлекается стрѣльбой въ цѣль, травлей, псарнями и звѣринцами. Склонность къ забавамъ у Анны Іоанновны сильнѣе и оригинальнѣе, чѣмъ у царя Алексѣя; ея склонность ближе по характеру своему къ потѣхамъ и затѣямъ Петра Великаго. „Тишайшій“ царь любилъ купать стольниковъ въ своемъ коломенскомъ пруду и развлекаться разсказами бывалыхъ людей и „комидійными дѣйствами“; Анна Іоанновна любитъ скомороховъ и шутовъ, устраиваетъ изъ нихъ, и ради нихъ, разныя курьезныя процессіи и „машкерады“, напоминающіе „машкерады“ Петра Великаго. Иронія и юморъ, хотя въ грубой, необдѣланной формѣ, часто съ большимъ отгнѣнкомъ цинизма, проявляются у Анны Іоанновны въ ея шуткахъ и шутовскихъ процессіяхъ.

Тихонъ Архипычъ, самый популярный изъ юродивыхъ наполнившихъ дворъ царицы Прасковьи, умѣлъ очень ловко подмѣчать рельефныя черты окружающаго его общества и весьма мѣтко опредѣлялъ противорѣчивыя свойства характера Анны Іоанновны. За ея склонность къ благочестію и монашеству онъ называлъ ее „Анфисой“ и предрекалъ ей монастырь, а ея строптивость и самодурство онъ выражалъ въ слѣдующемъ присловьи, которое произносилъ постоянно при видѣ Анны Іоанновны: „Донзъ, донзъ, донзъ!—царь Иванъ Васильевичъ!“⁽³⁾.

Свой характеръ Анна Іоанновна вполне проявила по воцареніи. Ея страсть къ шутамъ, къ роскоши и къ церковному благолѣпію—достаточно извѣстны, а потому мы позволимъ себѣ прибавить къ характеристикѣ Анны Іоанновны лишь нѣсколько новыхъ подробностей, заимствован-

⁽³⁾ Болтинъ, Примѣчанія на Исторію Россіи г. Леклерка, т. II, с. 467.

ныхъ нами изъ недавно обнародованной переписки ея съ С. А. Салтыковымъ (1732—1740)⁽⁴⁾.

Мужъ ея пріятельницы кягини Аграфены Петровны, князь Никита Ѳеодоровичъ Волховской, сдѣланный офиціальнымъ придворнымъ шутомъ по смерти своей жены († 1732 г.), является мишенью для особыхъ остроумничаній Анны Іоанновны. Такъ въ 1734 году она, „и граючи“, женила его на другомъ шутѣ, князѣ А. М. Голицынѣ, и заставила Волховскаго написать письмо къ его прикащику о томъ „что онъ женился въ правду“. Анна Іоанновна собираетъ письма Волховскаго, „ради смѣху“, и велитъ Салтыкову составить „житіе князя Никиты Волховскаго“. Такую же роль играютъ: Власова, сестра князя Василя Хилкова, и княжна Пелагея Аѳанасьевна Вяземская, взятая ко двору для забавы, п. ч. она, „какъ сказываютъ, много говорить“. За ними идетъ цѣлый рядъ разныхъ разскащницъ, сказочницъ, юродивыхъ, святошъ, шутихъ, приживалокъ, вродѣ „Дарьюшки безручки“, драгунскихъ женокъ—Михайловны и Рудневой, калмычекъ. „великорослыхъ людей изъ плѣнныхъ турокъ“ и карлицъ, а также разныхъ „курьезныхъ“ птицъ и звѣрей: ученыхъ скворцевъ, бѣлыхъ павъ и мартышекъ. Анна Іоанновна посылаетъ, на примѣръ, Салтыкову *шелковинку* и проситъ переслать ее въ Персію, къ генералу Левашеву, „чтобъ онъ по той шелковинкѣ изъ тамошняго народа, изъ персіянокъ, или изъ грузинокъ и милитинокъ (имеретинокъ?) сыскалъ двухъ дѣвочекъ такихъ ростомъ, какъ она есть, толькобъ были бѣлы, чисты, хороши и не глупы“. —„Увѣдомились мы“—пишетъ Анна Іоанновна Салтыкову въ 1739 г.—„что въ Москвѣ на Петровскомъ кружалѣ стоитъ на окнѣ скворецъ, который такъ хорошо говоритъ, что всѣ люди которые мимо идутъ, останавливаются и его слушаютъ, того ради, имѣете вы онаго скворца купить и немедленно сюда прислать“. Аннѣ Іоанновнѣ нравится сатирическая пѣсня, которую поютъ крестьяне деревни Вас. Ѳед.

⁽⁴⁾ Напечатана А. Кудрявцевымъ въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и древн. Росс., 1878 г., кн. I, с. 1—233, по рукописи, принадлежащей Императорскому московскому обществу испытателей природы и озаглавленной: «книга записная полуженнымъ отъ ея императорскаго величества именнымъ письмамъ и указамъ 1732—1742».

Салтыкова, и она велитъ списать эту пѣсню и прислать себѣ (*).

Одновременно съ такими странными выходками, Анна Иоанновна выражаетъ старо-русскую, православную набожность и религіозность. Она заботится объ исправномъ поминовеніи по своей сестрѣ Прасковѣ Иоанновнѣ и о сооруженіи церкви надъ ея могилой въ Вознесенскомъ московскомъ монастырѣ; устраиваетъ новую богатую раку для мощей преп. Сергія Радонежскаго, входитъ въ мельчайшія подробности о снабженіи всѣмъ необходимымъ вновь строящейся въ Петербургѣ Петропавловской церкви и объ освященіи ея, а также объ исправленіи въ Москвѣ Архангельскаго и другихъ соборовъ и нѣкоторыхъ приходскихъ церквей; вникаетъ подробно въ монастырскую жизнь, въ отношенія настоятелей къ братіи, въ ихъ благосостояніе, хлопочетъ о помѣщеніи въ монастыри бѣдныхъ и убогихъ старушекъ. Къ своему духовнику, архимандриту Троицкой лавры Варлааму, человѣку глубоко религіозному и православному,—Анна Иоанновна выражаетъ искреннее почтеніе и сердечную привязанность; она называетъ его „батьюшкой“ и заботится объ удобствахъ при его поѣздкахъ изъ Петербурга въ Москву и при его пребываніи въ Москвѣ: она даетъ ему проводниковъ изъ придворныхъ служителей и проситъ Салтыкова, чтобы онъ оказывалъ ему въ Москвѣ „всякое содѣйствіе въ его нуждахъ“.

Анна Иоанновна является въ письмахъ къ Салтыкову весьма домовитой и заботливой хозяйкой. Она аккуратно слѣдитъ за доходами и расходами своего дворцоваго хозяйст-

(*) «У насъ было въ селѣ Поливановѣ, бояриня отъ дуракъ въ рѣшетѣ пиво варилъ; поитить было молоденькѣ поучить дурака, возми дуракъ котель, больше пива наважишь. А дворецкой дуракъ въ сарафанъ пиво сливалъ; возми дуракъ бочку, больше пива насливаешь. А попь-отъ дуракъ косаремъ сѣно косилъ; возми дуракъ косу, больше сѣна накопишь. А пономарь дуракъ на свиньѣ сѣно возилъ; впряги дуракъ лошадь, больше сѣна навозишь. А поповичъ дуракъ шиломъ сѣно подавалъ; возми ты вилы, больше сѣна подашь. А крестьяннѣ дуракъ косточкой пашню пахалъ; возми дуракъ соху, больше пашни папашешь». (Чтен. Моск. Общ. Ист. и древн. Росс., 1878 г., кн. I, «Письма Анны Иоанновны къ Салтыкову», с. 225—226).

ва, тщательно просматриваетъ вѣдомости и счета, очень любить лошадей и входитъ въ мелочныя подробности о содержаніи придворныхъ конюшенъ и конюшенной команды, слѣдитъ сама за своими золотошвейками и отдаетъ ихъ въ обученіе къ Строгановымъ. Сибирскій приказъ снабжаетъ ея гардеробъ и дворецъ дорогими шелковыми матеріями, мѣхами и „порцеленомъ“ (фарфоромъ); иногда она поручаетъ Салтыкову купить для себя въ Москвѣ старинной матеріи, уже вышедшей изъ употребленія въ ея время, или же какія нибудь рѣдкія вещи для украшенія и туалета, причемъ иныя вещи, по цѣнамъ, означеннымъ Салтыковымъ, считаетъ дорогими и велитъ ему „торговаться и купить по дешевле“.—„Поищите въ Москвѣ у купцовъ“—пишетъ она, на примѣръ, въ 1734 году—„старинныхъ объярей, которыя, я чаю, и вы помните, что они бывали крѣпкія, а не такія какъ нынѣ, и сыскавъ, купите штукъ пять и пришлите сюда немедленно, а цвѣтомъ какія вибудь, толькобъ тѣ штуки мѣрою были пополнѣ“.—„Ежели отправлять будете сюда изъ Сибирскаго приказа порцеленъ или другія какія вещи“—пишетъ императрица Салтыкову въ 1745 г.—„то съ оними пришлите китайскіе цвѣты, которые нашиваются на полотно, всѣ сколько ихъ есть; буде же отправленія никакого не будетъ, то отправьте оныя хотя съ нарочнымъ“. Она знаетъ лично московскихъ „серебрянаго дѣла чеканщиковъ“ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ и выписываетъ ихъ въ Петербургъ, на годъ и на полтора года „у работы дворцовой въ вѣдомствѣ нѣмецкихъ мастеровъ“.

Анна Іоанновна не только выказываетъ большое вниманіе къ своимъ роднымъ находящимся въ живыхъ, но усердно чтитъ память умершихъ царственныхъ родственниковъ. Любопытно стараніе ея розыскать ихъ „персоны“ (т. е. портреты), находившіяся въ частныхъ рукахъ и въ дворцовыхъ кладовыхъ и Мастерской палатѣ. Такъ на примѣръ она поручаетъ Салтыкову добыть ей портреты—царя Алексѣя Михайловича отъ Ивана Бутурлина, а царевны Прасковьи Іоанновны отъ Шереметевой, прося также пайти портретъ царя Іоанна Алексѣевича и царицы Прасковьи, принадлежавшіе царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, а равно и портреты самой царевны Софьи, племянницы своей Анны Леопольдовны, царя Θεодора Алексѣевича

и царевны Екатерины (сестры Петра Великаго). Анна Иоанновна собираетъ „старинныя книги русскія и исторіи прежнихъ государей „въ лицахъ“, (т. е. съ рисунками), о свадьбахъ или какихъ нибудь прочихъ порядкахъ“.

Въ судьбѣ частныхъ лицъ, ея придворныхъ и близкихъ ей, Анна Иоанновна принимаетъ сердечное участіе. Отношенія эти чисто патріархальныя. Она выражаетъ заботу о денежныхъ и семейныхъ дѣлахъ графа Алексѣя Петровича Апраксина, своего придворнаго шута, а равно и другаго шута—Балакирева; покровительствуетъ женѣ Апраксина, приказывая Салтыкову взыскать должныя Апраксину деньги съ Колычева, князя Репнина и другихъ, и даетъ ему и женѣ его займы безъ процентовъ деньги изъ казенныхъ полковыхъ суммъ, а потомъ деньги эти даритъ Апраксину, и запрещаетъ взыскивать съ него долги. Анна Иоанновна заботится о выдачѣ замужъ одной изъ бѣдныхъ дѣвушекъ-дворянокъ Гнѣбушевыхъ за Матюшкина; свадьба произошла во дворцѣ въ началѣ 1734 г.—„Я чаю вы помните“—пишетъ Анна Иоанновна Салтыкову въ томъ же 1734 году „Аксинью Юсупову, которая жила у матушки; сестра ея есть Марья за Возницынымъ, а слышала я, что онъ на воеводствѣ, а гдѣ не знаю—того ради вели къ себѣ сыскать Аксиньинныхъ братьевъ, Василья и Ивана Юсуповыхъ, и спроси ихъ, гдѣ ихъ сестра Марья, что за Возницынымъ; ежели она съ мужемъ или въ деревнѣ, то пошли тотчасъ по нее и отправь къ намъ въ Петербургъ, давъ ей солдата, чтобъ сохранно ее довели, а братьямъ ея и ей изволь сказать, что я ее беру изъ милости къ себѣ, для того, что ей, какъ я слышу, худо жить отъ мужа, къ тому жъ она за мною ходила, а ежели бъ она отъ мужа вовсе не похотѣла ѣхать, то на время къ намъ ея конечно отправить на нашемъ коштѣ немедленно“.—Анна Иоанновна вступается въ семейныя дѣла многихъ лицъ, разрѣшаетъ имъ браки и т. п. Такъ она разрѣшаетъ бракъ Θεодора Лопухина съ Шереметевой, Петра Мих. Салтыкова съ княжной Натальей Алексѣевной Голицыной, приказываетъ воеводской женѣ Кологривой выдать дочь за служившаго у Салтыковыхъ Дмитрія Степанова, сватаетъ дочь князя Василья Гагарина за камеръюнкера Алексѣя Татищева.

Анна Иоанновна любитъ интимное общество разныхъ старыхъ барынь и приживалокъ; это все московскія бары-

ни стариннаго закала, изъ которыхъ многія гостятъ у нея въ Петербургѣ по нѣскольку недѣль и мѣсяцевъ. Она заботится о ихъ благосостояніи, даетъ имъ провожатыхъ до Москвы и проситъ Салтыкова оказывать имъ всякое содѣйствіе. Какую роль играли во дворцѣ Анны Іоанновны эти приживалки, видно изъ любопытнаго разсказа жевы дворцоваго управителя, Настасьи Филатовны Шестаковой, о томъ, какъ она провела у императрицы 16—17 іюля 1738 г. (*).

Анна Іоанновна послала за Филатовной съ утра. Филатовна явилась. До вечерни она провела время въ обществѣ придворныхъ дамъ, а затѣмъ была призвана въ опочивальню къ императрицѣ, когда та ложилась въ постель; Анна Іоанновна начала „тѣшиться“: „взяла меня за плечо такъ крѣпко, что съ тѣломъ захватила, ажъ больно мнѣ было“—разсказываетъ Филатовна. Затѣмъ Анна Іоанновна стала вспоминать про прошлое время; большую церемѣну замѣтила она въ постарѣвшей Филатовнѣ и спрашивала ее—перемѣнилась ли она сама?—на что Филатовна, конечно, отвѣчала отрицательно. Анна Іоанновна засыпала Филатовну вопросами.—„Не знаю матушка, что говорить, душа во мнѣ трепещется—дай отдохнуть“—бормотала оторопѣвшая Филатовна, постоянно кланяясь въ ноги императрицѣ. Анна Іоанновна заставила ее разсказывать про разбойниковъ, а потомъ велѣла ей подробно передать про ея житье-бытье Авдотѣ Ивановнѣ Чернышевой.—„И долго вечеромъ изволила сидѣть и пошла почивать“, а гостью взяла къ себѣ княгиня Щербатова, которая жила передъ опочивальнею. На другой день, въ 10-мъ часу утра, опять привели Филатовну къ императрицѣ; Филатовна упала въ землю. „Подымите ее. Ну Филатовна, разсказывай!“—обратилась къ ней императрица.—„Вчера, матушка, день я сидѣла, какъ къ исповѣди готовилась—сердце все во мнѣ трепетало, а сегодня къ причастію готовилась“—говорила Филатовна. Анна Іоанновна снова ее спрашивала: и про ея мужа, при какой онъ должности, и лучше ли ему теперь, чѣмъ было прежде, когда онъ управлялъ новгородскими волостями, и богаты ли мужики въ коломенскихъ дворцовыхъ деревняхъ,

(*) Бумаги К. И. Арсеньева, изд. акад. Пекарскимъ („Сб. отд. русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ“, т. IX), с. 133—136.

которыми управляетъ Шестаковъ, и стрѣляютъ ли дамы въ Москвѣ изъ ружей? Филатовна передала ей все что знала. Императрица выслушала милостиво и въ заключеніе похвалила мужа Филатовны за то, что онъ честно живетъ. „Эдакъ лучше: не пользуется имѣніе въ день гнѣва, а правда избавляетъ отъ смерти“—сказала при этомъ Анна Іоанновна. Едва замолчитъ Филатовна, императрица попускаетъ ее: „ну говори!“ На прощанье велѣла выдать Шестаковой „сто рублей“ и показать ей свои сады и звѣринцы, а также общала пріѣхать помолиться къ „Миколѣ Чудотворцу“ въ село Дѣдиново (гдѣ жили Шестаковы), какъ ѣзжала туда прежде съ покойной царицей Прасковей.

Воспитаніе Анны Іоанновны не способствовало развитію ея ума. Учили ее немногому и самымъ поверхностнымъ образомъ. Ея учителемъ, какъ мы уже видѣли, былъ Дидрихъ Остерманъ, братъ вице-канцлера, человѣкъ ограниченный и пустой. Порядочное знакомство съ нѣмецкимъ языкомъ было единственнымъ результатомъ его ученія; по русски Анна Іоанновна только говорила хорошо, писала же просто безграмотно. Былъ еще у Анны Іоанновны другой учитель, Рамбурхъ—„танцевальный мастеръ“, который обучалъ ее „тѣлесному благолѣпію и комплиментамъ чиномъ нѣмецкимъ и французскимъ“⁽¹⁾. Царица Прасковья не любила Анны Іоанновны, и она праздно проводила жизнь, частію въ селѣ Измайловѣ, частію въ Москвѣ и Петербургѣ, до семнадцати-лѣтняго возраста находясь подъ надзоромъ и попеченіемъ своего дяди Петра Великаго и тетки Екатерины. Петръ былъ плохой педагогъ: не обращая вниманія на воспитаніе своихъ собственныхъ дѣтей, онъ прилагалъ еще менѣе стараній къ воспитанію племянницъ; на нихъ онъ смотрѣлъ исключительно, какъ на орудія для своихъ политическихъ „конъюнктуръ“. Отторгая у шведовъ область за областію на балтійскомъ побережьи, Петръ лелѣялъ мысль стать твердо ногою на всемъ Балтійскомъ морѣ; этимъ замысломъ опредѣляется его желаніе войти въ „аліансы“ со всѣми прибалтійскими государями: герцогомъ курляндскимъ, курфюрстомъ бранденбургскимъ, королемъ датскимъ и герцогами голштинскимъ и мекленбургскимъ—и завязать дру-

(¹) Русскій Архивъ 1867 г., с. 1187—1188.

жественныя сношенія съ Англіей и Голландіей. Брачныя союзы между государями—единственно-прочное въ то время средство для „аііанса“, и вотъ Петръ Великій проектируетъ цѣлый рядъ такихъ брачныхъ союзовъ. Осенью 1710 года, семнадцатилѣтняя его племянница Анна Іоанновна была выдана замужъ за курляндскаго герцога Фридриха-Вильгельма, во владѣніяхъ котораго русскія войска уже расхаживали какъ у себя дома. Но брачная жизнь Анны Іоанновны была очень коротка. Отпраздновавши свадьбу племянницы столь любимыми имъ шумными торжествами съ разными „куръёзами“, Петръ Великій отпустилъ новобрачныхъ въ Курляндію въ началѣ 1711 года. Свадебныя торжества, а въ особенности большое количество выпитаго во время ихъ вина, дурно подѣйствовали на непривыкшаго къ кутежамъ герцога: онъ заболѣлъ въ дорогѣ и 9 января умеръ (*).

Съ тѣхъ поръ Анна Іоанновна прожила въ Курляндіи девятнадцать лѣтъ самую грустную и обездоленную жизнью. То были лучшіе ея годы, отъ восемнадцатаго до тридцати седьмаго, когда жизнь стремится вступить во всѣ свои права, особенно жизнь женщины. Положеніе Анны Іоанновны въ Курляндіи было ненормальное и фальшивое во всѣхъ отношеніяхъ. Вдова, бывшая замужемъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, герцогиня безъ герцогства, принужденная оставаться въ чуждой ей нѣмецкой обстановкѣ, да еще въ такой странѣ, которая была постояннымъ яблокомъ раздора между сильными сосѣдями—Россіей, Швеціей, Пруссіей и Польшей. Матеріальное обезпеченіе молодой вдовы было также незавидное: царица Прасковья ей ничего не давала, приданое, назначенное Петромъ, не все еще было выпла-

(*) Gebhardi, «Gesch. des Herzog—ms Kurland und Semgallen». Halle 1789.—«Urkunden v. der Vermählung des Herzogs zu Curland Friedrich Wilhelm mit der Russischen Prinzessin Anna»—въ Магазинѣ Büsching'a, XV, 199—200.—Kruse. «Kurland unter den Herzogen», 1833, Bd. I.—См. А. Мосолова: «Курляндія подъ управленіемъ Екатерины Великой». (Р. В. 1870, май, с. 28—30). Эта небольшая статья, въ которой авторъ даетъ краткій очеркъ исторіи Курляндіи, имѣетъ цѣну по своимъ источникамъ. Она составлена на основаніи авторитетныхъ сочиненій по исторіи Курляндіи и архивныхъ дѣлъ.

чено, курляндскій сеймъ спорилъ о томъ, слѣдуетъ Аннѣ Іоанновнѣ выдѣлить вдовью часть изъ герцогскихъ имѣній, или нѣтъ?—а эти имѣнія, очень обширныя, составлявшія одну треть территории Курляндіи, почти всѣ находились въ арендѣ или въ залогѣ у сосѣднихъ владѣтелей (рижскаго епископа, бранденбургскаго курфюрста и др.) и у частныхъ лицъ. Для выдѣла изъ нихъ части Аннѣ Іоанновнѣ, приходилось ихъ выкупать, что, при дурномъ состояніи тогдашнихъ финансовъ герцогства,—было очень трудно. Петръ Великій настаивалъ на выдѣлѣ Аннѣ Іоанновнѣ ея части и опредѣлилъ къ ней гофмейстеромъ и управляющимъ ея имѣніями Петра Михайловича Бестужева,—отца извѣстнаго впослѣдствіи кабинетъ-министра и канцлера елизаветинской эпохи Алексѣя Петровича Бестужева,—предписывая ему употребить радикальныя средства для вліянія на курляндскій сеймъ.

Курляндское герцогство, бывшее въ то время леннымъ владѣніемъ польскаго королевства, управлялось сильнымъ и олигархическимъ рыцарствомъ. По смерти мужа Анны Іоанновны, курляндскимъ герцогомъ сталъ дядя его, Фердинандъ, нерасположенный къ Россіи. Онъ очень скоро разсорился съ курляндскимъ рыцарствомъ и переѣхалъ даже на житье въ Гданскъ (Данцигъ). Курляндскій сеймъ порѣшилъ избрать новаго герцога. Явилось два претендента на курляндскую корону: съ польской стороны—побочный сынъ короля Августа II-го, Морицъ Саксонскій, и съ русской—князь Меншиковъ. Это произошло въ 1726 году, когда Петра Великаго не было уже на свѣтѣ. Оба противника боролись сперва путемъ дипломатіи, потомъ оружіемъ.

Морицъ Саксонскій былъ типическимъ представителемъ тѣхъ французскихъ воиновъ-ловеласовъ, похожденіями которыхъ переполнены придворныя хроники первой половины XVIII в. Красивый собой, кичившійся своимъ происхожденіемъ, весьма почетнымъ въ то время, Морицъ не ломалъ головы надъ политическими и философскими вопросами вѣка, но, относясь къ жизни легкомысленно, игралъ въ любовь и въ войну; и та и другая игра ему улыбались. Онъ былъ идоломъ всѣхъ модныхъ красавицъ Парижа, Дрездена и Вѣны, и съ успѣхомъ обнажалъ шпагу подъ знаменами герцога Мальборо и принца Евгенія, сражаясь и со шведами, и съ испанцами, и съ турками. Морицъ Саксонскій

пригласился вдовѣ-герцогинѣ, а самъ онъ, домогаясь ея руки для большаго упроченія своей кандидатуры на курляндскую корону, притворялся влюбленнымъ въ нее. Этому браку равно желали, и отецъ Морица, король польскій Августъ, и курляндскій сеймъ; но политическія соображенія петербургскаго кабинета, нерасположеннаго подчинить Курляндію еще большей зависимости отъ Польши, а въ особенности честолюбивые планы Меншикова—разстроили „судьбу“ Анны Іоанновны (°).

Въ то время ей было уже тридцать четыре года—молодость ея прошла. Что же мудренаго, что она около этого времени сблизилась съ однимъ изъ своихъ придворныхъ, столь извѣстнымъ впоследствии Эрнестомъ Іоганномъ Бирономъ. Незнатное происхожденіе, грубость и чудовищная жестокость этого человѣка сдѣлались почти общимъ мѣстомъ въ повѣствованіяхъ и разсужденіяхъ о царствованіи Анны Іоанновны; поэтому мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что ни то, ни другое мнѣніе не выдерживаетъ строгой критики. Первое мнѣніе основано болѣе чѣмъ на сомнительныхъ данныхъ, а второе сложилось подъ вліяніемъ послѣдующаго виднаго положенія Бирона среди ненавистнаго русскимъ нѣмецкаго правительства Анны Іоанновны, въ которомъ Биронъ едва ли игралъ большую роль, чѣмъ Остерманъ и Минихъ. Но Биронъ имѣлъ несомнѣнно сильное вліяніе на Анну Іоанновну, которая подчинялась ему вполне; поэтому, говоря о ней, нельзя обойти характера ея фаворита.

При избраніи курляндской герцогини на русскій престолъ, Биронъ далеко еще не былъ тѣмъ всесильнымъ временщикомъ, какимъ явился впоследствии,—онъ только начиналъ свою карьеру при мелкомъ нѣмецкомъ дворѣ. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ XVIII в. Биронъ былъ уже женатъ

(°) Saint-René Taillandier, «Maurice de Saxe, étude histor. d'après les documents des archives de Dresde». 2-e ed, Paris, 1870.—Щебальскій, «Князь Меншиковъ и графъ Морицъ Саксонскій» (гл. образ. по документамъ Моск. Гл. Архива М. И. Д.), Р. В. 1860 г., т. XXV, с. 5—68.—Е. П. Карновичъ «Вѣстательство русской политики въ избраніе Морица Саксонскаго герцогомъ Курляндскимъ», Древн. и Нов. Россія 1875 г., т. III, с. 56—71; 152—161,

и не первой молодости (онъ родился въ 1690 г.); весьма красивой наружности, съ отличными манерами, очень скромный и привѣтливый въ обращеніи, онъ былъ большой дѣлецъ, хорошо знающій канцелярскую часть и обладающій отличнымъ слогомъ. Умъ Бирова былъ не изъ выдающихся умовъ: не лишенный остроты, даже сарказма, онъ былъ щедро надѣленъ тѣмъ житейскимъ тактомъ, который французы такъ мѣтко называли—*l'esprit de conduite et de savoir vivre*.¹⁰⁾ Свѣдѣнія Бирова были не обширны, но весьма несправедливо обвинять его въ исключительномъ знаніи одной гиппологии и лошадиныхъ нравовъ и обычаевъ. Биронъ воспитывался въ Кѣнигсберскомъ университетѣ, оказывая склонность преимущественно къ прикладнымъ наукамъ; онъ очень хорошо понималъ значеніе науки и высшаго образованія, относясь всегда съ уваженіемъ къ ученымъ; слѣдя за тогдашнею, небогатою впрочемъ, нѣмецкою литературою,—онъ и самъ имѣлъ очень хорошую, по словамъ одного изъ его біографовъ, даже драгоценную, библіотеку. Биронъ былъ очень честолюбивъ и стремился возвыситься надъ толпою: „il faut se pousser au monde“ — говорилъ онъ постоянно. Вопросъ о карьерѣ всегда былъ для него жизненнымъ вопросомъ. Безъ понятій о чести, безъ сознанія долга, онъ пробивалъ себѣ дорогу въ жизни съ своекорыстіемъ мелкаго эгоиста. Онъ былъ человѣкъ безъ сердца и съ большимъ запасомъ энергіи и настойчивости; впослѣдствіи изъ безсердечія развилась въ немъ жестокость. Гордое курляндское рыцарство относилось къ Бирону свысока, оскорбляя его самолюбіе, и изъ этого съ нимъ обращенія онъ вынесъ къ родовитой аристократіи презрѣніе, которое со временемъ еще болѣе усилилось въ отношеніи къ русскимъ родословнымъ людямъ. Какъ нѣмецъ, онъ вообще смотрѣлъ па русскихъ съ пренебреженіемъ, чтò и выказалъ вполнѣ, получивъ въ руки ту обширную власть, которая была ему не подъ силу⁽¹⁰⁾.

(10) Hempel, «Merkwürdiges Leben des, unter dem Namen des Grafen v. Biron, weltbekannten Ern. Joh. Bürens, gewesenen Regenten des Russischen Reichs.» 2-е Aufl. «Braunsch. u. Leipz., 1742.—Эта біографія представляетъ положительный панегирикъ Барону, сообщая нѣсколько весьма любопытныхъ фактовъ изъ жизни регента; біогр. данныя до

Одновременно съ пребываніемъ въ Курляндіи Морица Саксонскаго и сближеніемъ съ Бирономъ, Анна Іоанновна, какъ мы видѣли, познакомилась еще съ двумя личностями, которыми суждено было впослѣдствіи сыграть діаметрально-противоположныя роли не только въ жизни Анны Іоанновны, но и въ исторіи всей Россіи—съ княземъ Василиемъ Лукичемъ Долгорукимъ и графомъ Павломъ Ивановичемъ Ягупинскимъ. Въ то же время она была въ сношеніяхъ со многими людьми, стоявшими у кормила правленія русскаго государства, заискивала въ нихъ и писала имъ униженныя и ласкательныя письма. Этими людьми были: всесильный при Екатеринѣ І-й и въ началѣ правленія Петра II—князь Меншиковъ, и сильный во всѣ правленія А. И. Остерманъ.

Анна Іоанновна пишетъ посланія не только къ самому Ижорскому князю, нанесшему столько оскорбленій ея чувству и самолюбію во время исканій Морицомъ Саксонскимъ ея руки и курляндской короны,—но и къ женѣ Меншикова къ свояченицѣ, къ сыну, и къ дочери—первой невѣстѣ отрока-императора. Всѣхъ этихъ сильныхъ лицъ хочетъ задобрить въ свою пользу несчастная вдовца. Въ теченіи одиннадцати лѣтъ, съ 1716 по 1727 годъ, до самаго паденія „прегордаго Голаава“ (такъ называли современники Меншикова)—Анна Іоанновна весьма аккуратно поздравляетъ, какъ самого Александра Даниловича, такъ и его родныхъ, съ новымъ годомъ и пасхой, съ семейными праздниками свѣтлѣйшаго князя, съ рожденіемъ у него новыхъ чадъ, съ его служебными повышеніями и

возвышенія Бирона обследованы весьма основательно.—См. Характеристики Бирона у де-Лиріа, *ржн.*, с. 149—150, и въ письмахъ леди Рондо. (изд. Шубинскаго, стр. 108). Отзывы о Биронѣ фельдмаршала Миниха (См. его Записки изд. Шубинскаго, с. 67—68) и Манштейна (См. Записки изд. «Русской Стар.» с. 31—32) пристрастны и представляютъ герцога Эрн. Іоганна не въ настоящемъ свѣтѣ. Эти отзывы, на основанія которыхъ создано у большинства представленіе о Биронѣ, обусловливаются недружелюбными къ нему отношеніями Миниха и адъютанта послѣдняго, Манштейна.—Сравни отзывъ о Биронѣ кн. М. М. Щербатова въ его трактатѣ «О поврежденіи нравовъ въ Россіи». (Р. Стар. 1870 г., т. II, с. 51—52 перваго изданія).

награждениями, etc. etc., благодарить „за милостивыя писанія“, справляется о здоровьѣ „государя-дядюшки“ и государыни-тетушки“, просить „милостивой протекціи“ себѣ, своей матери и сестрамъ и ходатайствуетъ о разныхъ своихъ дѣлишкахъ. Тонъ этихъ писемъ самый заискивающий, самый жалостливый. Вотъ напримѣръ, какъ закапчиваетъ Анна Іоанновна письмо къ свояченицѣ Меньшикова, В. М. Арсеньевой, писанное въ то время, когда дочь Ижорскаго князя была певѣстой Петра II.

«Себяжъ повергаю (въ)вашю милость и въ милостивое претстательства за меня сирюу у ихъ светлости (т. е. у Меньшикова съ женой) і у Государыни Ее Высочества моеѣ дарагой Государыни племянницы (невѣсты императора), въ чемъ несумненною надежду имею на вашу милость, какъ на самово Бога и пресветую Богородицу, і пребываю з достойнымъ рес-пектомъ вашей милости верная и ко услугамъ должная Анна»⁽¹¹⁾.

Письма къ Остерману болѣе дѣловаго характера и не столь униженнаго тона. Вотъ, напримѣръ, одно изъ нихъ отъ 30 декабря 1727 года.

«Андрей Івановичъ! Чрезъ вашего сиятельства ко мне склонную любовь получила я Его Императорскаго Величества і Ея Высочества Государыни Великой Княжны милостивые писан(ь)и, при томъ і вашего сиятельства, за что і за вся вашего сиятельства ко мне многіе благодеяніе попремногу благодарствую. І впредь ваше сиятельство прошю неотменно меня въ сво(е)й склонной любви і протекци(и) содержать; а я есмь і во весь животъ мой пребуду со многимъ почтеніемъ вашего сиятельства доброжелательная і къ службѣ готовая Анна»⁽¹²⁾.

Если Анна Іоанновна относилась такъ къ людямъ власть имѣющимъ, то конечно, еще съ болѣе большимъ униженіемъ писала она къ своимъ царственнымъ родственникамъ: къ государю-дядюшкѣ Петру Алексѣевичу, къ государынѣ-тетушкѣ Еватеринѣ Алексѣевнѣ и къ Петру II-му. Кромѣ того, Анна Іоанновна пишетъ и къ второстепеннымъ членамъ царскаго дома: къ цесаревнамъ Аннѣ и Елизаветѣ,

⁽¹¹⁾ «Письма Русскихъ Государей» изд. комис. печат. госуд. грамотъ и договоровъ, в. IV, с. 201.—Всѣ предъидущія и послѣдующія подробности о перепискѣ Анны Іоанновны за время пребыванія ея въ Курляндіи—занимствованы нами изъ этого же изданія; мы приводимъ указанія только на подлинныя мѣста изъ писемъ Анны Іоанновны.

⁽¹²⁾ Ibid., стр. 235.

къ Натальѣ Петровнѣ, къ Натальѣ Алексѣевнѣ (сестрѣ Петра II) и даже къ трехъ-лѣтнему младенцу, сыну Петра Великаго, царевичу Петру Петровичу. Въ письмахъ къ Петру Великому Анна Іоанновна выражается почтительно-официально, поздравляя его съ церковными и семейными праздниками и прося извѣщеній о его здоровьи. Изъ тридцати писемъ ея къ царю, съ 1717 г. до самой его кончины, Анна Іоанновна только одинъ разъ рѣшилась обратиться съ просьбой о своихъ денежныхъ дѣлахъ: въ 1724 году просить она его о пожалованьи ей на десять лѣтъ состоящихъ въ арендѣ „амптовъ“ на уплату долговъ и на исправленіе домашнихъ нуждъ. Петръ Великій не любилъ нѣжностей и смотрѣлъ на Анну Іоанновну, какъ на пассивное орудіе своихъ цѣлей и предначертаній. Безъ его разрѣшенія Анна Іоанновна не имѣла права выѣзжать изъ Курляндіи, а когда, при начавшихся недоразумѣніяхъ между герцогомъ Фердинандомъ и курляндскимъ рыцарствомъ, пошли со стороны приверженцевъ герцога разныя интриги и инсинуаціи противъ Россіи,—Петръ принялъ крутыя мѣры и велѣлъ Аннѣ Іоанновнѣ выѣхать изъ Митавы въ Ригу, гдѣ она и прожила почти годъ, съ августа 1720 по май 1721 года.

Гораздо интимнѣе и откровеннѣе переписка Анны съ Екатериной, женщиной несомнѣнно доброй и принимавшей живое участіе въ положеніи курляндской герцогини. Съ ней бесѣдуетъ она запросто о своихъ домашнихъ дѣлахъ, называя ее въ письмахъ „тетушка-матушка“, „свѣтъ мой“, „радость моя“. Анна Іоанновна жалуется на своего дядю, Василія-Феодоровича Салтыкова, приводившаго въ ужасъ курляндцевъ своимъ поведеніемъ во время пребыванія въ Митавѣ. Она посвящаетъ императрицу въ разныя сплетни, которыя произошли между нею и ея матерью, царицею Прасковьею, и проситъ помирить ихъ между собою.

«Истенна, матушка моя, донашу: несиоз(с)на, какъ нами ругаютца!»—пишетъ Анна Іоанновна 4 іюля 1719 г. Екатерйнѣ.—«Еслибы я таперь была при матушки, чаю-бы чуть была жива отъ ихъ смутакъ; я думаю, і сестрица отъ нихъ, чаю, сокрушилась. Не оставь, моі светъ, сіе въ своєї миласте!»—Также ісвоилия вы, светъ моі, приказовать комне: нетъ ли нужды мнѣ въ чомъ здесь?»—продолжаетъ Анна Іоанновна въ томъ же письмѣ.—«Вамъ, матушка моя, ізвесна, што у меня ничево нетъ, крамѣ што съ воли вашеі выписаны штообы; а ежели къ чему случеі

позаветъ, і я не імею нароче(и)тыхъ алмазовъ, ни кружевъ, ни полотень, ни платя нарочетава: і въ томъ ко мне ісволте учинить, матушка моя, по высокаі своєі милости і(зъ) здешнихъ пошленихъ денекъ; а деревенскими доходами насилу я магу домъ и столъ свой въ гот(д)ъ содержать. Также определонъ по вашему указу Бестужевъ сынъ ка мне обаръ-камарамъ-юнкаромъ і живеть другой годъ бе(зъ) жалованья, і проситъ у меня жалованья; и вы, светъ моі, какъ ісволите? І прошу, матушка моя, не прогнева(й)ся на меня, што утредила еваімъ писномъ, надеючи на милость вашу къ себе. Еще прошу, свѣтъ мой, штобъ матушка не ведала плчево і кладусь (въ) волю вашу: какъ, матушка моя, ізвольш са мною. При семъ племянница ваша Анна кланеюсь⁽¹³⁾.

Анна Іоанновна изрѣдка посылаетъ Екатеринѣ презенты: то штофной матеріи ко дню рожденія, то табаверку, и проситъ ходатайствовать по своимъ нуждамъ передъ Петромъ; на первомъ плавіѣ стоитъ желаніе отлучиться на время изъ Митавы въ Петербургъ. Она очень хотѣла навѣститъ больную при смерти мать, но не успѣла: царица Прасковья умерла безъ нея. Опечаленная кончиной матери, Анна Іоанновна проситъ у Екатерины позволенія прибыть на ея коронацію въ 1724 году; получивъ это позволеніе, она снова обращается къ Екатеринѣ съ просьбой прислать ей образецъ платя для предстоящаго торжества. Съ поздравленіемъ о восшествіи на престолъ Екатерины Анна Іоанновна посылаетъ Бирона.

Анна Іоанновна жила въ Митавѣ скромно и тихо. Рыцарство ее полюбило и относилось къ ней почтительно, признавая ее принцессой очень умной. У нея составилъ кружокъ интимныхъ лицъ и изъ курляндцевъ, и изъ русскихъ. Въ числѣ послѣднихъ видное мѣсто занимаетъ кружокъ, мѣтко названный покойнымъ С. М. Соловьевымъ, „Бестужевскимъ кружкомъ“. Во главѣ этого кружка находился гофмейстеръ Анны Іоанновны, Петръ Михайловичъ Бестужевъ, а самый кружокъ состоялъ изъ двухъ его сыновей: Михайлы и Алексѣя, и двухъ дочерей—дѣвицы Екатерины Петровны, фрейлипы Анны Іоанновны, и княгини Аграфены Петровны, бывшей замужемъ за княземъ Никитою Ѳеодоровичемъ Волхонскимъ. Къ кружку принадлежали также: членъ военной коллегіи Егоръ Ивановичъ Пашковъ, Иванъ Семеновичъ Черкасовъ, знаменитый „арапъ Петра Великаго“ Абрамъ Петро-

(13) Ibid., стр. 40.

вичъ Гавнибалъ и др. Михаилъ и Алексѣй Петровичи Бестужевы,—видные дѣятели елизаветинскаго царствованія, особенно послѣднѣй,—занимали и въ описываемое время важные дипломатическіе посты резидентовъ, первый въ Варшавѣ, а второй въ Копенгагенѣ. Алексѣй Петровичъ Бестужевъ былъ вскорѣ опредѣленъ оберъ-камеръ-юнкеромъ ко двору Анны Іоанновны. Особымъ расположеніемъ герцогини пользовалась сестра Бестужевыхъ, княгиня Аграфена Петровна Волховская, женщина очень умная, большая хозяйка, по несчастію вышедшая замужъ за человѣка вполне ея недостойнаго, кутилу и мота, потѣшавшаго Анну Іоанновну своими глупыми выходками и ставшаго наконецъ ея официальнымъ придворнымъ шутомъ.

Всѣ лица Бестужевскаго кружка отъ души ненавидѣли Меншикова. Они вели между собой переписку, въ которой откровенно выражали свои мнѣнія о всесильномъ временщикѣ. Большинство изъ нихъ поплатилось за это ссылкой. Запутанные Меншиковымъ въ дѣло Девьера и Толстаго, всѣ они были разосланы по деревнямъ, а иные и въ дальніе города на службу; уцѣлѣли только самъ Петръ Михайловичъ Бестужевъ, да его два сына⁽¹⁴⁾. Едва миновала ихъ гроза и самый ихъ врагъ находился уже въ Березовѣ, какъ ударъ готовился съ другой стороны. На этотъ разъ онъ послѣдовалъ отъ Бирова, который видѣлъ въ Петрѣ Михайловичѣ опаснаго себѣ соперника. Въ 1727 году на него поданъ доносъ, обвинявшій его въ служебныхъ злоупотребленіяхъ. Вызванный въ Петербургъ, онъ былъ обвиненъ наряженной надъ нимъ особой комиссіей и спасенъ только личнымъ заступничествомъ Анны Іоанновны передъ Остерманомъ⁽¹⁵⁾.

⁽¹⁴⁾ Свѣдѣнія эти заимствованы изъ незаданной статьи Г. В. Есипова (по архивнымъ документамъ): «княгиня А. П. Волховская» и по выпискамъ изъ ея дѣла, сообщеннымъ Л. Н. Майковымъ.—К. И. Арсеньевъ («Царствование Петра II», с. 78 и примѣчаніе 54) неправильно считаетъ Бестужевскій кружокъ противникомъ царевнѣ дома Іоанна и въ особенности Анны Іоанновны.

⁽¹⁵⁾ «Письма Русскихъ Государей», в. IV, с. 154—156, 164—203.—Сен Арх., Указы В. Т. С. за 1727 и 1728 гг.—Незаданная статья Г. В. Есипова о кн. Волховской.

Анна Иоанновна рѣдко покидала свое митавское уединеніе. Она была въ Москвѣ на коронаціи Екатерины I-й, затѣмъ посѣщала Петербургъ и Москву по самымъ важнымъ своимъ дѣламъ: въ 1726 году она ѣздила хлопотать о своей свадьбѣ съ Морицомъ Саксонскимъ, въ 1727 году лично ходатайствовала за Петра Михайловича Бестужева, въ 1728 году присутствовала на коронаціи Петра II. Она не порывала связи съ русскими и съ Россіей: многіе знали ее въ Москвѣ, съ нѣкоторыми изъ старинныхъ и знатныхъ русскихъ фамилій она даже находилась въ родствѣ; по отцу и по матери Матюшкины и Салтыковы были ей самой близкой родней, а по нимъ она считалась родствомъ съ князьями Ромодановскими, Долгорукими, Голицыными, Трубецкими, Борятинскими, графами Головкиными и съ Ягужинскимъ ⁽¹⁶⁾.

~~~~~

⁽¹⁶⁾ Ркп. Малиновскаго «Управленіе Всеросс. имперіей во время бывшаго В. Т. С.»; снес. печатные протоколы В. Т. С.—О родственныхъ отношеніяхъ между всѣми этими фамиліями и о родствѣ ихъ съ Анной Иоанновной находятся свидѣлія въ настоящемъ трудѣ: во II-й главѣ (о кн. Ромодановскомъ и о Головкиныхъ), а также и въ VII-й.

IV.

ВЕРХОВНИКИ И ШЛЯХЕТСТВО СЪ 20 ЯНВАРЯ ПО 2 ФЕВРАЛЯ.

Противники верховниковъ.—Отправленіе Ягушинскимъ въ Митаву П. С. Сумарокова и другіе гонцы, посланные къ Аннѣ Іоанновнѣ.—Рейнгольдъ ф. Левенвольде и С. А. Салтыковъ.—Сторонники Анны Іоанновны.—Слухи о ея избраніи.—Шляхетскіе кружки и ихъ политическія воззрѣнія.—Сторонники Евдокіи Ѳеодоровны, голштинскаго принца, Елизаветы Петровны и Екатерины Іоанновны мекленбургской.—Впечатлѣніе, произведенное избраніемъ Анны Іоанновны.—Роль князя Д. М. Голицына.—Дѣятельность Верховнаго Тайнаго Совѣта съ 20 Января по 2 Февраля.

❦ Происшествія ночи съ 18 на 19 января и утра 19 января 1730 года не только не успокоили взволнованныхъ умовъ московскаго общества, но еще усилили тревожное ихъ настроеніе. Какъ верховники ни желали скрыть сущности своего ночнаго совѣщанія въ Лефортовскомъ дворцѣ, какъ ни старались они прикрыться участіемъ въ избраніи Анны Іоанновны всѣхъ сословій: синода, сената, генералитета и шляхетства—истина проникала чрезъ поставленныя ей преграды, но, не имѣя свободнаго выхода, распространялась въ извращенномъ видѣ.

Архіереи, удаленные верховниками изъ Лефортовскаго дворца ночью 19 января, сановники, не приглашенные ими въ совѣщаніе, шляхетство, оставшееся совѣмъ безъ голоса при избраніи Анны Іоанновны—весьма враждебно-настроенными противъ верховниковъ. Самолюбіе всѣхъ ихъ было задѣто за живое и задѣто болѣзненно.

Ѳеофанъ Прокоповичъ на своемъ оригинальномъ языкѣ, полномъ злобы и юмора, живо рисуетъ намъ общее недо-

вольство на „всенощное овой затѣйки ухищреніе“ — такъ называетъ онъ ночное засѣданіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. „Сіе коварство ихъ (верховниковъ) потому не тайно“, — говоритъ онъ — „что они не думали видѣть народное владѣтельство, кое обычно вольною республикою называютъ, по всю крайнюю силу осьмилучному своему совѣту учреждали, который владѣнія образъ, въ толь маломъ числѣ владѣющихъ, не можетъ нарѣцисъ владѣтельство избранныхъ, греческа аристократія, но развѣ сковническая тираниія или насильство, которая олигархія у еллиновъ именуется“⁽¹⁾. Мы видѣли, какъ во время ночнаго совѣщанія верховниковъ, перешептывались между собою сенатъ и генералитетъ и указали на любопытный разговоръ Ягушинскаго съ княземъ С. Г. Долгорукимъ. Ягушинской, оскорбленный пренебреженіемъ къ нему верховниковъ, которые не спросили его мнѣнія при избраніи преемницы Петру II, не оставился на словахъ. Онъ перешелъ къ дѣлу.

20 января Ягушинской призвалъ къ себѣ Петра Спиридоновича Сумарокова, камеръ-юнкера голштинскаго герцога⁽²⁾ и далъ ему рекомендательное письмо къ Аннѣ Іоанновнѣ въ Митаву, вручивъ притомъ изрядную сумму денегъ.

⁽¹⁾ Теофанъ «Сказаніе», с. 196.

⁽²⁾ Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ, по свидѣтельству Манштейна, во все время царствованія Анны Іоанновны оставался безъ должности и жилъ въ нищетѣ (Зап. Манштейна, изд. Русск. Стар., с. 23). Нерасположеніе къ нему Анны Іоанновны объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Сумароковъ былъ камеръ-юнкеромъ ненавистнаго ей голштинскаго двора. При Елизаветѣ Петровнѣ онъ начинаетъ возвышаться: назначенный по ея воцареніи камергеромъ наследника престола Петра Теодоровича, въ 1746 г. онъ является шталмейстеромъ, а въ 1761 г. оберъ-шталмейстеромъ; кромѣ того, одно время состоитъ директоромъ шляхетнаго кадетскаго корпуса. — Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ † 12 декабря 1780 г., въ чинѣ генераль-аншефа и кавалеромъ орденовъ Андреевскаго и Александровскаго. Онъ былъ близкій родственникъ извѣстнаго драматурга и сатирика эпохи Елизаветы и Екатерины, Александра Петровича Сумарокова (Бантышъ-Каменскій, Словарь, изд. 1847 г., III, с. 372. — Родосл., изд. Рус. Стар., с. 100. — Письмо къ П. С. Сумарокову графа П. И. Панина, Рус. Стар. 1876. XVI, 579). — Свес. также «Записки отжившаго человека» А. Сумарокова, В. Евр. 1871, т. IV, с. 700. — Кн. П. В. Долгорукой утверждаетъ, что П. С. Су-

— „Не жалѣй денегъ и поѣзжай какъ можно скорѣе въ Митаву“, — говорилъ Ягушинской Сумарокову, отдавая письмо.

Сумароковъ, ничего незнавшій объ отъѣздѣ „депутатовъ“, просилъ Ягушинскаго дать ему письмо къ бригадиру Полибину (завѣдывавшему почтами) о подводахъ ямскихъ, или почтовыхъ, но Ягушинской отказалъ исполнить эту просьбу.

— „Можетъ быть поѣхалъ князь В. Л. Долгорукой и, по всей вѣроятности, заказано куда-нибудь никакихъ подводъ не давать“ — говорилъ онъ Сумарокову.

— „Передай мой всеподданнѣйшій поклонъ ея величеству“ — продолжалъ Ягушинской — „и притомъ доведи.... Затѣмъ слѣдовала цѣлая инструкція о томъ, что долженъ довести Сумароковъ.

Ягушинской убѣждалъ курляндскую герцогиню вѣрить не всему, что станутъ представлять князь В. Л. Долгорукой и „которые съ нимъ поѣхали“ и завѣрялъ ее, что истину она узнаетъ только, когда сама изволитъ прибыть въ Москву. Ежели князь В. Л. Долгорукой будетъ принуждать герцогиню подписываться подъ „пунктами“ и увѣрять ее, что „пункты“ составлены отъ всего собранія и согласія народа, тобъ ея величество просила отъ „посланныхъ трехъ персонъ“ такого письма за подписаніемъ рукъ, что они отъ всего народу оное привезли; „а ежели они такого письма дать не похотятъ, тобъ объявила, что ея величество оное учинить по волѣ ихъ только тогда, когда она прибудетъ къ Москвѣ“, когда она удостовѣрится, что именно все такъ, какъ они представляютъ.

Ягушинской предусмотрѣлъ даже возможную угрозу со стороны „трехъ персонъ“. Онъ предупредилъ Сумарокова и о томъ, какъ поступать Аннѣ Іоанновнѣ въ случаѣ, если „три персоны станутъ стращать, что они властны избрать другаго“, если Анна Іоанновна не подпишетъ „пунктовъ“. И при этой угрозѣ онъ убѣждалъ ее „крѣпиться до

мароковъ въ 1764 г. поссорился съ Орловыми, вслѣдствіе чего вышелъ въ отставку и переселился на жительство въ Москву, гдѣ и умеръ восьмидесяти лѣтъ отъ роду, въ 1780 г. (*Memoires du pr. P. Dolgoroukow*, Genève 1857, I, 319—320).

того, пока они своей руки письмо дадутъ, что отъ всего народу оныя пункты привезены". Только такое удостовѣреніе можетъ убѣдить Анпу Іоанновну въ томъ, что, по прїѣздѣ ея въ Москву, дѣйствительно окажется, что она избрана всѣмъ народомъ. Ягушинской очевидно ничего не зналъ о той прибавкѣ въ началѣ „пунктовъ“ о всенародномъ избраніи, которая была сдѣлана кн. Д. М. Голицынымъ и В. Л. Долгорукимъ въ угреннемъ засѣданіи Верховнаго Совѣта 19 января.

— „Очень можетъ быть“,—осторожно прибавилъ Ягушинской,—„что „три персоны“ будутъ уклоняться отъ такого удостовѣренія, потому что, *можетъ быть* „не во многихъ персонахъ оное учинено“—однако, чтобъ ея величество была благонадежна, что *мы* *есть* ея величеству желаемъ пребытія въ Москву“.

„Ежели ея величество спросить меня,—кто въ совѣтѣ тутъ былъ, чтѣ я долженъ отвѣчать?“ — обратился Сумароковъ съ вопросомъ къ Ягушинскому.

Ягушинской уклонился отъ прямого отвѣта.

— „Много тутъ большихъ было“ — отвѣчалъ онъ, а кто именно большіе, того не сказалъ.

— „Храни себя и меня“—заклучилъ свою бесѣду Ягушинской.—„Постарайся какъ можно, чтобъ увидѣть ея величество тайно и оное объявить“.

„Какъ мнѣ поступать ежели у меня будутъ требовать подорожную?“—спросилъ Сумароковъ.

— „Все то дѣлай черезъ деньги“—коротко и ясно отвѣчалъ Ягушинской.

Вслѣдъ за бесѣдой съ Ягушинскимъ, вечеромъ того же 20 января, Сумароковъ выѣхалъ изъ Москвы. Онъ нанялъ двѣ парныя подводы у Ивана, назвавшагося каменщикомъ, дворъ котораго находился у Нусскихъ воротъ. На заставѣ у Черной Грязи онъ былъ задержанъ, при чемъ объявилъ караульному сержанту, что онъ камеръ-юнкеръ голштинскаго герцога и ѣдетъ къ себѣ въ деревню. Продержавъ его на станціи часа 3—4, сержантъ отпустилъ съ тѣмъ однако, чтобъ онъ возвратился въ Москву. Отѣхавъ отъ Черной Грязи назадъ верстъ 5—6, Сумароковъ послалъ въ село Черкизово нанять новаго пзвощика. Съ новымъ извозчикомъ онъ отѣхалъ Черную Грязь, между тѣмъ какъ его московскій Иванъ проселкомъ пробрался со сво-

ими лошадьми до заставы на слѣдующей станціи; съ нимъ Сумароковъ доѣхалъ до с. Пѣшекъ, а оттуда бралъ вольныхъ вошиковъ, по тогдашнему выраженію „копѣечныхъ“, доѣхалъ такимъ образомъ до Новгорода—и отправился затѣмъ дальше. На пятидесятой верстѣ за Новгородомъ нагналъ его курьеръ польскаго посла Лефорта, отправленный съ реляціями въ Варшаву и выѣхавшій изъ Москвы 19 января. У курьера были два паспорта: одинъ, выданный изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, за подписью канцлера Головкина, въ которомъ онъ названъ купцомъ, другой—Лефортомъ на его настоящее званіе. Сумароковъ не замедлил воспользоваться этимъ благопріятнымъ случаемъ и рѣшилъ продолжать свой путь вмѣстѣ съ курьеромъ. Для этого онъ вернулся въ Новгородъ и отправился съ курьеромъ на Исковъ до Риги. На одной изъ станцій Сумароковъ зашелъ въ корчму, гдѣ караульный капралъ спросилъ у него подорожную.

— „У меня нѣтъ подорожной“—отвѣчалъ Сумароковъ,— „а есть паспортъ, выданный отъ герцога голштинскаго“—причемъ отдалъ паспортъ капралу.

Капралъ не могъ его прочесть (вѣроятно, паспортъ былъ написанъ по-нѣмецки) и передалъ комиссару, которому все это показалось довольно подозрительнымъ, и хотя онъ и выдалъ подводы Сумарокову и курьеру, но рѣшилъ самъ проводить ихъ до Митавы. Къ счастью для Сумарокова, ничего худаго изъ этого не произошло⁽³⁾.

Сумароковъ пріѣхалъ въ Митаву 25 января, но „три персоны“, т. е. депутаты, прибыли туда нѣсколькими часами ранѣе⁽⁴⁾.

⁽³⁾ Государ. Арх., разд. III, д. № 6, л. 13—15.

⁽⁴⁾ Ibid.—Кн. Долгорукой и Голицыня пишутъ Верховному Совѣту, что Сумароковъ прибылъ въ Митаву 27 января, но при этомъ же своемъ сообщеніи присылаютъ допросъ, снятый съ него 26 января.—Лефортъ говоритъ, что Сумароковъ прибылъ тремя часами позже депутатовъ. (Сб. Р. Ист. Общ., V, 330).—«Не знаю, какими путями»—пишетъ Манштейнъ—«кн. Долгорукій узналъ, что изъ Москвы пріѣзжалъ посланный (Сумароковъ) и имѣлъ свиданіе съ императрицей до депутатовъ. Онъ приказалъ розыскать его и, слыша, что посланный уже отправился обратно, послалъ за нимъ въ погоню; его и привезли обратно въ Митаву». (Зап. Манштейна, изд. Р. Стар., с. 22).

Отправка Сумарокова не была тайной для нѣкоторыхъ лицъ. О ней знали приближенные Ягушинскаго и его единомышленники. Въ числѣ первыхъ были: адъютантъ Ягушинскаго Иванъ Окуневъ, состоявшій при немъ Свѣшниковъ и его же секретарь Аврамъ Полубояровъ; ко вторымъ принадлежали: весьегонскіе помѣщики Корсаковы (Петръ и Воинъ, ихъ мать и сестра, а также жена Петра Корсакова), Алексѣй Аргамановъ съ женою, камеръ-юнкеръ Семенъ Нарышкинъ, гофъ-юнкеръ Левъ Кайсаровъ, Василій Дурной и кавалергардъ Иванъ Чанлыгинъ⁽⁵⁾.

Не одинъ Ягушинской увѣдомилъ Анну Іоанновну о поѣздкѣ трехъ депутатовъ съ „кондиціями“; съ тѣми же извѣстіями поскакали въ Митаву гонцы отъ Рейнгольда Лёвенвольде и Теофана Прокоповича. Гонецъ Лёвенвольде опередилъ депутатовъ, и отъ него Анна Іоанновна узнала всю истину⁽⁶⁾. Такимъ образомъ, мы видимъ уже нѣсколько лицъ, давшихъ знать Аннѣ Іоанновнѣ о замыслахъ верховниковъ. Къ числу усердныхъ ея сторонниковъ въ Москвѣ, принадлежали также С. А. Салтыковъ и А. И. Остерманъ. О Ягушинскомъ, Теофанѣ Прокоповичѣ и Остерманѣ мы говорили выше, а потому остановимся здѣсь на новыхъ для насъ личностяхъ Рейнгольда Лёвенвольде и С. А. Салтыкова.

Рейнгольдъ фонъ Лёвенвольде, потомокъ старинной лифляндской фамиліи, занималъ должность резидента герцога курляндскаго Фердинанда при русскомъ дворѣ. Онъ представлялъ собою типъ тѣхъ иноземцевъ, которые при Петрѣ Великомъ держали себя тише воды, ниже травы, а въ послѣдующія царствованія, въ особенности при Аннѣ Іоанновнѣ, стали рѣшителями судебъ русскаго народа. Онъ не зналъ и не хотѣлъ знать Россіи, ему были чужды интересы и заботы русскихъ людей, но онъ не могъ не замѣчать, что въ Москвѣ готовится что-то небывалое, и инстинктивъ подсказывалъ ему, что это что-то будетъ неблаго-

---

⁽⁵⁾ Госуд. Арх., разд. III, д. № 6, л. 14—13.

⁽⁶⁾ Записки Мнниха-сына, с. 44—45; митр. Евгеній, Слов. духовныхъ писателей, біогр. Осифа Прокоповича. — Спес. проповѣдь Осифа Прокоповича, помѣщ. въ ИК. М. П. Просв. 1836 г., т. IX.

пріятно для ипоземцевъ. Рейнгольдъ Лёвенвольде, не отличаясь умственными качествами и обладая только красивою наружностью, былъ въ полномъ смыслѣ слова человѣкомъ вѣшняго лоска и внутренней испорченности. Къ нему можно приложить слова Евангелія: „Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашеннымъ гробамъ, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты“. Испанскій посолъ де-Лиріа рѣзко обрисовываетъ Рейнгольда Лёвенвольде въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Онъ не пренебрегалъ никакими средствами для достиженія своей цѣли и ни передъ чѣмъ не останавливался въ преслѣдованіи личныхъ выгодъ, въ жертву которымъ готовъ былъ принести лучшаго друга и благодѣтеля. Задачей его жизни былъ личный интересъ. Лживый и криводушный, онъ былъ чрезвычайно честолюбивъ и тщеславенъ, не имѣлъ религіи и едва-ли даже вѣрилъ въ Бога“. Красивая наружность создала ему положеніе. Екатерина I, обратившая вниманіе на красоту Лёвенвольде, сдѣлала его камергеромъ и графомъ. Онъ былъ образцовый придворный: всегда веселый и съ отличными манерами, Рейнгольдъ Лёвенвольде былъ центромъ всѣхъ придворныхъ баловъ и празднествъ, устраивать которые онъ былъ великій мастеръ. Страстный игрокъ въ карты, мотъ и щеголь,—онъ являлся непремѣннымъ участникомъ всѣхъ кутежей молодежи, а на балахъ покорялъ сердца придворныхъ красавицъ. Своей карьерой онъ былъ обязанъ женщинамъ. Въ 1730 г. онъ находился въ открытой связи съ красавицей Натальей Θεодоровной Лопухиной, которая впоследствии такъ жестоко поплатилась за свою кокетливость. Его младшій братъ—Густавъ Лёвенвольде жилъ въ то время въ своемъ лифляндскомъ имѣніи и, если вѣрить молві, былъ лицомъ очень близкимъ къ Аннѣ Іоанновнѣ. Къ нему-то отправилъ Рейнгольдъ Лёвенвольде гонца, прося предупредить Анну Іоанновну о замыслахъ верховниковъ (').

(') Родосл. Рус. Стар. I. с. 58.—Гантышъ-Каменскій. Словарь, изд. 1836 г., III. 166—169.—Де-Лиріа, «Характеристики», *русс.* с. 150—151. Авторъ «Примѣчаній на записки Магштейна» утверждаетъ совершенно наоборотъ, что въ Москвѣ въ то время находился Густавъ Лёвенвольде, а въ своемъ лифляндскомъ имѣніи братъ его Рейнгольдъ.

Семенъ Андреевичъ Салтыковъ, происходя отъ старшей вѣтви дома Салтыковыхъ, къ младшей вѣтви котораго принадлежала мать Анны Іоанновны,—былъ родственникомъ, хотя не близкимъ, вдовъ избранной императрицы. Не отличаясь дарованіями, Семенъ Андреевичъ былъ ревностнымъ и аккуратнымъ служакой, точно исполнялъ возлагаемыя на него служебныя порученія, пользовался любовью подчиненныхъ и въ особенности солдатъ. Въ 1697 г., имѣя 25 лѣтъ отъ роду, онъ былъ отправленъ Петромъ Великимъ въ Англію и Голландію для изученія морскаго дѣла. Морскаго дѣла онъ не изучилъ, а поступилъ въ сухопутныя войска и хотя усердно служилъ во время шведской войны, но не быстро возвышался въ чинахъ: къ концу жизни Петра Великаго онъ былъ только генераль-маіоромъ; въ царствованіе же Екатерины I, при учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, сдѣланъ сенаторомъ и произведенъ въ генераль-лейтенанты. Не имѣя опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій, Семенъ Андреевичъ Салтыковъ съ одинаковою ревностью служилъ сначала Меншикову, а потомъ его врагамъ—Долгорукимъ (*).

(Рус. Стар. 1879 г. т. XXVI, с. 378). Братьевъ Лёвенвольде вообще плохо различаютъ между собою. Современные дипломаты называютъ того и другаго просто по фамиліи, а послѣдующіе мемуаристы, писавши на память, смѣшиваютъ ихъ по очень простой причинѣ: оба брата носили имя Густава—старшій *Рейнгольдъ*-Густавъ, а меньшой *Карлъ* Густавъ. Кромѣ этихъ двухъ Лёвенвольде былъ еще третій братъ, самый старшій *Фридрихъ-Казиміръ*, русскій уполномоченный въ Варшавѣ въ 1733 г., который долгое время отождествлялся съ Карломъ-Густавомъ. (См. Бятыша-Каменскаго, Словарь, изд. 1836, т. III, с. 162—166 и статью І. Н. Шпешкина: «Братья Густавъ и Рейнгольдъ ф. Лёвенвольде», Рус. Слово 1862 г., № 5).—Приводимыя нами данныя основаны на свидѣтельствѣ Миниха-сына (См. его Записки, с. 44) и подтверждаются родословной Лёвенвольде (См. Родосл., изд. Рус. Стар., с. 60) и дѣлами Госуд. Архива (См. разд. III, д. № 7).—Карлъ-Густавъ Лёвенвольде не имѣетъ ничего общаго съ своимъ братомъ Рейнгольдомъ. Это былъ очень умный человекъ, талантливый дипломатъ и храбрый офицеръ. Онъ имѣлъ большую силу въ царствованіе Анны Іоанновны, отличаясь мѣстнымъ лифляндскимъ патриотизмомъ. Онъ † 1733 г.

(*) Долгор., Род. кн., II, 70—76; его-же, «Сказ. о родѣ кн. Долгор.» с. 222.—Голиковъ, Дѣян. Петра В., т. VI, 325; VII, 115,

Остерманъ былъ слишкомъ остороженъ для того, чтобы войти въ открытыя сношенія съ Анной Іоанновной, по, будучи весьма къ ней близкимъ человѣкомъ и смотря недовѣрчиво и презрительно на замыслы верховниковъ, онъ всѣми симпатіями своими стоялъ на сторонѣ ея самодержавія⁽⁹⁾.

Всѣ эти лица были только случайными сторонниками Анны Іоанновны; но за ними стояла цѣлая масса людей, видѣвшихъ въ курляндской герцогинѣ законную наслѣдницу русскаго престола. Эти люди чтили въ ней потомство старшаго брата Петра Великаго, царя Іоанна Алексѣевича, и идеализировали ее въ своемъ воображеніи: имъ приходились по-сердцу благочестіе и набожность Анны Іоанновны, и они приписывали ей разныя высокія добродѣтели, а ея избраніе признавали чудомъ Божиимъ, ниспосланнымъ ей за долготерпѣніе. Самые крайніе изъ людей этого образа мыслей выражали даже мнѣніе, что Петръ Великій и его потомство царствовали неправильно, и видѣли въ смертныхъ случаяхъ, бывшихъ въ его семействѣ, наказаніе Божіе за присвоеніе престола при жизни старшаго брата. Царствованія Петра Великаго, Екатерины I и Петра II представлялись этимъ людямъ испытаніемъ, которому Провидѣніе подвергало Анну Іоанновну исключительно для того, чтобы со временемъ торжественно проявить ея права на престолъ⁽¹⁰⁾.

Сторонники Анны Іоанновны распространяли въ ея пользу разныя слухи, которые находили себѣ мѣсто въ депешахъ иностранныхъ пословъ: „Русская нація не могла

330—334; VIII, 394; IX, 96; X, 58, 157; XIII, 346, 644.—Сеп. Арх., имен. ук., кн. XXIX; ук. В. Т. С. за 1727 и 1729 гг.—Деліріа, „Характеристики“, *ркн.*, с. 155.

(9) Nempel, Ostermans Leben, 2-e Aufl., Bremen 1743. S. 302—313 — „Послѣ многихъ споровъ была избрана въ императрицы вдовствующая герцогиня курляндская“—пишетъ прусскій посланникъ баронъ Мардефельд—что для барона ф. Остермана большое счастье, ибо она всегда была расположена къ нему, а онъ былъ ея близкимъ другомъ. (Сб. Р. Ист. Общ., XV, 403).—См. также депеши Лефорта, *ibid.* V, 343 и 353.

(10) Эти воззрѣнія сообщены въ нѣмецкомъ литературно-публицистическомъ произведеніи того времени: „Nationen Gespräche, oder curieuse Discourse über die jetzigen Coniuncturen und wigtigste Begebenheiten“. См. 23 Entreeue, Berlin 1730, S. 430—431.

выбрать лучшей государыни"—писалъ испанскій посолъ де-Лиріа.—"Герцогиня курляндская 36-ти лѣтъ отъ роду, очень величественной, представительной наружности, очень любезна, отличается большимъ умомъ и поистинѣ достойна трона" ⁽¹¹⁾. „Хотя герцогиня курляндская“,—пишетъ тотъ-же дипломатъ,—„провозглашена и признана царицей, но еще сомнѣвается, приметъ-ли она выборъ, потому что этотъ выборъ сдѣлавъ съ нѣкоторыми ограниченіями, нѣсколько тяжелыми; но я не сомнѣваюсь, что приметъ, потому что, не говоря уже о пріятности царствовать, однажды получивши власть, она легко сброситъ иго" ⁽¹²⁾. Почти то-же утверждаетъ и французскій резидентъ, говоря: „Ограниченіе заставляеть сомнѣваться, приметъ-ли герцогиня курляндская избраніе, но есть полное вѣроятіе предполагать, что привлекательность власти и надежда свергнуть со временемъ иго, налагаемое на избранную, не дозволить ей отказаться отъ трона, который доставляется ей судьбою" ⁽¹³⁾.

О подробностяхъ избранія Анны Іоанновны, объ условіяхъ ей предложенныхъ, о цѣли поѣздки депутатовъ въ Митаву—не знали ничего опредѣленнаго. Рассказывали, на примѣръ, что Анну Іоанновну назначилъ своей преемницей умиравшій отрокъ-императоръ, вслѣдствіе чего избраніе курляндской герцогини являлось исполненіемъ его воли; другіе заявляли, что избраніе произошло по инициативѣ верховниковъ, при чемъ инициативу эту приписывали многимъ изъ нихъ—и канцлеру Головкину, и А. И. Остерману, и князю Д. М. Голицыну, и князю В. Л. Долгорукому. О побужденіяхъ этихъ лицъ передавали также различные слухи: говорили, что князь В. Л. Долгорукой, пользовавшійся въ бытность свою въ Курляндіи расположеніемъ Анны Іоанновны, намѣренъ на ней жепиться и провозгласитъ себя правителемъ государства. О „кондиціяхъ“ передавали въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, утверждая что онѣ направлены къ улучшенію государственнаго правленія. Иные полагали, что „кондиція“ будутъ предложены Аннѣ Іоанновнѣ по ея пріѣздѣ въ Моск-

---

⁽¹¹⁾ De Liria, XVIII в., III, 28.

⁽¹²⁾ Ibid., 30.

⁽¹³⁾ Tourgueneff., III, 259.

ву, другіе—что онѣ отправлены въ Митаву съ депутатами; по словамъ же третіихъ депутаты были отправлены только для объявленія Аляѣ Іоанновѣ о „кондиціяхъ“ и сопровожденія ея въ Москву. Имена депутатовъ съ точностью не были извѣстны: по однимъ слухамъ въ числѣ ихъ, кромѣ дѣйствительно поѣхавшихъ трехъ лицъ, находились еще князь Н. Ю. Трубецкой и гвардіи капитанъ Еропкинъ; по другимъ—во главѣ депутаціи, состоявшей изъ четырехъ князей и одного генерала, былъ отецъ государыни-пелѣсты, князь Алексѣй Долгорукой. О кондиціяхъ доносили только своимъ правительствамъ дипломатическіе агенты, но и то не точно и не полно, а на основаніи слуховъ. Гораздо уже позже, начиная съ конца января и кончая началомъ марта, сообщаютъ они копіи съ кондицій по частнымъ спискамъ⁽¹⁴⁾.

Возбужденіе умовъ было сильное. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ изображаетъ Оеофанъ Прокоповичъ общее недовольство на олигархическіе замыслы осмиличнаго совѣта: „Жалостное же вездѣ по городу видѣніе стало и слышаніе. Куда не прійдешь, къ какому собранію не пристанешь, не иное что было слышать, только горестныя наръканія на осмиричныхъ оныхъ затѣйщиковъ: всѣ ихъ жестоко порицали, всѣ проклинали необычное ихъ дерзновеніе, несмытое лакомство и властолюбіе. И вездѣ въ одну, почитай, рѣчь говорено, что если по желанію оныхъ господъ сдѣлается, (отъ чего сохранилъ бы Богъ!), то крайнее всему отечеству пастойтъ бѣдство. Самымъ имъ господамъ нельзя быть долго съ собою въ согласіи: сколько ихъ есть человекъ, чуть ли не только явится атамановъ междоусобныхъ браней, и Россія возымѣетъ скаредное оное лице, какое имѣла прежде, когда, на многія княженія расторгнута, бѣдствовала“⁽¹⁵⁾.

---

(14) О всѣхъ этихъ слухахъ см. въ иностранныхъ періодическихъ изданіяхъ того времени: «*Mercure historique et politique*» 1730, v. 88, p. 234—235, 300—304; «*Europäische Fama*» 1730, Bd. 326, S. 165, 297—298; «*Politische Staats v. Europa*» ан. авт. XVIII в., I, p. 428.—*De-Luria*, XVIII в., III, 32. Подробности о кондиціяхъ, сообщенныя послами, см. въ I-мъ Приложеніи къ настоящему изслѣдованію.

(15) Оеофанъ «Сказаніе», с. 198—199.

Но далеко не всѣ противники верховниковъ примирялись съ избраніемъ Анны Іоанновны и далеко не всѣ изъ нихъ желали предоставить ей самодержавную власть. Среди противниковъ Верховнаго Совѣта можно замѣтить два направленія: первое было за ограниченіе власти, но при участіи выборныхъ отъ генералитета и шляхетства, второе—за сохраненіе самодержавія. Оба эти направленія подраздѣлялись еще на группы, стоявшія за разныхъ лицъ тогдашняго царскаго дома: одни желали видѣть на престолѣ первую, развѣчанную, супругу Петра Великаго, царицу Евдокію Теодоровну; другіе, опираясь на „тестamentъ“ Екатерины I-й, стояли за принца голштинскаго Петра-Ульриха и за Елизавету Петровну; третьи, наконецъ, высказывались въ пользу герцогини мекленбургской Екатерины Іоанновны, старшей сестры курляндской герцогини. Въ числѣ сторонниковъ всѣхъ этихъ лицъ были люди и за самодержавіе, и за его ограниченіе.

Движеніе въ кружкахъ генералитета и шляхетства росло все болѣе и болѣе. Въ началѣ 1730 года приливъ шляхетства въ Москву былъ особенно значителенъ: 20 ноября 1729 г. совершилось торжественное обрученіе Петра II съ княжною Екатериною Долгорукою, а на 19 января 1730 г. было назначено самое его бракосочетаніе. По этому случаю въ Москву были собраны армейскіе полки съ ихъ генералами, полковниками и офицерами; туда же стремилось и провинціальное шляхетство, служащее и неслужащее, ради предстоящихъ придворныхъ празднествъ ⁽¹⁶⁾. Юность импе-

---

(16) П. О. Карбановъ, въ своемъ спискѣ русскаго генералитета въ началѣ 1730 г. (Восемнадцатый вѣкъ, сборникъ Бартенева, т. III, с. 161—171) насчитываетъ всего особъ *первыхъ четырехъ классовъ* (по табели о рангахъ) военныхъ и гражданскихъ чиновъ. 179 человекъ. Изъ указанныхъ имъ лицъ не всѣ находились въ то время въ Москвѣ: служебныя занятія удерживали нѣкоторыхъ въ Петербургѣ (какъ напр. Маниха, Фика, адм. Сиверса и др.) или на окраинахъ Россіи: въ Ригѣ, въ Архангельскѣ, въ Украинѣ и Персіи. Нѣкоторые были въ отставкѣ, или лишены чиновъ, и жили въ своихъ деревняхъ, или въ ссылкѣ (какъ напр., извѣстный Яковъ Виллимовичъ Брюсъ, находившійся въ деревнѣ, и петербургскій генералъ полиціимейстеръ Девіеръ, сосланный въ Охотскъ). Иные изъ генералитета, какъ иностранцы, не принимали участія въ тогдашнихъ шляхетскихъ совѣщаніяхъ. А потому, исключая изъ списка Ка-

ратора, его бракъ съ природной русской княжпой, злосчастная судьба его отца, царевича Алексѣя, недавняя опала всесильнаго Меншикова, быстрое и чрезмѣрное возвышеніе Долгорукихъ, усиленіе власти Верховнаго Совѣта—все это волновало шляхетство и возбуждало среди него говоръ, толки, суды и пересуды. Шляхетство стало группироваться въ кружки, въ которыхъ обсуждались перечисленные выше вопросы, причемъ мысли всѣхъ весьма естественно останавливались на „первомъ императорѣ“ и на его дѣятельности; „новшества“ Петра Великаго, подвергались строгой критикѣ. Люди родословные мечтали о восстановленіи правъ московскаго боярства, среднее шляхетство желало расширенія своихъ правъ. Мы не имѣемъ достаточно данныхъ для того, чтобы опредѣлить съ точностью кружки, на которые распадалось шляхетство, и выяснить политическіе идеалы этихъ кружковъ. Прогрессисты и консерваторы, умѣренные

рабанова, во 1-хъ) всѣхъ верховниковъ, во 2-хъ) отсутствующихъ лицъ, и въ 3-хъ) иностранцевъ—мы получимъ только восемьдесятъ семь человекъ изъ генералитета, принимавшихъ участіе въ шляхетскихъ совѣщаніяхъ.—О числѣ средняго и низшаго шляхетства, находившагося въ Москвѣ въ началѣ 1730 г., точныхъ свѣдѣній намъ собрать не удалось; поэтому представляемъ лишь нѣкоторыя данныя, по которымъ можно судить, что число это было весьма значительно. Подписи подъ присягами на вѣрность самодержавной императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ бывшихъ въ Москвѣ войскъ наполняютъ нѣсколько страницъ въ большой листъ писчей бумаги. Въ дѣлѣ объ этихъ присягахъ Государственнаго Архива (разд. III, д. № 7) такими подписями покрыто 92 страницы, что составляетъ приблизительно цифру около двухъ тысячъ человекъ.—По списку Карабанова (см. выше) военного генералитета приходилось на это число всего 46 человекъ.—Въ VII главѣ нашего изслѣдованія мы подробно остановимся на тѣхъ лицахъ изъ генералитета и шляхетства, которые подавали отъ себя заявленія и проэкты; здѣсь же замѣтимъ только, что подъ разными проектами подписалось 1218 человекъ. Въ присяжныхъ листахъ, кромѣ шляхетства служившаго въ военной службѣ, являются подписи: 1) смоленской шляхты, не смѣшавшейся въ то время съ великорусскимъ шляхетствомъ (человѣкъ до 40), 2) шляхетства, служившаго въ гражданской службѣ (весьма не много), 3) чиновъ придворныхъ и 4) шляхтичей старинными московскими чинами—жильца, стольника и комнатнаго стольника (жилецъ Пикита Павловъ, стольникъ Стефанъ Костроминъ и комнатный стольникъ Татищевъ). См. вышеуказ. дѣло Госуд. Архива.

и радикалы, либералы и ретрограды, аристократы и демократы, монархисты и республиканцы—все эти современные намъ термины европейскихъ политическихъ партій невыражаютъ тѣхъ оттѣнковъ въ воззрѣніяхъ, какіе дѣйствительно были у русскаго шляхетства въ 1730 г. Тщетно стали бы мы искать у него ясно сознаваемыхъ политическихъ идеаловъ, но въ его политическихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ нельзя не замѣтить отраженія тѣхъ историческихъ наслоеній, которыя представляютъ намъ русское вельможество и шляхетство первой половины XVIII в. Болѣзнь, а затѣмъ кончина Петра II прибавили новыя темы для политическихъ разговоровъ въ шляхетскихъ кружкахъ. Стали подвергаться обсужденію права разныхъ лицъ царскаго дома на престолонаслѣдіе и выражаться различными мнѣніями объ измѣненіи государственнаго строя и формы правленія.

„Между тѣмъ произошло въ слухъ“,—пишетъ Теофанъ Прокоповичъ—„что другій родился союзъ, осьмоличному союзу противный. Знатѣйшіи, сирѣчь изъ шляхетства, споситъся и совѣтовать стали, какъ бы дѣйствительно вопреки стать верховникамъ и хитрое ихъ строеніе разрушить; и для того по разнымъ домѣмъ, да почвою порою собирались“. „Я въ то время“,—продолжаетъ онъ—„всякимъ возможнымъ прилежаніемъ старался провѣдать: что сія другая компанія придумала и что та къ намѣренію своему усмотрѣла? И скоро получилъ я извѣстіе, что у нихъ два мнѣнія споръ имѣютъ. Одно дерзкое: на верховныхъ господъ, когда они въ мѣсто свое соберутся, напасть незапно оружною рукою, и если не похотятъ отстать умысловъ своихъ, смерти всѣхъ предать. Другое мнѣніе кроткое было: дойти до нихъ въ собраніе и предложить, что затѣйки ихъ не тайны; всѣмъ извѣстно, что они строятъ; не малая вина, однимъ и не многимъ, государства составъ передѣлывать; и хотя бы они преползное пѣчто усмотрѣли, однакожъ скрывать то предъ другими, а наипаче и правительствующимъ особамъ не сообщать, непріятно то и смрадно пахнетъ“ (17).

„Испытавъ на опытѣ недавнее возвышеніе Долгорукихъ“—пишетъ французскій резидентъ Маньянъ около 26 января (6 февраля н. с.)—„русскіе опасаются могущества

---

(17) Теофанъ, «Сказаніе», с. 199—200.

временщиковъ и ихъ самовластнаго управленія, которое можетъ повторяться до тѣхъ поръ, пока русскіе государи будутъ столь же неограниченны; вслѣдствіе этого хотятъ уничтожить самодержавіе, или крайне его ослабить участіемъ аристократіи. Въ виду этого, они въ верѣшимости, какой образъ правленія избрать для Россіи; одни хотятъ ограничить права государя властью парламента, какъ въ Англіи, другіе—какъ въ Швеціи; иныя полагаютъ учредить избирательный образъ правленія по примѣру Польши; наконецъ нѣкоторые думаютъ раздѣлить власть между вельможами государства, образовавъ аристократическую республику. Такимъ образомъ, передавая руссійскій престолъ герцогинѣ курляндской, они намѣрены дать ей корону только въ пользованіе, вѣривъ ей престолъ до той поры, пока они согласятся между собою на счетъ новой формы государственнаго правленія“⁽¹⁸⁾.

„Всѣ, съ кѣмъ приходится говорить, выражаютъ различныя мнѣнія“—пишетъ тотъ же дипломатъ иотъ того же числа. По мнѣнію однихъ новой царицѣ слѣдуетъ предоставить только титулъ, а вся верховная власть должна быть сосредоточена въ Верховномъ Совѣтѣ, который будетъ имѣть исключительное право располагать должностями и войсками; по мнѣнію другихъ учрежденіе такого правленія не можетъ удовлетворить мелкое честолюбіе, которое составляетъ въ этой странѣ весьма многочисленное сословіе,—вслѣдствіе этого необходимы нѣкоторыя условія для огражденія его отъ могущаго произойти для него вреда“⁽¹⁹⁾.

⁽¹⁸⁾ Tourgueneff, III, 259—260.

⁽¹⁹⁾ Ibid., 263.—Почти дословно съ Мавъиномъ пишетъ испанскій посолъ герцогъ де-Лирія. Вотъ его подлинныя слова: «Хотя принцесса Анна, герцогиня курляндская, провозглашена и признана царицей; но еще сомнѣваются, приметъ-ли она выборъ, потому что этотъ выборъ сдѣланъ съ нѣкоторыми ограниченіями, нѣсколько тяжелыми; но я не сомнѣваюсь, что приметъ: потому что, не говоря уже о пріятности царствовать, однажды получивши власть, она легко сброситъ его. Во первыхъ хотятъ, чтобы она не выходила замужъ, во вторыхъ, чтобы ею руководовала совѣтъ, назначаемый націей. Идея послѣдней та, чтобы считать царицу лицомъ, которому они отдають корону какъ бы на храненіе,

„Въ настоящее время еще нельзя знать, какова будетъ новая форма правленія“—писалъ Мавьянъ 2 февраля п. ст. „Относительно намѣреній старинныхъ русскихъ фамилій надо полагать, что онѣ воспользуются столь благопріятной конъюнктурой, чтобы избавиться отъ ужаснаго рабства, въ которомъ до сихъ поръ находились, ограничивъ самовластіе русскихъ государей, которые могли, по личному произволу, располагать жизнію и имуществомъ своихъ подданныхъ, не разбирая состава и формы суда. Русскіе вельможи, наравнѣ съ низшими сословіями, не имѣли въ этомъ случаѣ никакого преимущества, которое бы ограждало ихъ отъ расправы кнутомъ и отъ лишенія должностей и чиновъ. Нечего сомнѣваться, что русскіе вельможи прежде всего обратятъ на это свое вниманіе; покрайней мѣрѣ, если они этого не сдѣлаютъ, можно сказать, что они пропустили случай по недостатку мужества“⁽²⁰⁾.

„Новый образъ правленія составляемый вельможами“,— пишетъ саксонско-польскій посланникъ Лефортъ 26 января (6 февраля п. с.)—„дастъ поводъ къ волненію въ мелкомъ дворянствѣ; среди него слышатся подобнаго рода разговоры: „знатные предполагаютъ ограничить деспотизмъ и самодержавіе; эта власть должна быть умѣрена совѣтомъ, который мало по малу захватитъ въ свои руки бразды прав-

---

чтобы въ продолженіи ея жизни составить свой планъ управленія на будущее время. Они думаютъ, что, если цари останутся такими абсолютными, какъ это было доселѣ, всегда найдется фаворитъ, который можетъ управлять ими и жезломъ, и пыркомъ, и швыркомъ, какъ дѣлали въ продолженіе царствованія покойнаго царя Петра II, князь Иванъ Долгорукій и его отецъ. Твердо рѣшившись на это, они имѣютъ три идеи объ управленіи, въ которыхъ еще не согласились: первая—слѣдовать примѣру Англіи, въ которой король ничего не можетъ дѣлать безъ парламента, вторая—взять примѣръ съ управленія Польши, имѣя выборнаго монарха, котораго бы руки были связаны республикой, и третья—учредить республику во всей формѣ безъ монарха. Какой изъ этихъ трехъ идей они будутъ слѣдовать, это еще неизвѣстно. (Депеша отъ 20/31 января.—Въ депешѣ отъ 6 февраля п. с. онъ писалъ: «Партіи безчисленное множество, и хотя послѣ смерти царя все продолжаетъ быть въ величайшемъ спокойствіи, но еще не все кончено и, пожалуй, можетъ произойти какая нибудь вспышка». (См. Де-Ляриа, XVIII в., III, 30 и 35).

⁽²⁰⁾ Tourgueneff, III, 258—259.

лепія; кто же намъ поручится, что совре-
немъ вмѣсто одного государя не явится
столько тираповъ, сколько членовъ въ со-
вѣтѣ, и что они своими притѣсненіями не
увеличатъ нашего рабства. У насъ нѣтъ
установленныхъ закоповъ, которыми могъ
бы руководиться совѣтъ; если его члены
сами станутъ издавать законы, они во вся-
кое время могутъ ихъ уничтожить и въ Рос-
сіи начнется анархія“⁽²¹⁾.

Такимъ образомъ, за самодержавіе высказывалось низ-
шее шляхетство, или мелкое дворянство — „la petite noblesse“ —
какъ называютъ его иностранные дипломаты. Къ его воз-
врѣніямъ примыкало духовенство, выразителемъ мнѣній
котораго являлся Теофанъ Прокоповичъ. „И не ложныя,
по моему мнѣнію, были таковыя гаданія“ (относитель-
но олигархіи верховниковъ) — говоритъ онъ — „понеже рус-
скій народъ таковъ есть отъ природы своей, что только
самодержавнымъ владѣтельствомъ хра-
нимъ быть можетъ; а если какое-нибудь иное вла-
дѣніе правило воспринметъ, содержаться ему въ цѣлости и

---

(21) Сб. Р. Ист. Общ., V, 347. — Кромѣ того Лефорть писалъ
(2 февраля н. с.): «Существуютъ три плана для учрежденія новаго прав-
ленія; одни хотятъ устроить его на подобіе правленія Англіи, другіе —
подобно Польшѣ, а третьи желаютъ республики безъ представителя, и
тогда знатные уничтожили бы верховную власть и неограниченную зави-
симость» — 9 февраля н. с. онъ же писалъ: «Всѣ заняты теперь мыслью
о новомъ образѣ правленія; планы вельможъ и мелкаго дворянства дохо-
дятъ до безконечности; первые желаютъ присвоить себѣ верховную власть
въ формѣ аристокрагической». . . . «Изъ такомъ случаѣ, мелкое дворянство
останется въ своемъ прежнемъ положеніи; а гдѣ же законы для руко-
водства? Ихъ не существуетъ». — Прусскій посланникъ Мардефельдъ
писалъ (6 февраля н. с.): «Между тѣмъ здѣсь повидному началось между-
царствіе — всѣ дѣла лежатъ безъ производства и ничего не отправляется;
члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, включая барона фонъ Остермана,
который можетъ быть изъ политическихъ видовъ казался болынымъ, на-
противъ ежедневно собираются съ цѣлью измыслить аристократическій
образъ правленія; но духовенство и незнатное дворянство противъ этого
плана и предпочитаютъ имѣть одного правителя, а не восьмерыхъ». (См.
Сб. Р. Ист. Общ. V, 345, 347—348; *ibid.*, XV, 408).

благосостояніи отнюдь невозможно⁽²²⁾. Высшее духовенство, распадавшееся на два лагеря, между собою враждебные, сходилось въ вопросѣ о формѣ правленія. Представители его различались только по симпатіямъ къ тому или другому лицу тогдашняго царскаго дома.

Посмотримъ теперь, насколько были сильны доводы за и противъ избранія разныхъ лицъ, имѣвшихъ въ то время право на російскій престолъ.

Князь Михаилъ Михайловичъ Щербатовъ такъ характеризуетъ въ своемъ мемуарѣ: „о поврежденіи правовъ въ Россіи“ сторонниковъ царицы Евдокіи Ѳеодоровны. „Были многіе и дальновиднѣйшіе“, — говоритъ онъ — „которые желали возвести на російскій престолъ царицу Евдокію Ѳеодоровну, говоря, что какъ она весьма слабымъ разумомъ одарена, то силѣ учрежденнаго совѣта сопротивляться не можетъ, а чрезъ сіе дастъ время утвердиться постановляемымъ узаконеніямъ, въ прелосужденіе власти монаршей. Но на сіе чипены были слѣдующія возраженія: что законъ препятствуетъ савъ монашескій, хотя и поневолѣ возложенной съ нея спать, и что она, имѣвши множество родни Лопухиныхъ, къ коимъ весьма была привязана, родъ сей усилится и можетъ для счастья своего склонить еѣ разрушить предполагаемыя постановленія“⁽²³⁾.

Евдокія Ѳеодоровна имѣла много сторонниковъ среди духовенства, преимущественно чернаго, и высшаго и низшаго. Всѣмъ имъ хорошо были извѣстны испытанныя ею горести и печали со времени процесса несчастнаго ея сына Алексѣя. На ея сторонѣ были: Георгій Дашковъ, коломенскій епископъ Игнатій Смола и воронежскій епископъ Левъ Юрловъ. Датскій посланникъ Вестфаленъ говоритъ, что верховники предлагали ей корону еще до кончины Петра II, но она сама отъ нея отказалась⁽²⁴⁾.

Сторонники „тестамента“ Екатерины I-й раздѣлялись на двѣ группы. Первая группа указывала, какъ на прямого наследника престола, на П е т р а У л ь р и х а, герцога

---

(22) Ѳеофанъ, «Сказаніе», с. 198—199.

(23) Рус. Стар. 1870, II, 47—48.

(24) Дешети Вестфалена № 4.

голштинскаго, сына старшей дочери Петра Великаго, Анны Петровны; вторая группа стояла за Елизавету Петровну.

Кандидатура голштинскаго принца оспаривалась весьма вѣскими доводами: во первыхъ, боялись, что при воцареніи голштинскаго принца, Россія будетъ вовлечена въ войну съ Даніей изъ-за Шлезвига; во вторыхъ, личность отца Петра-Ульриха, голштинскаго герцога Фридриха-Карла, не возбуждала къ себѣ симпатіи русскихъ людей. Вѣсьмъ было очень хорошо памятно его надобливое пребываніе въ Петербургѣ, при Петрѣ I и Екатеринѣ I-й, и безцеремонный образъ дѣйствій его министра Бассевича. Такого же вышательства ихъ въ дѣла Россіи опасались и въ будущемъ.

Гораздо болѣе имѣла на своей сторонѣ цесаревна Елизавета, хотя многіе и смотрѣли неодобрительно на ея тогдашній образъ жизни. Она жила вдали отъ двора, предаваясь разсѣянности и удовольствіямъ въ подмосковной Александровской Слободѣ⁽²⁵⁾. Впослѣдствіи рассказывали, что

⁽²⁵⁾ VIII-й пунктъ тестамена Екатерины I: «Ежели В. Князь (Петръ II) безъ наслѣдниковъ преставится, то имѣть по немъ цесаревна Анна, съ своими десцендентами, по ней цесаревна Елизавета и ея десценденты, а потомъ великая княжна (Наталья Алексѣевна) и ея десценденты наслѣдствовать; однакоже мужеска полу наслѣдники предъ женскимъ предпочтены быть имѣють. Однакоже никто никогда Россійскимъ престоломъ владѣть не можетъ, которой не греческаго закона, или кто уже другую корону имѣетъ». (П. С. З., т. VII, № 3070, стр. 790).—Въ противорѣчіи съ этимъ тестаментомъ находится брачный договоръ Анны Петровны съ герцогомъ голштинскимъ Фридрихомъ-Карломъ (1724 г.). 2-мъ пунктомъ этого договора «цесаревна (Анна Петровна) равно какъ и герцогъ, отказываются за себя и за всѣхъ своихъ потомковъ *отъ всякихъ правъ, требованій, долъ и притязаній* на корону Россійской имперіи».—По первой статьѣ *секретныхъ артикуловъ*, приложенныхъ къ этому договору, Петръ В. предоставлялъ себѣ *власть и мочь*, по своему усмотрѣнію, *призвать къ сукцессіи короны и имперіи Всероссійской одного изъ урожденныхъ изъ сего супружества принцевъ*, и въ такомъ случаѣ герцогъ обязывался немедленно исполнить волю императора *безъ всякихъ кондицій*. (Арсеньевъ, Царствов. Екатерины I, с. 169).—Анна Петровна † въ 1728 году. Сынъ ея Петръ-Ульрихъ былъ лютеранскаго исповѣданія и въ 1730 году считался возможнымъ наслѣдникомъ шведскаго престола. Ему было въ то время безъ малаго два

Феофанъ Прокоповичъ, на утреннемъ собраніи въ кремлевскомъ дворцѣ 19 января, заявилъ о правахъ Елизаветы

года отъ роду (р. 10 февр. 1728 г.)—Голштинскій герцогъ Карлъ-Фридрихъ, отецъ Петра Ульриха, былъ родной племянникъ Ульрики-Элеоноры, выбранной въ королевы Швеціи по смерти Карла XII и передавшей престолъ мужу своему Фридриху (принцу гессенъ-кассельскому). Ульрика-Элеонора была бездѣтна.—Любопытныя доказательства въ пользу легальности тестаментъ Екатерины I-й и несомнѣнныхъ правъ Елизаветы Петровны на престолонаслѣдіе въ 1730^м году находимъ мы у Болтина, въ его «Примѣчаніяхъ на исторію Россіи г. Леклерка».—«Екатерина I,—говоритъ онъ,—не преступила предѣловъ власти своей, назнача преемниковъ Петру II-му; въ разсужденіи, что сіе предназначеніе ея въ преемники ему не иначе разумѣть должно какъ токмо на случай если умретъ онъ не достигнувъ лѣтъ совершенныхъ, то есть не вступивъ еще въ правленіе государства, я не получа права наименовать преемника по себѣ. Еслижъ бы онъ пзъ-подъ опеки вышелъ, и кормило государственнаго правленія воспріялъ въ свои руки, тогда сіе предназначеніе преемника ему, императрицею Екатериною I-ю учиненное, осталось бы недѣйствительнымъ, и могъ бы онъ самъ оное учинить по своему благоволенію, въ слѣдствіе закона Петра I-го. Но Петръ II представился не вышедъ изъ-подъ опеки и не вступя еще въ право назначить по себѣ преемника; слѣдовательно духовная императрицы Екатерины I-я оставалась въ полной своей силѣ, и никто не имѣлъ законныя власти нарушить оныя: распоряженія Ея въ пользу дочерей своихъ Анны Петровны и Елисаветы Петровны оставался дѣйствительными; а по томужъ самому и Верховной Совѣтъ долженъ былъ имѣти уваженіе къ Ея распоряженіямъ, и держася точной силы оныхъ возвести на престолъ цесаревну Елисавету Петровну, яко неоспоримо ей принадлежащій и по праву природы и по завѣщанію матерп ея, учиненному по силѣ закона Петра Великаго. Молодость не могла препятствіемъ быти въ возведеніи ея на престолъ, понеже была она тогда уже двадцати лѣтъ». (Болтинъ, т. II, с. 515—516).—«Верховный Совѣтъ не имѣлъ власти никаковыя въ избраніи преемника Петру II-му; первое по тому, что духовною императрицы Екатерины I-я сего права имъ не только не дано, но и точно запрещено дѣлать перемѣны въ порядкѣ преемничества престола ею постановленномъ: «Сей Совѣтъ Правленія не имѣтегъ власти перемѣнить что-либо въ порядкѣ наслѣдія, которой я за благо судила постановить сею моею духовною». Второе, преемникъ Петру II-му тою духовною былъ уже предназначенъ: «если умретъ онъ не оставя потомства, дочь моя Анна Петровна наслѣдуетъ въ семъ случаѣ престолъ Россійской, а послѣ ней дѣти ея». Чтожъ та духовная была въ полной своей силѣ, то доказалъ уже я прежде. Третье: самый сей Совѣтъ потерялъ все свое

Петровны, но получилъ рѣзкое возраженіе со стороны князя Д. М. Голицына⁽²⁶⁾.

Цесаревна Елизавета, по свидѣтельству М а п ш т е й н а, могла-бы воцариться въ то время, но сама не желала этого. Маништейнъ увѣряетъ, что лейбъ-медикъ ея Лестокъ, узнавъ о кончинѣ Петра II-го, въ ту же самую ночь, съ 18 на 19 января, вошелъ въ спальню цесаревны, спавшей въ то время, разбудилъ её, сталъ ее уговаривать показаться народу, ѣхать въ сенатъ и тамъ предъявить свои права на корону. Но она никакъ не соглашалась выйти изъ своей спальни. „Можетъ быть въ то время,—замѣчаетъ Маништейнъ,—она еще не имѣла достаточной твердости для исполненія такого великаго предпріятія“⁽²⁷⁾. Впослѣдствіи посилились слухи, что Елизавета Петровна была въ то время больна⁽²⁸⁾.

„Елизавета Петровна“—пишетъ французскій резидентъ Маньянъ,—„ничѣмъ себя въ этомъ случаѣ не заявила: она веселилась въ своей деревнѣ, а ея сторонники, дѣйствуя въ Москвѣ въ ея пользу, никакъ не могли добиться, чтобы она появилась въ столицѣ въ виду тогдашнихъ обстоятельствъ;

свое право, исключивъ отъ себя первѣйшихъ и важнѣйшихъ членовъ тою духовною предназначенныхъ и опредѣленныхъ». (Ibid., с. 517—518).

Подробности о жизни Елизаветы Петровны за это время см. въ статьѣ Стромиллова: «Цесаревна Елизавета Петровна въ Александровской слободѣ». Чтенія М. Общ. Ист. и др. 1874 г., кн. I.—Александровская Слобода, или гор. Александровъ Владимірской губерніи, находящійся на Московско-Ярославской желѣзной дорогѣ,—была, какъ извѣстно, любимымъ мѣстопребываніемъ царя Іоанна IV въ то время, когда онъ окружилъ себя опричниной.

⁽²⁶⁾ Dolgoroukow, «Memoires», v. I. p. 306.

⁽²⁷⁾ Зап. Маништейна, с. 24.

⁽²⁸⁾ Автобіогр. Шлѣцера, «Сборн. II отд. Акад. наукъ», XIII.—«Елизаветѣ Петровнѣ и императрицей-то быть не слѣдовало»—говорилъ въ 1743 г. подгулявшій гвардейскій офицеръ Ив. Степ. Лопухинъ своему пріятелю Бергеру.—«Незаконная—разъ; другое: фельдмаршалъ князь Долгоруковъ сказывалъ, что въ тѣ поры, когда импаторъ Петръ II скончался, хотя-бъ и надлежало Елизавету Петровну къ наслѣдству допустить, да она б. . . . на была. Наша знать ее вообще не любитъ, она же все простому народу благоволитъ для того, что сама живетъ просто». (Дѣло Лопухиной, Рус. Стар. 1874, т. XI, с. 4—10 и слѣд.).

нѣсколько посланныхъ къ ней для этого гонцевъ, не застали ее своевременно, такъ что она прибыла въ Москву уже послѣ избранія курляндской герцогини. Но еслибы она и была тамъ раньше, нѣтъ основанія полагать, чтобы ея присутствіе послужило ей на пользу; на это есть три одинаково важныя причины, вслѣдствіе которыхъ она не можетъ найти себѣ полезныхъ друзей ни въ одной изъ главныхъ русскихъ фамилій. Первая причина—вольность ея поведенія, которую русскіе просто презираютъ, не смотря на то, что не отличаются особенной щекотливостью; вторая—ихъ ненависть къ правленію царицы ея матери, вслѣдствіе высокомернаго обращенія гоштинцевъ во время ихъ господства въ Россіи; мысль о возвращеніи ихъ столь противна русскимъ, что одного этого опасенія было бы достаточно для отстраненія цесаревны Елизаветы отъ престола, имѣя она даже на него неоспоримыя права. Наконецъ, третья причина заключается въ томъ, что по правиламъ греческой церкви, всякій ребенокъ, рожденный до церковнаго празднованія брака его родителей, не можетъ быть признанъ законнымъ; хотя бы это празднованіе и было впослѣдствіи совершенно, русскіе считаютъ церковное правило ненарушимымъ⁽²⁹⁾.

Знать не любила Елизаветы Петровны, но она пользовалась большою популярностью въ низшихъ классахъ за ея доступность, за благочестіе и за образъ жизни, веселый и простой. Гвардейскіе полки, чтившіе высоко память Петра Великаго, съ упованіемъ смотрѣли на его дочь; въ числѣ ея сторонниковъ было много монаховъ, много лицъ изъ приходскаго духовенства и вообще людей стараго покроя, которыхъ не коснулось преобразованіе: изъ купчества, посадскихъ и крестьянъ.

Но кромѣ русскихъ людей, Елизавета Петровна имѣла много сторонниковъ среди иностранцевъ. Жители Нѣмецкой Слободы распространяли въ ея пользу слухи во время болѣзни Петра II-го. Слухи эти находили поддержку со стороны нѣкоторыхъ европейскихъ кабинетовъ, посланники которыхъ были очень заинтересованы кандидатурой Елизаве-

---

⁽²⁹⁾ Tourgueneff, III, 280—281.

ты Петровны. Во главѣ ихъ стоялъ посолъ нѣмецкаго императора, графъ Вратиславъ, а къ нему примыкали представители Голштиніи, Бланкенбурга и Швеціи⁽⁸⁰⁾.

Императоръ нѣмецкій, Карлъ VI, гарантировавшій права голштинскаго герцога на Шлезвигъ договоромъ 1726 г., хлопоталъ въ 1730 году о томъ, чтобы Россія дала ему вспомогательный корпусъ въ силу этого-же договора, при начавшихся у него недоразумѣніяхъ съ Испаніей. Поэтому посолъ императора, графъ Вратиславъ, старался, чтобы въ преемники Петра II-го былъ избранъ голштинскій герцогъ Петръ-Ульрихъ подъ опекою, до своего совершеннолѣтія, Елизаветы Петровны. Къ такому плану присоединились и другіе вышеупомянутые послы. Представитель Голштиніи Бонде въ этомъ случаѣ весьма естественно хлопоталъ въ пользу своего герцога, а представитель Бланкенбурга, Крамъ, держалъ сторону имперскаго посла, вслѣдствіе родственныхъ связей своихъ герцоговъ съ нѣмецкимъ императоромъ⁽⁸¹⁾. Швеція заботилась о томъ-же по своимъ недру-

---

(80) Дешени Вестфалена, № 4.

(81) Герцогъ Люнебургскій Эрнстъ-Исповѣданкъ въ половинѣ XVI столѣтія оставилъ двухъ сыновей: старшій, Генрихъ былъ родоначальникомъ герцоговъ Брауншвейгъ-Вольфенбютельскихъ и Брауншвейгъ-Бевернскихъ; младшій, Вильгельмъ, герцоговъ Люнебургъ-Цельскихъ и Люнебургъ-Каленбергскихъ, вступившихъ на Англіійскій престолъ. Въ началѣ XVIII столѣтія герцогомъ Брауншвейгъ-Вольфенбютельскимъ былъ Антонъ-Ульрихъ, въ 1711 году достигшій 78 лѣтъ. — Второй сынъ его Людвигъ-Рудольфъ, получившій отъ отца въ особенное владѣніе княжество Бланкенбургъ, отъ Христины-Луизы Эттингенской имѣлъ трехъ дочерей: старшая, Елисавета, въ 1708 году принявъ Римско-католическій законъ, вышла за короля испанскаго, вступившаго чрезъ три года на императорскій престолъ подъ именемъ Карла VI, и въ 1717 г. развѣшалась отъ бремени Марією-Терезією; младшая, Антуанета въ 1712 году соединилась съ Фердинандомъ-Альбрехтомъ, герцогомъ Брауншвейгъ-Вольфенбютельскимъ и имѣла отъ него пятнадцать дѣтей, въ томъ числѣ Антона-Ульриха, супруга Анны Леопольдовны, и одного изъ героев Семилѣтней войны, принца Фердинанда. Средняя, Шарлота въ 1711 году сочеталась бракомъ съ царевичемъ Алексѣемъ; ей было тогда 17 лѣтъ. (См. Устрялова, «Ист. Царств. Петра В.», т. VI, с. 23—24). — Эти свѣдѣнія заимствованы Устряловымъ изъ «Geschichte der Höfe des Hauses Braunschweig in Deutschland und England». Von Dr. Eduard Vehse. 1853. V.

желюбнымъ отношеніямъ къ Даніи и, надѣясь за услугу оказанную Елизаветѣ Петровнѣ, возвратить хотя часть завоеваній Петра Великаго на балтійскомъ побережьи. Во имя тѣхъ-же мотитовъ Швеція оказала содѣйствіе дочери Петра Великаго одиннадцать лѣтъ спустя, въ 1741 году.

Сильнымъ противникомъ всѣхъ сторонниковъ Елизаветы Петровны явился датскій посланникъ Вестфаленъ. Когда предположенія его о возможности воцаренія княжны Екатерины Долгорукой не исполнились, онъ употребилъ все стараніе для отстраненія избранія Елизаветы Петровны и ея племянника, голштинскаго герцога Петра-Ульриха, „Кильскаго ребенка“,—*l'enfant de Kiel*, какъ онъ его называетъ. Вестфаленъ очень основательно считаетъ воцареніе ихъ обоихъ обстоятельствомъ весьма неблагоприятнымъ для Даніи, по тогдашнимъ ея отношеніямъ къ Шлезвигу, и не задумывается надъ средствами для достиженія своей цѣли: убѣжденія, шпіонство, подкупы — все имъ пускается въ ходъ. Онъ совершенно не заинтересованъ, кто будетъ государемъ Россіи,—лишь бы только имъ не были „кильскій ребенокъ“ и его тетка, цесаревна Елизавета! ⁽⁸²⁾ Вестфаленъ дѣйствуетъ очень успѣшно. Еще при жизни Петра II, во время его тяжелой болѣзни, послы—вѣмецкій, голштинскій, бланкенбургскій и шведскій—посылаютъ депутатомъ отъ себя голштинскаго посла, графа Бонде, хорошо говорящаго по-русски, къ канцлеру Головкину для переговоровъ относительно ихъ плана. Канцлеръ принимаетъ Бонде очень высокомерно и презрительно и напрямикъ объявляетъ ему, что герцогу голштинскому печего домогаться въ Россіи, что ему только изъ состраданія давали столь значительныя суммы, получаемыя имъ изъ русскаго государственнаго казначейства совершенно незаслуженно ⁽⁸³⁾. По избраніи курляндской герцогини, голштинскіе послы подали Верховному Тайному Совѣту протестъ о нарушеніи правъ ихъ герцога, ссылаясь на „тестаментъ“ Екатерины I-й; по ихъ даже не выслушали, а графу Бонде верховники посовѣтовали подумать объ отъѣздѣ изъ Россіи. Графъ извинился, что не можетъ немедленно

⁽⁸²⁾ Подробности см. въ его депешахъ, III-е Приложение къ настоящему изслѣдованію.

⁽⁸³⁾ Деп. Вестфалена, № 4.

исполнить ихъ желанія, вслѣдствіе болѣзни своей жены, но обѣщался уѣхать при первой возможности ⁽⁸⁴⁾.

Старшая сестра Анны Іоанновны, Е к а т е р и н а І о а н н о в н а, имѣла очень мало сторонниковъ; противниковъ ея избранія было несравненно больше. Противъ ея избранія высказывались многіе, боясь чтобы, мужъ ея, герцогъ мекленбургскій, не явился въ Россію съ такими же претензіями на участіе въ управленіи страной, какія были въ недавнее время со стороны герцога голштинскаго,—а герцогъ мекленбургскій былъ человѣкъ взбалмошный и грубый ⁽⁸⁵⁾.

Меньшая ея сестра, П р а с к о в ѣ я І о а н н о в н а, была въ морганатическомъ бракѣ съ сенаторомъ И. И. Дмитриевымъ-Мамоновымъ, и это обстоятельство окончательно устранило ея кандидатуру.

Избраніе курляндской герцогини съ перваго раза многихъ удивило. Это удивленіе особенно сильно проявилось въ дипломатическихъ сферахъ, гдѣ Анна Іоанновна была мало извѣстна; но черезъ нѣсколько дней, когда успѣли познакомиться съ ея личностью и съ условіями ея жизни въ Курляндіи, удивленіе это смѣнилось общимъ удовольствіемъ и даже радостью.

Насколько было сильно удивленіе—видно изъ депеши испанскаго посла отъ 19 января.

„Мы никогда и не думали“,—пишетъ герцогъ де-Лирія,—„чтобы корона досталась кому нибудь другому, кромѣ четырехъ лицъ, именно: царицы бабки (Евдокіи Ѳеодоровны), принцессы Елизаветы, княжны-невѣсты (Екатерины Долгорукой) и сына герцога голштинскаго. Но на собраніи нынѣшняго утра не говорили, даже не упоминали, объ этихъ

⁽⁸⁴⁾ Ibid.—Де-Лирія, XVIII в., Сб. Бартенева, т. III, с. 35.

⁽⁸⁵⁾ «Настоящая причина исключенія Екатерины Іоанновны, герцогини мекленбургской»—пишетъ составитель сборника «La Cour de Russie il y a cent ans»,—«заключалась въ опасеніи, которое возбуждалось твердостью ея характера и ея рѣшительнымъ умомъ». (См. 3-е изд., 1860, с. 10).—Эти опасенія, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, имѣли большое основаніе. Екатерина Іоанновна именно проявила во всей силѣ, какъ твердость своего характера, такъ и рѣшительность ума,—25 февраля 1730 г., при провозглашеніи Анны Іоанновны самодержавной императрицей.

четырехъ лицахъ“⁽³⁶⁾. Де-Лиріа, очевидно, еще ничего не зналъ о почномъ совѣщаніи верховниковъ. Почти дословно съ испанскимъ посломъ выражаетъ свое удивленіе по случаю избранія Анны Іоанновны и французскій резидентъ Маньянъ⁽³⁷⁾.

Общая радость при избраніи Анны Іоанновны обуславливалась тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ кружки, всѣ отдѣльныя лица—связывали съ ея избраніемъ свое благополучіе: всѣ одинаково были увѣрены, что обездоленная вдовица приметъ какія угодно условія и согласится на все—лишь бы царствовать. Главный агитаторъ въ ея пользу среди верховниковъ, князь Д. М. Голицынъ, а за нимъ кн. В. Л. Долгорукой,—были убѣждены, что она безирекословно подпишетъ „пункты“; Ягушинской, одинъ изъ самыхъ сильныхъ противниковъ верховниковъ, отирающа Сумарокова, въ сущности хлопоталъ также о томъ, чтобы „прибавить себѣ воли“; Ѳеофанъ Прокоповичъ связывалъ съ личностью Анны Іоанновны мысль о торжествѣ самодержавія, Салтыковъ ждалъ отъ нея всякихъ благъ по родству, Левенвольде—хлопоталъ изъ эгоизма. Родословные люди надѣялись получить при Аннѣ Іоанновнѣ преобладающее политическое значеніе и предложить ей иныя „пункты“, чѣмъ предложили верховники; среднее шляхетство рассчитывало при ней приобрести себѣ льготы. Та часть высшего духовенства, которая мечтала о возстановленіи патріаршества, надѣялась достичь этого при Аннѣ Іоанновнѣ, зная ея пажобность и ея любовь къ торжественнымъ церемоніямъ и церковнымъ обрядамъ.

Избраніемъ Анны Іоанновны были удовлетворены также планы и желанія почти всѣхъ европейскихъ дипломатовъ, за исключеніемъ только голштинскаго посла. Послу нѣмецкаго цезаря верховники обѣщали исполнить требованіе трактата 1726 года относительно вспомогательнаго

---

(36) Де-Лиріа, XVIII в., III, с. 28. — Де-Лиріа не знаетъ въ точности даже имени курляндской герцогини и называетъ ее Прасковьеѣ. — Писецъ Верховнаго Совѣта въ черновомъ журналѣ отъ 19 января называетъ ее Екатериной Іоанновной. (См. Госуд. Арх., разд. III, д № 5, л. 6).

(37) Tourgueneff, III, 259—260.

корпуса, чѣмъ остались довольны и графъ Вратиславъ, и посланники бланкенбургскій и шведскій⁽³⁸⁾. Саксонско-польскій посланникъ Лефортъ, близкій къ Ягушинскому, стоялъ открыто на сторонѣ курляндской герцогини, разсчитывая по всей вѣроятности, съ ея избраніемъ усилить вліяніе польскаго короля Августа II на дѣла курляндскаго герцогства. Остальные послы относились или совершенно индифферентно къ личности новаго государя Россіи, или были довольны, что съ избраніемъ Анны Іоанновны окончательно закрывается путь къ русскому престолу голштинской династіи и цесаревнѣ Елизаветѣ. Къ первой категоріи принадлежатъ: испанскій посолъ герцогъ де Лирія и резидентъ Франціи Маньянъ; ко второй—кромѣ датскаго посла Вестфалена, резидентъ Англіи Ропдо. Пруссскій посланникъ Мардефельдъ, всецѣло преданный Остерману, раздѣляетъ въ вопросѣ объ избраніи Анны Іоанновны его воззрѣнія, къ которымъ примыкаетъ и братъ вице-канцлера, мекленбургскій посланникъ Дидрихъ Остерманъ.

Совершенно иначе отнеслась тогдашняя европейская дипломатія къ замысламъ верховниковъ и къ шляхетскому движенію.

Все иностранные послы смотрятъ на эти явленія, или какъ на скоропреходящую вспышку, или какъ на желаніе старой русской партіи (такъ называютъ они патриотическихъ вождей движенія)—возвратиться къ прежнему московскому, варварскому, порядку вещей.

Изложивъ приведенное нами выше указаніе на сторонниковъ разныхъ системъ государственнаго строя въ Россіи, французскій резидентъ Маньянъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „Отсюда ясно видно“—говоритъ онъ,—„что намѣреніе націи состоитъ въ томъ, чтобы возвратиться къ своему прежнему состоянію и своимъ прежнимъ обычаямъ“⁽³⁹⁾. То же заключеніе находимъ мы и у испанскаго посла де-Лирія: „Все направилось такимъ путемъ“,—пишетъ онъ 20 (31) января—„что стало уже несомнѣннымъ, что эти народы (русскіе) возвращаются

⁽³⁸⁾ Де-Лирія, XVIII в., III, с. 33 — Девенш Вестфалена, № 4.

⁽³⁹⁾ Tourgueneff, III, 260.

къ своимъ старымъ обычаямъ“⁽⁴⁰⁾. „Я увѣренъ“,—пишетъ саксонско-польскій посланникъ Лефортъ,—„что когда ея величество вступить на престолъ, то заставить ихъ (сторонниковъ измѣненія государственнаго строя) пѣть другое. Она согласится на все, а между тѣмъ сдѣлать то, что захочетъ“⁽⁴¹⁾. Гораздо рѣзче и опредѣленнѣе высказывается прусскій посланникъ, Мардефельдъ. „Всѣ русскіе вообще желаютъ свободы“—пишетъ онъ 12 (23) февраля,—„но они не могутъ согласиться относительно мѣры и качества ея и до какой степени слѣдуетъ ограничить самодержавіе. Если императрица счумѣетъ хорошо войти въ свое положеніе и послушается извѣстныхъ умныхъ людей, то она возвратитъ себѣ въ короткое время полное самодержавіе, ибо русская пація“—заключаетъ Мардефельдъ,—„хотя много говоритъ о свободѣ, но не знаетъ ея и не счумѣетъ воспользоваться ею“⁽⁴²⁾.

Пока шли по Москвѣ всѣ эти суды и пересуды, шляхетство собиралось въ кружки и измышляло разныя политическія реформы, а иностранные дипломатическіе агенты одѣнвали эти измышленія по своему,—Верховный Тайный Совѣтъ не менѣе шляхетства былъ занятъ выработкой поваго плапа государственнаго устройства. Всѣ иностранные послы приписываютъ починъ въ этомъ плапѣ и главное участіе въ его разработкѣ князю Д. М. Голицыну. Если можно вполнѣ вѣрить датскому посланнику Вестфалену, князь Голицынъ совѣщался съ нимъ о подробностяхъ этого плапа. „На другой день кончины Петра II, 20 (31) января“,—доноситъ Вестфаленъ своему правительству—„фельдмаршалы, Долгорукой и Голицынъ, заняли мѣста въ Верховномъ Совѣтѣ въ качествѣ первыхъ членовъ послѣ великаго канцлера, графа Головкина, и Верховный Совѣтъ началъ разсуждать о средствахъ ограниченія самовластія послѣдующихъ государей Россіи, пачавши съ теперешней царицы. Всѣ чрезвычайно какъ запяты этимъ деликатнымъ и опас-

⁽⁴⁰⁾ Де-Ливріа, XVIII в., III, с. 30.

⁽⁴¹⁾ Сборн. Русск. Ист. Общ., V, 347—348.

⁽⁴²⁾ Ibid., XV, 414.

нымъ вопросомъ. Голицынъ, основатель и защитникъ этого дѣла, спросилъ меня вчера: которую изъ двухъ системъ государственнаго устройства я считаю за лучшую—шведскую, или англійскую? Я отвѣчалъ, что шведская самая подходящая, и что я не думаю, чтобы англійская система могла быть введена въ Россіи. Онъ ничего на это не отвѣчалъ⁽⁴³⁾.

Кромѣ князя Д. М. Голицына, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ не кому было заняться проектомъ новаго государственнаго устройства. Его братъ, фельдмаршалъ, князь Михаилъ Михайловичъ, вполнѣ подчинился его воззрѣніямъ, другой фельдмаршалъ, князь Долгорукой, съ своимъ братомъ не мечтали ни о шведской, ни объ англійской конституціи; князь Василій Лукичъ Долгорукой былъ въ Митавѣ; что же касается до князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго, до канцлера Головкина и до Остермана—то ихъ политическіе планы, какъ мы видѣли, были совершенно инаго характера. Кромѣ того, Остерманъ казался больнымъ и съ 20 января не принималъ участія въ засѣданіяхъ Верховнаго Совѣта⁽⁴⁴⁾.

Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, занятый своимъ политическимъ проектомъ, надѣялся осуществить въ немъ лучшія свои мечты. Кондиціи, посланныя Аппѣ Іоанновнѣ въ Митаву, являлись только черновымъ наброскомъ этого проекта. Голицынъ былъ увѣренъ, что Анна Іоанновна приметъ его, и тогда русское государство будетъ подвинуто на прямой путь своего дальнѣйшаго гражданскаго развитія. Онъ никакъ не предполагалъ встрѣтить противодѣйствій своимъ политическимъ замысламъ со стороны шляхетства, въ интересахъ котораго создавалъ свой проектъ, а когда эти противодѣйствія начались—взглянулъ на нихъ высокомерно и презрительно, не придавая имъ никакого значенія. О гонцахъ, отправленныхъ тайно къ Аппѣ Іоанновнѣ, Голицынъ не зналъ ничего. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ вѣстей изъ Митавы и хотѣлъ представить проектъ по полу-

⁽⁴³⁾ Дешети Вестфалена, № 4.

⁽⁴⁴⁾ См. о болѣзни Остермана: Лефорга (Сб. Рус. Ист. Общ., V, 346 и слѣд.), Мардефельда (ibid., XV, 408), де-Лирія (XVIII в., III, с. 28—33), Мапьяна (Tourgueneff, III, 264), Вестфалена (III-е Приложение).

ченіи согласія Анны Іоанновны на кондиціи. Согласіе это было получено 2 февраля, но до этого времени движеніе въ шляхетскихъ кружкахъ и среди сторонниковъ самодержавія получило такое направленіе, что князь Д. М. Голицынъ не рѣшился уже предъявить своего проекта.

Чѣмъ же былъ занятъ за все это время Верховный Тайный Совѣтъ? Въ чемъ проявилась его дѣятельность, помимо проекта, составляемаго княземъ Голицынымъ?

Сохранившіеся черновые журналы засѣданій Верховнаго Совѣта даютъ намъ возможность достаточно полно ознакомиться съ его дѣятельностію въ продолженіе двухъ недѣль, съ 20 января по 2 февраля, т. е. по тотъ день, когда было получено отъ Анны Іоанновны согласіе на кондиціи. Подробное разсмотрѣніе этихъ журналовъ намъ лучше всего покажетъ, какъ относился Верховный Совѣтъ къ факту избранія курляндской герцогини и къ пачинающемуся шляхетскому движенію.

Засѣданія Совѣта за эти дни были посвящены:

1) Дѣламъ, относящимся къ избранію Анны Іоанновны,
2) распоряженіямъ о приготовленіяхъ къ погребенію Петра II-го,

3) текущимъ дѣламъ по государственному управленію.

Разсмотримъ дѣятельность Совѣта по этимъ рубрикамъ.

1) Дѣла, относящіяся къ избранію Анны Іоанновны. 20 января управлявшій почтами, бригадиръ Полибинъ докладывалъ о задержанныхъ на заставахъ проѣзжихъ, которыхъ велѣно задержать до четверга (22 января), а потомъ пропустить (очевидно для того, чтобы они не могли догнать „депутатовъ“). Оберъ-прокуроръ Синода Баскаковъ доложилъ того же числа форму о возношеніи государыни царевны (такъ названа императрица) въ церквахъ. Разрѣшено до времени поминать, какъ прежде было (т. е. съ титуломъ самодержицы). Для церквей только одной Москвы велѣно было исключить изъ церковныхъ ектеній имена покойнаго императора и его невѣсты, княжны Екатерины, а во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ Россіи поминать ихъ по прежнему.

22 января разрѣшено свести всѣ заставы около Москвы и возстановить прежнее почтовое сообщеніе, а также

приказано выдать паспорта курьерамъ пословъ—цесарскаго графа Вратислава и испанскаго герцога де-Лиріа.

Затѣмъ шли дѣятельныя приготовленія къ прїѣзду Анны Іоанновны и прїему ея въ Москвѣ. 24 января составляетъ подробный церемоніаль для входа въ Москву „Государыни Царевны во всемъ противъ того, какъ учреждено было въ 1728 году для входа блаженной памяти Государя Императора“, причемъ было приказано Ягушинскому объ изготовленіи каретъ для входа ея величества. 28 января снова подробно обсуждали тотъ же вопросъ и утвердили росписание и число подводъ для слѣдованія ея величества въ Москву, о чемъ сообщено князю В. А. Долгорукому. Но этими скромными распоряженіями конечно не могъ исчерпываться въ Верховномъ Совѣтѣ вопросъ о прибытіи Анны Іоанновны. Къ сожалѣнію самыя интересныя подробности по этому вопросу—разсужденія верховниковъ о томъ, какъ припятъ „кондиціи“ въ Митавѣ—Анной Іоанновной и въ Москвѣ—шляхетствомъ и другими сословіями—не вписались въ журналы; на эти разсужденія встрѣчаемъ мы тамъ только намеки. Такъ въ засѣданіи 26 января, въ которомъ участвовали: фельдмаршалъ Долгорукой, кн. Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой и Д. М. Голицынъ, отмѣчено: „потомъ пришелъ Михаилъ Михайловичъ (Голицынъ) и совѣтовали между собою секретно“. Такая же отмѣтка находится въ журналѣ 31 января. Въ этотъ день въ собраніи были: канцлеръ Головкинъ, князья Долгорукіе, Василій Владиміровичъ и Алексѣй Григорьевичъ, и князья Д. М. и Мих. Мих. Голицыны—и „имѣли разговоры секретныя“⁽⁴⁵⁾.

28 января было отправлено къ князю Василью Лукичу Долгорукому письмо, но какого содержанія—черновой журналъ ничего не сообщаетъ. Въ этомъ письмѣ верховники писали, между прочимъ, слѣдующее:

«Когда Ея Величество изволитъ подписать по прошенію нашему отправленное съ вами къ подписи Ея Величеству извѣстное письмо, то опое, ни мало у себя не удержавъ, изволите суды прислать съ ген.-маіор. Леонтьевымъ, а мы здѣсь ко входу Ея Величества всякое приуготовленіе чинимъ на двое, и въ цвѣтномъ и въ черномъ, для того, что Его Императорское Величество, блаженный

---

(45) Госуд. Арх., Черн. журн. В. Т. С. лл. 8—22.

памяти Петръ II-й еще не погребенъ, и учинимъ оный входъ тогда такъ, какъ Ея Величество, при сближеніи (?) [приближеніи] своемъ разсудить изволить» ⁽⁴⁶⁾.

30 января было экстренное, не въ урочный часъ, заседание Верховнаго Совѣта. Канцлеръ Головкинъ получилъ какое-то важное письмо отъ князя В. Л. Долгорукаго. Его привезъ нарочный курьеръ, прапорщикъ Лейбъ-Регимента Алексѣй Макшеевъ. Канцлеръ немедленно собралъ остальныхъ своихъ сочленовъ. „И тотъ пакетъ (съ письмомъ отъ В. Л. Долгорукаго)“—читаемъ въ черновомъ журналѣ объ этомъ засѣданіи—„обще отъ всѣхъ распечатанъ и въ отвѣтъ на оной того же времени отправленъ къ нему, князю Василию Лукичу, съ письмомъ оной же прапорщикъ и приказано ему дать за скорый его приѣздъ сто рублей, которые тогда же ему и даны“ ⁽⁴⁷⁾.

Прапорщикъ Макшеевъ привезъ очень важныя вѣсти изъ Митавы. Въ письмѣ, отправленномъ съ нимъ, кн. В. Л. Долгорукой сообщалъ подробности прибытія депутатовъ въ Митаву и о согласіи Анны Іоанновны на кондиціи ⁽⁴⁸⁾. Выписываемъ это письмо отъ слова до слова:

«Приѣхали мы въ Митаву 25 сего мѣсяца, въ 7-омъ часу по полудни и того-жъ числа донесли Ея Высочеству Государынѣ Императрицѣ, въ началѣ о преставленіи Ея Императорскаго Величества, а потомъ, что избрали Ея Величество на Россійскій престолъ и просили, чтобъ изволила подписать посланныя съ нами кондиціи. Ея Величество изволила печалиться о преставленіи Ея Величества, а потомъ, по челобітю нашему, повелѣла тѣ кондиціи предъ собою прочесть и, выслушавъ, изволила ихъ подписать своею рукою такъ: «По сему общаюсь съ вѣ безъ всякаго изъятія содержать, Анна». Тѣ подписанныя кондиціи мы удержимъ и привеземъ ихъ съ собою, а съ курьеромъ не посылали за опасностію, чтобъ какими несчастіемъ въ дорогѣ не утратить. Ея Величество намѣрена отсюда итти сего мѣсяца 28, или конечно 29 числа, и въ пути медлить не изволить. Для проѣзда Ея Величества чрезъ Ригу приказалъ я генералу Лассію стрѣлять изъ пушекъ и полки гарнизонныя поставить въ строй. О въѣздѣ Ея Величества въ

⁽⁴⁶⁾ Моск. Гл. Арх. М. И. Д.—Ркп. «Управленіе Всерос. шип.» л. 7.—Печатн. протоколы В. Т. С., с. 113—114.

⁽⁴⁷⁾ Госуд. Арх., разд. III, № 5, л. 21.

⁽⁴⁸⁾ Ibid., л. 22.

Москву зѣло нужно мнѣ вѣдать — публичной ли будетъ и съ какою церемоніею? О томъ буду ожидать отвѣту. Государыня изволила требовать 10 тысячъ на всякіе расходы и на подъемъ, и я, по Ея указу, послалъ къ оберъ-инспектору, Ильѣ Исаевичу, въ Ригу, чтобъ тое сумму выдать тому, кому Ея Величество принять повелить. — Митава, 26 генваря»⁽⁴⁹⁾.

«Сіятельнѣйшій князь! — отвѣчали верховники князю В. Л. Долгорукому — Сего числа получили мы вашего сіятельства письмо, отправленное изъ Митавы отъ 26 генваря, изъ котораго усмотрѣли о скоромъ къ Ея Величеству вашему прибытіи по исправленіи вамъ врученной комиссіи, что Ея Величество прошеніе наше милостиво принять и подписать изволила, за которую Ея высокою обще ко всему государству милость и вамъ за толикій трудъ вашъ къ Отечеству, премного благодарствуемъ и усердно желаемъ очю Ея Величества, Всемилостивѣйшей Государыни, здѣсь видѣть. И поуже, вамъ самимъ извѣстно, сколь намъ нужно тѣ кондичіи, которыя Ея Величество, по прощенію нашему, подписать изволила, здѣсь имѣть, то третьяго дня писали, дабы вы оныя изволили прислать съ ген.-маіор. Леонтьевымъ, о чемъ и паки ваше сіятельство о скорѣйшей присылки оныхъ симъ просимъ. А буде за чѣмъ съ нимъ послать невозможно, то извольте отправить съ кн. Михаиломъ Михайловичемъ или съ другимъ съ кѣмъ, а ко входу Ея Величества сюды предуготовленіе чинимъ такое, какъ прежде сего Его Императорскаго Величества, блаженныя и высокодостоинныя памяти встрѣчали, и въ запасъ предуготовить велѣли съ чернымъ уборомъ». Подписано: Графъ Гаврило Головкинъ, Князь Михайло Голицынъ, князь Василій Долгорукой, князь Дмитрій Голицынъ⁽⁵⁰⁾.

2) Распоряженія о приготовленіяхъ къ погребенію Петра II. 20 января Олсуфьеву велѣно было дѣлать надлежащія приготовленія во дворцѣ къ погребенію Петра II. Главными распорядителями погребенія назначены Остерманъ и Кн. Алексѣй Гр. Долгорукой. Определень личный составъ „печальной комиссіи“ для погребенія. Въ составъ ея вошли: оберъ-церемоніймейстеръ бар. Габихсталь, д. с. с. Алексѣй Зыбинъ, ст. сов. Василій (Никитичъ) Гатищевъ, придворный интендантъ Петръ Мошковъ, камеръ-цалмейстеры Александръ Кайсаровъ и Гарбертъ. Ягужинскому послано предписаніе объ изготовленіи траурныхъ каретъ къ въѣзду въ Москву Анны Юпповны.

⁽⁴⁹⁾ Моск. Гл. Арх. М. II. Д. — Ркп. «Управленіе Всер. пмн.» л. 9. — Печат. протоколы В. Т. С., с. 114.

⁽⁵⁰⁾ Ibid., л. 10, с. 119.

21 января члены Верховнаго Тайнаго Совѣта были въ Лефортовскомъ дворцѣ и утвердили форму циркулярнаго сообщенія иностраннымъ дворамъ о кончинѣ императора. Въ тотъ же день эти сообщенія отправлены по эстафетѣ (*).

„Печальная комиссія“ по погребенію Петра II занималась дѣлательно. Остерманъ просилъ на нее до 50,000 р., Верховный Совѣтъ отпустилъ до 30,000. Докладчикомъ по ея дѣламъ въ Совѣтъ сдѣланъ В. Н. Татищевъ. Всѣ палаты Слободскаго, „Лефортовскаго“ дворца обивались чернымъ сукномъ, учреждено правильное дежурство при гробѣ императора изъ придворныхъ служителей и кавалергардовъ. 24 января постановлено отправить указъ С.-Петербургскому оберъ-коменданту князю Урусову о доставленіи въ Москву имѣющіяся въ Петропавловскомъ соборѣ, въ адмиралтействѣ и въ цейхгаузѣ знамена, гербы и прочія „арматуры“, необходимыя для погребенія Петра II. При подписи объ этомъ протокола, провѣстель дѣлъ Верховнаго Совѣта Степановъ обратилъ, весьма естественно, вниманіе на могущія произойти недоразумія, п. ч. „объявленія еще о кончинѣ государевой не учинено“. Верховный Совѣтъ поступилъ весьма опрометчиво, постановивъ, вслѣдствіе такого предостереженія осторожнаго дѣльца, слѣдующую резолюцію: „въ тѣхъ указахъ того, для чего тѣ знамена потребны, не писать“. Но могла ли такая наивная мѣра удержать распространеніе слуха о кончинѣ государя? Весьма естественно, извѣстіе о ней все-таки дошло до Петербурга. 30 января въ Верховномъ Совѣтѣ получено было отношеніе Петербургскаго генералъ-губернатора графа Миниха о томъ, „что о кончинѣ блаженной памяти Его Императорскаго Величества въ С.-Петербургѣ чрезъ нѣкоторыхъ купцовъ извѣстіе учинилось. 24 января Татищевъ обратился въ Верховный Совѣтъ за разрѣшеніемъ разныхъ существенныхъ вопросовъ по приготовленію къ погребенію Петра II, и Верховный Совѣтъ постановилъ: 1) распредѣлить порядокъ траура по докладу бар. А. И. Остермана, 2) исправить разные город-

(*) Госуд. Арх., Чернов. журн. В. Т. С., л. 10—12.—Моск. Гл. Арх. М. И. Д., Дѣла В. Т. С., № 2, л. 2—4. Самый циркуляръ находится въ ркн. «Управленіе Всер. Шп.», л. 5—6 и напечатанъ по этой рукописи у Языкова, въ его примѣчаніяхъ къ «Запискамъ герцога Лирійскаго», (Спб. 1845 г.) с. 161—163.

скія ворота въ Москвѣ ко дню погребенія и убрать ихъ въ трауръ, 3) приготовить гробницу для императора въ Архангельскомъ соборѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ положенъ царевичъ казанскій, котораго перенесли на другое мѣсто, и въ 4) составить въ печальной комиссіи проектъ погребальнаго церемоніала.

27 января совѣтъ не было засѣданія по случаю панихиды въ Слободскомъ дворцѣ⁽⁶²⁾.

3) Текущія государственныя дѣла отнимали у „министровъ“ Верховнаго Совѣта сравнительно гораздо меньше времени. Изъ уголовныхъ дѣлъ рассмотрѣны 20 января: о колодникѣ Иванѣ Дурномъ, раснонѣ Серапионѣ и чернецѣ Шиникѣ; въ это же засѣданіе опредѣлено выдать изъ каморъ-коллегіи на строеніе крѣпостей 35000 р., выслушаны реестры доношеній сената и военной коллегіи и сдѣланы на нихъ подлежащія отмѣтки для послѣдующихъ распоряженій.

Затѣмъ съ 21 по 31 января рассмотрѣны слѣдующія дѣла:

1) Слушался докладъ особой комиссіи князя Д. М. Голицына⁽⁶³⁾. 2) Сынъ канцлера, Ив. Гавр. Головкинъ назначенъ сенаторомъ. 3) Гофмейстеръ Елизаветы Петровны Семей Нарышкинъ просилъ отпустить для дому цесаревны положенныя по штату, по неуплоченныя[!] деньги за 1728 и 1729 годъ; Верховный Совѣтъ опредѣлилъ немедленно выдать 5000 р., при чемъ князь Ал. Григ. Долгорукой „свое мѣбле представлялъ, чтобы вынѣ дать до 10,000 р.“ 4) Сава Владиславичъ Рагузинскій получилъ, согласно его желанію, „вмѣсто пожалованнаго ему дома, деревню“. 5) 30-го января сенаторъ Дмитріевъ-Мамоновъ внесъ три любопытныхъ доклада отъ сената: 1) „что въ порубежныхъ городахъ посадскіе и крестьяне отъ правяща доимокъ бѣгутъ за рубежь“, 2) что Министръ требуетъ для окончанія работъ по

⁽⁶²⁾ Госуд. Арх., Черп. журн. В. Т. С., л. 13—17.

⁽⁶³⁾ Кажется, что здѣсь слѣдуетъ разумѣть комиссію, находившуюся подъ предѣлательствомъ князя Д. М. Голицына, объ улучшеніи вунтреннихъ государственныхъ дѣлъ. Комиссія эта была организована въ январь 1727 года. (См. бумага К. И. Арсеньева, изд. акад. Пекарскимъ, с. 84 и слѣд.).

Ладожскому каналу 4 пѣхотныхъ полка, 3) что сепать затрудняется, какъ поступать съ указами, отпавленными изъ коллегій, тѣмъ числомъ, какъ государь здравствовалъ,— заносить такіе указы въ ресстры и публиковать ихъ, или нѣтъ? Верховный Совѣтъ опредѣлилъ: по 1-му докладу:—подушныя деньги, находящіеся въ педоимкахъ до указу не взымать, а кабацкія и прочія править по прежнему; по 2-му: полкамъ объявить, чтобъ были въ готовности для отправки па работы по Ладожскому каналу, по до указу на каналъ не посылать; по 3-му: дня два-три обождать⁽⁵⁴⁾.

Въ то же засѣданіе 30 января имѣли разсужденіе о вспомогательномъ корпусѣ цесарю нѣмецкому на основаніи „алианса“ и договора, заключеннаго 30 декабря 1726 года. Верховный Совѣтъ, совершенно соглашаясь съ заявленіемъ цесарскаго посла графа Вратислава, требовавшаго въ настоящее время исполненіе „алианса“, постановилъ сдѣлать распоряженіе объ отправкѣ въ помощь нѣмецкому цесарю 20,000 инфантерій и 10,000 драгунъ; по протоколъ объ этомъ постановленіи подписанъ лишь 19 февраля⁽⁵⁵⁾.

Верховный Совѣтъ, какъ видно изъ его журналовъ, со дня избранія Анны Іоанновны до конца января—всего усерднѣе занимался дѣлами, относящимися къ этому избранію и приготовленіями къ погребенію отрока-императора, по въ мѣропріятіяхъ его по всѣмъ этимъ дѣламъ нельзя не замѣтить страшной торопливости, которая нной разъ доходитъ до непростительной неосмотрительности: таково, напримѣръ, постановленіе Верховнаго Совѣта 20 января относительно титула Анны Іоанновны въ церковныхъ моленіяхъ и возгласенія па сктепіяхъ именъ покойнаго императора и его певѣсты. Сиподъ, очевидно не безъ задней мысли, предложилъ прежній титулъ императрицы, а Верховный Совѣтъ, желая предотвратить излишнія недоразумѣнія и толки, по-

(54) Госуд. Арх., разд. III, д. № 3, л. 7—20. Моск. Гл. Арх. М. И. Д., св. VII, № 2, л. 2—4.; Проток. В. Т. С. въ Сеп. Арх. за 1730 г., л. 18—46.; Арх. Синод., д. № 34, л. 9.—П. С. З., VIII, № 5497 и 5498.

(55) Гл. Моск. Арх. М. И. Д., св. VII, № 1, л. 1—2, и № 3.

становилъ „до времени“ поминать, какъ прежде было ⁽⁶⁶⁾. Но этимъ постановленіемъ онъ давалъ оружіе въ руки своему сильному противнику, Теофану Прокоповичу, и еще болѣе увеличивалъ именно то, что желалъ предотвратить, т. е. излишнія недоразумѣнія и толки. Еще несомнительнѣе были въ этомъ отношеніи: распоряженіе объ исключеніи въ ектеніяхъ именъ Петра II и вѣнзлы Екатерины только для одной Москвы, извѣщеніе о кончинѣ императора иностранныхъ министровъ и въ то же время тщательное сокрытіе этой кончины отъ Москвы, Петербурга и провинцій Русскаго государства.

Противники Верховнаго Совѣта ловко пользовались всѣми такими промахами съ его стороны, и 2 февраля князь Д. М. Голицынъ увидѣлъ, что эти противники составляютъ силу, съ которой не только слѣдуетъ считаться, но и бороться. Увидѣлъ онъ это поздно, и дѣло его было совершенно проиграно. Мѣры, которыя онъ предпринималъ для борьбы съ генералитетомъ и шляхетствомъ—были еще болѣе безтактны и нецѣлесообразны, и этими мѣрами онъ запутывалъ себя все больше и больше.

⁽⁶⁶⁾ Въ протоколахъ Синода первое постановленіе о титулахъ Анны Іоанновны помѣчено 2-мъ февраля (о чемъ у насъ рѣчь будетъ ниже). Равнѣ этого числа постановленія объ этомъ вопросѣ въ протоколахъ синода не находится. По всей вѣроятности, предусмотрительный Теофанъ Прокоповичъ не вносилъ въ протоколъ разсужденій о такомъ щекотливомъ въ то время вопросѣ, а уведомилъ о немъ В. Т. С. простымъ сообщеніемъ. (См. Арх. Свят. Синода, дѣла 1730 г., №№ 34 и 35).

V.

ОТЪ 2-ГО ДО 10-ГО ФЕВРАЛЯ 1730 ГОДА.

Засѣданіе 2-го февраля.—Письмо Анны Іоанновны изъ Митавы отъ 28-го января.—Арестъ Ягушпнскаго и отзывы объ этомъ иностранныхъ пословъ.—Разныя распоряженія верховниковъ 2-го и 3-го февраля.—Молебствіе въ Успенскомъ соборѣ 3-го февраля.—День 4-го февраля.—Засѣданія Верховнаго Совѣта 5-го, 6-го и 7-го февраля; пренія о манифестѣ и привлеченіе духовенства къ подписанію протокола о засѣданіи 2-го февраля.—Путь Анны Іоанновны отъ Митавы до Всесвятскаго.—Проповѣдь Ѳеофана Прокоповича.—Приготовленія къ похоронамъ Петра II и ко «входу» Анны Іоанновны.—Занятія Верховнаго Тайнаго Совѣта текущими дѣлами.

Первое число февраля ознаменовалось весьма отраднымъ для верховниковъ событіемъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ утверждаетъ, что не только лица самихъ верховниковъ, но и прислуги ихъ сіяли радостію ⁽¹⁾. Кн. Д. М. Голицынъ торжествовалъ, видя успѣшное начало своего дѣла, и будущее рисовалось ему въ яркихъ и радужныхъ цвѣтахъ. Ни онъ, ни остальные верховники, никто не могъ предполагать, что мѣсяцъ, столь счастливо для нихъ начавшійся, окончится совершеннымъ ихъ посрамленіемъ, не только въ глазахъ современниковъ, но и въ памяти потомства.

Что же могло такъ обрадовать верховниковъ?

1-го февраля генералъ Леонтьевъ привезъ изъ Митавы подписанныя Анной Іоанновной кондиціи и письмо отъ нея въ членамъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Съ нимъ же былъ присланъ закованный въ кандалы П. С. Сумароковъ, голецъ Ягушинскаго. Никому не было объявлено о прибытіи

---

(1) «Сказаніе», с. 203—204.

Леонтьева, по вѣсть, какъ о его прибытіи, такъ и о томъ, что и кого онъ привезъ съ собою—скоро распространилась по Москвѣ.

2-го февраля было назначено особо торжественное засѣданіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. Къ этому засѣданію приглашались отдѣльными повѣстками „синодъ, сенатъ, генералитетъ по брегадирѣ, президенты (коллегій) и прочіе штатскіе тѣхъ ранговъ“. Это собраніе должно было носить характеръ исключительно національный, вслѣдствіе чего иностранцы высшихъ чиновъ не приглашались въ него ⁽²⁾. Въ повѣсткахъ не было означено цѣли та-

---

⁽²⁾ Въ черновыхъ журналахъ В. Т. С. находятся самыя эти повѣстки съ приводимыми нами ниже отмѣтками около фамилій, приглашаемыхъ лицъ о томъ, что они «посланнымъ изволили сказать». Извлекая изъ повѣстокъ имена этихъ лицъ, мы помѣщаемъ ихъ отвѣты курсивомъ, въ скобкахъ. Лица, при фамиліяхъ которыхъ ничего не означено, выразили свое безусловное согласіе быть въ засѣданіи, что отмѣчено въ повѣсткѣ словами: «будетъ».

1-я повѣстка.

Д. Т. Сов-ки: графъ И. А. Мусинъ-Пушкинъ (*ежели поможется будетъ*), кн. И. О. Ромодановской (*ежели можетъ обуться будетъ*)—(кн. И. О. Ромодановской страдалъ подагрой), кн. Мих. Волод. Долгорукой, об.-камергеръ кн. Ив. Ал. Долгорукой.—Т. Сов-ки: П. М. сынъ Бестужевъ (*не получили въ домъ—объявлено домовнымъ [другою рукою]*); Феод. Вас. сынъ Наумовъ (*днемаетъ во дворцъ сего числа*). Ив. Никиф. сынъ Плещеевъ и кн. Серг. Гр. Долгорукой (*въ домъ не получено, а домовнымъ ихъ объявлено*).—Коллежскіе президенты: Каморъ-коллегія г. Макаровъ. Вотчинной, г. Сухотинъ. Бергъ—г. Зыбинъ—Ст. дѣйств. сов-ки: кн. Вас. Одоевскій, Ив. Кропотовъ, Петръ Савеловъ (*въ домъ не получено, днемали во дворцъ, а объявлено домовнымъ*).—Петръ Вельяминовъ-Зерновъ, графъ Платовъ Мусинъ-Пушкинъ, Григ. Ергольскій, бар. Петръ Шафировъ.—Придворные: ранга генералъ-лейтенанта—госп. Нарышкинъ; ранга генералъ-маіора: об.-гофмейстеръ Алсуфьевъ (*въ домъ не получено, днемаетъ во дворцъ, а домовнымъ объявлено*), гофъ-маршалъ Шепелевъ, гофъ-мейстеръ Елагинъ, оберъ-гофъ-шталмейстеръ Алабердеевъ и шталмейстеръ Кошелевъ (*днемаютъ во дворцъ сего числа*); оберъ-шенкъ графъ Апраксинъ (*въ домъ не получено, объявлено домовнымъ*).—Камеръ-геры: Госп. Бн.... [не разобрано].—графъ госп. Головкинъ (*въ домъ не получено, объявлено домовнымъ*), г. Лопухинъ.

2-я повѣстка.

Т. С. гр. Ив. Гавр. Головкинъ, генер.-лейт. Ив. Ил. Дмитріевъ-Мамоновъ (*въ домъ не получено, а объявлено домовнымъ*), Т. С. князь

кого собранія, но всѣмъ приглашеннымъ она была хорошо известна.

О томъ, какъ приглашенные отнеслись къ повѣсткѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта, рассказываетъ Теофанъ Прокоповичъ. „Чудно же, воистину сказать, каковыя многихъ явились тогда разгласія!“—говоритъ онъ. „Одни, да и многаяйшая часть, говорили, что уже въ затѣйкахъ своихъ Верховный Совѣтъ раскаялся и хочетъ просить себѣ въ томъ прощенія, какъ то члены его, въ недавнихъ разговорахъ и общались. А другіе всѣ иное помышляли, и какъ сами они къ собранію призыва не любили, такъ и всѣмъ ходить туда весьма не совѣтовали, прилѣжно внушая, что новая то

Алексѣй Мих. Черкасской, Т. С. Алексѣй Льв. Плещеевъ (*боленъ*), Т. С. кн. Ив. Григ. Долгорукой (*въ домъ не получено, а объявлено домовымъ*)—Ст. дѣйств. сов-ки: Вас. Як. Новосильцевъ и Ив. Петр. Шереметевъ (*въ домъ не получено, а объявлено домовымъ*), Об.-прокуроръ г. Воейковъ.

3-я повѣстка.

Генералы и кавалеры: Мих. Ав. Матюшкинъ, Павелъ Ив. Ягушинской, Ген.-кригсъ комиссаръ Григ. Петр. Чернышевъ. — Ген. лейтенанты: Ив. Ил. Дмитріевъ-Мамоновъ—кн. Григ. Дм Юсуповъ.—Андр. Ив. Ушаковъ.—Сем. Андр. Салтыковъ (*боленъ*)—Сем. Григ. Нарышкинъ.—Ген.-маіоры: кн. Ив. Θεод. с. Боритинской.—Ив. Вас. с. Панинъ (*боленъ*)—Ив. Макс. с. Шуваловъ.—Ив. Петр. с. Измайловъ.—Ив. Ив. с. Бибиковъ.—Ст. Лук. с. Вельяминовъ.—Кн. Алексѣй Ив. с. Шаховской.—Левъ Вас. Измайловъ—С. Ив. с. Суккинъ.—Алексѣй Ив. с. Таракановъ.—Дм. Θεод. с. Ерошкинъ.—Ив. Вас. с. (фамиліи нѣтъ)—Петръ Вас. Измайловъ.—Кн. Вас. Матв. с. Вяземской.—Дѣйств. Ст. сов-кы: Ив. Ив. Кропотовъ. (Въ этомъ 3-мъ спискѣ, кромѣ отмѣтокъ показанныхъ въ скобкахъ, нигдѣ нѣтъ отмѣтки: *будетъ*). Всего по тремъ повѣсткамъ было приглашено 56 лицъ. (Госуд. Арх., р. III, д. № 5, л. 25—28).

Бригадиры вызывались военной коллегіей, а «штатскіе тѣхъ ранговъ персоны»—сенатомъ.

Въ дѣлахъ В. Т. С. сохранилось слѣдующее любопытное черновое постановленіе, безъ подписи: «Призвать ко 2-му числу, въ 9-мъ часу по полуночи, синодъ, сенатъ, генералитетъ (генералы полные, генералы-лейтенанты, генералы-маіоры), коллежскихъ президентовъ, князя Ивана Юрьевича [Трубецкаго] кн. *Михаила Володимировича* [Долгорукаго. Напечатанное курсивомъ—зачеркнуто], дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ. Чтобъ во всѣхъ чинахъ иностранцевъ не было, (Госуд. Арх., р. III, д. № 4, л. 28).

верховниковъ хитрость и злое изобрѣтеніе, какъ бы имъ прочіихъ или къ согласію затѣкъ своихъ сильно понудить, или противящихся себѣ вдругъ придавить“ (*). Въ шляхетскихъ кружкахъ и среди высшаго духовенства волненіе еще болѣе усилилось. Верховники не безъ основанія полагали, что собраніе 2 февраля озапаменуется какимъ нибудь движеніемъ, направленнымъ противъ нихъ, а потому распорядились заранѣе разставить войска, какъ вокругъ Кремлевскаго дворца, такъ и по всѣмъ его внутреннимъ ходамъ и переходамъ (*).

2-го февраля, къ девяти часамъ утра, собрались всѣ приглашенные, съ нетерпѣніемъ ожидавшіе вѣстей изъ Митава. Верховный Совѣтъ былъ почти въ полномъ составѣ: отсутствовали только — посланный въ Митаву кн. В. Л. Долгорукой и сказывавшійся больнымъ баронъ А. И. Остерманъ. Верховники, собравшись вмѣстѣ, отдѣльно отъ приглашенныхъ въ засѣданіе „синаода, сената, генералитета и прочіихъ особъ“,—прежде всего прочли письмо Анны Іоанновны; по прочтеніи его, они призвали къ себѣ изъ приглашеннаго генералитета только трехъ лицъ: фельдмаршала кн. Ивана Юрьевича Трубецкаго, гр. Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина и кн. Михаила Володиміровича Долгорукаго. Вмѣстѣ съ нимъ верховники приступили къ разсмотрѣнію повѣстокъ, посланныхъ изъ сената и военной коллегіи, причемъ оказалось, что были вызваны „нѣкоторыя персоны, коимъ быть не надлежитъ“ (очевидно верховники не желали видѣть нѣкоторыхъ лицъ на собраніи, но сенатъ и военная коллегія вызвали ихъ, вопреки предписанію Верховнаго Тайнаго Совѣта). Узнавъ, что эти персоны уже пришли, верховники рѣшили „допустить и ихъ“. Окончивъ эти предварительныя занятія, верховники пригласили въ засѣданіе синаодъ въ трехъ персонахъ: архіепископа Новгородскаго—Феофана Прокоповича, Ростовскаго—Георгія Дашкова и Коломенскаго—Игнатія Смолу, а также сенатъ, генералитетъ и прочіихъ, „которымъ повѣстка была“.

Всѣмъ имъ было объявлено о присылкѣ съ генераломъ Леонтьевымъ подписанныхъ Анной Іоанновной кондицій и

(*) Феофанъ «Сказаніе» с. 203.

(*) Ibid. с. 204.

письма и затѣмъ прочитаны въ подлинникахъ письмо и кондиціи ^(*). На окончательной редакціи кондицій находилась собственноручная приписка курляндской герцогини: по сему обещаю все без всякаго изъятія содержать, Анна. Въ письмѣ Анна Іоанновна писала слѣдующее:

«Любезно-вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, присутствующимъ въ Тайномъ Верховномъ Совѣтѣ. Отправленные отъ васъ любезно-вѣрные намъ т. д. с. и членъ Тайнаго Верховнаго Совѣта кн. Василей Долгорукой, да тайный совѣтникъ и сенаторъ, князь Михайло Гололицынъ, и генералъ-маюръ Михайло Левонтьевъ, 25 числа сего мѣсяца, пріѣхавъ къ намъ въ Митаву, горестную и неописанную объявили Намъ печаль о преставленіи Его Императорскаго Величества Петра втораго, нашего любезнѣйшаго племянника и государя. Мы, какъ по близости крови, такъ и по вѣсѣмъ Его Величества благосклоннымъ къ Намъ поступкамъ, признаваемъ тое печаль за крайнее Божеское наказаніе нашей вѣщалии, и вѣсѣмъ російскаго народа право любящимъ дражайшее свое отечество. Потому вышеупомянутые, отправленные къ намъ отъ васъ особы объявили Намъ что, *по соизволеніи всемогущаго Бога, которой токмо единъ державы и скипетры монарховъ опредѣляетъ, избраны мы на російской, прародителей нашихъ, престолъ, и хотя я разсуждала, какъ тяжко есть правленіе той великой и славной монархіи, однакожъ, повинувся той Божеской воли и иротя Его, Создателя, помощи къ тому жъ не хотая оставитъ отечества моего и вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, намѣрилась принять державу того государства и правительствовать, елико Богъ Мнѣ поможетъ, такъ чтобы всѣ наши подданные, какъ мірскіе, такъ и духовные, могли быть довольны. Поневже къ тому моему намѣренію потребны благае совѣты, какъ и во всѣхъ государствахъ чинится, того для, предъ вступленіемъ моимъ на російской престолъ, по здравомъ разсужденіи, избрали мы за потребно, для пользы російскаго государства и ко удовольствованію вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, дабы вслѣдъ могъ ясно виднѣть горячесть и правое наше намѣреніе, которое мы имѣемъ ко отечеству нашему и вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, и для того, елико время наше допустило, написавъ какими способами Мы то правленіе вести хотимъ, и подвизавъ нашею рукою, послали въ Тайный Верховный Совѣтъ, а сами сего мѣсяца въ 29-й день конечно изъ Митавы къ Москвѣ, для вступленія на престолъ, поидемъ. Впротчемъ, общаемъ вамъ и всѣмъ нашимъ подданнымъ нашу монаршескую милость, которую, по прибытіи нашемъ, дѣй-*

(*) Госуд. Арх., Чернов. журн., л. 23.

ствительно показать хотимъ, и всѣхъ васъ вручаемъ всемогущему Богу. Дано в Митаве, 28 генваря, 1730 году» (*).

(*) Письмо Анны Іоанновны В. Т. С-ту изъ Митавы отъ 28 янв. 1730 г., съ извѣщеніемъ о согласіи ея на предложенныя ей «кондиціи», напечатано въ первый разъ по *черновому списку руки кн. В. Л. Долгорукаго*, доставленному В. Н. Каразинымъ изъ Харькова, — въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1830 г., издававш. Погодинымъ (ч. I, с. 368—374). Съ 1830 по 1877 годъ письмо это было издано нѣсколько разъ. Изъ «Московского Вѣстника» перепечатали его Вейдемейеръ, въ «Обзорѣ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи съ кончины Петра В. до вступленія на престолъ Елизаветы Петровны». (См. 4-е изд., 1848, ч. I, с. 404—403) и кн. П. В. Долгоруковъ въ «Сказаніи о родѣ князей Долгоруковыхъ» (СПб. 1840, с. 233—234); затѣмъ, по другому списку А. О. Малиновскаго, схожему со спискомъ Каразина и хранящемуся въ главномъ московскомъ архивѣ М. И. Д., письмо было напечатано Языковымъ въ примѣчаніяхъ къ его переводу «Записокъ герцога Лирійскаго» (СПб. 1845. с. 166—168) и въ протоколахъ В. Т. С. (Чтен. моск. Общ. Ист. и древн., 1858, III, с. 115—116). Въ 1869 году С. М. Соловьевъ впервые напечаталъ письмо въ своей «Исторіи Россіи» по бѣловому, официальному списку госуд. архива, но не являющаго у него не достаетъ начала его и конца. (т. XIX, с. 252, 1-е изд.). Въ 1877 г. академикъ А. О. Бычковъ снова напечаталъ черновую редакцію письма, собственноручно писанную кн. В. А. Долгорукимъ, отмѣтивъ *курсивомъ* слова, зачеркнутыя въ подлинникѣ (Р. Стар. 1877., т. XVIII, с. 511—512). Т. обр. мы имѣемъ въ наст. вр. двѣ редакціи этого письма: *черновую*, писанную кн. В. Л. Долгорукимъ (Каразина и Быčkova) и *бѣловую* (госуд. архива), надорванную вмѣстѣ съ кондиціями 25 февраля 1730 г. Мы воспроизвели письмо по печатному тексту «Протоколовъ» В. Т. С., исправивъ этотъ текстъ по оригиналу, находящемуся въ госуд. архивѣ (разд. III, д. № 6, л. 27). «Достойны примѣчанія самыя поправки въ семъ отпускѣ», — говоритъ Каразинъ. «Онѣ доказываютъ, или крайнюю поспѣшность, или встревоженный духъ излагателя. Немногія строки уцѣлѣли въ своемъ первоначальномъ видѣ; слова, необходимыя для смысла, пропущены, и послѣ прибавлены надъ строками, на поляхъ. Вас. Лукичъ забывался до такой степени, что пропустилъ собственное свое званіе члена Т. В. С. (что послѣ на полѣ прописано), и что вмѣсто Петра *Второго*, написалъ было Петра *Перваго*. Что принадлежитъ до Митавы, два раза вмѣсто *Митавы* написанное, — вѣроятно такъ продолжали еще произносить русскіе въ то время: ибо такъ произносить и нынѣ народъ». (Моск. Вѣст. 1830, ч. I, с. 368—369, примѣч.) — Для сличенія помѣщаемъ здѣсь важнѣйшія отмѣны черновой редакціи письма по тексту академика А. О. Быčkova. Зачеркнутыя слова не внесены въ бѣловой списокъ; мы ставимъ ихъ въ скобкахъ, *курсивомъ*. Къ строк. 5—8: «25-го числа сего мѣ-

Письмо это было зарпѣе, еще въ Москвѣ, составлено княземъ В. Л. Долгорукимъ, безъ сомнѣнія, при участіи князя Д. М. Голицына. Письмо имѣло претензію удовлетворить самымъ различнымъ воззрѣніямъ слушателей, давая возможность толковать его весьма разнообразно. Анна Іоанновна, указывая въ письмѣ прежде всего на родство свое съ покойнымъ императоромъ, приписывала свое избраніе „соизволенію Всемогущаго Бога“, повинуясь волѣ котораго она и принимала російскій престолъ только потому, что не хотѣла „оставить“ своего отечества и вѣрныхъ своихъ подданныхъ. Исходя изъ этого божественнаго начала своей власти, вновь избранная императрица приписываетъ весь планъ, начертанный въ кондиціяхъ, своему собственному почину: она говоритъ прямо, что сама написала, насколько позволило ей время, тѣ „способы“, какими она хочетъ вести управленіе; такимъ образомъ, Верховный Совѣтъ являлся не иниціаторомъ „кондицій“, а только исполнителемъ воли императрицы. Этотъ тонъ давъ былъ письму намѣренно, чтобы замаскировать предъ большинствомъ настоящій починъ избранія курляндской герцогини и дѣйствительное значеніе кондицій, какъ наброска будущихъ государственныхъ преобразованій.

сяца пріѣхавъ къ намъ въ Итаву горестную и неописанную (*и зело чюв и горестную намъ нашихъ*) объявили намъ печаль. (*что*) о представленіи (любезнѣйшаго нашего племянника Петра перваго (*втораго*), *что та печаль толь мы чюствуемъ*). Къ строк. 18—24: «къ тому-жъ (*не хотя оставить прародительскаго нашего престола*), не хотя оставить отечества моего и верныхъ нашихъ подданныхъ (*намѣрена* взя) намѣрелась пренять державу того государства (*и вести*) и правительствовать еяко Богъ нѣ (*ди*) поможетъ, (*такъ чтобъ въ началѣ всѣ чины Роси*) естъ наши подданные, какъ мірскіе, такъ и дохные (т. е. духовные) могли быть довольны, а понеже къ (*такому*), тому моему намѣренію потребны благіе совѣты, какъ (*всякъ*) и во всѣхъ государствахъ чинятся, того (*для я еще прежде вступленія моего на Россійской престолъ разсудила, я разс. еще ирежде*».) Къ строк. 32—34: въ Итаву къ Москвѣ для (*принятія пре*) вступленія на престолъ пойдёмъ, вручаемъ зисъ какъ васъ, такъ и всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ всемоущему Бозу); впрочемъ обѣщаемъ (*нашу монаршию*) вамъ и (*всему*) всѣмъ нашимъ подданнымъ нашу монаршескую милость».

Поэтому князь Д. М. Голицынъ, по прочтеніи письма, обратился къ собранію съ краткою рѣчью, въ которой высказалъ убѣжденіе, что всѣ присутствующіе, „какъ дѣти отечества“, будутъ искать общей пользы и благополучія государству ⁽¹⁾.

Противники верховниковъ изъ сената, генералитета и шляхетства, какъ сторонники самодержавія, такъ и сторонники ограниченія власти—могли видѣть въ письмѣ Анны Іоанновны залогъ успѣха собственныхъ мечтаній и надеждъ. Синодальные члены, повилимому, читали въ письмѣ между строкъ полное самодержавіе и радовались тому искренно. Они „учали помогать, чтобы больше не отлагая, собраться и совершить благодарственное молебствіе“ ⁽²⁾.

Всѣ присутствовавшіе согласились на молебствіе, которое и назначено въ Успенскомъ соборѣ на другой день (3-го февраля), и выразили глубокую благодарность Аннѣ Іоанновнѣ „за таковую ея императорскую милость“.

Но эта общая радость была только видимая, внѣшняя. Въ душѣ, ни верховники, ни приглашенныя персоны — не могли быть довольны и покойны: противорѣчіе между тономъ письма и кондиціями было очевидное. Кня Д. М. Голицынъ и верховники знали очень хорошо своихъ враговъ и видѣли, что 2 февраля враги эти явились на генеральное сраженіе съ ними; особенно смущалъ ихъ Ягушинской. Противники верховниковъ рѣшились въ этотъ день открыто высказать свои желанія.

— „Какимъ образомъ впредь то правленіе быть имѣетъ?“—обратились къ верховникамъ съ вопросомъ собравшіяся персоны.

Иностранные послы и Теофанъ Прокоповичъ свидѣтельствуютъ, что этотъ вопросъ былъ сдѣланъ княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ Черкасскимъ. Князь Д. М. Голицынъ всего менѣе могъ ждать такого вопроса отъ князя Черкасскаго, но дѣлать было нечего и онъ долженъ былъ удовлетворить весьма естественному требованію, стоявшему за этимъ вопросомъ, требованію о томъ, чтобы Верховный Совѣтъ выслушалъ наконецъ мнѣніе имъ же приглашенныхъ—

⁽¹⁾ Госуд. Арх., р. III, д. № 5, л. 23.

⁽²⁾ Теофанъ «Сказаніе», с. 203.

синода, сената, генералитета и шляхетства. Князь Д. М. Голицынъ отвѣчалъ, „чтобы они, ища общей государственной пользы и благополучія, написали проэкты отъ себя и подали на другой день“.

Вслѣдъ за симъ верховники удалились въ особую палату, а собравшіяся „персоны“ просили еще разъ прочесть имъ „кондиціи“, чтобы лучше уразумѣть ихъ. Уходя въ особую палату, верховники приказали, чтобы „о здравіи Ея Величества на ектеніяхъ молили, а кикимъ образомъ титуловать во всемъ государствѣ и въ церквахъ Бога молить—приказано сдѣлать форму, а равно и публикацію въ народъ о болѣзни и кончинѣ государевой“⁽⁹⁾.

О выслушаніи кондицій и письма былъ между тѣмъ составленъ слѣдующій протоколъ:

«Февраля 2 дня вышеписанные Ея Императорскаго Величества всеимпостивѣйшее писаніе і пункты писанные генваря 28 числа за собственноручнымъ Ея Величества подписаніемъ, которые присланы з генераломъ маеоромъ Леонтьевымъ Верховному Тайному Совѣту, святѣйшій Синодъ, Сенатъ, Генералитетъ і прочіе тѣхъ ранговъ, выслушавъ—за такую Ея Императорскаго Величества показанную ко всему государству неизреченную милость, благодарили всемогущаго Бога и всѣ согласно объявила, что тою Ея Величества милостію весьма довольны и подписуемся своими руками»⁽¹⁰⁾.

Когда собравшимся персонамъ предложили подписать этотъ протоколъ, онѣ отказались это исполнить, отложивъ до 4 февраля, а прослушавъ еще разъ кондиціи, разошлись по домамъ толковать о происшедшемъ и обдумывать свои проэкты⁽¹¹⁾.

Оеопанъ Прокоповичъ такъ описываетъ собраніе 2 февраля:

„Ни кого, почитай кромѣ Верховныхъ“,—говоритъ онъ,—„не было, кто-бы таковыя слушавъ, не содрогнулся, и самыи тѣи, которы вчера великой отъ сего собранія пользы, надѣялись, опустили уши, какъ бѣдвіе ослики; шептанія

---

(9) Госуд. Арх. Чернов. журн. В. Т. С., л. 23—24; Рус. Ист. Сб., V, 354.—Де-Ливріа, XVIII-й в., III, 39.—Оеопанъ, «Сказаніе», с. 205.

(10) Госуд. Арх., разд. III, дѣло № 6, л. 32.

(11) Ibid., дѣло № 5, л. 24.

нѣкая во множествѣ ономъ прошумливали, а съ негодова-
ніемъ откликнуться никто не посмѣлъ. И дивное было всѣхъ
молчаніе! Сами господа Верховные тихо нѣчто одинъ дру-
гимъ пошептывали, и остро глазами посматривая притворя-
лись, будто бы и они яко невѣдомой себѣ и печальной ве-
щи удивляются. Одинъ изъ нихъ только князь Дмитрій
Михайловичъ Голицынъ часто похаркивалъ: „Видите де, какъ
милостива Государыня! и какого мы отъ нее надѣялись,
такое она показала отечеству нашему благодѣяніе! Богъ
ее подвинулъ къ писанію сему: отсель счастливая и цвѣ-
тущая Россія будетъ“! Сія и симъ подобная до сытости
повторялъ. Но повеже упорно всѣ молчали и только одинъ
онъ кричалъ, нарѣкать сталъ: „для чего никто ни единого
слова не проговорить? изволилъ бы сказать, кто что дума-
етъ, хотя и вѣтъ-де ничего другаго говорить, только благо-
дарить той милосердной Государынь“! И когда нѣкто изъ
кучи тихимъ голосомъ съ великою трудностію промолвилъ:
„Не вѣдаю-де и весьма чуждуся, отъ чего на мысль пришло
Государынь такъ писать“!—то на его слова ни отъ кого
отвѣта не было“⁽¹²⁾.

Синодальные члены прямо изъ собранія отправились
въ засѣданіе синода и составили протоколъ о томъ, чтобы
титулъ Анны Іоанновны, согласно титулу прежде царство-
вавшихъ государей, заключалъ въ себѣ с а м о д е р ж а в і е⁽¹³⁾.

Удалившись въ особую палату, верховники приступили
къ обсужденію вопроса о Ягушинскомъ. Его роль впервые
стала для нихъ извѣстна изъ „распросныхъ рѣчей“ Сумаро-
кова на допросѣ, произведенномъ ему въ Митавѣ, 26 янва-
ря, князьями В. Л. Долгорукимъ и М. М. Голицынымъ-млад-
шимъ. вмѣсто того, чтобы привлечь Ягушинскаго на свою
сторону, призвавъ его въ члены Верховнаго Тайнаго Совѣ-
та (чѣмъ вполне было бы удовлетворено его честолюбіе),
князья Голицыны и Долгорукіе, давно не любившіе выскач-
ку-шляхтича, обрадовались случаю вымѣстить накопившую
на него злобу. Ягушинской былъ арестованъ и подвергнутъ

⁽¹²⁾ Теофанъ, «Сказаніе», с. 204—205.

⁽¹³⁾ Арх. Св. Синода, 1730 г., дѣло № 34, л. 69.

допросу. Иностранные послы передают картинную сцену ареста Ягушинскаго. Они повѣствуютъ, что, во время чтенія кондицій, князь Д. М. Голицынъ обратился къ Ягушинскому съ вопросомъ, какого тотъ мнѣнія о кондиціяхъ? Ягушинской, будто бы очень смутился этимъ вопросомъ, что и послужило къ его уликѣ; послѣ этого онъ былъ, по приказанію того же Голицына, арестованъ фельдмаршаломъ княземъ Долгорукимъ и допрошенъ В. П. Степановымъ⁽¹⁴⁾. Князь Д. М. Голицынъ былъ слишкомъ опытный политикъ, чтобы поступить столь наивно; приведенныя подробности, по всему вѣроятію, принадлежатъ къ числу слуховъ, распространявшихся въ публикѣ по поводу ареста Ягушинскаго: арестъ этотъ взволновалъ не только его родственниковъ—канцлера Головкина, князей Ромодановскаго и Борятинскаго,—но и большинство шляхетства, духовенства и иностранныхъ министровъ. Въ журналѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта 2 феевраля говорится объ арестѣ Ягушинскаго въ „общихъ терминахъ“. „Приказано“—читаемъ мы въ этомъ журналѣ—за нѣкоторыя подозрѣнія генерала Ягушинскаго арестовать и отдать подъ караулъ, а какимъ образомъ его содержать о томъ отъ обоихъ генералъ-фельдмаршаловъ приказано гвардіи капитану Лукину“.

Поѣздка Сумарокова ясно доказала верховникамъ, какъ легко можно проѣхать изъ Москвы въ Митаву. По этому только - что „сведенныя“ по тверской дорогѣ заставы были возобновлены. „Тогда-жъ отъ собранія Верховнаго Тайнаго Совѣта приказано“, — говорится въ журналѣ этого засѣданія,—„чтобы всѣмъ тѣмъ, которые при томъ были (т. е. сенату, синоду, генералитету и шляхетству) объявить, что, понеже являются нѣкоторыя подозрѣнія, того бы ради никто по тверской дорогѣ къ нимъ не ѣздилъ, ни свойственниковъ своихъ не посылалъ, а ежели кому послать нужда, чтобъ докладывали въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ; такожъ приказано, чтобъ изъ амской канцеляріи учинить заставу по тверской дорогѣ и никого безъ пашпортовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта не пропускать“. Вслѣдствіе этого постановленія были выданы паспорта послан-

---

⁽¹⁴⁾ Де-Липія, XVIII в., III, с. 39.—Рус. Ист. Сб. V. с. 349—350.—Tourgueneff, III, 265—266.

нымъ на встрѣчу Анны Іоанновны отъ ея сестеръ—царевнѣ Екатерины и Прасковьи⁽¹⁵⁾.

Мы сочли нужнымъ столь подробно остановиться на дняхъ 2-го февраля, на собраніи приглашенныхъ „персонъ“ и на послѣдовавшемъ за этимъ собраніемъ засѣданіи Верховнаго Тайнаго Совѣта и синода,—потому, что подробности эти опредѣлили происшествія всей послѣдующей недѣли, а эта недѣля имѣетъ весьма важное значеніе въ исторіи воцаренія императрицы Анны Іоанновны. 10 февраля Анна Іоанновна пріѣхала въ подмосковное село Всесвятское, и въ теченіи семи дней, съ 3-го по 10-е февраля, образовались тѣ элементы, которые друзьями и сторонниками императрицы были впоследствии ловко направлены въ ея пользу.

Верховники имѣли ясныя доказательства, что духовенство и шляхетство рѣшились на открытую и упорную борьбу съ ними; но вождь верховниковъ, князь Д. М. Голицынъ самонадѣянно и гордо отнесся къ оппозиціонному движенію. Онъ не только не думалъ войти въ соглашеніе съ враждебными элементами, но не пожелалъ даже подробнѣе изучить эти элементы; напротивъ, онъ дѣйствовалъ рѣзко, игнорируя движеніе, и рядомъ послѣдовавшихъ распоряженій создавалъ себѣ все болѣе и болѣе враговъ.

Въ чемъ же состояли эти распоряженія, какія средства употреблялъ кн. Д. М. Голицынъ противъ своихъ враговъ?

3-го февраля, арестованный Ягушинской былъ обысканъ гвардіи капитаномъ Лукинымъ столь тщательно, что у него были отобраны не только „кавалерія и письма, но ножницы и карандашъ, которые при немъ были“. Письма Ягушинскаго разсматривались гг. „министрами“ въ засѣданіи 3-го февраля и запечатаны⁽¹⁶⁾.

Затѣмъ пошли аресты разныхъ лицъ замѣшанныхъ въ дѣло Сумарокова. Въ засѣданіи Верховнаго Совѣта 3-го февраля фельдмаршалъ кн. Вас. Вл. Долгорукой объяснилъ, что одного изъ сторонниковъ Ягушинскаго, новгородскаго помѣщика Воина Корсакова, не могли розыскать въ Москвѣ; было только извѣстно, что онъ на дняхъ уѣхалъ въ

⁽¹⁵⁾ Г о с у д. А р х., разд. III, д. № 5, л. 23—24.

⁽¹⁶⁾ Ibid., л. л. 31—32.

свои новгородскія деревни, — вслѣдствіе чего верховники положили немедленно послать въ Новгородъ распоряженіе о томъ, чтобы взять Корсакова подъ крѣпкій караулъ⁽¹⁷⁾.

Аресты Сумарокова, Ягушинскаго и ихъ сторонниковъ породили новыя слухи, еще болѣе повредившіе верховникамъ.

Иные считали Ягушинскаго приверженцемъ Елизаветы Петровны, хлопотавшимъ о возведеніи ея на престолъ, другіе смотрѣли на него, какъ на сторонника ограниченія самодержавія, но не согласнаго съ программой верховниковъ, третьи наконецъ, болѣе посвященные въ политическія тайны, почитали его кліентомъ Анны Иоанновны и сторонникомъ ея неограниченной власти. Всѣ эти слухи передавались въ тогдашней иностранной періодической прессѣ и въ доведеніяхъ иностранныхъ пословъ⁽¹⁸⁾.

Человѣкъ близкій Ягушинскому, саксонско-польскій посланникъ Лефортъ, сообщаетъ, что 4 февраля Верховный Совѣтъ лишилъ Ягушинскаго обоихъ орденовъ: Андреевскаго и Александровскаго, и въ тотъ-же день, при барабанномъ боѣ, было объявлено о его винѣ — „письмѣ, написанномъ императрицѣ и направленномъ противъ блага отечества и интересовъ Ея Величества“. Лефортъ отрицаетъ виновность Ягушинскаго. „Заточеніе Ягушинскаго“, — пишетъ онъ — „было сдѣлано скоро и живо. По моему мнѣнію, эта поспѣшность не имѣла бы мѣста, если бы онъ дѣйствительно былъ въ чемъ-нибудь виновенъ, по такимъ деспотическимъ поступкомъ въ самомъ началѣ, верховники хотѣли высказать въ полномъ блескѣ силу своей

---

(17) Черн. журн. В. Т. С., л. 31 — 32. Объ арестѣ Корсакова былъ посланъ указъ того же 3 февраля Новгородскому губернатору, которому предписывалось немедленно отправить въ деревню Корсакова офицера съ командою солдатъ «и по поимкѣ его, отдать подъ арестъ генералъ-маіору Порошину и никого къ нему не допускать, и буде явятся у него какія письма, отобрать и запечатать, прислать въ В. Т. С.» Рко. М а л и н о в с к а г о: «Управление Всерос. имперіи», л. 16.

(18) О томъ, что Ягушинской считался первое время сторонникомъ Елизаветы Петровны см. «Еурор. Газа» 1730 г., ч. CCCXXVIII, с. 320, а о томъ, что онъ нападалъ на мѣропріятія верховниковъ («tenait des discours fort libres contre les grands») въ «Mercure historique et politique». 1730 г., ч. LXXXVIII, с. 301—302.

власти“ (19). Носились слухи, что верховники два раза предлагали Ягушинскому свободу и возвращение чиновъ и орденовъ, но онъ, поддерживаемый главной партией (за самодержавіе), не поддавался и ожидалъ прибытія императрицы. „Вы меня очернили и не можете возвратить мнѣ добраго имени, которымъ я пользовался“, говорятъ, сказалъ Ягушинской верховникамъ (20).

Арестъ Ягушинскаго наводитъ Лефорты на слѣдующія мысли: „Хотятъ ограничить самодержавіе верховной власти“, — пишетъ онъ 5/16 февраля—„а Верховный Тайный Совѣтъ дѣйствуетъ совершенно деспотически и рѣшаетъ дѣла безъ вѣдома императрицы. Этотъ опрометчивый образъ дѣйствій выясняетъ народу сущность дѣла и заставляетъ его болѣе чѣмъ когда либо держаться прежняго порядка вещей“ (21). Намѣреніе верховниковъ помириться съ Ягушинскимъ и возвратитъ ему свободу Лефорты объясняетъ желаніемъ сдѣлать уступку шляхетству, недовольному „кондиціями“ верховниковъ и желавшему представить свой проектъ государственныхъ преобразованій (22). Лефорты такъ заканчиваетъ свою днпешу отъ 9/10 февраля: „Изъ всего этого можно заключить, что русское государство представляетъ такой хаосъ въ которомъ трудно что либо разобрать; сколько головъ—столько и плановъ; каждый умствуетъ, слѣдуя своему слабому сужденію; не имѣя понятія о свободѣ, ее смѣшиваютъ со своеволіемъ. Въ Россіи будетъ господствовать безначаліе“ (23).

Былъ слухъ, что письмо, посланное Ягушинскимъ Аннѣ Іоанновнѣ съ Сумароковымъ, пошло въ руки князя В.

---

(19) Сб. Рус. Ист. Общ. V, 350—354.

(20) Ibid., 353—354.

(21) Ibid., 352—353.

(22) Ibid., 354.

(23) Ibid. 354.—Кромѣ того Мардефельдъ пишетъ отъ 6/16 февраля: „Ягушинской содержится несмынно подъ строгимъ карауломъ во дворцѣ и никого къ нему не пускаютъ. Съ него уже сняли орденъ св. Андрея и публиковали во всѣхъ полкахъ, что онъ арестованъ за тяжкія преступленія противъ ея величества императрицы и противъ государства“ (Рус. Ист. Сб. XV, с. 414).

Л. Долгорукаго черезъ самое императрицу: по словамъ нѣ-
которыхъ, она выдала Сумарокова депутатамъ съ цѣлью
убѣдить ихъ въ искреннемъ своемъ желаніи сообразоваться
во всемъ съ ихъ совѣтами и рѣшеніями государствен-
ныхъ чиновъ ее избравшихъ⁽²⁴⁾. „Многіе того мнѣнія, что
Ягушинской погибнетъ потому, что его преступленіе сдѣ-
лалось публичнымъ; другіе думаютъ, что царица его спа-
сетъ, потому что все преступленіе состоитъ въ томъ, что
онъ хотѣлъ утвердить ея власть“,—пишетъ испаскій посолъ
де-Лиріа⁽²⁵⁾. ✓

Собраніе 2-го февраля и дѣло Ягушинскаго заставили
верховниковъ серьезно заняться вопросами, тѣсно связан-
ными съ избраніемъ Анны Іоанновны и все еще оконча-
тельно не разрѣшенными. Главнымъ образомъ озабочивалъ
ихъ вопросъ о титулѣ вновь избранной императрицы; кро-
мѣ того, со времени кончины Петра II прошло уже двѣ не-
дѣли, а народъ не былъ еще официально извѣщенъ о его
смерти, и русскимъ посланникамъ при иностранныхъ дво-
рахъ не сообщено о ходѣ болѣзни юнаго императора, свед-
шей его въ могилу. Синодъ назначилъ торжественное
благодарственное молебствіе въ Успенскомъ соборѣ, по
случаю избранія Анны Іоанновны, и постановилъ име-
новать ее самодержащей, шляхетство измышляло свои проэк-
ты государственныхъ преобразованій, а протоколъ о вы-
слушаніи митавскаго нисыма и кондицій никѣмъ не былъ
подписанъ. Припомнимъ, что за долго до 2-го февраля, ког-
да кондиціи только были отправлены въ Митаву, Вер-
ховный Совѣтъ сдѣлалъ распоряженіе чтобы до поры до
времени титуловать Анну Іоанновну самодержицей⁽²⁶⁾. Кро-
мѣ того, Верховный Совѣтъ пропустилъ слѣдующій фактъ,
повидимому незначительный, но въ дѣйствительности весьма

⁽²⁴⁾ Де-Лиріа, XVIII в., II, 39.—Tourgueneff, III, p. 266.

⁽²⁵⁾ Ibid.—Сообщая въ короткихъ словахъ объ арестѣ Ягушинскаго, французской резидентъ Маньянъ называетъ его «однимъ изъ самыхъ усерд-
ныхъ сторонниковъ свободы отечества, каковымъ онъ проявилъ себя въ
первыхъ собраніяхъ государственныхъ чиновъ». (Здѣсь Маньянъ вѣроят-
но разумѣетъ разговоръ съ князьями С. Г. и В. Л. Долгорукими 19-го
Января).

⁽²⁶⁾ См. IV гл. настоящаго изслѣдованія, стр. 106.

важный. Въ „С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ было напечатано извѣстіе изъ Москвы отъ 19-го января о кончинѣ Петра II-го, вслѣдъ за которымъ объ избраніи Анны Іоанновны сообщалось въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „избрана въ Высокомъ Тайномъ Совѣтѣ Императрицею и Самодержицею Всероссійскою Ея Высочество Государыня герцогиня курляндская, Анна Іоанновна“⁽²⁷⁾. Нѣкоторые русскіе послы и резиденты при иностранныхъ дворахъ, отправляя свои реляціи послѣ 19-го января на имя Анны Іоанновны, называютъ ее, по исконной титулатурѣ русскихъ государей: „Всепресвѣтлѣйшей, Самодержавнѣйшей“⁽²⁸⁾.

Эти промахи только теперь возстали передъ верховниками въ настоящемъ свѣтѣ. Кн. Д. М. Голицынъ не могъ не замѣтить, что онъ все болѣе и болѣе теряетъ подъ собою твердую почву, вступая на скользкій путь противорѣчій. Нужно было поставить вопросъ о титулѣ такъ, чтобы удовлетворить большинство, недовольное Верховнымъ Совѣтомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заручиться возможностью сдѣлать впослѣдствіи необходимыя измѣненія. Для этого разумѣется, всего удобнѣе, прикрыться самодержавной властью Анны Іоанновны, которая выражалась бы только въ титулѣ, а на дѣлѣ была бы въ полной зависимости отъ Верховнаго Совѣта. Такой образъ дѣйствій былъ бы въ первыхъ, логическимъ продолженіемъ тѣхъ началъ, которые высказаны въ письмѣ изъ Митавы отъ 28 января, а во вторыхъ онъ бы совершенно отстранялъ отъ Верховнаго Совѣта всѣ нареканія въ олигархіи и присвоеніи себѣ верховной власти.

Засѣданіе Верховнаго Тайнаго Совѣта 3-го февраля, кромѣ обсужденія дѣла Ягушинскаго, было посвящено вопросу о титулѣ Анны Іоанновны и распоряженіямъ относительно извѣщенія русскихъ министровъ при иностранныхъ дворахъ о ходѣ болѣзни Петра II. По вопросу о титулѣ, верховни-

---

(27) Извлеч. изъ «Слб. Вѣд.» 1730 г., перепеч. въ Сѣв. Арх. 1827 г., ч. XXX, № 23.

(28) Такъ напр., князь С. Голицынъ, русскій посланникъ въ Берлинѣ, въ своей реляціи отъ 7 февраля (ст. стilia), даетъ Аннѣ Іоанновнѣ слѣдующій титулъ: «Державнѣйшая императрица и самодержица, государыня всемилостивѣйшая». См. Гл. Моск. Арх. М. И. Д., св. 54, № 6.

ки постановили выслушать мнѣніе хитроумнаго Остермана, безъ совѣта съ которымъ опи не рѣшались ни на какую мѣру въ такомъ затруднительномъ дѣлѣ, и отправили къ нему на домъ нѣсколько различныхъ проектовъ титулованія избранной государыни. Такъ какъ этотъ вопросъ еще не былъ разрѣшенъ, то русскихъ министровъ при иностранныхъ дворахъ положили увѣдомить только о титулѣ, какимъ пользовалась императрица Екатерина. 3-го февраля имъ было сообщено и о ходѣ болѣзни покойнаго императора⁽²⁹⁾.

Сдѣлавъ затѣмъ нѣсколько распоряженій относительно „входа“ Анны Іоанновны въ Москву, верховники отправились въ Успенскій соборъ на молебствіе. По приказанію синода протодіаконъ провозгласилъ на молебствіи имя Анны Іоанновны „съ полною монаршескою титулою, самодержавіе въ себѣ содержащую“⁽³⁰⁾. Верховники не ждали такого скорого и открытаго провозглашенія Анны Іоанновны самодержицей—но дѣлать было нечего. Затаивъ свою злобу противъ синода, кн. Д. М. Голицынъ сталъ доканчивать въ Успенскомъ соборѣ тѣ распоряженія, которыхъ не успѣлъ сдѣлать въ засѣданіи Верховнаго Совѣта, торопясь на молебствіе. Такъ напримѣръ, разрѣшено было выдать подорожную камергеру Елизаветы Петровны барону Строганову, ѣхавшему на встрѣчу Анны Іоанновны съ поздравленіемъ отъ имени цесаревны. Дальнѣйшія распоряженія верховниковъ въ этотъ день происходятъ уже послѣ молебствія въ домѣ кн. Д. М. Голицына. Тамъ собрались домохозяинъ и два фельд-маршала—князья Долгорукой и Голицынъ, и доканчивали спѣшныя дѣла. Сдѣланы были распоряженія о заготовленіи „уѣздныхъ подводъ“ по московской губерніи для поѣзда им-

---

(29) Гос. Арх., разд. III, Черн. журн. В. Т. С., л. 27. «1730 г. Февр. 3 дня отдано въ В. Т. С. 2 вѣдомости, отправленные къ министрамъ российскимъ обрѣтающимся при чужестранныхъ дворѣхъ изъ колл. И. Д. о болѣзни Его Императорскаго Величества отъ 12 и 15 генваря сего года. Тогда жъ отдано еорма титулятуры блаженныя памяти Ея Имп. Сел. Екатерины Алексѣевны титула большаго и средняго и какъ къ министрамъ въ рескриптахъ и отъ нихъ въ реляціяхъ пишется». См. Гл. Моск. Арх. М. И. Д., св. VII, № 2, л. 6.

(30) Оеофанъ, «Сказаніе», с. 206.—Это обстоятельство не занесено въ журналы ни В. Т. С., ни синода.

ператрицы, разрѣшено пропустить ординарную заграничную почту, которая долгое время не была выпускаема въ Москву, а также велѣно впредь пропускать всѣ почты, какъ изъ Москвы, такъ и въ Москву⁽³¹⁾.

4 февраля былъ очень затруднительный для верховниковъ день: сенатъ, генералитетъ и знатное шляхетство должны были подписать составленный 2 февраля протоколъ, о выслушаніи письма и кондицій. Поэтому верховники выжидали всѣхъ этихъ лицъ, желая, если не со всѣми, то хоть съ главными изъ нихъ, посоветоваться относительно занимавшихъ ихъ вопросовъ. 4 февраля собрались всѣ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, за исключеніемъ одного Остермана; когда явились знатныя персоны для подписанія протокола, верховники, прежде всего, имѣли разговоры секретныя, призвавъ на совѣщаніе фельдмаршала кн. Ив. Юр. Трубецкаго и кн. Мих. Вл. Долгорукаго. Во время этихъ секретныхъ разговоровъ собрались сенатъ и генералитетъ и стали покрывать своими подписями листъ съ протоколомъ 2-го февраля: первая страница была оставлена для синодальныхъ членовъ и прочихъ архіереевъ. Во главѣ подписей на второй страницѣ стоитъ имя старѣйшаго по лѣтамъ изъ штатскихъ „дѣйствительныхъ совѣтниковъ“, графа Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина; затѣмъ слѣдуютъ подписи кн. Ив. Юр. Трубецкаго и кн. Мих. Вл. Долгорукаго. Далѣе подписались: „сенараль“ Матюшкинъ, графъ Чернышевъ, Иванъ Ильичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, Андрей Ивановичъ Ушаковъ, князь Григорій Борисовичъ Юсуповъ, князь Иванъ Григорьевичъ Долгорукой, Леонтьевъ (привезшій кондиціи“) и т. д. Всего въ этотъ день подписалось 69 лицъ, изъ коихъ большинство принадлежало къ составителямъ разныхъ отдѣльныхъ мнѣній и заявленій⁽³²⁾.

Результатомъ секретныхъ совѣщаній верховниковъ были слѣдующіе акты, составленные Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ 4-го февраля: 1) постановленіе о титулѣ Анны Іоанновны, 2) письмо къ ней, съ выраженіемъ благодарности за

⁽³¹⁾ Черн. журн. В. Т. С., л. 31—32. Прот. В. Т. С. въ Сенатск. Арх., кн. К., л. 43.

⁽³²⁾ Госуд. Арх., р. III, д. № 6, л. 32—34. О лицахъ, подписавшихъ протоколъ 2 февраля, см. ниже, примѣч. 46-е.

„милостивѣйшее писаніе“ отъ 28 января и за подписаніе кондичій, 3) манифестъ, или объявленіе въ народъ о кончинѣ императора Петра II и объ избраніи Анны Іоанновны.

Въ протоколѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта 4-го февраля читаемъ: „Ея Императорскаго Величества титулъ употреблять, какъ въ молитвахъ церковныхъ, такъ и въ отправляемыхъ грамотахъ внутри и внѣ государства, въ указахъ, челобитныхъ и въ прочихъ во всѣхъ, противъ того, какъ блаженныя и вѣчно-достойныя памяти императрицы Екатерины Алексѣевны употреблялось; и о томъ въ сиводѣ, въ сенатѣ и въ коллегіи послать указы, а въ губерніи и въ прочія мѣста послать указы изъ сената, а въ армію изъ военной коллегіи“ (**). Форма титула была слѣдующая: „Божіею милостію Мы, Анна, Императрица и Самодержица Всероссійская“ (**). Верховникамъ оставалось только утвердить форму титула Анны Іоанновны сообразно съ протодіаковскимъ провозглашеніемъ, „Да тожъ верховникамъ весьма не любо стало, и каились, что о томъ прежде запаматовали посовѣтоваться“—говоритъ Теофанъ Прокоповичъ — „и когда въ тотъ же день синодъ посылалъ во вся страны письменныя титулованія государыни формы, посылали и они; но титулы самодержавія, уже прежде оброченной, перемѣнить не посмѣли“ (**).

Письмо къ императрицѣ было отправлено съ генераломъ Леонтьевымъ 5-го февраля. Онъ же повезъ и письмо отъ верховниковъ къ князю В. Л. Долгорукому, сочиненное также 4-го февраля. Въ письмѣ къ императрицѣ, подписанномъ всѣми членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, даже Остерманомъ, верховники высказываютъ явную ложь и допускаютъ прямой подлогъ.

«Сего настоящаго февраля 2 дня»—пишутъ они императрицѣ,—«получали мы, съ нашею и всего общества неописанною

(**) Черв. журн. В. Т. С., л. 33.—Проток. В. Т. С. въ Сенатск. Арх., Кн. К., л. 47.—П. С. З., т. VIII, № 5500.

(**) Подробно всѣ употребленія титуловъ Анны Іоанновны въ разныхъ правит. актахъ опубликованы сенатомъ 9 февр.—Они напечат. въ П. С. З., т. VIII, № 5501.

(**) Теофанъ, «Сказаніе», с. 206.

радостію, Ваше милостивѣйшее къ намъ писанье отъ 28 минувшаго генваря и сочиненныя во общую пользу государственную пункты, за подписаніемъ собственныя Вашего Величества руки, чрезъ генераль-маеора Леонтьева, въ которомъ изволите милостиво насъ своею высокою милостію обнадеживать, и того же дня оное при собраніи синоду, сенату и генералитету оригинально объявлены и прочтены и подписаны отъ всѣхъ. За которую Вашего Величества къ намъ превысокую и неизреченную милость, мы всѣ, обще воздавъ всещедрому Богу наше моленіе, Вашему Величеству всеподданнѣйшее свое рабское приносимъ благодареніе и общаемся Вашему Величеству вѣрными и непремѣнными быть, а должны и житіемъ заслужить, и пребываемъ Вашего Величества всеподданнѣйшія и вижайшія (такъ въ подлинникѣ) рабы (**).

Князю Долгорукому верховники писали также о полученіи и прочтеніи „кондицій“, но не упоминали о подписаніи о нихъ протокола. Ему они сообщали только, „что какъ синодъ, такъ сенатъ и генералитетъ съ великимъ Богу благодареніемъ оную Ея Величества милость приняли“. Далѣе они увѣдомляли Долгорукаго о полученіи распросныхъ рѣчей Сумарокова, объ арестѣ Ягушинскаго и о распоряженіи на счетъ ареста В. Корсакова и спрашивали о подробностяхъ „шествія“ Ея Величества къ Москвѣ и погребенія Петра II. Письмо это подписано только двумя князьями Голицынскими и двумя Долгорукими (*).

Составленный отъ имени Верховнаго Тайнаго Совѣта манифестъ былъ слѣдующаго содержанія:

«Повеже, по волѣ Всемогущаго Бога, всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, великій государь, Петръ второй, императоръ и самодержецъ все-россійскій, болѣзную оспою генваря отъ 7 дня, отъ временнаго въ вѣчное блаженство того жъ генваря 18 числа, въ первомъ часу пополудни, отъиде,—и сія горестная всему государству его императорскаго величества кончина пресѣкла наслѣдство императорскаго мужескаго колѣна: того ради, общимъ желаніемъ и согласіемъ всего російскаго народа, на російскій императорскій престолъ избрана, по кровѣ царскаго колѣна, тетка его императорскаго величества, государыня царица Анна Іоанновна, дочь великаго государя, царя Іоанна Алексѣевича. Чего ради къ ея императорскому величеству, чтобъ изволила рос-

(*) Госуд. Арх., р. III, д. № 6, л. 47.—Письмо это помѣчено 5 февраля.

(**) Рукоп. Малиновскаго, л. 16.

сійскій престолъ принять, отправлены съ прошеніемъ д. т. с. князь Василій Лукичъ Долгорукій, да сенаторъ, т. с. князь Михайло Михайловичъ Голицыпъ, да генералъ-маіоръ Михайло Леонтьевъ, по которому прошенію ея императорское величество всемилостивѣйше соизволила и нынѣ обрѣтается въ пути. И для того симъ объявляется, чтобъ всякаго чина люди, какъ духовнаго, такъ воинскаго и гражданскаго, о томъ вѣдали и о воспріятіи ея императорскимъ величествомъ російскаго престола Бога благодарили. А какъ ея императорское величество къ Москвѣ прибудетъ, тогда о приводѣ къ присягѣ отъ ея императорскаго величества указы выданы будутъ впредь немедленно. (**).

Манифестъ этотъ не былъ еще обнародованъ, какъ въ Верховный Тайный Совѣтъ поступило первое шляхетское мнѣніе о государственномъ устройствѣ. Въ журналѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта 5 февраля читаемъ: „Призваны были сенатъ и генералитетъ и прочіе тѣхъ ранговъ со мнѣніемъ, которое и з в о л и л и п о д а т ь послѣ присланныхъ отъ ея императорскаго величества „пунктовъ“, которое они за руками и подали. А которые несогласны, тѣмъ велѣно изготovitъ, и для совѣта (т. е. совѣщаніи) призвать въ сенатъ еще изъ знатныхъ фамилій шляхетство, которые въ рангахъ и безъ ранговъ, кромѣ первыхъ четырехъ классовъ“ (*). Такимъ образомъ, Верховный Тайный Совѣтъ долженъ былъ согласиться выслушать не только заявленія сената и генералитета, но и шляхетства разныхъ ранговъ и даже безъ ранговъ, хотя и знатнаго. 7 февраля были призваны въ Верховный Совѣтъ бригадиры и статскіе того ранга и имъ объявлено, чтобъ они „извѣстное свое мнѣніе“ написали (*).

(**) Манифестъ этотъ напечатанъ въ П. С. З., т. VIII, № 5499, и въ Печатн. Проток. В. Т. С., с. 117—118. Онъ былъ опубликованъ въ «Слѣб. Вѣдом.» 1730 г. (См. Слѣб. Арх. 1827 г., ч. XXX, № 23). Изъ подлинника его, хранящагося въ Сенатск. Архивѣ, видно, что онъ подписанъ всѣми бывшими въ Москвѣ верховниками: канцлер. гр. Головкинымъ, князьями Д. М. и М. М. Голицыными, князьями Вас. Вл. и А. Гр. Долгорукими и Остерманомъ. См. Проток. В. Т. С. эт. арх., кн. К., л. 44.

(*) Черн. журн. В. Т. С., л. 36.

(*) Ibid., л. 38.

Вслѣдъ за этимъ дозволеніемъ стали подаваться въ Верховный Совѣтъ разныя коллективныя мнѣнія и заявленія. Подавали ихъ отдѣльныя лица, по уполномочію своихъ „согласниковъ“. Первымъ такимъ мнѣніемъ явилось 7 февраля мнѣніе Ивана Ильича Дмитріева-Мамонова⁽⁴¹⁾. За нимъ послѣдовало ихъ нѣсколько: Алабердеева, Семена Семеновича, Максима Грекова, Михаила Афанасьевича Матюшкина, графа Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина, Степана Колычева и другихъ⁽⁴²⁾.

„Двери залы, гдѣ засѣдаетъ Верховный Совѣтъ Россіи“,—пишетъ датскій посланникъ Вестфаленъ отъ 9 (20) февраля,—„были цѣлую недѣлю открыты для всѣхъ желающихъ высказаться и предложить что нибудь за или *противъ* предполагаемаго преобразованія въ прежнее управленіе Россіи. Это право получили генералы, бригадиры и полковники, а также и всѣ члены сената и другихъ государственныхъ коллегій съ чиномъ не ниже полковника; были приглашены архіепископы, епископы и архимандриты, но не всѣ за разъ, а группами изъ 3-хъ епископовъ и 3-хъ архимандритовъ. При этомъ наговорили столько хорошаго и дурнаго за и противъ новаго учрежденія, защищали и оспаривали это съ такимъ ожесточеніемъ, что смятеніе достигло наконецъ громадныхъ размѣровъ и можно было опасаться возстанія, но оба фельдмаршала не изъ такихъ людей, которые скоро поддаются страху“⁽⁴³⁾.

Между тѣмъ протоколъ 2 февраля, какъ мы видѣли, былъ подписанъ только сенатомъ и генералитетомъ: духовенство, провозгласившее Анну Іоанновну 3 февраля на молебствіи самодержицею, намѣренно уклонялось отъ подписи протокола, вслѣдствіе чего Верховный Совѣтъ принялъ рѣшительныя мѣры. Въ журналѣ 5 февраля читаемъ: „Призваны были архіереи—Новгородскій Теофанъ, Рязанскій Гавріилъ, и подъ пунктами подписались. И прочимъ архіереямъ приказано для подписи повѣстить впредь“⁽⁴⁴⁾. На другой день, 6 февраля, явились въ Верховный Совѣтъ архіе-

⁽⁴¹⁾ Ibid., л. 39.

⁽⁴²⁾ Ibid., л. 38.

⁽⁴³⁾ Невзд. депеша Вестфалена, № 7.

⁽⁴⁴⁾ Черн. журн. В. Т. С., л. 30.

реи: Ростовскій—Георгій Дашковъ, Казанскій—Сильвестръ Холмскій, Крутицкій—Леонидъ, Переяславскій—Іоакимъ. Имъ прочли письмо императрицы „и изъ пунктовъ, что надлежитъ до церкви. Выслушавъ, о благодареніи ея величеству подписали“. Того же 6 февраля Верховный Совѣтъ распорядился: „Въ синодъ объявить, чтобъ вельѣи московскихъ монастырей архимандритамъ явиться въ 9-мъ часу по полуночи (на слѣдующій день), а буде есть пріѣзжіе изъ городовъ, тѣмъ бы прежде подали росписи⁽⁴⁵⁾. 7 февраля подписались подъ „пунктами“ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ архимандриты московскихъ монастырей и пріѣзжіе изъ городовъ, 8 февраля подписались тѣ изъ нихъ, которые не успѣли исполнить этого наканунѣ⁽⁴⁶⁾).

Выжидая, чтобы протоколъ 2 февраля былъ подписанъ, какъ „свѣтскими знатными персонами“, такъ и духовенствомъ,—верховники все не давали хода манифесту 4 февраля и не разсылали указовъ о титулѣ Анны Іоанновны. 6 февраля они снова занялись и манифестомъ, и титуломъ.

Въ этотъ день „докладывано, что приготовлены указы о публикаціи манифестовъ и о титулѣ, и какимъ образомъ написаны извоили слушать, и приказали, какъ отправлять

(45) Ibid., л. 37.—Роспись духовенства, находившагося въ то время въ Москвѣ, въ Арх. Св. Синода, д. № 36.

(46) Черн. журн. В. Т. С., ал. 38, 39 и 40.—Подъ протоколомъ 2 февраля находятся подписи пятидесяти шести лицъ на 17-ти съ половиною страницахъ въ листъ. (Госуд. Арх., разд. III, д. № 6, л. 32—45). Первая страница, непосредственно подъ самымъ протоколомъ, заключаетъ въ себѣ слѣдующія подписи: Смиранный Теофанъ, архіеписк. Новгородскій,—Смирен. Георгій, архіеп. Ростовскій,—Смиранный Игнатій, митр. Коломенскій,—Смирен. Сильвестръ, митр. Казанскій,—Смирен. Гавріилъ, епис. Рязанскій и Муромскій,—Леонидъ, архіеп. Крутицкій,—Іоакимъ, еписк. Переяславскій.—Съ обратной страницы начинаются подписи генералитета и идутъ на трехъ съ половиною страницахъ (всего 69 лицъ) [л. 32 обор.—л. 54]. Затѣмъ снова идутъ духовные: Новоспаскаго монаст. архим. Евфимій, Симоновскаго мон. архим. Іоанникій, Всемилоствягаго Спаса-Андроніева мон. архим. Клеонникъ; Сергій, архим. Петровскій,—Иларіонъ, архим. Донскі(о)й,—Іоакимъ, архим. Бого-явленской,—архим. и ректоръ Заиконоспасскаго училищнаго монаст. Германъ Концевичъ. Съ оборота 34 листа (до 43 листа) идутъ подписи шляхетства; на 43 листѣ они перемѣшиваются съ духовенствомъ. Такъ

и впредь писать титулъ ея императорскаго величества" (⁴⁷). На другой день, 7 февраля, состоялось постановленіе совершенно противоположное; въ черновомъ журналѣ мы читаемъ слѣдующее:

«Въ Верховный Тайный Совѣтъ призваны секретари: сенатской (Дм. Невѣжинъ), коллегій—военной (Вас. Козловъ), адмиралтейской (Мих. Кононовъ) и иностранной (Ив. Аврамовъ); и приказано имъ манифесты, посланные при указѣхъ въ Верховнаго Тайнаго Совѣта о воспріятіи російскаго престола ея величеству государынѣ царевнѣ Аннѣ Іоанновнѣ и такожь форму титула содержать до предбудущаго указа секретно и тѣ указы потому пакы взять въ Верховный Тайный Совѣтъ» (⁴⁸).

Это постановленіе вызвано пререканіями, возникшими 7 февраля между верховниками относительно редакціи манифеста.

Въ этотъ день, при новомъ просмотрѣ уже отпечатаннаго манифеста, фельдмаршалъ князь Василій Владиміровичъ Долгорукой заявилъ слѣдующее:

„Чтобы не было соблазну въ народѣ, я полагаю необходимымъ внести въ манифестъ, который и напечатать вновь, какъ „кондиціи“, подписанныя Анной Іоанновной въ Митавѣ, такъ и письмо ея оттуда отъ 28 января“.

Заявленіе фельдмаршала обусловливалось очень важными причинами: соблазнъ въ народѣ былъ дѣйствительно большой. Это заявленіе вызвало возраженіе со стороны канцлера Головкина и обоихъ Голицыныхъ, боявшихся еще бѣдшей смуты въ случаѣ внесенія въ манифестъ предложенныхъ фельдмаршаломъ вставокъ. Очень можетъ быть, что Головкинъ только прикрывался этими основаніями, будучи

напр.: Подп. Ив. Вельяминовъ-Зерновъ, подп. Вас. Лихаревъ, Чюдова мон. Арсеній, архим.,—Златоустова мон. Спиридовъ, архим., Петръ Калачовъ, Никита Орловъ, Борисъ Глазатовъ, Тимофей Павловъ, Як. Великопольской, экзекуторъ сенатской Ѳед. Гурьевъ, Мелхиседекъ, архим. Воскресенскій,—Костромск. богоявл. мон. Іовъ, архим.,—Сѣвскаго Спасова мон. архим. Варлаамъ,—Аркадій, архим., что на Рязани Солотчинскаго мон., маоръ Тимофей Грибоѣдовъ.—На листахъ 44 и 45 опять одно шляхетство.

(⁴⁷) Черв. журн. В. Т. С., л. 37.

(⁴⁸) Ibid., л. 42.

на самомъ дѣлѣ ревностнымъ сторонникомъ самодержавія Анны Іоанновны, но братья Голицыны дѣйствовали въ данномъ случаѣ совершенно искренно. Основанія, приведенныя ими, заключались въ слѣдующемъ: кондиціи съ согласіемъ на нихъ Анны Іоанновны и письмо ея, будучи напечатаны въ манифестѣ, породятъ противъ верховниковъ новые толки (если не въ столицѣ, такъ въ губерніяхъ), въ томъ смыслѣ, что „все то измышлено Верховнымъ Совѣтомъ“. Во избѣжаніе недоразумѣній, лучше было бы разослать манифестъ въ „губерніи“ какъ онъ напечатанъ, а „кондиціи“ объявить по пріѣздѣ Анны Іоанновны отъ ея имени: тогда для всѣхъ будетъ ясно что „кондиціи“ приняты ею добровольно^(*).

7 февраля, въ засѣданіи Верховнаго Тайпаго Совѣта не присутствовали баронъ Остерманъ и князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой. Безъ ихъ участія наличные члены затруднялись разрѣшить вопросъ о манифестѣ и, остановивъ разсылку его, просили у нихъ письменныхъ мнѣній, которыя и были доставлены на другой день.

Баронъ Остерманъ писалъ слѣдующее:

1) Что удивляется, что по сѣ время не исправлено (т. е. не разосланъ манифестъ. 2) Двойко разсуждаетъ: или такъ отправить, какъ напечатано, или же, ежели потребно то добавить: *такожде и о ея императорскаго величества ко всему народу показанномъ милосердомъ снисхожденіи и всемилостивѣйше пожалованныхъ всенародныхъ ползахъ отъ ея величества манифестомъ объявлено будетъ*; а о милостивыхъ кондиціяхъ объявить отъ ея величества лица при пріѣздѣ ея и предуготовить особую форму отъ ея лица для того, *чтобъ не толковали, что происходитъ отъ Верховнаго Тайпаго Совѣта, а не отъ ея величества*. 3) О титулахъ, что напечатаны, докладывать при посылкѣ тѣхъ манифестовъ и о употребленіи титуловъ отпустить указами отъ сената; а послѣ отпуска писать въ указахъ и прочемъ титулъ императрицынъ.

Какъ видно изъ приведеннаго нами подлиннаго текста, мнѣніе Остермана отличается свойственными ему двучиностью и уклончивостью. Онъ примирилъ обѣ стороны: сдѣлалъ глухую вставку въ манифестъ, а печатаніе „кондицій“ отложилъ до пріѣзда Анны Іоанновны. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по тонкому расчету: зная заранее, что про-

---

(*) Ibid., л. 40.

изойдетъ, когда прїѣдетъ Анна Іоанновна въ Москву, онъ весьма естественно считалъ не только прсждевременнымъ, но даже совершенно излишнимъ, печатное обнародованіе „кондицій“ до прїѣзда императрицы: но настоящую причину своего намѣренія ловко скрылъ подъ своей якобы солидарностью съ вождемъ ограниченія власти Анны Іоанновны,—княземъ Д. М. Голицынымъ.

Личный интересъ заставлялъ князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго опасаться превратныхъ толкованій „кондицій“ въ Москвѣ, поэтому онъ обращалъ на всѣ распространявшіеся слухи болѣе вниманія, чѣмъ Остерманъ и полагалъ, что „въ города какъ изволятъ, такъ и отправятъ, а что въ Москвѣ всемирно надлежитъ публиковать подписанныя отъ ея величества кондиціи, чтобъ инако ихъ не толковали и ихъ подлинно знали“⁽⁸⁰⁾.

Получивъ эти два мнѣнія, члены Верховнаго Тайнаго Совѣта (въ томъ же составѣ, какъ и наканунѣ) постановили въ засѣданіи 8 февраля слѣдующее: „Разсудили, чтобъ напечатанные манифесты отпустить такъ, какъ напечатаны при указѣхъ изъ сената, которые писаны—такоежъ изъ сената, а потомъ, когда то отправится, употреблять и писать титулъ ея императорскаго величества въ случившихся указѣхъ“. Затѣмъ призвали герольдмейстера сената—Плещеева, объявили и отдали ему печатный манифестъ и указы, а въ прочія мѣста опредѣлили указы разослать⁽⁸¹⁾.

Въ то время, какъ Верховный Совѣтъ былъ занятъ всѣми вышеизложенными „конъюнктурами“, Анна Іоанновна приближалась къ Москвѣ. Изъ писемъ кн. В. Л. Долгорукаго въ Верховный Совѣтъ было извѣстно, что императрица очень быстро совершаетъ свой путь.

Выѣхавъ изъ Митавы 29 января въ девятомъ часу утра, Анна Іоанновна, сопровождаемая князьями В. Л. Долго-

---

⁽⁸⁰⁾ Ibid., л. 41 обор.

⁽⁸¹⁾ Ibid., л. 41 и 43.—Это постановленіе записано въ черновыхъ журналахъ дважды: на л. 41 въ подробной редакціи, а на л. 43 въ краткой. Въ черновыхъ журналахъ засѣданій 7 и 8 февраля вообще большая путаница, какъ въ послѣдовательности рѣшеній, такъ и въ самой ихъ редакціи. Множество помарокъ, вставокъ и приписокъ сбоку. Вообще видно, что журналы этихъ двухъ дней писались съ большой торопливостью.

рукимъ и Мих. Мих. Голицынымъ-младшимъ, была въ Ригѣ въ тотъ-же день, во второмъ часу по полудни. „Для въѣзда ея величества“—писалъ князь Долгорукой—„рижскіе мѣщане стояли въ строю, и пальба была изъ пушекъ и мелкаго оружія“. 30 января Анна Іоанновна выѣхала изъ Риги на Псковъ, куда прибыла къ полудню 2 февраля; она провела тамъ день своихъ именинъ,—а 4 февраля въ шестомъ часу вечера была уже въ Новгородѣ. Здѣсь встрѣтилъ ее епископъ, управлявшій Новгородской епархіей, и вручилъ предикъ Оеофана Прокоповича. 5-го—императрица осматривала Новгородскую святыню и „откушавъ поранѣе, продолжала далѣ путь свой“; 8-го—была въ Вышнемъ Волочкѣ и въ тотъ-же день „съ поспѣшеніемъ“ выѣхала въ Тверь, куда прибыла утромъ 9-го февраля, а къ вечеру находилась уже въ Клину⁽⁵²⁾.

Оеофанъ Прокоповичъ начинаетъ свою проповѣдь, переданную Аннѣ Іоанновнѣ въ Новгородѣ, текстомъ псалма *„Вечеръ водворится плачъ и завтра радость“*. Текстъ этотъ Оеофанъ Прокоповичъ приурочиваетъ къ кончинѣ Петра II, „помрачившей сердца наша“, и затѣмъ къ избранію Анны Іоанновны, о которомъ онъ выражается такъ: „а завтра, девятнадцатому дню возсіавшу, (19 января 1730 года—день избранія Анны Іоанновны) возсіало и въ сердцахъ нашихъ великое веселіе: когда всѣхъ вышнихъ чиновъ согласіемъ, паче же Самаго того, Иже владѣетъ царствомъ человѣческимъ, и ему же хочетъ, даетъ ѣе благостыннымъ изволеніемъ, увидѣли мы скипетро россійской имперіи опредѣлено вашему величеству“. Далѣе Оеофанъ обращается къ „персональному, всему міру извѣстному, доселѣ состоянію“ Анны Іоанновны. „Кто же, смотря на оное“,—говоритъ проповѣдникъ—„не вздохнулъ, видя порфирородную особу въ самомъ цвѣту лѣтъ своихъ впадшую въ сиротство отшествіемъ державныхъ родителей, тоску вдовства пріемшую, лишеніемъ любезнѣйшаго подружія, не по достоинству рода пропитаніе ищущую, но, и что воспоминають ужасно, сверхъ многихъ непріятныхъ приключеній отъ *неблагодарнаго раба*, и весьма безбожнаго злодѣя страхъ, тѣсноту и неслыханное

⁽⁵²⁾ Рукопись Малиновскаго: «Управленіе Всер. имперіей», лл. 14, 18, 19, 21—24.—Снес. «Печатныя Протоколы» В. Т. С., с. 117—120.

говленіе претерпѣвшую“. Подъ „неблагодарнымъ рабомъ“ Теофанъ, очевидно, разумѣетъ Мевшикова, отъ котораго Анна Иоанновна терпѣла много горя во время жизни своей въ Курляндіи. Теофанъ приводитъ отношеніе за это время къ Аппѣ Іоанновнѣ „суетумудрихъ чловѣцъ“, говорившихъ, быть можетъ, въ сердцѣ своемъ: „Богъ оставилъ ю“. „На сія смотри“,—продолжаетъ онъ,—„которыя о промыслахъ Божіихъ искусно разсуждаютъ, узнавали величество ваше быти въ числѣ любимыхъ чадъ Божіихъ“. Припоминая, что имя, какъ *Анны*, такъ и ея отца *Іоанна*, означаетъ по еврейски „благодать“, Теофанъ уже въ одномъ этомъ видитъ „довольную вину сорадованія и поздравленія къ высокому и толь отъ Бога прославленному лицу“ Анны Іоанновны.

Проповѣдь заканчивается рядомъ похвалъ Аннѣ Іоанновнѣ, въ лицѣ которой „богато даровалъ всещедрый Богъ“ народу російскому „великодушную героиню, правосудную и исполненную достоинствъ монархиню, мать благоутробную, милостивую и милосердную“. Къ этимъ похваламъ прибираются соответствующіе тексты, а въ самомъ концѣ проповѣди Теофанъ выражаетъ то „блаженство“, которое онъ „персонально въ себѣ обрѣтаетъ“, поздравляя Анну Іоанновну, изъявлявшую къ нему и прежде неоднократно свою благосклонность⁽⁶⁸⁾.

Верховники спрашивали императрицу чрезъ князя В. Л. Долгорукаго о разныхъ подробностяхъ, касающихся ея „входа“: желаетъ-ли она, чтобы похороны покойнаго императора были до ея входа, или совершились бы при ней, снять трауръ на время входа, или нѣтъ, какъ, наконецъ устроить самый входъ и т. п.? Гонцы съ письмами къ кн. Долгорукому настигали его въ пути, въ почтовыхъ ямахъ и городахъ, и привозили отъ него отвѣты верховникамъ. „О входѣ своемъ въ Москву изволить разсуждать“,—пишетъ князь В. Л. Долгорукой 7 февраля изъ Звенигородскаго яма,—„что приличнѣе быть въ черномъ и всѣ кареты и прочія приуготовленія имѣютъ быть въ готовности въ Тверской Ямской Слободѣ; а какъ всѣ приуготовленія въ готовности уже будутъ и ея величество о томъ увѣдомать, тогда изволить изъ Всесвятскаго итти въ Тверскую Слободу

---

(68) Журн. М. Н. П. 1836 г., т. IX, с. 576—580.

и тамъ, пересѣдши въ карету, со свитою своею итти въ Москву⁶⁴. Погребеніе императора Петра II Анна Іоанновна предполагала устроить въ среду, 11 февраля, а свой торжественный въѣздъ въ Москву, въ воскресенье—15-го. Верховный Совѣтъ предлагалъ императрицѣ снять трауръ для этого торжественнаго дня, но она не рѣшила вопроса, а предоставила его на „разсужденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта“, о чемъ князь В. Л. Долгорукой сообщилъ въ письмѣ изъ Мѣднаго, отъ 8 февраля. Въ этомъ же письмѣ онъ уведомлялъ верховниковъ, что „потребны ея величеству пары 4 или 5 лучшихъ соболей на муфты и на шею, и ежели такихъ въ казнѣ нѣтъ, хотя-бы купя, прислать ея Величеству во Всесвятское“⁽⁶⁴⁾.

Сообразно съ письмами кн. Долгорукаго дѣлались приготовления къ похоронамъ Петра II и ко входу Анны Іоанновны.

5 февраля Татищевъ, въ то время совѣтникъ московской монетной конторы, приносилъ въ засѣданіе Верховнаго Совѣта „рисунки печальныхъ медалей“ на кончину Петра II; верховники, какъ видно, остались ими не совсѣмъ довольны и отложили разсмотрѣніе ихъ до другаго собранія. Татищеву и Зыбину было приказано того же 5 февраля, чтобы погребеніе императора было непремѣнно готово къ 11 февраля, „хотя-бъ чего сдѣлать и не успѣли“⁽⁶⁵⁾. 7 февраля определено напечатать церемоніаль траура, согласно предположеніямъ „печальной комиссіи“⁽⁶⁶⁾. Въ тотъ же день Зыбинъ прочелъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ церемоніаль погребенія; верховники утвердили его, сдѣлавъ нѣкоторыя измѣненія. Съ похоронами особенно торопились, а потому Зыбину снова подтвердили, чтобы 11 февраля непремѣнно состоялось погребеніе⁽⁶⁷⁾. 9 февраля опять повтореніе объ этомъ ему и Татищеву. Тогда же сообщили о днѣ погребенія А. И. Остерману и фельдмаршалу князю Тру-

---

(64) Черн. журн. В. Т. С., л. 21 и 23.—Рукоп. Малиновскаго, л. 21—24 Снес. Черн. журн. В. Т. С. лл. 39, 44, 45, 47.

(65) Ibid., л. 36.

(66) Ibid., л. 48.—Самый церемоніаль см. въ ркп. «Управл. Всерос. имп.» л. 19—20.

(67) Черн. журн. В. Т. С., л. 39.

бецкому и предписали князю Одоевскому, управлявшему Мастерской и Оружейной палатой, немедленно отпустить необходимые для погребенія императора регалии, которыя тотъ почему-то не выдавалъ Тагицеву. 9 февраля жители столицы были извѣщены о двѣ похоронѣ Петра II—черезъ герольдовъ съ трубачами⁽⁸⁸⁾. До такой степени торопились покончить съ похоронами, что гробъ и катафалкъ устроили непомѣрно широкіе, и они не могли пройти въ Спасскія кремлевскія ворота, вслѣдствіе чего принуждены были сдѣлать въѣзское измѣненіе, направивъ печальную процессію въ Кремль черезъ Никольскія ворота⁽⁸⁹⁾.

Приготовленія ко „входу“ императрицы шли также очень дѣятельно. 5 февраля Верховный Совѣтъ занялся вопросами о „парсонѣ“ (т. е. портретѣ) императрицы, о приготовленіи для ея „шествія“ къ столицѣ подводъ и о сооруженіи въ Москвѣ триумфальныхъ воротъ. Московскій вице-губернаторъ Петръ Вельяминовъ спрашивалъ верховниковъ, какъ писать „парсону“ ея величества, съ какой „кавалеріей“? Его спросили, какъ писаны послѣднія „парсоны“ Анны Іоанновны; онъ отвѣчалъ, что писаны съ красною кавалеріею (т. е. съ Екатерининскимъ орденомъ) и ему приказали писать „противъ“ (т. е. согласно) той послѣдней „парсоны“⁽⁹⁰⁾.

Повидимому странно, что верховники разсуждали о такихъ мелочахъ въ это жгучее для нихъ время,—но это только повидимому. Орденскій знакъ на официальномъ портретѣ избранной императрицы имѣлъ большое значеніе. Верховники не хотѣли изобразить Анну Іоанновну съ высшей, голубой (Андреевской) „кавалеріей“, которой она не имѣла, и которую, какъ мы увидимъ, они поднесли ей во Всесвятскомъ, вслѣдствіе чего и велѣли писать ея портретъ въ дамскомъ орденѣ св. Екатерины, не пользовавшемся большимъ значеніемъ.

Почти все засѣданіе 9 февраля было посвящено спѣшнымъ приготовленіямъ ко „входу“: на другой день, 10 февраля, Анна Іоанновна уже должна была прибыть во Все-

---

(88) Ibid., л. 44—45.

(89) Ibid., л. 46.

(90) Ibid., л. 35.

святское. Въ этомъ же засѣданіи назначены были депутаты для привѣтствія тамъ императрицы: отъ сената и генералитета—князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій и генераль-маіоръ Левъ Васильевичъ Измайловъ, при чемъ каждому изъ нихъ велѣно было выдать по шести подводъ. Отъ синода Верховный Совѣтъ предполагалъ отправить одного архіерея и одного архимандрита, но синодъ распорядился иначе, назначивъ двухъ архіереевъ: Новгородскаго архіепископа—Теофана и Крутицкаго архіепископа—Леонида, да Чудовскаго архимандрита Арсенія. Верховный Совѣтъ долженъ былъ уступить и выдать паспортъ и подорожную на трехъ синодальныхъ депутатовъ при восемнадцати подводахъ.

Затѣмъ, верховники утвердили представленное М. А. Матюшкинымъ „учрежденіе входа“ и приказали гофмейстеру Олсуфьеву приготовить ея величеству обѣденный столъ во Всесвятскомъ, „или куда повелѣно будетъ“, а московскому вице-губернатору Вельяминову объявили о стрѣльбѣ изъ орудій во время „вшествія ея величества въ Москву“. „Учрежденіе о входѣ“ было въ тотъ же день отправлено къ кн. В. Л. Долгорукому, причемъ постановлено: „требовать (отъ него) о тѣхъ чинахъ которые сумнительны Совѣту“^(*).

10 февраля Анна Іоанновна прибыла во Всесвятское. Изъ Верховнаго Совѣта послѣдовало подтвержденіе Олсуфьеву о немедленной отправкѣ припасовъ для обѣденнаго стола императрицы, а въ сибирскій приказъ послано предписаніе о доставленіи для нея пяти паръ самыхъ лучшихъ соболей^(**).

Весьма естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ Верховный Тайный Совѣтъ не имѣлъ времени заниматься текущими дѣлами государственнаго управленія и что этимъ дѣламъ отведено было очень скромное мѣсто въ засѣданіяхъ 5 и 6 февраля. 5 февраля состоялись слѣдующія постановленія:

1) „Приказано собрать вѣдомости о московскихъ колодникахъ, кто въ какихъ дѣлахъ держится, также нѣтъ-ли

(*) Ibid., л. 44—45.

(**) Ibid., л. 47.

вѣдомостей о такихъ-же (т. е. колодникахъ) откуда присланныхъ и сдѣлать выписки“.

2) „Чтепъ экстрактъ, поданный отъ князя Вас. Вл. Долгорукаго о Царицынской заставѣ (укрѣпленной линіи у Царицына отъ нападений калмыковъ и другихъ степныхъ кочевниковъ); приказано съ послѣдними указами росписать и доложить.

3) Выписать изъ росписей о нужныхъ дѣлахъ, которыя времени не терпятъ, и въ собраніи доложить.

Но этого доклада такъ и не было сдѣлано. О нетерпящихъ времени дѣлахъ забыли среди также нетерпящихъ времени политическихъ „конъюнктур“.

5 февраля велѣно было пропустить на заставѣ привезенное изъ Петербурга вино, а также не задерживать „и прочіе обозы и порожняки“⁽⁵³⁾. 6 февраля постановлено пропускать черезъ заставы почты⁽⁵⁴⁾.

Этимъ ограничили всѣ распоряженія Верховнаго Тайнаго Совѣта по текущимъ дѣламъ со 2 по 10 февраля.

Слѣдуя изо дня въ день за дѣйствіями Верховнаго Совѣта, мы не можемъ не замѣтить, какъ безтактно и опрометчиво поступалъ онъ за все это время, давая все больше и больше поводовъ къ нападкамъ на свою дѣятельность и еще болѣе волнуя безъ того уже взволнованные умы московскаго общества.

„Кондиція“, ограничивающія власть императрицы, дозволеніе шляхетству подать свои мнѣнія и проекты о государственномъ устройствѣ, аресты Сумарокова и Ягушинскаго, учрежденіе вновь заставъ около Москвы и затѣмъ скорая ихъ отмѣна, а рядомъ съ этимъ торжественное провозглашеніе Анны Іоанновны самодержицей и обнародованіе этого титула въ печатныхъ сенатскихъ указахъ—такія противорѣчивыя распоряженія хотъ кого могли сбить съ толку.

⁽⁵³⁾ Ibid., л. 35—36

⁽⁵⁴⁾ Ibid., л. 37.

VI.

ПРОЕКТЫ И МНѢНІЯ ШЛЯХЕТСТВА, ПЛАНЪ КНЯЗЯ Д. М. ГОЛИЦЫНА И «ПУНКТЫ» ПРИОЯГИ.

Перечисленіе и общая характеристика шляхетскихъ проектовъ и мнѣній, какъ поданныхъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, такъ и не поданныхъ, и число лицъ подписавшихъ проекты.—Шляхетскія совѣщанія.—Изложеніе содержанія проектовъ и мнѣній.—Планъ князя Д. М. Голицына.—Уступки верховникамъ шляхетскимъ требованіямъ и «пункты» присяга.

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что 5-го и 7-го февраля и въ послѣдующіе дни было подано въ Верховный Тайный Совѣтъ восемь шляхетскихъ проектовъ государственныхъ преобразованій, а именно: проектъ сената и генералитета (князя Черкаскаго), И. И. Дмитріева-Мамонова, С. Секіотова, Алабердеева, Максима Грекова, графа И. А. Мусина-Пушкина, С. А. Колычова и М. А. Матюшкина ⁽¹⁾. Но кромѣ вышепоименованныхъ было еще нѣсколько проектовъ и мнѣній, которые не были представлены Верховному Совѣту. Сюда относятся: 1) Конспектъ шляхетскихъ совѣщаній, 2) Проектъ тринадцати, 3) Способы, которыми, какъ видится, порядочнее, основательнѣе и тверже можно сочинить и утвердить извѣстное, только важное и полезное всему народу

⁽¹⁾ Подъ пр—мъ Дм.—Мамонова можно разумѣть проектъ 25-ти, который дошелъ до насъ въ спискѣ только съ указаніемъ на число подписавшихъ его, но безъ означенія ихъ фамилій. См. ниже, прим. 20-е. Пр—мъ Алабердеева Журн. В. Т. С. называетъ пр-тъ прежде всѣхъ подписанный С. Г. Нарышкинымъ.

дѣло, и 4) Добавленіе къ этимъ „способамъ“.

До насъ дошли всѣ двѣнадцать проэктвъ и мнѣній, въ которыхъ выразилось политическое „умоначертаніе“ русскаго шляхетства первой половины XVIII вѣка. Проэкты подписаны тысячею слишкомъ лицъ (1100 человекъ съ небольшимъ) (*). Въ числѣ этихъ лицъ мы видимъ представителей всѣхъ слоевъ тогдашняго шляхетства: здѣсь сходятся люди самыхъ разнообразныхъ общественныхъ и служебныхъ положеній, различнаго происхожденія и образованія, но исключительно русской національности: среди этой тысячи русскихъ людей бросается въ глаза, какъ бы случайно попавшее имя одного только служилаго иноземца, шотландца Лесли. Движеніе шляхетства имѣетъ строго патріотическій, національный характеръ. Наряду съ Рюриковичами, Гедиминовичами и потомками выѣзжихъ черкасскихъ князей и татарскихъ мурзъ, мы встрѣчаемъ и представителей старинныхъ служилыхъ родовъ изъ удѣльныхъ княжествъ рязанскаго, московскаго, тверскаго и др., и „худородныхъ“ шляхтичей, возвысившихся посредствомъ родственныхъ отношеній съ царемъ Петромъ, или выдвинутыхъ его реформою (Нарышкины, Соимоновы, Головкины, Аршеневскіе и нѣкот. др.). Объ руку съ сенаторами, президентами, вице-президентами и членами коллегій идутъ генералы, полковые и баталіонные командиры, субалтернъ-офицеры и придворные чины, начиная съ оберъ-гофмейстера и кончая гофъ-юнкеромъ.

Общимъ чувствомъ, связующимъ всѣ разнообразные элементы шляхетства, является негодованіе противъ верховниковъ. Но негодованіе это не выражается въ какойнибудь бессознательной ненависти къ верховникамъ,—напро-

---

(*) Цифра эта основана на слѣдующихъ соображеніяхъ: мы имѣемъ всего 1218 подписей подъ девятью проэктами (три изъ нихъ не подписаны никѣмъ), но нѣкоторые лица подписывались по нѣскольку разъ подъ разными проэктами (см. списокъ въ приложеніи № II къ настоящему изслѣдованію); полагая такихъ лицъ общимъ числомъ до 100,—мы получимъ около 1118 участниковъ разныхъ шляхетскихъ проэктвъ.

тивъ, оно проникнуто сознаніемъ необходимости расширить кругъ государственныхъ реформъ. Шляхетскіе проекты и мнѣнія вырываютъ власть изъ рукъ семи случайныхъ представителей Россіи и передаютъ эту власть всему шляхетскому обществу „общенародію“,—какъ они выражаются. Кромѣ этого мотива одинаково присущаго всѣмъ шляхетскимъ проектамъ и мнѣніямъ, мы можемъ уловить въ некоторые частныя отгѣнки, (правда, не слишкомъ рѣзкіе) общей программы, можемъ указать на различныя точки зрѣнія, на различныя направленія. Всѣ эти особенности проектовъ и мнѣній опредѣляются, прежде всего, индивидуальными свойствами тѣхъ передовыхъ личностей изъ шляхетства, которыя стали во главѣ шляхетскихъ кружковъ и руководили ими.

Всѣ подавнныя проекты (за исключеніемъ проекта кн. Черкаскаго), не опредѣляютъ сущности власти Анны Іоанновны и не говорятъ о ея самодержавіи, или объ ограниченіи ея власти. Вопросъ этотъ находился тогда въ такомъ положеніи, что шляхетство считало не цѣлесообразнымъ ставить слишкомъ рѣзко опредѣленіе власти избранной государыни (проектъ кн. Черкаскаго, какъ мы увидимъ, ставить этотъ вопросъ намѣренно весьма неясно). Изъ развиваемаго во всѣхъ проектахъ плана государственныхъ преобразованій можно лишь заключить, что всѣ проекты склоняются къ ограниченію власти Анны Іоанновны, но не по программѣ верховниковъ. Всѣ проекты рассматриваютъ слѣдующіе вопросы: 1) объ организаціи центральнаго правительства при участіи шляхетства, 2) о выдѣленіи родовитаго, стариннаго шляхетства изъ шляхетства новаго и о предоставленіи шляхетству льготъ служебныхъ и имущественныхъ, 3) объ улучшеніи быта другихъ сословій: духовенства, купечества и крестьянства.—Проекты расходятся въ подробностяхъ, въ частныхъ примѣненіяхъ желаній шляхетства къ дѣйствительности. Главное вниманіе проектовъ обращено на организацію центральнаго правительства; шляхетство желаетъ такой организаціи, которая представляла бы наиболѣе гарантій отъ произвола, какъ единоличнаго управленія, такъ и возвышенія нѣсколькихъ фамилій. Этихъ гарантій шляхетство считаетъ возможнымъ достигнуть при своемъ непосредственномъ участіи въ управленіи. Выборное начало, допущенное Петромъ Великимъ въ низшихъ гражданскихъ и военныхъ должностяхъ, переносится шляхетст-

вомъ на высшія должности, при чемъ самый порядокъ избранія обсуждается имъ весьма подробно.

Всѣ проекты и мнѣнія, какъ поданные въ Верховный Тайный Совѣтъ, такъ и неподанные, представляютъ, прежде всего, два существенныя направленія: крайнее и умѣренное. Крайнее прямо упраздняетъ Верховный Тайный Совѣтъ, умѣренное—входитъ съ нимъ въ сдѣлки, увеличивая число его членовъ, во обязывая избирать не болѣе двухъ представителей изъ одной фамиліи. Къ направленію крайнему принадлежатъ: проектъ князя Черкаскаго и конспектъ шляхетскихъ совѣщаній; проекты умѣреннаго направленія распадаются на двѣ группы: къ первой относятся проекты большинства шляхетства (Секіотова, Алабердеева, Максима Грекова) и „Способы“ и „добавленія“ къ нимъ, ко второй—проекты меньшинства (графа Мусина-Пушкина, Колычова, Матюшкина), проекты двадцати-пяти и тринадцати. Почти всѣ проекты и мнѣнія останавливаются на мысли о необходимости тщательнаго пересмотра государственныхъ потребностей выборными отъ шляхетства, чтобы, достигнувъ этимъ путемъ какого нибудь положительнаго вывода, приступить къ разсмотрѣнію подробностей государственныхъ преобразованій. Такая мысль весьма естественно должна была придти самымъ разсудительнымъ изъ вождей шляхетской оппозиціи, потому что при тогдашнемъ возбужденіи умовъ и распрѣ съ Верховнымъ Совѣтомъ, невозможно было отнестись хладнокровно и объективно къ дѣйствительнымъ потребностямъ государства и нуждамъ шляхетства и другихъ сословій. Краткость времени, въ которое шляхетство создавало свои проекты, отразилась на нихъ весьма ощутительно: во всѣхъ редакціяхъ замѣтны торопливость и неточность. Поэтому на поданные шляхетскіе проекты мы не можемъ смотрѣть, какъ на законченную программу политическихъ требованій шляхетства, а должны относиться къ нимъ, какъ къ конспектамъ, наброскамъ, эскизамъ—его дѣйствительныхъ желаній и намѣреній.

Проекты большинства, будучи совершенно схожи между собою, представляютъ для насъ особенный интересъ по значительному количеству подписавшихъ ихъ лицъ. Проектъ кн. Черкаскаго былъ первоначально подписанъ тридцатью девятью лицами, а затѣмъ подѣ тремя ко-

піями съ него подписалось: лейбъ-гвардіи офицеровъ пятьдесятъ одинъ, военной коллегіи штабъ и оберъ-офицеровъ сто пятьдесятъ шесть, да кавалергардовъ сорокъ два, а всего двѣсти сорокъ девять человѣкъ⁽³⁾. Несравненно больше подписей подъ тремя проектами большинства. Подъ проектомъ Секіотова мы находимъ триста двадцать шесть подписей; проектъ Максима Грекова, подписанный сначала двадцатью восемью лицами, былъ затѣмъ дополненъ параграфомъ объ улучшеніи положенія отставныхъ офицеровъ и солдатъ и подписанъ вновь тремястами двумя лицами; кромѣ того, къ нему присоединились всѣ штабъ и оберъ-офицеры Семеновскаго полка, что составитъ приблизительно не менѣе восьмидесяти человѣкъ; слѣдовательно, подъ проектомъ Максима Грекова находилось всего чetyрестадесять подписей⁽⁴⁾. Подъ проектомъ Алабердеева только семь подписей. Такимъ образомъ всего подъ проектами большинства находится семьсотъ сорокъ три подписи⁽⁵⁾.

⁽³⁾ Цифры эти приведены по невзданному списку; въ печатномъ текстѣ онѣ показаны невѣрно (См. сборникъ Погодяна «Утро» 1859 г., с. 378).

⁽⁴⁾ Текстъ 10 го параграфа проекта Максима Грекова заключается въ слѣдующемъ: «Которые офицеры и солдаты за раны и за старостью отставлены будутъ отъ службы, а собственного своего пропитанія не имѣютъ, онымъ надлежитъ учинить разсмотрѣніе, и о награжденіи имъ пропитанія». — Въ дополненномъ видѣ проектъ М. Грекова напечатанъ, по списку И. П. Шульгина, въ «Памятн. нов. русск. ист.» В. Кашпирева, т I, отд. II, с. 4—5; здѣсь названъ онъ *первымъ проектомъ*. Послѣ 10-го п. напечатано: «у сего 330 рукъ приложено, въ томъ числѣ» (слѣдуетъ перечисленіе 28-ми лицъ, первоначально подписавшихъ проектъ); затѣмъ означено: «въ такой силѣ мнѣніе объявлено лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка отъ штабъ и оберъ-офицерамъ». Въ Государственномъ Архивѣ мы не нашли Шульгинской редакціи, тамъ находится только двѣ копии мнѣнія М. Грекова въ первоначальной редакціи, за подписью 28 лицъ. — См. ниже наше примѣч. 12-е.

⁽⁵⁾ См. Списокъ всѣхъ лицъ, подписавшихъ шляхетскіе проекты — во II-мъ приложеніи къ наст. изслѣдованію.

Копія съ шляхетскихъ проэктвъ имѣють весьма важное значеніе для опредѣленія той торопливости, съ которой составлялись и подавались проэкты. Нѣсколько „согласниковъ“ собирались, набрасывали проэктъ, который и получалъ названіе по фамиліи перваго подписавшагося подъ нимъ; иногда проэктъ подавался въ этомъ видѣ въ Верховный Совѣтъ (такъ были поданы проэкты Алабердеева, Колычова, Матюшкина и проэктъ 25-ти); но когда первоначальные составители проэкта хотѣли приобрести возможно большее число согласниковъ, тогда циркулировались по разнымъ шляхетскимъ кружкамъ („компаніямъ“, какъ тогда выражались) или самый проэктъ, или копія съ него, которыя и покрывались новыми подписями, какъ то было съ проэктомъ кн. Черкасскаго и съ проэктами большинства. Нѣкоторые подписывались по нѣскольку разъ подъ разными проэктами. Очевидно, иные дѣлали это въ торопяхъ, забывая, что уже подписали другой проэктъ, что было весьма возможно, при отсутствіи существенныхъ различій между нѣкоторыми проэктами, иные же измѣняли свои мнѣнія относительно подробностей какого нибудь проэкта и присоединялись къ другому (*).

Верховный Совѣтъ предложилъ шляхетству передавать „мнѣнія“ по р а н г а м ъ, но такъ какъ было шляхетство и безъ ранговъ, то проэкты стали подаваться отъ различныхъ шляхетскихъ компаній, которыя группировались около „персонъ“, выдающихся или своимъ служебно-общественнымъ положеніемъ, или нравственнымъ вліяніемъ на тѣхъ или другихъ лицъ изъ шляхетства; нѣкоторые собирались у своихъ родныхъ и пріятелей. Такъ возникли проэкты кн. Черкасскаго, Алабердеева, Грекова и другихъ. О порядкѣ и характерѣ совѣщаній въ „компаніяхъ“ и о самомъ процессѣ выработки и составленія проэктвъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія В. Н. Т а т и щ е в ъ (').

(*) См. Приложение II-е.

(') «Утро», сборникъ Погодина на 1859 г., с. 369—375, см. записку Татищева: «Произвольное и согласное разсужденіе и мнѣніе собравшагося шляхетства русскаго о правленіи государственнымъ». — Въ приведенныхъ подлинныхъ словахъ Татищева сдѣланы исправленія по неизданному списку.

Проектъ, поданный княземъ Черкасскимъ, былъ составленъ Татищевымъ и прочитанъ по пунктамъ по два раза, „въ немалыхъ собраніяхъ, бывшихъ 2 февраля въ домѣ сенатора Васи́лія Яковлевича Новосильцева, а подписанъ тридцатью девятью лицами только 4 февраля. Не согласившіеся съ этимъ проектомъ распались на нѣсколько группъ: одна изъ нихъ, большинство шляхетства, подала тождественные проекты Секиотова, Алабердеева и М. Грекова—другая разбилась на разные проекты меньшинства.

Собравшееся у В. Я. Новосильцева шляхетство разсуждало о слѣдующихъ вопросахъ:

1) По кончинѣ государя безнаслѣдственнаго, имѣеть-ли кто надъ народомъ власть повелѣвать?

2) Кто въ такомъ случаѣ можетъ каковъ законъ или обычай застарѣлый переимѣнить и новый учинить?

3) Ежели нужно самовластное древнее правительство переимѣнить, то прежде разсудить, какое по состоянію народа и положенію за лучшее?

4) Кому и какимъ порядкомъ оное учрежденіе сочинить?

Татищевъ представлялъ слѣдующія соображенія:

По первому вопросу. Съ кончиною безнаслѣдственнаго государя власть его и законы имъ изданные прекращаются, „а остаются равны во общенародіи въ ихъ прежнемъ станѣ, и никто ни надъ какимъ ни малѣйшей власти не имѣеть, доколѣ послѣдовавшій государь оныхъ паки утвердитъ, или, отрѣша, иныхъ опредѣлитъ; но между тѣмъ, чтобъ нужная расправа и правленіе не пресѣклись, *общенародіе* уступаетъ имъ токмо ту власть, какову по прежнимъ законамъ, каковъ прежде имѣли, а болѣе безъ точнаго опредѣленія отъ народа никакъ требовать не могутъ“.

По второму. „Когда государя нѣтъ, то и его позволенія, ни утвержденія быть, яко же и отъ его имени издать, не можно; слѣдственно, никакой законъ или порядокъ переимѣнить никто не можетъ, развѣ общенародное соизволеніе“.

По третьему вопросу Татищевъ отвѣчаетъ всовершенно подробно, такъ какъ самый вопросъ сложенъ и лаженъ. Онъ разсматриваетъ прежде всего три формы правленія: 1) монархію, или единовластіе, 2) аристократію, или

избранныхъ правительство, 3) демократію, или общественное правленіе,—а затѣмъ правительство смѣшанное. Изъ нихъ „каждая область избираетъ, разсмотрѣвъ положеніе мѣста, пространство владѣнія и состояніе людей, а не каждое всюду годно, или каждой власти можетъ быть полезно“. Далѣе онъ указываетъ на современныя ему европейскія государства, имѣющія одну изъ этихъ формъ правленія, а затѣмъ останавливается на вопросѣ,—который изъ перечисленныхъ имъ видовъ правленія примѣнимъ къ Россіи? Онъ приходитъ къ заключенію, что для Россіи пригодна одна монархія, по нашимъ географическимъ и историческимъ условіямъ. Демократія въ Россіи, по его мнѣнію, не приложима, „ибо пространство великое государства тому препятствуетъ“. „Аристократія“,—продолжаетъ онъ,—„насъ довольно вредомъ приключительнымъ научила: для сего нужно исторически прежде бывшее вспомнить“. Въ виду этого Татищевъ представляетъ краткій обзоръ исторіи Россіи отъ Рюрика до Петра Великаго включительно, слѣдя постоянно за „вредомъ“ аристократіи. Отъ Рюрика до удѣловъ—въ Россіи, по его мнѣнію, правленіе было монархическое, и въ ней въ то время господствовали просвѣщеніе, торговля и спокойствіе. Удѣльные князья, не повинаясь великимъ князьямъ, ввели аристократію: настало время бѣдствій—князья враждовали другъ съ другомъ и, обезсиленные этимъ, подпали подъ власть татаръ, а Литовцы многую часть отъ государства отторгнули. Іоаннъ Грозный, котораго Татищевъ называетъ „великимъ“, „осмѣлился ту аристократію истребить“. Съ нимъ воскресла монархія и вмѣстѣ съ тѣмъ сила Россіи; такъ дѣла шли до смерти Годунова. Изъ эпохи смутнаго времени Татищевъ останавливается на „коварномъ избраніи Шуйскаго“. Зависть въ томъ Голицына и другихъ—говоритъ Татищевъ,—„привели на новое безпутство: взяли на государя запись, которою всю власть у государя отнявъ, себѣ похитили, подобно какъ и нынѣ; но что изъ того послѣдовало? Крайнее государства разореніе. Поляки и Шведы многіе древніе русскіе предѣлы отторгнули и овладѣли“. „Царя Михаила Феодоровича, хотя избраніе было порядочно всенародное“—продолжаетъ Татищевъ—„да съ такою же записью, чрезъ что онъ не могъ ничего учинить, но радъ былъ покою“. Дальнѣйшее возстановленіе самодержавія Татищевъ

объясняетъ слѣдующимъ образомъ: царь Алексѣй Михайловичъ возвратилъ себѣ часть „самовластія“ (подъ самовластіемъ Татищевъ разумѣетъ монархію, а не деспотизмъ), „получа случай“ самому въ Польшѣ войскомъ управлять“ (здѣсь разумѣется первая война Алексѣя Михайловича съ королемъ польскимъ Яномъ Казиміромъ въ 1654 г.). Окончательной пользѣ для государства отъ его самовластія воспрепятствовалъ „властолюбивый“ патріархъ Никонъ. „Петръ Великій“—заканчиваетъ свои доводы Татищевъ—„все оное усугубилъ, и большую нежели его предки себѣ и государству самовластіемъ честь, славу и пользы принесъ, какъ то весь свѣтъ можетъ засвидѣтельствовать; и посему довольно всякъ благоразумный видѣть можетъ, колико самовластное правительство у насъ всѣхъ прочихъ полезнѣе, а прочія опасны“.

На эти доводы были представлены Татищеву возраженія шляхетства.

Ему прежде всего ставили на видъ, какъ не всегда безопасно „единому человѣку великую власть надъ всѣмъ народомъ дать, ибо какъ бы мудръ, справедливъ, кротокъ и прилеженъ ни былъ, безпогрѣшенъ и во всемъ достаточенъ быть не можетъ; коль же паче когда страстямъ своимъ дастъ волю, то нужно наглымъ, несправымъ насиліямъ и глумленіямъ не повинныхъ происходить“. Второе возраженіе было относительно власти временщиковъ. „Временщикъ“—возражали Татищеву—„равно самовластенъ и еще изъ зависти болѣе другихъ губить, особливо если подлордныи, или иноземецъ, то папаче знатныхъ и заслуженныхъ государству ненавидятъ, гонятъ и губятъ, а себѣ ненасытно имѣнія собираютъ“. Въ этомъ возраженіи нельзя не видѣть весьма понятной злобы шляхетства противъ произвола Милославскаго и Лихачевыхъ, а въ особенности противъ Монса, Меншикова и князей Долгорукихъ. Третье возраженіе касалось большого мѣста тогдашняго шляхетства—тайной канцеляріи, „вымышленной свирѣпымъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ“. „Тайная канцелярія“—говорили оппоненты Татищева—„въ стыдъ и поношеніе предъ благоразсудными народами, а государству разореніе; ибо за едино неосторожно-сказанное слово пытаются, казнять, и дѣтей невинныхъ имѣнія лишаютъ“.

Для опроверженія перваго возраженія Татищевъ приводитъ сравненіе государственнаго устройства съ домашнимъ шляхетскимъ хозяйствомъ, а власть монарха сравниваетъ съ властью родительской. „Если же такой несмысленный случится“,—говоритъ онъ—„что ни самъ пользы не разумѣть, ни совѣта мудрыхъ не принимаетъ и вредъ производить, то можно принять за божеское наказаніе“. Со вторымъ возраженіемъ Татищевъ соглашается, но утверждаетъ, что временщики являются болѣе въ республикахъ, примѣры чему можно видѣть въ исторіи греческой и римской; тамъ „усилился нѣкоторые вельможи междоусобіемъ великія разоренія напесли; и сего намъ н а и п а ч е о п а с а т ь с я д о л ж н о, чего въ монархіи едва въ примѣръ сыскать можемъ-ли“. Временщиковъ онъ раздѣляетъ на „неистовыхъ“ и „благоразумныхъ и вѣрныхъ“. Къ первымъ онъ относитъ Скуратова и Басманова, Милославскаго, Мевшикова, Толстаго и другихъ (очевидно умалчивая о Долгорукихъ); ко вторымъ: Мстиславскаго, Романова, Шуйскаго, Бориса Морозова, Стрѣшнева, Богдана Хитрова, Языкова и кн. В. В. Голицына. „Эти послѣдніе великую честь и благодареніе вѣчно заслужили“—говоритъ онъ—„хотя нѣкоторые по несправости другихъ въ несчастіи жизни оковчили“. На третье возраженіе, о тайной канцеляріи, Татищевъ замѣчаетъ, что „она, если токмо челоуѣку благочестному поручится—нимало не вредна; а злостные и нечестивые, не долго тѣмъ наслаждаяся, сами исчезаютъ“.

Соображенія свои по четвертому вопросу, возникшему на шляхетскихъ совѣщаніяхъ: кому и какимъ порядкомъ оное учрежденіе (т. е. измѣненіе въ государственномъ устройствѣ) сочинить?—Татищевъ излагаетъ въ своемъ проектѣ государственныхъ преобразованій. Вступленіемъ къ этому проекту служитъ слѣдующая многознаменательная тирада: „О государынѣ императрицѣ (Авѣ Іоанновѣ) *хотя мы ея мудростію, благонравіемъ и порядочнымъ правительствомъ въ Курляндіи довольно увѣрены*“—говоритъ Татищевъ,—„однакожь какъ есть персона женская, къ такимъ многимъ трудамъ неудобна; пачежь ей знаніе законовъ не достаетъ; для того на время, доколь намъ Всевышній мужескую персону на престолъ даруетъ, потребно пѣ что для помощи ея величеству *вновь учредить*“. Это-то „пѣ что“ и заключается

изъ тѣхъ государственныхъ преобразованіяхъ, которыя излагаетъ проектъ кн. Черкаскаго.

Направленіе мысли шляхетства на собраніяхъ у Новосильцева опредѣляется изъ дальнѣйшихъ подробностей, передаваемыхъ Татищевымъ.

Какъ видно, шляхетство всесторонне обсуждало вопросъ объ избраніи Анны Іоанновны и о томъ, кому принадлежитъ право избранія? При обсужденіи этого вопроса шляхетство, весьма естественно, обращалось за историческими справками къ Татищеву, мнѣнія котораго объ избраніи Годунова, Шуйскаго и царя Михаила Ѳеодоровича мы привели выше. Возрѣніе свое на избраніе Анны Іоанновны Татищевъ выражаетъ очень ясно въ началѣ своей записки. Онъ упрекаетъ верховниковъ за то, что они „надлежащій порядокъ избранія преступили“, избравъ курляндскую герцогиню тайкомъ отъ всѣхъ, „ибо“—говоритъ онъ—„сіе не есть наслѣдства порядочнаго объявленіе, но избраніе и тѣкое, какаго отъ начала государства въ Руси не бывало. А хотя избранія три было“—продолжаетъ Татищевъ,—яко царя Бориса Годунова, Василия Шуйскаго и Михаила Романова, но всѣ оныя *никакихъ наслѣдниковъ* къ тому (т. е. русскому престолу) не имѣли. *Избранія же и оныя два порочны, что избрали не порядкомъ*: въ первомъ было принужденіе, во второмъ коварство. *А по закону естественному избраніе должно быть согласіемъ всѣхъ подданныхъ, нѣкоторыхъ персонально, другихъ чрезъ повѣренныхъ*, какъ такой порядокъ во многихъ государствахъ утвержденъ, а не чetyремъ, или пяти человѣкамъ, какъ то нынѣ весьма *непорядочно учинено*“.

Такимъ образомъ, избраніе государя послѣ смерти безнаслѣдственнаго“ являлось для шляхетства естественной формой возстановленія верховной власти въ странѣ“, „но это избраніе должно быть произведено *„согласіемъ всѣхъ подданныхъ“*, а не нѣкоторыхъ случайныхъ и самозванныхъ рѣшителей судебъ государства. „Общевародіе“, по убѣжденію шляхетства, есть лучшая гарантія противъ злоупотребленій власти. Главное обвиненіе верховниковъ со стороны шляхетства заключается не въ томъ только, что они ограничили власть Анны Іоанновны, а главнымъ образомъ въ томъ, что они поступили въ этомъ случаѣ „ко арпо“, какъ бояре въ началѣ XVII в. поступили съ Шуйскимъ, что они,

сочинивъ „пункты“, сдѣлали это тайкомъ отъ остальныхъ сословій, причемъ обманули ихъ и избранную императрицу: сословіямъ объявили, что императрица сама, „по своей волѣ, учинила“ ограниченіе своей власти, а императрицѣ сказали, что это дѣлается по волѣ всей націи; затѣмъ обвинялись они въ томъ, что принуждали шляхетство „подъ образомъ слышанія оное (ограниченіе власти) подписками утвердить, яко бы мы (шляхетство) той ихъ явной продерзости согласовали“. „А понеже“ — заключаетъ Татищевъ свое обвинительное слово, — „что они (верховники) надъ пристойность и законъ самовольно власть себѣ похитили, выключая достоинство и преимущество *всего шляхетства и другихъ сановъ, что намъ должно и необходимо нужно прилежностію рассмотреть и потому представить что къ пользѣ государства надлежитъ, и оное свое право защищать по крайней возможности, не давая тому закоснѣть, а паче опасаться что они, если видя насъ въ оплошности, на большій безпорядокъ не дерзнули*“. Татищевъ опасается, чтобы верховники съ теченіемъ времени не присвоили себѣ такой же власти, какъ нѣмецкіе курфюрсты, которые „такъ усилились, что цесарь уже никакой власти не имѣетъ, а они стали повелителями“. Противъ самаго избранія Анны Іоанновны шляхетство не протестовало по тому, „что весь народъ персоною ея величества доволенъ и никто не спорить“. Всѣ усилія своего проэкта шляхетство предназначаетъ для будущаго времени, опасаясь такихъ же смутъ, какія настали при Василии Шуйскомъ, если не будетъ на этотъ случай точнаго закона о государственномъ правленіи. „Токмо сіе должно протестовать на предка и сочинить на такой нечаянный случай законъ, что оттого безпорядка не воспослѣдовало, а какъ коварнымъ избраніемъ Василия Шуйскаго все государство въ смятеніе и крайнее разореніе приведено было“, — говоритъ Татищевъ.

Шляхетство весьма подробно обсуждало также и вопросъ о томъ, кому принадлежитъ въ государствѣ право составленія и изданія законовъ? Анна Іоанновна признавалась „къ тому неудобною — понеже есть персона женская, паче же ей знанія законовъ не достаеетъ“, но для ослабленія укора Аняѣ Іонновнѣ, шляхетство ссылается на авторитетъ Петра Великаго. „Петръ Великій, хотя и мудрый государь былъ, но въ своихъ законахъ многое ус-

мотрѣлъ что замѣнить пужво, для котораго велѣлъ всѣ оныя собравъ разсмотрѣть и вновь сочинить; того ради лучше оное прежде изданія разсматривать, нежели издавъ перемѣнять, что съ честію монарха не согласуетъ; оное же сочиненіе никакъ невозможно одному повѣрить, хотя бѣ онъ искусенъ и въ намѣреніи ни коея собственныя страсти не имѣлъ, по природѣ легко погрѣшить можетъ“.

Верховный Совѣтъ зорко слѣдилъ за сборищами шляхетства, вслѣдствіе чего они должны были происходить тайно и съ великою опасностію“. Верховники хотѣли запугать своихъ противниковъ, распуская слухъ, что руководители оппозиціи будутъ строго и примѣрно наказаны. Теофанъ Прокоповичъ такъ рассказываетъ объ этихъ угрозахъ со стороны верховниковъ.

„Нарочію отъ нихъ (верховниковъ) разсѣвался слухъ о страшныхъ на противниковъ своихъ угроженіяхъ, и что мятежныя ихъ сонмища Верховному Совѣту гораздо вѣдомы, и что непокойныя оныя головы судятся, яко непріатели отечествія, и скоро пошлется, или уже и послано, ловить ихъ за арестъ, и что дурно они на множество свое уповаютъ, понеже въ числѣ верховныхъ и главные полководцы обрѣтаются, и что ни кому изъ нихъ утѣтятся и избѣжать бѣды—нельзя, понеже не многіе пойманные покажутъ на пыткахъ и прочихъ, и явится кто каковой казни достойны будутъ“^(*).

Весьма естественно, что такія инсинуаціи со стороны верховниковъ не могли не подѣйствовать на многихъ изъ шляхетства, „особливо на маломощныхъ“—какъ выражается тотъ же Теофанъ. Эти „маломощные“ до того трусили, что опасались оставаться въ собственныхъ своихъ домахъ, перебѣгали отъ одного знакомаго къ другому, и то ночью, переодѣтые и подъ чужимъ именемъ^(*). Этимъ страхомъ объясняются, между прочимъ, сдѣлки, въ которыя вошло съ Верховнымъ Совѣтомъ большинство шляхетства и значительныя уступки, находящіяся въ проектахъ меньшинства.

Переходимъ къ разсмотрѣнію самыхъ проектовъ.

(*) «Сказаніе», с. 201.

(*) Ibid.

Проектъ кн. Черкасскаго, написанный Татищевымъ, отличается отъ остальныхъ проектовъ цѣльностью, полнотою и систематичностью изложенія. По всему видно, что авторъ этого проекта былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ и ученѣйшихъ людей своего времени ⁽¹⁰⁾. Раздѣляясь на 10 пунктовъ, проектъ излагаетъ государственныя преобразованія весьма подробно.

Организаціи центральнаго правительства посвящены первые четыре пункта. 1) Верховный Тайный Совѣтъ упраздняется, а вмѣсто него учреждается при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, „въ помощь ея величеству“, „Вышнее Правительство“, сенатъ, состоящій изъ *двадцати одной* персоны; (въ это число входитъ наличный составъ Верховнаго Тайнаго Совѣта). 2) Чтобы не отягчать сената дѣлами внутренней экономіи, учреждается *другое правительст-во* изъ *ста* персонъ, имѣющее двоякія собранія: постоянныя и періодическія. Для постоянныхъ собраній члены этого правительства раздѣляются на три группы, въ каждой по тридцати слишкомъ лицъ, которыя и засѣдаютъ по очереди въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ. Эти постоянныя собранія называются „Нижнимъ Правительствомъ“. Въ періодическихъ собраніяхъ участвуютъ всѣ сто человекъ. Собранія эти именуются „Вышнимъ Собраніемъ“ и происходятъ три раза въ годъ, для разсмотрѣнія важныхъ дѣлъ; кромѣ того они созываются въ чрезвычайныхъ случаяхъ (кончины государя, войны и т. п.) въ особое засѣданіе, продолжающееся не болѣе мѣсяца. 3-й пунктъ излагаетъ порядокъ замѣщенія членовъ Вышняго и Нижняго Правительствъ и другихъ высшихъ должностей въ службѣ гражданской и военной. На „упалыя мѣста“ (ваканціи) въ вышнемъ собраніи, сенатѣ и коллегіяхъ (президентовъ и вице-президентовъ) и на должности губернаторовъ, вице-губернаторовъ и главныхъ командировъ войскъ—кандидаты избираются въ общемъ засѣданіи сената и вышняго

---

(10) «Утро» 1859 г., с. 375—377. — Незданный списокъ л. 9—12. Въ Государственномъ Архивѣ проекта, составленнаго Татищевымъ, не находится. — Испанскій посолъ герцогъ де-Лирія, передавая проектъ подъ именемъ проекта кн. Черкасскаго, копируетъ его изъ проектовъ большинства и двадцати-пяти. (См. «XVIII в.», II, 39—40).

собранія; въ выборѣхъ президентовъ и вице-президентовъ коллегій участвуютъ также всѣ наличные коллежскіе президенты, а въ избраніи воинскихъ чиновъ всѣ наличные генералы. Далѣе подробно излагается самый порядокъ избранія: составляется списокъ всѣхъ кандидатовъ по рангамъ и прочитывается избирателямъ герольдмейстеромъ; каждый избиратель пипетъ на билетикѣ одно имя, „кого за достойнаго мнить“ и кладетъ въ „скрынь“ (ящикъ); билетики при всѣхъ разбираются, составляется новый списокъ, въ которомъ означается количество полученныхъ каждымъ кандидатомъ билетиковъ, и на основаніи этого закрытой баллотировкой выбираютъ трехъ кандидатовъ:—одного изъ нихъ императрица утверждаетъ по своему выбору. Впрочемъ дозволяется ограничить выборъ одними записками и изъ получившихъ по нимъ большинство голосовъ представлять трехъ кандидатовъ на утвержденіе императрицы. Пунктъ объ избраніи заканчивается слѣдующими словами: „черезъ сей способъ можно во всѣхъ правленіяхъ людей достойныхъ имѣть, не смотря на высокородство, въ которыхъ много негодныхъ въ чины произходятъ“. 4-й пунктъ касается изданія законовъ. Послѣ доказательства невозможности сочиненіе закона одному повѣрить, хотя-бъ онъ искусенъ и въ намѣреніи никоея собственныхъ страсти не имѣлъ, (но) по природѣ легко погрѣшить можетъ“,—предлагается слѣдующій способъ составленія закона: „какъ скоро ея величества повелѣніе будетъ какой законъ сочинить, оный послать во всѣ коллегіи, чтобъ довольно разсмотрѣли, и чрезъ нѣсколько дней сочиня каждая общее, или кто собственное свое, въ собраніи вышнему правительству объявили, и по довольномъ разсужденіи сочиня, ея величеству ко утвержденію представили“.

5-й пунктъ ограничиваетъ число членовъ изъ одной фамиліи въ Вышнемъ Правительствѣ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ. „Въ Вышнемъ Правительствѣ не быть двумъ членамъ одной фамиліи, а въ нижнемъ и въ Kollegіяхъ не присутствовать вмѣстѣ близкимъ родственникамъ“. Татищевъ не высказывается прямо противъ Голицыныхъ и Долгорукихъ, на которыхъ главнымъ образомъ направлены эти стрѣлы, а какъ-бы вскользь замѣчаетъ: „весьма безпорядочно бываетъ когда въ одномъ правленіи отецъ съ сыномъ, или два брата, и дядя съ племянникомъ, тестъ съ зятемъ при-

сутствуютъ, которое равно какъ бы одному два голоса присвоены были“.

6-й пунктъ касается политическихъ арестовъ и процессовъ. Тайная канцелярія не упраздняется, но преобразовывается: сенатъ назначаетъ въ нее двухъ депутатовъ, каждый разъ на мѣсячный срокъ, „чтобъ смотрѣли на справедливость“. При арестахъ назначается отъ полиціи одинъ депутатъ, непременно изъ знатныхъ людей; обязанность его заключается въ наблюденіи за цѣлостію „ножитковъ“ арестуемаго.

Пункты 7-й и 10-й специально посвящены правамъ и преимуществамъ шляхетства. 7-й пунктъ предлагаетъ „лучшіе способы для произвожденія шляхетства въ *войскахъ* и *гражданствѣ*“. Способы эти слѣдующіе: 1) устройство во всѣхъ городахъ училищъ, съ обезпеченіемъ ихъ помѣщеніемъ и ежегоднымъ содержаніемъ, 2) опредѣленіе срока для шляхетской службы: молодые шляхтичи должны поступать на службу не моложе *восемнадцати* лѣтъ, и болѣе *двадцати* лѣтъ въ военной службѣ не служить, 3) исключеніе шляхетства изъ матросовъ и ремесленниковъ, 4) приведеніе въ извѣстность „подлипаго шляхетства“; для этого составить во всемъ государствѣ росписъ стариннаго шляхетства, въ которую вносить также шляхтичей—потомковъ солдатъ, гусаръ, однопорцевъ и подъячихъ, имѣвшихъ жалованныя грамоты на шляхетство, или на деревни; тѣхъ же изъ этой послѣдней категоріи, которые жалованныхъ грамотъ не имѣютъ, „хотя-бы и многія деревни имѣли“, совершенно исключить изъ шляхетскихъ списковъ, вписавъ ихъ въ особую книгу. 10-й пунктъ отменяетъ законъ о единонаслѣдіи и совѣтуетъ сочинить „о паслѣдованіи шляхетскими имѣніями достаточный законъ“ на основаніи Уложенія царя Алексѣя Михайловича.

8-й пунктъ касается духовенства, преимущественно сельскаго. „Духовенство въ ихъ доходахъ разсмотрѣть, чтобъ дѣревенскіе могли дѣтей своихъ въ училищахъ содержать и сами не пахать; а у которыхъ есть избытки, оныя на полезныя Богу и государству дѣла употреблять“.

9-й пунктъ, о льготахъ купечества, предлагаетъ совершенно освободить его отъ постоевъ, избавить отъ утѣсненія вообще и „подать способъ къ размноженію мануфактуръ и торговъ“.

Проектъ заканчивается слѣдующимъ прошеніемъ къ Верховному Совѣту: „сіе предоставля Верховному Совѣту, требовать, чтобъ опредѣлили, *выбравъ восемь шляхетствомъ къ разсмотрѣнію сего людей достойныхъ, не меньше ста человекъ. И чтобъ сіе не опущая времени начать; о томъ прилежно просить, чтобъ конечно того жъ дня или на завтра, чрезъ герольдмейстера, шляхетству о собраніи объявить, и покои для того назначить*“.

Проектъ Секіотова идетъ на компромиссъ съ Верховнымъ Совѣтомъ, оставляя ему прежнее значеніе, но увеличивая число его членовъ до двадцати одного и переименовывая въ Высшее Правительство⁽¹¹⁾. Вслѣдствіе этого не опредѣляются обязанности Высняго Правительства, но изъ втораго пункта прозкта (о сенатѣ) можно заключить, что оно имѣетъ кромѣ верховной правительственной власти и власть верховно-судебную. Сенатъ, въ составѣ одиннадцати членовъ, является учрежденіемъ вспомогательнымъ, для „отправленія протчихъ дѣлъ“, какъ сказано въ проэктѣ. По краткости редакціи, трудно заключить, какой кругъ дѣйствій опредѣляется сенату,—можно лишь догадываться, что ему дается то самое мѣсто, которое онъ занималъ при Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ.

Генералитетъ и шляхетство выбираютъ кандидатовъ на должности членовъ Высняго Правительства и сената, а также губернаторовъ и президентовъ коллегій. Проектъ не опредѣляетъ, кто утверждаетъ этихъ кандидатовъ, но за то указываетъ составъ избирательнаго собранія, въ которомъ должно быть не менѣе ста человекъ; въ это собраніе допускается только по два избирателя отъ каждой фамиліи, а кандидатовъ выбирается по одному, при чемъ члены этой фамиліи не участвуютъ въ выборѣ.

Для обсужденія „важныхъ государственныхъ дѣлъ“, а также „и что потребно будетъ впредь сочинить въ дополне-

---

⁽¹¹⁾ Подлинникъ хранится въ Государственномъ Архивѣ, разд. III, д. № 6, л. л. 16 — 24. Варіантомъ къ этому подлиннику (только относительно нѣкоторыхъ выраженій) служить напечатанный въ сборникѣ Каширева проэктъ, подъ именемъ *перваго* шляхетскаго прозкта (См. выше примѣч. 4-е).

ніе уставовъ, принадлежащихъ къ государственному правительству“—должны созываться въ общее собраніе: Вышнее Правительство, сенатъ, генералитетъ и шляхетство. Такимъ образомъ, это собраніе, имѣющее рѣшающій характеръ, является высшей правительственной инстанціей.

Сравнивая проектъ кн. Черкаскаго съ проектомъ Секіотова, мы встрѣчаемъ въ послѣднемъ, относительно льготъ шляхетству, различія трехъ видовъ: къ *первому* принадлежатъ предположенія проекта кн. Черкаскаго, о которыхъ проектъ Секіотова совершенно умалчиваетъ, (учрежденіе училищъ и приведеніе въ извѣстность „подлиннаго шляхетства“); *второй* — составляетъ тѣ требованія, съ которыми проектъ Секіотова солидаренъ въ общемъ, но расходится въ подробностяхъ (назначеніе двадцатилѣтняго срока службы шляхтичамъ, безъ опредѣленія лѣтъ для поступленія на службу; отмѣна обязательнаго поступленія въ матросы и обученія ремесламъ, съ требованіемъ разсмотрѣть существующія объ этомъ правила; наконецъ, уничтоженіе закона о „единоваслѣдіи“, при устанавленіи новыхъ правилъ для наслѣдованія вотчинъ). Къ *третьему* виду относится одно совершенно новое требованіе—объ улучшеніи быта офицеровъ и объ исправной выдачѣ имъ жалованья въ установленные сроки.

О духовенствѣ проектъ выражается общими фразами; о купечествѣ говоритъ согласно съ первымъ проектомъ, пропуская только умноженіе мануфактуръ и торговли, а затѣмъ касается положенія крестьянъ, о чемъ первый проектъ совершенно умалчиваетъ. Проектъ Секіотова паходитъ необходимымъ дать имъ облегченіе въ податяхъ. Всѣ льготы духовенству, купечеству и крестьянству предполагается привести въ исполненіе послѣ подробнаго изслѣдованія нуждъ этихъ сословій. Не забыто и тяжелое въ то время положеніе русскаго солдата: проектъ считаетъ нужнымъ озаботиться о „порядочномъ произвожденіи солдатъ“⁽¹⁾.

---

(1) Проектъ Алабердева и первоначальная редакція проекта М. Грекова совершенно тождественны съ проектомъ Секіотова. Подлинникъ проекта Алабердева хранится въ Государственномъ Архивѣ, разд. III, дѣло № 6, л. 23.—Тамъ же находятся и двѣ черновыя копіи первоначальной редакція проекта Максима Грекова (за подписью 28

Мнѣнія меньшинства шляхетства выражаются въ четырехъ проэктахъ: графа Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина, Степана Андреевича Колычова, Михаила Леонасѣевича Матюшкина и въ проэктѣ двадцати-пяти.

Мнѣніе графа Мусина-Пушкина, подписанное имъ однимъ, дошло до насъ только въ извлеченіи и то весьма неопредѣленномъ. „Къ правленію государственному“—читаемъ мы въ этомъ извлеченіи—„надлежитъ прибавить членовъ, а выбрать опытъ общимъ совѣтомъ изъ фамилныхъ и генералитета и изъ знатнаго шляхетства, и во ономъ государственномъ правленіи не быть болѣе двухъ персонъ одного рода“⁽¹³⁾. Поясненіемъ и дополненіемъ такого краткаго извлеченія служить анонимная записка, содержаніемъ своимъ близко подходящая къ вышеизложенному мнѣнію. Записка эта дошла до насъ въ двухъ черновыхъ вариантахъ⁽¹⁴⁾. Мы приводимъ ея содержаніе по первому изъ нихъ, указывая въ примѣчаніяхъ отличіе второго.

лицъ)—разд. III, д. № 4, л. л. 50 — 51. Порядокъ фамилій въ подписяхъ обѣихъ копій различенъ; кромѣ того, вторая копія представляетъ нѣкоторые, не важные впрочемъ, варианты, (въ выраженіяхъ только) первой копій. По списку Государственного Архива проэктъ М. Грекова помѣщенъ въ нѣмецкихъ переводахъ: а) въ неизданныхъ депешахъ прусскаго посланника А. Мардефельда (депеша № 126), в) въ книгѣ Шмидтъ-Фишелядека: «Materialien zu der Russisch. Gesch» (Bd. II, S. 391, 397).—Современные нѣмецкіе переводы, но по частнымъ спискамъ (съ измѣненіями и пропусками) помѣщены въ «Europäische Fama» 1730, (т. 328, с. 317—318) и въ «Nationen Gespräche» (23 Entrevue, S. 442 — 443). Какъ кажется, именно проэктъ М. Грекова слѣдуетъ разумѣть подъ вторымъ мнѣніемъ, изложеннымъ въ черновой запискѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта (Государств. Архивъ, разд. III, дѣло № 6, л. 6—7), «Подъ симъ мнѣніемъ»—читаемъ мы въ названной запискѣ—«подписалось: генералъ-лейтенанта 3, статскихъ того ранга 4, генералъ-майоровъ 9, статскихъ и придворныхъ того ранга 13, оберъ-прокуроръ синода, всего 30 человекъ».—Изложеніе этого проэкта по запискѣ Верховнаго Совѣта напечатано въ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева, т. XIX, с. 256—257.

⁽¹³⁾ Госуд. Арх., разд. III, дѣло № 6 л. 7; перепечат. у С. М. Соловьева, «Исторія Россіи», т. XIX, с. 257.

⁽¹⁴⁾ Госуд. Арх., разд. III, д. № 4; первый вариантъ, л. л. 6—7; второй вариантъ, л. л. 9—10. Второй вариантъ говоритъ только о верховномъ правленіи и сенатѣ. Въ обѣихъ вариантахъ недостаетъ конца. По всей вѣроятности, далѣе въ запискѣ шла рѣчь о льготахъ шляхетству и другимъ сословіямъ. — Напечатанное въ текстѣ разрядкой, въ подлинникѣ зачеркнуто.

Въ запискѣ очень рѣзко проводится мысль о различіи старинной родовой аристократіи отъ новаго шляхетства: первая называется здѣсь „оамилными особами“, „старыми и знатными оамиліями“, а второе—просто „шляхетствомъ“, при чемъ „генералитетъ“ отнесенъ къ шляхетству. Во главѣ государственнаго управленія ставится Верховное Правленіе изъ 12-ти особъ; это учрежденіе есть ничто иное, какъ существующій уже Верховный Тайный Совѣтъ, съ тою только разницею, что къ его семи членамъ предположено добавить еще пять. Избраніе членовъ, а также и замѣщеніе ихъ, должно происходить посредствомъ выбора трехъ кандидатовъ общимъ собраніемъ Верховнаго Правленія, сената и генералитета военнаго и штатскаго, „которые тогда въ резиденціи случатца“, при чемъ Верховное Правленіе непременно состоитъ изъ одинаковаго количества „оамилныхъ особъ“, и „шляхетства“, во чтобъ болѣе двухъ персонъ изъ одной фамиліи не было“⁽¹⁵⁾. Вакавціи „оамилныхъ“ особъ замѣщаются изъ нихъ же, а на шляхетскія вакавціи выбираются изъ шляхетства⁽¹⁶⁾. Кандидаты на эти мѣста должны быть „люди достойные, умные и къ верховному правленію, какъ во внутреннихъ, такъ и иностранныхъ дѣлахъ, искусные и повѣренные и всему государству доброжелательные, понеже“—замѣчаетъ записка—*„не персоны управляютъ закономъ, а законъ персонами“*. Затѣмъ опредѣляется самый порядокъ совѣщаній въ Верховномъ Правленіи. „И понеже то собраніе“—говоритъ записка—*„не для сопственнотой какой власти быть имѣтъ, точію во опщую пользу всего государства, ради верховнаго правленія учреждено, того ради въ семъ собраніи присутствующимъ имѣтъ голоса равные“*. Число членовъ въ сенатѣ не опредѣлено⁽¹⁷⁾, но требуется, чтобы одна половина ихъ состояла также изъ „оамилныхъ“, а другая изъ „шляхетства“. Сенаторы должны имѣть чинъ не ниже Д. С. С.

---

(15) 2-й вар. прибавляетъ: „чтобъ тѣмъ не могли взять на себя лишней силы въ разсужденіи“ (т. е. въ преніяхъ).—Эти строки во 2-мъ вар. потомъ зачеркнуты.

(16) 2-й вар.: „а тотъ выборъ чинить верховному правленію и сенату опче на одну персону по три человека кандидатовъ“.

(17) 2-й вар., сбоку на листъ: „сенату быть во одиннадцати“.

Обязанности сената состоятъ въ слѣдующемъ: „Оное управленіе имѣеть всѣ дѣла государственныя и расправныя; а буде которыхъ дѣлъ собою рѣшить не могутъ, о тѣхъ представлять Верховному Правленію (написано Верховному Тайному Совѣту)“. Выборъ сенаторовъ происходитъ такъ же, какъ членовъ Верховнаго Правленія, а утвержденіе ихъ производится симъ послѣднимъ. Верховное Собраніе—ставится выше Верховнаго Правительства и сената. Оно собирается „для совѣту и разсужденія, когда случится какое новое и важное дѣло“. Собраніе это состоитъ изъ Верховнаго Правительства, сената, генералитета и „стацкихъ тѣхъ ранговъ“; *въ случаѣ надобности*, въ него приглашается и знатное шляхетство, а при вопросахъ по „духовному правленію“—синодскіе члены и прочіе архіереи, „по усмотрѣнію важности дѣла“, т. е. въ менѣе важныхъ дѣлахъ одни члены синода, а въ болѣе важныхъ—всѣ архіереи.

Проектъ Колычова увеличиваетъ составъ Верховнаго Тайнаго Совѣта отъ двѣнадцати до пятнадцати членовъ, также принимая уже существующихъ членовъ. Проектъ мотивируетъ необходимость увеличенія членовъ слѣдующими соображеніями: „Ежели кто изъ оныхъ заболитъ, или отлучится, чтобъ отъ того въ правленіи замедленія за малолюдствомъ не было“. Другихъ вопросовъ Колычовъ не затрогиваетъ. Мы не знаемъ именъ „согласниковъ“ Колычова, извѣстно только, что подъ его мнѣніемъ подписалось: „брегадировъ два, статскихъ того ранга два, масоръ—одинъ, и того пять членовъ“⁽¹⁸⁾.

Противъ мнѣнія Колычова подалъ проектъ М. А. Матюшкинъ „съ товарищи“.

Соглашаясь съ увеличеніемъ числа членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта отъ двѣнадцати до пятнадцати, „для повсядневнаго правленія“, проектъ Матюшкина говоритъ: „Для важныхъ дѣлъ призвано будетъ общество, какъ показано ниже, въ 6-мъ пунктѣ, и тогда не токъ малолудно, но и многолюдно будетъ“.

⁽¹⁸⁾ Госур. Арх., разд. III, л. № 6, л. л. 8—9. (черновое изложеніе мнѣній, поданныхъ Верх. Тайн. Совѣту) — Эти изложенія напеч. въ XIX т. «Ист. Россіи» Соловьева: (с. 256—257); мнѣніе Колычова у него пропущено.

Проектъ Матюшкина идетъ еще болѣе на компромиссъ съ Верховнымъ Совѣтомъ, чѣмъ проекты Секіотова, Алабердеева, Грекова, гр. Мусина-Пушкина и Колычова. Къ вопросамъ этихъ проектовъ, проектъ Матюшкина присоединяетъ одинъ совершенно новый—объ оставленіи резиденціи въ Москвѣ. Проектъ состоитъ изъ *двѣнадцати* пунктовъ, послѣдній изъ которыхъ заключается въ слѣдующемъ: „На все вышеписанное, ежели за потребно отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта разсуждено будетъ, покорно просимъ исходатайствовать соизволеніе отъ ея императорскаго величества“⁽¹⁰⁾.

По проекту Матюшкина наличные члены Верховнаго Совѣта остаются на своихъ мѣстахъ, а новые члены, „въ прибавокъ“ къ нимъ, выбираются „обществомъ“; по мѣрѣ

⁽¹⁰⁾ Проектъ Матюшкина извѣстенъ въ двухъ редакціяхъ: первая, черновая, безъ подписей.—хранится въ Государственномъ Архивѣ (разд. III, д. № 4, л. л. 54—56); вторая, бѣловая редакція за подписью *пятнадцати* лицъ, напечатана Шмидтъ-Физельдекомъ въ нѣмецкомъ переводѣ, въ его «Materialien zu der Russisch. Gesh.» (Bd. II. S. 394—397).—Кромѣ того изложеніе мнѣнія Матюшкина находится въ черновой запискѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта и перепечатано оттуда въ XIX т. «Ист. Россіи Соловьева (См. выше, примѣч. 18-е). Проектъ Матюшкина въ современномъ ему переводѣ на нѣмецкій языкъ помѣщенъ въ приложеніи къ 128 (неизданной) депешѣ прусскаго посланника А. Мардефельда: въ этомъ переводѣ встрѣчаемъ мы слѣдующія отличія отъ подлинника: а) 10-й п. (о единонаслѣдіи) пропущенъ, а потому проектъ состоитъ изъ *одиннадцати* пунктовъ, б) въ 6-мъ пунктѣ, въ общемъ собраніи Верховнаго Совѣта, генералитета и шляхетства, помѣщенъ и сенатъ. — Имѣется также современный переводъ проекта Матюшкина и на французскій языкъ въ депешахъ саксонско-польскаго посла Лефорта, также съ пропусками и измѣненіями; у Лефорта проектъ состоитъ изъ *одиннадцати* пунктовъ; 10-й пунктъ (о единонаслѣдіи) помѣщенъ, но исключенъ 11-й—(о перенесеніи резиденціи въ Москву); 11-мъ пунктомъ поставленъ послѣдній, 12-й, пунктъ, переданный Лефортомъ такимъ образомъ: «Nous demandons pour l'avantage commun que tous ces articles soient examinés par le haut conseil». (См. Сборн. Русск. Историч. Общ., т. V, с. 364—363). Въ первомъ приложеніи къ нашему изслѣдованію мы помѣщаемъ проектъ Матюшкина въ обратномъ переводѣ по Шмидтъ-Физельдеку, съ указаніемъ отмѣнъ, находящихся въ черновой редакціи Государственнаго Архива.

открытія ваканцій въ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, онѣ замѣщаются тѣмъ же способомъ.

Подъ именемъ „общества“ проэктъ разумѣетъ военный и штатскій генералитетъ и шляхетство. Для вышеозначенныхъ выборовъ „общество“ должно состоять не менѣе, какъ изъ с е м и д е с я т и „персонъ“, при чемъ изъ одной фамиліи не должно быть болѣе двухъ „персонъ“. Проэктъ предлагаетъ двѣ системы выборовъ въ члены Верховнаго Совѣта: по первой системѣ „общество“ выбираетъ на должность каждаго члена по три кандидата, одного изъ которыхъ Верховный Совѣтъ утверждаетъ открытой подачей голосовъ, или закрытой баллотировкой. Вторая система совершенно противоположна первой: Верховный Совѣтъ выбираетъ по своему усмотрѣнію трехъ кандидатовъ, а „общество“ производитъ выборъ изъ нихъ посредствомъ баллотировки. При той и другой системѣ члены Совѣта не могутъ быть избираемы изъ среды лицъ избирающихъ, и въ числѣ кандидатовъ не должно быть болѣе одного члена каждой фамиліи.

Сенатъ состоитъ изъ о д и н а д ц а т и „персонъ“, кругъ его дѣйствій проэктомъ не определенъ, а избраніе въ сенаторы предоставляется „въ волю и разсмотрѣніе Верховнаго Тайнаго Совѣта“, или же производится обществомъ на вышеуказанныхъ основаніяхъ; такимъ точно образомъ происходитъ назначеніе на должности коллежскихъ президентовъ и губернаторовъ (п. 1—5). Изъ 1730 г. въ сенатѣ было восемь членовъ,—проэктъ считаетъ необходимымъ прибавить еще трехъ членовъ, чтобъ сенаторы объѣзжали губерніи и наблюдали за губернаторами и воеводами; проэктъ не означаетъ числа этихъ сенаторовъ-ревизоровъ, выражаясь весьма неясно: „по сколку человекъ за благо разсуждено будетъ“, такъ что даже неизвѣстно, кому предоставляется это „разсужденіе за благо“ — самому сенату, или Верховному Совѣту.

Порядокъ разсмотрѣнія и утвержденія въ общемъ собраніи Верховнаго Тайнаго Совѣта, сената, генералитета и шляхетства—государственныхъ дѣлъ вообще и дѣлъ по государственному управленію въ особенности, — служебныя льготы шляхетству, отмѣну закона о единопослѣдіи, улучшеніе быта офицеровъ и солдатъ и удовлетвореніе пуждъ другихъ сословій—проэктъ Матіепкина опредѣляетъ въ общихъ чертахъ согласно съ проэктомъ Секіотова (п. 6, 7

9 и 10). Частныя его различія заключаются въ слѣдующемъ: онъ не назначаетъ числа лѣтъ обязательной службы шляхетства, высказывая только, что необходимо ограничить эту службу какимъ нибудь срокомъ; въ пунктѣ о единонаслѣдіи упоминаетъ „о послѣднемъ въ фамиліи“ наслѣдникѣ, шляхетства не выдѣляетъ изъ прочихъ классовъ русскаго народа, и послѣ пункта (7-го) „о служебныхъ льготахъ шляхетству, выражается (въ 8-мъ п.) слѣдующимъ образомъ: „шляхетству, духовенству, купечеству и прочимъ, всякому по состоянію въ ихъ нуждахъ учинить удовольствіе въ чемъ возможно, *понеже отъ того зависитъ цѣлостъ и постоянство правленія*; такъ же крестьянству въ податяхъ, по рассмотренію, подлежаще облегченіе учинить“.

Проектъ двадцати пяти намѣревается, повидимому, примирить крайнія требованія проекта кн. Черкаскаго съ болѣе умѣренными желаніями большинства и меньшинства шляхетства. Главное его вниманіе обращено на организацію центральнаго правительства,—о льготахъ шляхетства и другихъ сословій онъ только упоминаетъ ^(2°). Остановимся на важнѣйшихъ его отличіяхъ сравнительно съ рассмотрѣнными проектами.

1) Верховный Тайный Совѣтъ состоитъ изъ шестнадцати персонъ, считая въ этомъ числѣ существующихъ членовъ (п. 1-й). 2) Генералитетъ и шляхетство избираетъ закрытой баллотировкой по три кандидата на ваканціи членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, сената, президентовъ коллегій и губернаторовъ, но не изъ числа избирающихъ; изъ этихъ трехъ кандидатовъ одного утверждаетъ императрица. „А оныя вновь выбалотированные персоны“ — читаемъ въ 3-мъ пунктѣ проекта—„хотя и будутъ присутствовать, а явныхъ заслугъ къ отечеству впредь не покажутъ, то опымъ ранговъ и жалованья противъ нынѣ присутствующихъ, мпится, не давать, а имѣть имъ ранги жалованья прежніе, въ которыхъ они выбалотированы; а когда покажутъ къ отечеству службы,

---

^(2°) Проектъ этотъ напечатанъ по списку И. И. Шульгина въ «Иам. Нов. Русск. Ист.» В. Кашнирева и названъ тамъ *вторымъ проектомъ*. (См. т. I, отд. II, с. 6—7). Мы не нашли этого проекта въ Государственномъ Архивѣ.

тогда по заслугамъ и награждены быть имѣютъ". То же правило распространяется на сенаторовъ, президентовъ коллегій, губернаторовъ и другихъ (п. 4-й и 5-й). 3) Сенатъ, имѣющій титулъ „высокаго“, состоитъ изъ двадцати одной персонъ, считая бывшихъ уже въ то время членовъ. Дѣла въ немъ рѣшаются большинствомъ голосовъ. (п. 4-й). Для выбора вице-президентовъ коллегій, воеводъ и прочихъ гражданскихъ чиновъ—созывается особое собраніе „общества“ не менѣе какъ изъ пятидесяти персонъ; всѣ избранныя служащіе лица утверждаются сенатомъ (п. 5-й). 5) Высшее собраніе состоитъ изъ верховнаго правительства (Верховнаго Тайнаго Совѣта) и шляхетства; сенатъ въ этомъ собраніи не участвуетъ (п. 10-й).

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ разсмотрѣнію проектовъ, не поданныхъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, слѣдуетъ остановиться на конспектѣ шляхетскихъ совѣщаній (проектомъ его назвать нельзя), въ которомъ выразились требованія крайней шляхетской партіи. Вотъ этотъ конспектъ:

1) Сенату быть въ тридцати персонахъ, государынѣ президентствовать и имѣть три голоса, а Верховному Тайному Совѣту не быть.

2) Для дѣлъ малѣйшихъ отлучить съ переменною по годно десять человекъ, а въ государственныхъ дѣлахъ сообщается всѣмъ.

3) Въ члены выбирать въ сенатъ чрезъ балатированье, а чтобы было отъ одной фамиліи не больше двухъ человекъ.

4) Войску быть подъ военными коллегіями, а гвардіи подъ сенатомъ.

5) Придворные чины выбрать вновь.

6) На уопылые мѣста въ сенатъ въ члены, и въ коллегіи въ президенты, и въ губернаторы,—выбирать обществомъ балатированьемъ; а сенату къ выборамъ не вступаться.

7) Впредь что потребно къ исправленію и къ пользѣ государственной явится сочинить сеймъ и утвердить обществомъ.

8) Шляхетство въ военные рядовые чины и въ мастеровые чины не выбирать, а сочинять для оныхъ особливые роты шляхетскіе, а для морскихъ гардемаринъ.

9) Старшинство въ наслѣдствѣ дѣтей—оставить, а дать на волю родителемъ, а ежели родителей у кого не останется, дѣлить по частямъ⁽²¹⁾.

⁽²¹⁾ «Иам. Нов. Русск. Исторія», В. Кашпирева, т. I, отд. II, стр. 7—8.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ въ какой „компаніи“ происходили совѣщанія, программа которыхъ представлена въ этомъ конспектѣ.

Проектъ т р и н а д ц а т и находится въ близкой связи съ вышеизложенными анонимной запиской и проектомъ Матюшкина, представляя въ то же время, сравнительно съ послѣднимъ, нѣкоторыя отличія. Объ этомъ проектѣ прусскій посланникъ Мардефельдъ замѣчаетъ: „Почти все подписавшія его лица принадлежать къ знатнѣйшимъ и старѣйшимъ семействамъ русскаго государства, но такъ какъ въ большинствѣ случаевъ это молодые люди, не занимающіе значительныхъ должностей, то на ихъ предложенія обращаютъ мало вниманія“⁽²²⁾.

Проектъ т р и н а д ц а т и, состоящій изъ одиннадцати пунктовъ, предлагаетъ совершенно ту же организацію центральнаго управленія и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и проектъ Матюшкина, съ тѣмъ только различіемъ, что члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, а равно и сенаторы, президенты коллегій и губернаторы—безусловно избираются изъ числа *трехъ* кандидатовъ, выбранныхъ на эти должности генералитетомъ въ составѣ *восьмидесяти* лицъ (остальные условія избранія тѣ же, что у Матюшкина). Въ томъ же составѣ и на тѣхъ же основаніяхъ созывается, для обсужденія дѣлъ первой государственной важности, собраніе генералитета и шляхетства, при участіи Верховнаго Совѣта и сената. Обязанности сената въ проектѣ тринадцати опредѣляются въ слѣдующихъ словахъ: „Дабы Верховный Совѣтъ множествомъ дѣлъ не обременить, учредить какъ для рѣшенія прочихъ дѣлъ, такъ и для высшаго апелляціоннаго суда *по гражданскимъ процессамъ*, — сенатъ, который долженъ состоять изъ *одиннадцати* членовъ“.

Двухъ послѣднихъ требованій проекта Матюшкина, т. е. оставленія резиденціи въ Москвѣ и соизволенія императрицы—совсѣмъ нѣтъ, за то являются два новыхъ требованія, которыхъ нѣтъ въ проектѣ Матюшкина: первое изъ нихъ вовсе не было заявлено въ шляхетскихъ проектахъ, а второе представляетъ варіантъ двухъ предложеній 7-го пункта проекта кн. Черкаскаго:

⁽²²⁾ Приложение С къ депешѣ отъ 16 марта (н. ст.) 1721, въ не-изданныхъ депешахъ, № 128.

п. 5) На государственной службѣ каждый служащій имѣетъ право занимать только одну должность, а не нѣсколько, чтобы не было замедленія въ отправленіи дѣлъ.

п. 8) Такъ какъ шляхетство должно часто призывать-ся на совѣщанія, то слѣдуетъ слѣлать различіе между *стариннымъ* и *новымъ шляхетствомъ*, какъ это практикуется въ *другихъ свободныхъ государствахъ* . . . . „*Для ремеселъ и другихъ низкихъ должностей шляхетство не употреблать*“.

Всѣ остальные требованія проекта одинаковы съ требованіями проекта Матюшкина ⁽²³⁾.

Въ то время, какъ въ Верховный Совѣтъ поступали одинъ за другимъ проекты государственныхъ преобразованій, въ одной изъ шляхетскихъ компаній, составъ которой, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстенъ, зародилось отрицательное отношеніе ко всѣмъ шляхетскимъ проектамъ. Эта компанія пришла къ тому убѣжденію, что отъ скороспѣлыхъ проектовъ, составленныхъ второпяхъ, нельзя ожидать прочныхъ результатовъ въ будущемъ, что для дѣйствительнаго улучшения положенія дѣлъ преждевременно измѣнять существующія учрежденія, созидать новыя, требовать измѣненія нѣкоторыхъ законовъ и постановленій, обходя или игнорируя другіе; что нужно прежде всего изслѣдовать дѣйствительныя нужды и потребности Россіи — и потомъ уже приступать къ реформамъ. Съ этою цѣлію „компанія“ составляетъ свой проектъ, состоящій изъ восьми пунктовъ и имѣющій слѣдующее заглавіе: „Способы, которыми, какъ видится, порядочнѣе, основательнѣе и тверже можно сочинить и утвердить извѣстное, толь важное и полезное всему народу дѣло“ ⁽²⁴⁾.

⁽²³⁾ Въ Государственномъ Архивѣ этого проекта не находится. Подробная редакция помѣщена въ современномъ ему нѣмецкомъ переводѣ въ вышеупомянутой депешѣ Мардефельда (см. наше предыдущее примѣч.). Лефортъ сообщаетъ вѣсточный и очевидно сокращенный французскій переводъ этого проекта. (См. Сборн. Русск. Истор. Общ., т. V, с. 363—365). Проектъ въ переводѣ Мардефельда помѣщается въ 1-мъ прилож. къ настоящему изслѣдованію.

⁽²⁴⁾ Госуд. Арх., разд. III, дѣло № 4, лл. 46—47.

„Способы“ предлагают избрать из среды шляхетства отъ двадцати до тридцати человѣкъ для выработки общаго плана государственныхъ преобразованій, „и что оне къ ползе отечества сочиняють и утверждаютъ, и то имѣеть вѣчно, твердо и ненарушимо быть“ (п. 2-й).

Считая это предложеніе *дѣломъ исключительно національнымъ*, проектъ призываетъ шляхетство къ патріотическому единодушію. „Первое и главное основаніе“, — говорится въ 1-мъ пунктѣ— „чтобъ всѣ великороссійскаго народа шляхетство, *выключа иноземцевъ*, которые хотя въ вѣчное подданство и присягали, однакожъ негреческаго закона и у которыхъ дѣды не въ Россіи породились, и согласились бы за себя и за отсутствующихъ единодушно вмѣстѣ такъ, чтобъ никто никакъ и ни чѣмъ отъ того согласія неотговаривался, ни заслугами, ни рангомъ, ни старостію оамили, и чтобъ всякому былъ одинъ голосъ“. При избраніи проектъ совѣтуетъ руководствоваться „единосердечнымъ согласіемъ“ и избрать „годныхъ и вѣрныхъ отечеству людей“ (п. 2-й).

Дальнѣйшіе пункты проекта излагають самую организацію шляхетскаго собранія для выработки общаго плана реформъ.

Подробности организаціи заключаются въ слѣдующемъ:

1) Члены собранія должны быть снабжены письменными полномочіями отъ своихъ избирателей (п. 2-й).

2) Для соблюденія внѣшняго порядка въ собраніи и направленія его преній назначаются „двѣ особы“, также избираемыя шляхетствомъ. Права и обязанности ихъ опредѣлены такъ: „Чтобъ оне содержали въ томъ ихъ собраніи доброй порядокъ, а имянно: голоса давали (т. е. наблюдали бы за очередью преній), шумъ и крикъ, а *особливо брань*, унимали“ (п. 3-й). Въ преніяхъ они не участвуютъ, но могутъ сообщать членамъ шляхетскаго собранія „все что къ правленію государства принадлежитъ и что оне вымыслить могутъ къ ползе отечества“ (п. 4-й).

3) Въ обсужденіи вопросовъ, касающихся церкви, военнаго дѣла и торговли, участвуютъ „выборные“ отъ четырехъ до шести человѣкъ, отъ синода („изъ синодскихъ членовъ или изъ другихъ кого синодъ избереть“), отъ военныхъ и отъ купечества. Эти выборные должны быть снабжены также достовѣрными письменными полномочіями отъ своихъ

избирателей, „за ихъ руками“, и имѣютъ равные голоса съ членами шляхетскаго собранія (п. 5-й).

4) При разсмотрѣніи вотчинныхъ дѣлъ и другихъ специальныхъ вопросовъ, приглашаются президенты и отъ двухъ до трехъ членовъ соотвѣствующихъ коллегій на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и депутаты отъ сословій (п. 6-й).

5) По разсмотрѣніи и утвержденіи собраніемъ каждаго отдѣльнаго вопроса, онъ разсматривается еще разъ всѣмъ собраніемъ вмѣстѣ съ сенатомъ; послѣ этого вопросъ предлагается на разсмотрѣніе Верховнаго Совѣта, который обсуждаетъ его въ соединенномъ засѣданіи съ шляхетскимъ собраніемъ и сенатомъ, „а какъ выборы, сенатъ и Верховный Совѣтъ о какомъ дѣлѣ все согласятся и тогда“, — говоритъ проектъ — „послать съ тѣмъ дѣломъ нѣсколько особъ къ ея императорскому величеству и просить чтобъ конфирмовала“ (п. 7-й и 8-й).

Черезъ нѣсколько времени явилось дополненіе къ „способамъ“, къ сожалѣнію также анонимное, съ слѣдующимъ заглавіемъ „къ прѣжде учиненному опредѣленію по поповенію“⁽²⁵⁾.

Это дополненіе состоитъ изъ четырехъ пунктовъ: 1) о срокахъ шляхетской службы, 2) о купечествѣ, 3) о земледѣльцахъ и 4) о епархіяхъ и монастыряхъ.

Первый пунктъ требуетъ служебныхъ льготъ шляхетству для того, „чтобъ воинское дѣло не ослабѣвало“. Съ этой цѣлью предлагается: 1) чтобы молодые шляхтичи начинали сухопутную военную службу черезъ гвардію съ нижнихъ чиновъ, съ непрерывнымъ производствомъ въ офицеры, 2) чтобы опредѣленъ былъ срокъ службы, въ каждомъ чинѣ, „чтобъ не было въ тягость“, 3) чтобъ въ морскую службу шляхетство опредѣлялось гардемаринами, а не матросами, съ производствомъ чрезъ опредѣленное число лѣтъ въ офицеры.

Относительно купечества предлагается: установить вольную торговлю, разсмотрѣть тарифъ и разныя запрещенія въ торговлѣ.

О крестьянахъ сказано: „отягощенное земледѣльство податми, какимъ нибудь образомъ облегчить податми“.

---

(25) Госуд. Арх., разд. III, дѣло № 4, л. 48.

Епархіи и монастыри возстановляются въ томъ видѣ, какъ были до учрежденія сипода: всякій архіерей долженъ во всемъ самъ свою епархію вѣдать, монастыри сами заведуютъ своими вотчинами; коллегія экономіи упраздняется, государственныя подати монастырей собираются ими и передаются въ каморъ-коллегію; прокормленіе отставныхъ офицеровъ и солдатъ въ монастыряхъ остается по прежнему.

Обобщая всѣ предположенія государственныхъ преобразованій, заявленныя въ шляхетскихъ проэктахъ и мнѣніяхъ, мы получимъ довольно опредѣленную программу политическихъ воззрѣній шляхетства.

Постоянными органами центральнаго управленія являются два правительства—Вышнее и Нижнее.

Большинство проэктовъ признаетъ Вышнимъ Правительствомъ существующій Верховный Тайный Совѣтъ, но значительно увеличиваетъ число его членовъ: проэкты Секіотова, Грекова и Алабердеева доводятъ это число до 21; анонимная записка до 12; проэкты Колычева, 13-ти и Матюшкина отъ 12 до 15; проеъкъ 25-ти до 16 членовъ. Нѣкоторые проэкты, уничтожая существующій Верховный Тайный Совѣтъ, ставятъ Вышнимъ Правительствомъ „въ помощь ея императорскому величеству“, сенатъ, также не сходясь въ числѣ членовъ. Проеъкъ Черкаскаго назначаетъ 21 члена, а „конспектъ“ 30 членовъ, председательство же въ сенатѣ возлагаетъ на императрицу. Всѣ наличные члены Верховнаго Тайнаго Совѣта входятъ въ составъ Вышняго Правительства; остальныхъ членовъ, и впоследствии, на „упалыя мѣста“ (ваканціи) выбираетъ генералитетъ и шляхетство, строго наблюдая, чтобы среди Вышняго Правительства не было нѣсколькихъ представителей одной фамиліи: число этихъ представителей опредѣляется проектами различно: большинство назначаетъ по одному отъ каждой фамиліи, иные допускаютъ двухъ.

Нижнее Правительство учреждается въ помощь Правительству Вышнему „по дѣламъ расправнымъ и судебнымъ“. Всѣ проэкты (за исключеніемъ проекта Черкаскаго и „конспекта“) называютъ его сенатомъ, при чемъ проэкты Секіотова, Алабердеева, Грекова и 25-ти совѣтъ не опредѣляютъ круга его дѣйствій, очевидно разумѣя сенатъ въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ со времени учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта, а проэкты Матюш-

кина и 13-ти возлагаютъ на сенатъ непосредственное наблюдение надъ губернаторами и воеводами. Анонимная записка считаетъ Нижнее Правительство учрежденіемъ вспомогательнымъ „по дѣламъ государственнымъ и расправнымъ“, а проектъ 13-ти ставитъ его высшей апелляціонной инстанціей по гражданскимъ процессамъ. Всѣ проекты,—кромя проекта 25-ти, который увеличиваетъ число сенаторовъ до 21,—образуютъ сенатъ изъ 11-ти членовъ, наличные сенаторы сохраняютъ свои мѣста, а вновь назначаемые избираются на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и члены Вышняго Правительства. Проектъ Черкаскаго и „конспектъ“, совершенно уничтожающіе Верховный Совѣтъ и ставящіе на его мѣсто сенатъ, разумѣютъ подъ Нижнимъ Правительствомъ особую коллегію изъ шляхетскихъ представителей. По проекту Черкаскаго эта коллегія составляется изъ одной трети членовъ Вышняго Собранія, о которомъ мы скажемъ ниже, а „конспектъ“ выражается о пей весьма неопредѣленно, говоря, что она состоитъ, „съ перемѣною по годно, изъ десяти человекъ“.

Ваканціи на должности президентовъ коллегій и губернаторовъ замѣщаются также по выбору; проектъ Черкаскаго распространяетъ это правило и на вице-президентовъ коллегій, вице-губернаторовъ и главныхъ командировъ войскъ, а проектъ 25-ти, не упоминая о военныхъ командирахъ, прибавляетъ „воеводъ и протчихъ гражданскихъ чиновъ“. Большая часть проектовъ представляетъ право избранія исключительно генералитету и шляхетству, при чемъ количество избирателей опредѣляется ими различно: иные (проекты Секиотова, Алабердеева, Грекова, 25-ти и „конспектъ“) назначаютъ 100 членовъ; проектъ 13-ти—80, а проектъ Матюшкина—70; для избранія же вице-президентовъ проектъ 25-ти считаетъ достаточнымъ 50 человекъ изъ генералитета и шляхетства. Проектъ Черкаскаго возлагаетъ избраніе всѣхъ служащихъ лицъ на соединенное присутствіе Вышняго и Нижняго правительствъ, при чемъ въ избраніи президентовъ коллегій участвуютъ всѣ наличные президенты, а въ избраніи командировъ войскъ—всѣ наличные генералы. При избраніи вообще всѣхъ должностныхъ лицъ, не исключая и членовъ Вышняго и Нижняго правительствъ, наблюдается, чтобы въ числѣ избирающихъ не было больше двухъ лицъ отъ одной фамиліи, а въ числѣ избираемыхъ

не болѣе одного; члены той фамиліи, къ которой онъ принадлежитъ, не участвуютъ въ его баллотировкѣ.

„Для обсужденія важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ и что потребно будетъ впредь сочинить въ дополненіе уставовъ, принадлежащихъ къ государственному правительству и общей пользѣ“,—созываются генералитетъ и шляхетство. Большинство проэктвъ, не опредѣляя числа членовъ изъ генералитета и шляхетства, включаетъ въ составъ этого собранія оба правительства — Вышнее и Нижнее и считаетъ необходимымъ созывать его лишь по мѣрѣ надобности, а проэктъ Черкаскаго назначаетъ 100 членовъ изъ одного только шляхетства, называя эту коллегію *В ы ш н и м ь С о б р а н і е м ь* и назначая его засѣданія три раза въ годъ, въ опредѣленные сроки. Одинъ изъ шляхетскихъ кружковъ называетъ это собраніе „с е й м о м ь“ („конспектъ“).

Инициатива законодательства, какъ видно, присвоится Авиѣ Іоанновнѣ, но ни одинъ проэктъ, кромѣ проэкта Черкаскаго, не упоминаетъ объ этомъ.

Главное вниманіе всѣхъ проэктвъ обращено на права и привилегіи шляхетства, до нѣкоторой степени намѣченныя уже въ планѣ центральныхъ правительствъ: проэкты прежде всего стремятся оградить шляхетство отъ возвышенія нѣсколькихъ родовитыхъ фамилій; кромѣ того въ цѣломъ рядѣ пунктовъ они заявляютъ о сословныхъ шляхетскихъ льготахъ, выражая при этомъ два воззрѣнія: одно ставить происхожденіе выше правъ, приобрѣтенныхъ службою, выдѣляя шляхетство подлинное (родовое) изъ новаго (худороднаго) (проэкты Черкаскаго, Мусина-Пушкина, анонимная записка и проэктъ 13-ти); другое — различаетъ шляхетство по служебнымъ преимуществамъ, раздѣляя его на генералитетъ и простое шляхетство (всѣ остальные проэкты). Нѣкоторые проэкты прямо называютъ интересы шляхетства „общенародіемъ“ и „общимъ дѣломъ“ (Черкаскаго, Матюшкина), ставя такимъ образомъ шляхетство охранителемъ интересовъ всѣхъ остальныхъ сословій.

Проэктъ Черкаскаго существенными привилегіями шляхетства считаетъ преобразование тайной канцеляріи и распространеніе образованія. Всѣ проэкты одинаково требуютъ слѣдующихъ льготъ шляхетству:

1) Опредѣленія срока военной службы, при чемъ большинство считаетъ этотъ срокъ въ 20 лѣтъ (проэкты Чер-

касскаго, Секіотова, Алабердеева, Грекова и 25-ти); проект Черкасскаго добавляетъ, чтобы моложе 18 лѣтъ въ службу не брать.

2) Измѣненія порядка военной службы; въ этомъ проектъ расходится: иные предполагаютъ опредѣлять шляхетство въ сухопутное войско прямо офицерами, во флотъ — гардемаринами, устраивъ для этого кадетскія и гардемариинскія роты („конспект“), другіе — считаютъ возможнымъ начинать службу съ нижнихъ чиновъ, но не иначе какъ въ гвардіи и съ непрерывнымъ производствомъ черезъ нѣсколько лѣтъ въ офицеры („добавленіе къ способамъ“).

3) Отмѣны обязательнаго поступленія въ матросы и въ обученіе ремесламъ.

4) Весьма естественнымъ выводомъ изъ предыдущаго является забота объ улучшеніи быта офицеровъ и солдатъ (большинство которыхъ въ гвардіи было въ то время изъ шляхетства) и объ исправной выдачѣ имъ жалованья (проектъ Секіотова, Алабердеева, Грекова, Матюшкина и 13-ти).

5) Уничтоженія закона о единонаслѣдіи (1714 г.). Большинство проектовъ (Секіотова, Алабердеева, Грекова, Матюшкина, 13-ти и 25-ти) предлагаетъ установить „о наслѣдованіи въ вотчинахъ“ новыя правила; иные желаютъ возстановить относительно этого вопроса законы „Уложенія“ (проектъ Черкасскаго), другіе же предоставляютъ на волю родителей дѣлить, или не дѣлить недвижимое имущество, а при наслѣдствѣ сиротами предполагаютъ дѣлить по частямъ („конспект“).

Въ связи со шляхетскими льготами находятся вопросы объ исправной службѣ и о производствѣ въ чины. По этимъ вопросамъ мы встрѣчаемъ въ проектахъ слѣдующія замѣчанія: 1) чтобы ранги давались по заслугамъ (проектъ 25-ти), 2) чтобы каждый служащій занималъ одну должность, а не нѣсколько (проектъ 13-ти).

Послѣ правъ и льготъ шляхетства проекты переходятъ къ улучшенію быта духовенства, купечества и крестьянства, останавливаясь на весьма немногихъ нуждахъ ихъ и требуя подробнаго изслѣдованія всѣхъ потребностей этихъ сословій (проекты Секіотова, Алабердеева, Грекова, Матюшкина и 13-ти). Проектъ Черкасскаго указываетъ на необходимость увеличенія образованія и матеріальныхъ средствъ приходскаго духовенства, преимущественно сельскаго. Ука-

запія „добавленій къ способамъ“ касаются епархіального управленія и монастырскаго хозяйства и направлены противъ власти синода. Проектъ Черкаскаго желаетъ, въ интересахъ купечества, изыскать средства къ размноженію торговли и фабричной промышленности, а „добавленіе къ способамъ“ стремится установить вольную торговлю и требуетъ разсмотрѣнія тарифа. Всего менѣе обращено вниманія на крестьянство. Всѣ проекты смотрятъ на улучшеніе быта крестьянъ съ фипавсовой точки зрѣнія, требуя для нихъ только облегченія сколь возможно „въ податяхъ“, а проектъ Черкаскаго совсѣмъ даже не упоминаетъ о нихъ.

Кромѣ представленныхъ нами общихъ требованій, въ двухъ проектахъ встрѣчаемъ мы слѣдующія частныя заявленія: 1) о перенесеніи резиденціи въ Москву (Матюшкинъ), 2) о подчиненіи всей арміи—военной коллегіи, гвардіи—Вышнему Правительству (сенату), а флота—адмиралтейской коллегіи („конспектъ“), 3) объ избраніи вновь придворныхъ чиповъ (тамъ же).

Всѣ предложенія, выраженные въ проектахъ и мнѣніяхъ, шляхетство желаетъ разсмотрѣть немедленно въ особомъ собраніи своихъ представителей. Проектъ Черкаскаго опредѣляетъ число этихъ представителей въ 100 человекъ, а „способы“—отъ 20 до 30, совершенно исключая инопоземцевъ изъ этого собранія и привлекая въ него представителей отъ духовенства, купечества, войска и разныхъ присутственныхъ мѣстъ, для обсужденія вопросовъ ихъ непосредственно касающихся. При этомъ „способы“ представляютъ подробный планъ организаціи предварительнаго шляхетскаго собранія.

Независимо отъ шляхетскихъ проектовъ и на совершенно иныхъ началахъ создавалъ свой политическій планъ князь Д. М. Голицынъ. Ближайшее знакомство съ этимъ планомъ, о которомъ мы упоминали нѣсколько разъ, необходимо для того, чтобы уяснить, чѣмъ различались политическія идеи князя Голицына отъ воззрѣній шляхетскихъ проектовъ и мнѣній.

До насъ не дошелъ подлинникъ этого плана и мы можемъ составить себѣ о немъ не совсѣмъ точное представленіе по отзывамъ двухъ иностранныхъ резидентовъ: французскаго—Мапьяна и англійскаго—Рондо, по словамъ которыхъ планъ князя Д. М. Голицына состоялъ приблизительно въ слѣдующемъ:

1) Императрица распоряжается безконтрольно лишь своимъ дворомъ, на расходы котораго, а также и на свои собственные, ежегодно получаетъ опредѣленную сумму денегъ; она печальствуетъ только надъ отрядомъ гвардіи, назначеннымъ для ея личной охраны и охраны ея дворца.

2) Власть верховная принадлежитъ Верховному Совѣту, состоящему изъ членовъ знатнѣйшихъ фамилій, числомъ отъ десяти до двѣнадцати. Совѣтъ этотъ рѣшаетъ важнѣйшія государственныя дѣла по иностранной политикѣ, какъ-то: вопросы о войнѣ и мирѣ, о союзахъ и трактатахъ съ иностранными государствами; назначаетъ служащихъ на всѣ должности и начальствуетъ надъ всѣми войсками. Государственный казначей долженъ отдавать Верховному Совѣту строгій отчетъ даже въ самыхъ мелочныхъ расходахъ на государственныя потребности.

3) Кромѣ Верховнаго Совѣта учреждаются еще три собранія: сенатъ, шляхетская палата и палата городскихъ представителей.

4) Сенатъ состоитъ изъ тридцати шести членовъ для предварительнаго разсмотрѣнія дѣлъ, представляемыхъ Верховному Совѣту.

5) Шляхетская палата (камера пизшаго шляхетства) состоитъ изъ двухъ сотъ членовъ и предназначается для охраненія правъ этого сословія, въ случаѣ посягательства на нихъ со стороны Верховнаго Совѣта.

6) Палата городскихъ представителей учреждается для завѣдыванія торговыми дѣлами и для соблюденія интересовъ простаго народа и защиты его отъ несправедливостей (²⁰).

(²⁰) Денеша Роядо отъ 2 февр. н. ст. у Раумера, въ его: «Beiträge zur neueren Geschichte» Bd. II, S. 589—390; перепечат. въ «La Cour de Russie il y a cent ans» 3-e ed., p. 16—17.—Денеша Маньяна отъ 13 февр. въ книгѣ Тургенева «La Russie et les Russes», V. III, p. 264—265.—Испанскій посолъ де-Лиріа, въ депешѣ отъ 6 февр. н. ст., передаетъ этотъ планъ въ болѣе сокращенной формѣ, съ нѣкоторыми варіантами въ подробностяхъ; главнѣйшіе изъ этихъ варіантовъ слѣдующіе: войска состоятъ подъ главнымъ начальствомъ двухъ фельдмаршаловъ, которые по военнымъ дѣламъ отдають отчетъ Верховно-

О планѣ кн. Голицына сдѣлалось извѣстно еще 23-го января (2-го февраля новаго стиля). Въ то время ходили слухи, что 7-го февраля планъ этотъ былъ добавленъ еще слѣдующими подробностями: 1) императрица получаетъ на расходы своего двора пятьсотъ тысячъ рублей въ годъ, 2) она присутствуетъ въ Верховномъ Совѣтѣ, гдѣ ей предоставляется два голоса, 3) членами Совѣта не могутъ быть иностранцы, одинъ только Остерманъ оставляется въ немъ, въ видѣ исключенія, изъ уваженія къ его заслугамъ, 4) къ гвардейскимъ полкамъ прибавляется еще два и вся гвардія подчиняется Верховному Совѣту, 5), государственный казначей избирается Верховнымъ Совѣтомъ, 6) всякій шляхтичъ, уличенный въ преступленіи, подлежитъ наказанію по законамъ, но такъ какъ преступленіе есть вина личная, то опала его не распространяется на его семейство, какъ то было доселѣ⁽²⁷⁾.

Но планъ кн. Голицына не исчерпывался и этими дополненіями. Въ него входили, кромѣ перечисленныхъ, слѣдующіе параграфы: 1) о св. синодѣ и духовенствѣ, 2) о правахъ и привилегіяхъ шляхетства, 3) о состояніи войска, 4) объ экономическомъ улучшеніи положенія купцовъ и крестьянъ, 6) о государственномъ бюджетѣ, 7) о пополненіи законовъ, 8) о наказаніи за измѣну государству и преступленія по должности, и о смертной казни⁽²⁸⁾.

При сопоставленіи этого плана съ „кондиціями“ и съ шляхетскими проектами, мы не можемъ не замѣтить, что онъ представляетъ значительное дополненіе первыхъ, разли-

---

му Совѣту; Верховный Совѣтъ состоитъ изъ 12-ти членовъ, сенатъ,—разсматривающій судебныя дѣла, изъ 30-ти. Шляхетскую палату де-Лирія приравниваетъ къ «нижней палатѣ» конституціонныхъ государствъ, о палатѣ городскихъ представителей онъ не упоминаетъ вовсе. По словамъ де-Лирія, этотъ планъ положенъ въ основаніе будущей системы управленія Россіи — «Богъ знаетъ».—говоритъ онъ—будетъ-ли идея этого плана строго развита, какъ есть, или что нибудь въ ней измѣнять, но то вѣрно, что ни въ какомъ случаѣ не хотятъ оставить царицѣ какой нибудь авторитетъ». (См. XVIII-й в., сб. Бартенева, т. III, с. 34—35).

⁽²⁷⁾ Tourgueneff, III, p. 227.

⁽²⁸⁾ См. замѣчанія о планѣ кн. Голицына въ 1-мъ приложеніи къ наст. изслѣдованію.—Снес. ниже, примѣч. 30.

чаясь отъ вторыхъ въ самомъ существенномъ вопросѣ, изъ за котораго и произошла вся распря между Верховнымъ Совѣтомъ и шляхетствомъ. Ограничивая власть Анны Ивановны, кп. Д. М. Голицынъ стремится вмѣстѣ съ тѣмъ къ ограниченію политическаго преобладанія большинства шляхетства, желавшаго захватить эту власть въ свои руки. Онъ ограничиваетъ это большинство, шляхетское „общенародіе“, властью немногихъ знатнѣйшихъ фамилій, вводя въ кругъ второстепенныхъ учреждений, на ряду съ шляхетствомъ, представителей отъ торговаго сословія, на которое большинство проэктовъ распространяетъ свою опеку. Въ планѣ князя Д. М. Голицына выразились, какъ его политическія воззрѣнія, такъ и черты его личнаго характера: строго аристократическій принципъ, презрѣніе къ тѣмъ иноземцамъ, которые стремились къ власти надъ русскими людьми, и склонность къ тираниі, даже деспотизму.

Планъ кн. Голицына послужилъ основаніемъ для разсужденій въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ о государственномъ строѣ Россіи. Лефортъ, Мардесфельдъ, де Липра и Маньянъ разумѣютъ именно этотъ планъ, говоря, что „государственные чины продолжаютъ работать надъ планомъ государственнаго устройства“. „Ожидали, что проэктъ новаго управленія“,—пишетъ Маньянъ 7/8 февраля— „появится вчера, или сегодня; до сихъ поръ ничего еще не объявлено и изъ этого слѣдуетъ заключить, что обнародованіе проэкта будетъ отложено до прибытія новой царицы“⁽²⁹⁾.

Однако въ виду все болѣе и болѣе усиливавшагося волненія среди шляхетства, которое открыто заявляло свои требованія въ поданныхъ проэктахъ, и желая привлечь къ себѣ также и духовенство, князь Д. М. Голицынъ рѣшился наконецъ на уступку оппозиціонному движенію. Съ этой цѣлью онъ остановился на мысли составить особую форму присяги на вѣрность Аннѣ Ивановнѣ отъ имени Верховнаго Совѣта, сената, синода, генералитета и „всего русскаго народа, духовнаго и свѣцкаго всякаго чина людей“. Эта форма, затрогивая интересы всѣхъ сословій, должна была, по его мнѣнію, примирить всѣ партіи и давала ему возможность обработать впослѣдствіи свой политическій планъ еще подробнѣе и привести его въ исполненіе. Князь Голицынъ хло-

---

(29) Tourgueneff, III, p. 265.

поталъ главнымъ образомъ о томъ, чтобы удержать за Верховнымъ Совѣтомъ первенствующее значеніе, предоставивъ этому учрежденію инициативу реформъ и поставивъ его во главѣ государственнаго управленія. Для насъ форма присяги замѣчательна особенно тѣмъ, что представляетъ естественное дополненіе къ кондиціямъ, подписаннымъ Анной Иоанновной. Какъ тѣ составляютъ обязательство, взятое на себя государыней, по отношенію къ своимъ подданнымъ, такъ форма присяги—есть обязательство, принимаемое вѣрноподданными ея императорскаго величества по отношенію къ ней и ко всему русскому государству. Кондиціи состоятъ изъ 8 пунктовъ,—присяга изъ 16. Матеріаломъ для составленія этихъ 16 пунктовъ послужили, какъ поданные шляхетствомъ проекты, такъ и не поданные (дошедшіе до кн. Голицына повидимому неофициальнымъ путемъ), а равно и планъ самого кн. Голицына. Последовательность пунктовъ въ присягѣ и самая ихъ редакція передѣлывались нѣсколько разъ, что можно видѣть изъ дошедшихъ до насъ четырехъ черновыхъ набросковъ этихъ пунктовъ⁽⁸⁰⁾.

Присяга начинается извѣщеніемъ о кончинѣ Петра II и о вѣцареніи Анны Иоанновны по „общему избравію, какъ мирскаго, такъ и духовнаго чина людей“; затѣмъ говорится о побѣдѣ въ Митаву трехъ депутатовъ, съ „прошеніемъ“ къ Аннѣ Иоанновнѣ о воспріятіи престола и о полученіи отъ нея 2 февраля „съ неописанной всему государству радости и благополучію“ „всемилостивѣйшаго нисавія“ и пунктовъ „за собственнымъ ея величества подписаніемъ“. Послѣ этого вступленія идутъ подписанные Анной Иоанновной восемь пунктовъ и наконецъ самая форма присяги: „Того ради мы Ея Императорскаго Величества вѣрные подданные, какъ верховный тайный совѣтъ, духовный синодъ, сенатъ и генералитетъ, такъ и все-

(80) Подлинникъ, какъ бѣловаго экземпляра, такъ и черныиъ его, хранится въ Государственномъ Архивѣ (разд. III, д. № 4). Сличеніе всѣхъ списковъ между собою, а также формы присяги съ шляхетскими проектами, кондиціями и планомъ кн. Голицына см. въ первомъ приложеніи къ настоящему изслѣдованію.—Извлеченіе весьма неполное изъ формы присяги напечатано С. М. Соловьевымъ, въ его «Исторіи Россіи», т. XIX, с. 257—259.

го російскаго народа духовнаго и свѣцкаго всякаго чина люди, благодаря всемогущаго Бога за такіе показанья Его къ росискому народу щедроты, общаемся Ея Величеству быть вѣрными подданными и хравить Ея Величества честь и здравіе паче своего живота пенарушимо. И кленемся предъ сотворшимъ насъ всемогущимъ Богомъ, что по силѣ вышеозначенныхъ Ея Императорскаго Величества постановленныхъ и утвержденныхъ кондицій в общую ползу и благополучіе всего государства правление во всемъ содержать по сему“.

Затѣмъ слѣдуютъ 16 пунктовъ.

1-й пунктъ опредѣляетъ составъ и значеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта; 2-й — синода и дѣлъ церковныхъ вообще; 3-й — сената; пункты 4-й, 5-й, 6-й, 7-й и 8-й — посвящены правамъ и привилегіямъ „шляхетства“; 9-й и 10-й — войску; 11-й — положенію балтійскихъ провинцій, Лифляндіи и Эстляндіи и правамъ иноземцевъ въ Россіи; 12-й — улучшенію быта купцовъ; 13-й — уменьшенію податей съ крестьянъ и разсмотрѣнію бюджета государственныхъ расходовъ; 15-й — говоритъ о перенесеніи резиденціи въ Москву, 16-й — о смертной казни за преступленія противъ „общества всего государства“ изъ за „партикулярной пользы“ — о награжденіи за заслуги общественныя.

Присяга кончается слѣдующими словами:

Въ томъ кленемся именемъ всемогущаго Бога и св. церковью, чтобъ сіи пункты не нарушить; аще кто явятца преступникъ къ нарушенію общей пользы всего государства дѣломъ или соблазными словами, да лишитъ Господь небеснаго царства и предастъ вѣчному мученію, и да не дерзаетъ ни архіерей, ни іерей разрѣшенія дати, и по суду постигнетъ казнь временной жизни нашей. Въ томъ цѣлуемъ животворящій крестъ и подписуемся».

Остановимся подробно на каждомъ пунктѣ.

„Верховный Тайный Совѣтъ“ — говорится въ первомъ пунктѣ — „состоитъ ни для какой собственной того собранія власти, тоцію для лучшей государственной пользы и управленія въ помощь Ихъ Императорскихъ Величествъ“. Послѣ такого опредѣленія Верховнаго Тайнаго Совѣта, проектъ переходитъ къ способу замѣщенія его членовъ, „на уцалыя мѣста“, „ежели кого изъ того собранія смерть пресѣчетъ,

или какимъ случаемъ отлученъ будетъ“. На „уналыя мѣста“ членовъ выбираются кандидаты изъ „первыхъ фамилій, изъ генералитета и изъ шляхетства, людей вѣрныхъ и обществу народному доброжелательныхъ“, и пригомъ исключительно изъ природныхъ русскихъ (*„не воспоминая объ иноземцахъ“*, какъ выражается проэктъ). Изъ одной фамиліи не можетъ быть избрано болѣе двухъ лицъ, для того, „чтобъ тѣмъ нхто не могъ вышней взять на себя силы“. Кандидаты выбираются Верховнымъ Совѣтомъ вмѣстѣ съ сенатомъ, а утверждаются императрицею. При разсмотрѣніи всѣхъ дѣлъ, Верховный Тайный Совѣтъ долженъ постоянно имѣть въ виду, что *„не персоны управляютъ законъ, но законъ управляетъ персонами, и не разсуждать ни о фамиліяхъ, ниже о какихъ опасностяхъ, токмо искать общей пользы безъ всякой страсти, памятуя всякому судъ вышній“*.

Обязанности Верховнаго Тайнаго Совѣта опредѣляются такъ:

1) Наблюдать за исполненіемъ закона Божія и уставовъ православной церкви и за соблюденіемъ ея догматовъ. Всѣ толкованія вѣры, несогласныя съ православнымъ ученіемъ, запрещались строго; ихъ долженъ преслѣдовать судъ церковный синодальныхъ членовъ, а затѣмъ, ежели подлежать будутъ, и судъ государственный (гражданскій — по тогдашней терминологіи).

2) Стремиться къ пользѣ государственной, всѣ государственныя дѣла содержать въ тайнѣ, не открывая ихъ „ни фамиліи своей, ниже пріятелемъ, или постороннимъ; стараться прилежно о распространеніи во всемъ государствѣ „нелицемернаго правосудія“, строго преслѣдуя с у д о м ъ судей неправедныхъ.

3) Для рѣшенія всякаго „новаго и важнаго государственнаго дѣла“ приглашаются въ Совѣтъ „для совѣту и разсужденія“ сенатъ, генералитетъ, коллежскіе члены и знатное шляхетство; въ дѣлахъ, касающихся „духовнаго правленія“, приглашаются, кромѣ того, синодальные члены и прочіе архіереи, смотря по важности дѣла.

4) За преступленія и проступки при рѣшеніи этихъ дѣлъ, виновные предаются суду, которымъ судятся, „какъ злодѣи государственные“.

Второй пунктъ въ слѣдующихъ положеніяхъ выражаетъ требованія относительно церковнаго управленія:

1) Св. Синодъ вмѣстѣ съ епархіальными архіереями имѣетъ высшее попеченіе о православной религіи и управляетъ російской церковью. Архіерейскія и монастырскія вотчины снова передать въ ихъ собственное завѣдываніе; коллегію экономіи уничтожить, „а о доходахъ, которые собирались въ ту коллегію, учинить разсмотрѣніе“.

2) Члены синода и архіереи судятся церковнымъ судомъ, кромѣ преступленій политическихъ и противъ православнаго ученія восточной церкви — эти преступленія разсматриваются соединеннымъ судомъ духовныхъ съ „управителями государственными“.

3) Члены синода избираются тѣмъ же порядкомъ, какъ и члены Верховнаго Тайнаго Совѣта. Архіереи и священники должны пользоваться почтеніемъ, какъ служители престола Божія.

Третій пунктъ опредѣляетъ сенатъ учрежденіемъ „для вспоможенія“ Верховному Тайному Совѣту, какъ въ дѣлахъ государственныхъ, такъ и въ расправныхъ. Въ него члены выбираются съ чиномъ не ниже Д. С. С.

Шляхетству и въ особенности знатному, „оамилнымъ людямъ“ отводится широкое поле для политической дѣятельности. Во 1-хъ) изъ этихъ фамилныхъ людей, изъ генералитета и изъ знатнаго плыхетства — исключительно избираются сенаторы и всѣ служащіе въ коллегіяхъ, канцеляріяхъ и прочихъ управленіяхъ. 2) Старыя и знатныя фамиліи имѣютъ преимущество передъ остальнымъ шляхетствомъ и имѣютъ быть снабжены рангами и служебными должностями по ихъ достоинству. 3) Гражданскіе чиновники, дослужившіеся ранговъ (вѣроятно сообразно табели о рангахъ) включаются въ „общество шляхетства“. 4) Только за „знатныя заслуги“ и вѣрность всему обществу шляхетскому („по опыту вѣрности всего общества“) производится въ ранги приказные люди. 5) Люди боярскіе и крестьяне не допускаются ни къ какимъ дѣламъ. 6) Шляхетство опредѣляется въ военную службу, въ гвардію и во флотъ не неволею и не низкими чинами и матросами, какъ было прежде, а добровольно и прямо офицерами. Для сего учреждаются кадетскія роты, изъ которыхъ шляхетство, по обученіи воинскому дѣлу, и поступаетъ прямо офицерами въ гвардію и гардемаринами во

флотъ. 7) Все шляхетство должно быть содержано, какъ въ прочихъ европейскихъ государствахъ „въ надлежащемъ почтеніи и въ Ея Императорскаго Величества милости и консидераціи“. 8) Отмѣняется конфискація движимаго и недвижимаго имущества жепъ, дѣтей и родственниковъ наказанныхъ по суду лицъ, даже казенныхъ смертію. (п. п. 4 — 8).

„Не малое попеченіе о добромъ состояніи сухопутной арміи, о гвардіи и о флотѣ“.—является главной заботой всего правительства—„всѣхъ обще“, какъ выражается проеѣтъ. Изъ спеціальныхъ вопросовъ, касающихся состоянія войска, отмѣчаются слѣдующія: 1) о правильной выдѣлѣ генераламъ, офицерамъ и солдатамъ жалованья и „прочаго удовлетворенія“—„безъ задержанія“, 2) о производствѣ генераловъ и офицеровъ по заслугамъ и по достоинству, „а не по страстямъ и не по мздомству“, 3) о человѣческомъ обращеніи съ нижними чинами; „о солдатѣхъ и о матрозѣхъ“,—читаемъ мы въ 10-мъ пунктѣ проеѣкта—„смотря прилежно, какъ падѣтъ и отечества, дабы напрасныхъ трудовъ не имѣли, и до обидъ не допускать“. (п. п. 9-й и 10-й).

Относительно и н о з е м ц е в ѣ, находящихся въ службѣ, проповѣдуются не только полная терпимость, но „почтеніе и склонность ко всякой любви, яко общихъ съ россияны.“ Они исключаются только изъ участія въ политической жизни Россіи,—на нихъ смотреть, какъ на людей знающихъ, экспертовъ, но все таки васмниковъ. Всѣ контракты, заключенные съ иноземцами сохраняютъ силу, и жалованье, определенное этими контрактами, признается „не отъемлемымъ“. — „Шляхетство“ и „гражданство“ Лифлядіи и Эстляндіи поручается одинаковой милости ея императорскаго величества съ шляхетствомъ и гражданствомъ русскимъ. Ихъ права и привилегіи, определенныя ништадскимъ мирнымъ договоромъ и подтвержденныя слѣдующими государствами—признаются непарушимыми. (п. 11-й).

Д в ѣ н а д ц а т ы й пунктъ опредѣляетъ права купечества. Онъ не только обособляетъ купечество отъ прочихъ классовъ, но прямо запрещаетъ „прочимъ всякимъ чинамъ въ купечество мѣшатца“. Далѣе этотъ пунктъ возстаетъ противъ монополіи, провозглашаетъ принципъ свободной торговли и высказываетъ необходимость

объ уменьшеніи купечеству разныхъ пошлинъ и податей. Приводимъ подлинныя слова этого пункта: „Къ купечеству имѣтъ призрѣніе и отвращать отъ нихъ всякіе обиды и неволи и въ торгахъ имѣтъ имъ волю и никому в одни руки никакихъ товаровъ не давать, и податми должно ихъ облегчить, а протчимъ всякимъ чинамъ въ купечество не мѣшатца“.

О крестьянахъ (п. 13-й) проектъ заботится только съ финансово-экономической точки зрѣнія. Онъ даже говоритъ о нихъ вскользь, вмѣстѣ съ вопросомъ о государственныхъ расходахъ. Въ виду уменьшенія ихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ради улучшенія экономическаго быта крестьянъ, онъ рекомендуетъ „крестьянъ податями сколько можно облегчить, а излишніе расходы государственные разсмотрѣть“.

Пункты 14-й и 16-й (о пополненіи законовъ и смертной казни) представляютъ столь краткую редакцію, что ихъ содержаніе ясно изъ общаго перечня, изложеннаго выше. Мотивы для перенесенія, „резиденціи“ изъ Петербурга въ Москву (п. 15-й) заключаются въ соображеніяхъ экономическихъ, а именно: для избѣжанія „государственныхъ излишнихъ убытковъ“ и для поправленія разстроеннаго состоянія шляхетства („для исправленія всему обществу домовъ своихъ и деревень“).

Мы не знаемъ, какого именно числа были предъявлены изложенные нами „пункты“ присяги „всѣхъ чиповъ людей“—въ черновыхъ журналахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта о нихъ вовсе не упоминается. По всей вѣроятности, эти „пункты“ были представлены сенату, генералитету и духовенству въ то время, когда они подписывали протоколъ 2 февраля о выслушаніи письма и кондицій, такъ какъ кн. Д. М. Голицынъ очевидно хотѣлъ замѣнить „пунктами“ протоколъ. Однако „пункты“ присяги остались не подписанными, а „персоны изъ сената, генералитета и шляхетства“, на которыхъ рассчитывалъ кн. Голицынъ, избрали для достиженія государственныхъ реформъ другой путь, и этотъ путь привелъ ихъ къ результату совершенно противоположному, какъ ихъ желаніямъ, такъ и стремленіямъ кн. Д. М. Голицына.

VII.

ГЛАВНѢЙШІЕ УЧАСТНИКИ ШЛЯХЕТОКИХЪ ПРОЭКТОВЪ.

Главныя группы, на которыя распадалось шляхетство: а) люди родословные, б) старинныя шляхетскія фамиліи, в) новые люди.—Характеристика проэктвъ на основаніи этихъ группъ.—Участники проэкта кн. Черкаскаго.—Участники проэкта Секіотова.—Участники проэктвъ Алабердеева и Максима Грекова.—Участники проэкта Матюшкина и проэкта тринадцати.

Верховный Тайный Совѣтъ, противъ котораго возстало шляхетство, состоялъ, какъ мы видѣли, почти исключительно изъ представителей двухъ аристократическихъ фамилій, или, какъ выражались въ то время, родословныхъ, „фамилійныхъ“ людей—князей Долгорукихъ и князей Голицыныхъ. Члены той и другой фамиліи, не безъ основанія почитали себя въ правѣ стоять во главѣ правительства Россіи въ столь критическое и жгучее время, черпая эти оспованія не столько въ своихъ личныхъ заслугахъ, сколько въ своей родословности, въ „честь“ своихъ отцевъ, дѣдовъ и прадѣдовъ. Но традиціи родословности были столь же сильно развиты у цѣлаго ряда боярскихъ фамилій, ставившихъ своихъ предковъ и себя по меньшей мѣрѣ не ниже предковъ Долгорукихъ и Голицыныхъ и ихъ самихъ. Между тѣмъ эти боярскія фамиліи были затерты ими, отодвинуты на задній планъ. Въ ряду этихъ фамилій стояли Рюриковичи, Гедимировичи, потомки выбъзжихъ князей и мурзъ татарскихъ и старинныхъ „бояръ“ царей и великихъ князей московскихъ и князей рязанскихъ, тверскихъ, ростовскихъ и другихъ. Къ нимъ желали присоединить себя и роды, возвысившіеся

сравнительно въ недавнее время, съ эпохи воцаренія Романовыхъ, посредствомъ родственныхъ отношеній съ царями этой династїи. Древній принципъ родословности былъ первымъ стимуломъ, возбуждившимъ шляхетское движеніе. Рядомъ съ нимъ шелъ старинный принципъ служилыхъ, упаслѣдованный дѣателями 1730 года отъ царства московскаго и еще болѣе развитый въ нихъ реформами Петра В. и въ особенности „табелю о рангахъ“. Каждый имѣвшій болѣе или менѣе крупный рангъ, включавшій его въ привилегированный кружокъ „генералитета“, считалъ себя на ряду съ родовитыми русскими людьми.

За людьми родословными и чиповными шелъ второй слой шляхетства не претендовавшій взять въ свои руки кормило правленія русскаго государства, а заботившійся лишь о полученіи служебныхъ и имущественныхъ льготъ; правильнѣе—этотъ второй слой шляхетства хлопоталъ о льготахъ отрицательныхъ: онъ стремился главнымъ образомъ къ уничтоженію тѣхъ тягостей реформы Петра В., которыя несло шляхетство на ряду съ другими классами земли русской. Этотъ слой состоялъ изъ дѣтей и впускъ старинныхъ служилыхъ людей московскаго государства, которые хотя и являлись усердными исполнителями велѣній Петра В. и старательными работниками при передѣлкѣ русскаго государства на европейскій ладъ—тѣмъ не менѣе не стояли во главѣ реформы, не были зодчими при переустройствѣ, а только мусорщиками и чернорабочими. Люди реформы, „новые“, худородные люди, руководимые иностранцами—стали зодчими новой Россіи по европейскому государственному шаблону. Они представляютъ третье, самое послѣднее наслоеніе въ шляхетствѣ. Изъ рядовъ этихъ людей вылетѣли „птевцы гнѣзда Петрова“. Новые люди реформы составляютъ меньшинство въ шляхетскихъ проэктахъ, но и они подають голосъ. Ими руководятъ инныя цѣли, инныя соображенія чѣмъ людьми родословными и потомками старинныхъ служилыхъ людей. Для нихъ стимуломъ для участія въ шляхетскихъ проэктахъ является вопросъ династическій. Преданные всецѣло личности „перваго императора“, они прикладываютъ руки къ реформаторскимъ шляхетскимъ проэктамъ не ради участія въ правленіи страной, не ради расширенія своихъ правъ—они совершенно довольны своими правами, они не могутъ мечтать о лучшемъ прошломъ, котораго у

нихъ нѣтъ; ими руководить недовольство избраніемъ Аппы Іоанновны. Они являются сторонниками „тестамента“ Еккатеринны І-й и считаютъ законнымъ послѣдникомъ русскаго престола голштинскаго принца Петра-Ульриха или его тещу, дочь „перваго императора“, Елизавету Петровну.

Таковы преобладающія стремленія каждой изъ трехъ группъ, на которыя распадаются участники всѣхъ шляхетскихъ проэктовъ и мнѣній. Само собою, что, если мы обратимся къ отдѣльнымъ личностямъ, то увидимъ, что люди той или другой группы не всегда неуклопно преслѣдуютъ одинъ и тотъ же принципъ; побужденія чловѣка весьма различны и не поддаются строгой и опредѣленной формулировкѣ.

Большинство, масса участниковъ проэктовъ и мнѣній, какъ всякая масса, двигалось безсознательно, куда увлекали ее вожакъ движенія. Родство, пріятельскія отношенія, молодость лѣтъ, зависимость служебная, личные отношенія къ дѣятелямъ предшествовавшихъ царствованій и къ верховникамъ—вотъ что заставляло подписываться всю эту массу. Люди, не имѣвшіе опредѣленныхъ убѣжденій и мнѣній, шли за своими родственниками и друзьями, возрѣпія которыхъ были для нихъ авторитетны; молодежь подписывалась „на старшихъ глядя“, подчиненные шли за начальниками. Только такимъ объясненіемъ и возможно опредѣлить участіе въ одномъ и томъ же проектѣ нѣсколькихъ лицъ одной и той же фамиліи, нѣсколькихъ чиновниковъ одного вѣдомства, нѣсколькихъ офицеровъ одного и того же полка и т. д. и т. д.

Обращаясь къ каждому проекту и мнѣнію въ отдѣльности (разумѣемъ только тѣ изъ нихъ, участники которыхъ извѣстны по именамъ) мы получимъ слѣдующее распредѣленіе этихъ участниковъ. Въ проектѣ кн. Черкаскаго преобладаетъ элементъ людей родословныхъ и чиновныхъ. Изъ общаго количества участниковъ (39-ти) мы встрѣчаемъ 16 чловѣкъ „родословныхъ“, 13 чел. принадлежащихъ къ стариннымъ служилымъ фамиліямъ и только 10 новыхъ шляхтичей. По служебному положенію лица эти распредѣляются такимъ образомъ: военныхъ генераловъ—11, штабъ-офицеровъ 4 и 1 оберъ-офицеръ, высшихъ гражданскихъ чиновниковъ 15, низшихъ гражданскихъ чиновниковъ 1 (В. Н. Татищевъ) и 7 придворныхъ чиновъ.

Въ прое́ктѣ Секи́отова (большинства), подписанномъ 326-ю лицами, преобладаетъ напротивъ низшее ¹ шляхетство,—по этому онъ можетъ быть названъ проектомъ шляхетской демократіи. На всю громадную массу его участниковъ приходится только 34 родословныхъ фамиліи и 70 съ небольшимъ лицъ ихъ представителей; изъ новыхъ шляхтичей участвуетъ всего 10 человѣкъ, а остальные принадлежатъ къ потомкамъ старинныхъ служилыхъ фамилій. Изъ общаго числа участниковъ проекта мы не могли опредѣлить личностей почти цѣлой трети (150 чел.), большая часть которыхъ падаетъ на долю старинныхъ служилыхъ фамилій. По всей вѣроятности, эти неизвѣстные участники занимали низшія должности. Если мы обратимся къ служебному положенію остальныхъ извѣстныхъ участниковъ, то увидимъ, что всѣ они, за малыми исключеніями, не находились во главѣ войскъ и государственнаго управленія. Въ числѣ родословныхъ людей Секи́отовскаго проекта только одинъ князь Борятинской имѣетъ генеральскій чинъ, да 4 лица занимаютъ высшія гражданскія должности; изъ лицъ стариннаго шляхетства—три генерала и одинъ оберъ-прокуроръ синода; всѣ остальные родословные и не родословные занимаютъ низшія и среднія должности „до брегадира“. Вотъ общія цифры: штабъ-офицеровъ 66; оберъ-офицеровъ 53; гражданскихъ чиповниковъ, среднихъ и низшихъ, 24; придворныхъ чиповъ 10, да 8 человѣкъ со стариннымъ чиномъ стольника.

Въ проектахъ Алабердеева, Максима Грекова (первоначальная редакція) и Матюшкина участвуютъ опять лица большею частію родословныя и чиповныя. Къ этой же аристократической группѣ проектовъ примыкаетъ и проектъ 13-ти, подписанный исключительно молодыми людьми родословныхъ фамилій, изъ которыхъ двое занимали важныя мѣста въ дипломатической службѣ.

Остановимся теперь подробнѣе на выдающихся личностяхъ всѣхъ шляхетскихъ проектовъ и мѣтній, на вождахъ шляхетскаго движенія и на тѣхъ изъ рядовыхъ его участниковъ, личности которыхъ, на основаніи доступнаго намъ матеріала, поддаются характеристикѣ ⁽¹⁾.

(1) Всѣ данныя, какія мы могли собрать о происхожденіи и служебной карьерѣ *остальныхъ* участниковъ шляхетскихъ проектовъ, мы помѣщаемъ во II-мъ приложеніи къ настоящему изслѣдованію

Шляхетство, обсуждавшее проект кн. Черкасского, какъ мы видѣли, собиралось въ домѣ сепатора В. Я. Новосильцова, но онъ не является главнымъ вождемъ проекта, не имѣя для этого необходимыхъ нравственныхъ и умственныхъ качествъ. По словамъ историка царствованія Петра II-го, К. И. Арсеньева,—Василій Яковлевичъ Новосильцовъ былъ челоуѣкоугодникъ, поклонникъ силы и власти, вслѣдствіе чего не позволялъ себѣ сужденій самостоятельныхъ и дѣйствій независимыхъ (*). Въ данное безвластное, т. сказ., время, Новосильцовъ радушно открылъ свои покои родословнымъ людямъ и генералитету и подписалъ проектъ.

Первою подписью подъ проектомъ князя Черкасского стоитъ подпись С. А. Салтыкова, но официальнымъ представителемъ проекта былъ князь А. М. Черкасской, а составителемъ его—В. Н. Татищевъ. Съ нихъ мы и начнемъ нашъ обзоръ первой группы этого проекта—людей родословныхъ.

Князь Алексѣй Михайловичъ Черкасской принадлежалъ къ старинному роду, предокъ котораго былъ ханомъ большой Кабарды и выѣхалъ въ Москву въ XV вѣкѣ. Родъ князей Черкасскихъ особенно возвысился во второй половинѣ XVI-го и въ началѣ XVII вѣка. Хорошай-мурза, братъ прадѣда князя Алексѣя Михайловича, былъ жепатъ на Марьѣ Пикитипѣ Романовой, родной теткѣ Михаила Осодоровича Романова, избраннаго въ 1613 году въ цари московскіе и всея Руси, а двоюродная сестра Хорошая мурзы, Марья Темрюковна, была второй женой Ивана Грознаго. Такимъ образомъ, Черкасскіе находились въ родствѣ съ обѣими династіями: угасавшей въ лицѣ Θεодора Іоанновича—династіей Рюрика и начинавшейся въ лицѣ Михаила—династіей Романовыхъ.

Князь Алексѣй Михайловичъ Черкасской, въ описываемое время 50 лѣтъ отъ роду, былъ женатъ во второй разъ на княжнѣ Марьѣ Юрьевнѣ Трубецкой, сестрѣ фельдмаршала и послѣдняго боярина князя Ивана Юрьевича Трубецкаго, (первая жена кн. Черкаскаго была двоюродная сестра Петра В., Аграфена Львовна Парышкина). У князя Черкаскаго отъ втораго брака была единственная дочь, 16-ти лѣтняя красави-

---

(*) Истор. ц.—нія Петра II, с. 57.

ца Варвара Алексѣевна, послѣдница громадпаго состоянія своего отца: князь Черкасской былъ владѣльцемъ 70-ти тысячъ душъ крестьянъ. Весьма естественно, что родственныя связи и богатство, вопреки не особенно выдающимся умственнымъ качествамъ князя, давали ему большое значеніе въ тогдашнемъ московскомъ обществѣ. Князь Черкасской отличался застѣнчивостью, робостью и перѣшительностью въ дѣйствіяхъ, что въ глазахъ нѣкоторыхъ представляло его человекомъ ограниченнымъ. Такимъ рисуется его князь М. М. Щербатовъ. „Сей человекъ—говоритъ онъ о Черкасскомъ—весьма посредственный разумомъ своимъ, лѣнивъ, не знающій въ дѣлахъ, и однимъ словомъ—таскающій, а не несущій свое имя и гордящійся единственнымъ своимъ богатствомъ“. Люди совершенно противоположныя въ своихъ отзывахъ, де-Лирія и Кл. Рондо, изображаютъ князя Черкаскаго человекомъ умнымъ и весьма любезнымъ въ обхожденіи. Свѣдѣнія его, по словамъ Рондо, ограничивались Россіей, а по отзыву французскаго резидента Маньяна, онъ былъ знающимъ законовѣдомъ. Хотя князь Черкасской и былъ противникомъ нововведеній Петра В., по не смотрѣлъ враждебно на иностранцевъ; онъ отличался честностью и безкорыстіемъ, что особенно проявилъ во время своего губернаторства въ Сибири при Петрѣ В. ⁽³⁾.

Василій Никитичъ Татищевъ (р. 1686 г.), прославившій свое имя въ исторіи русской науки, происходилъ отъ князей смоленскихъ и приходился дальнимъ родственникомъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ: ея бабушка, Анна Михайловна Салтыкова, была рожденная Татищева. Татищевъ былъ человекъ замѣчательнаго ума, многостороннихъ знаній и большаго образованія. Онъ ѣздилъ три раза за границу (два раза въ Германію и разъ въ Швецію) и сталъ со временемъ замѣчательнымъ горнымъ инженеромъ, этнографомъ, географомъ, историкомъ и администраторомъ. Его „Исторія Россійская“, еще ждущая справедливой оцѣнки, представляетъ весьма почтенный для своего времени

⁽³⁾ Долгор., род. кн., II, 36—40.—Бантышъ-Каменскій, Словарь, изд. 1836 г. V, 254.—«О поврежд. прав. въ Россіи». Р. Ст. 1870 г., т. II, 104.—де-Лирія, «Характеристики», *ркн.*, с. 112.—Характеристики Рондо, по изданію Шубинскаго, с. 231.

трудъ. Татищевъ началъ собирать для нея матеріалы въ 1720-хъ годахъ, и въ 1730 г. былъ на столько знакомъ съ русской исторіей, что весьма удачно могъ объяснять современныя ему событія предшествовавшими историческими явленіями, сопоставляя происшествія его времени съ аналогичными имъ событіями XVI и XVII вв. Хотя въ своемъ проэктѣ Татищевъ, какъ мы видѣли, и утверждаетъ, что въ Россіи возможно одно только самодержавіе и повторяетъ ту же мысль и въ „Россійской Исторіи“,—тѣмъ не менѣе его политическія воззрѣнія не могутъ быть почтены строго монархическими. Онъ придастъ большое значеніе шляхетскому представительству, что видно изъ составленнаго имъ проекта.

Во введеніи и примѣчаніяхъ къ своей „Исторіи Россіи“ Татищевъ даетъ изслѣдователю матеріалъ для опредѣленія своего собственнаго „умоначертанія“, своихъ убѣжденій политическихъ и религіозныхъ. Съ его политическими воззрѣніями мы достаточно ознакомились изъ разсмотрѣнія его проекта, а потому остановимся здѣсь лишь на главнѣйшихъ чертахъ религіозныхъ воззрѣній Татищева.

Религіозныя убѣжденія Татищева, составившія ему между современниками репутацію „аоеиста“ и пугавшія многихъ своею смѣлостью,—въ сущности далеко не радикальны. Татищевъ, практикъ прежде всего, мало заботился о догматической точности религіознаго пониманія. Въ его религіозныхъ воззрѣніяхъ пельзя не замѣтить нѣкоторыхъ слѣдовъ деистическаго раціонализма, бывшаго тогда въ большомъ ходу у образованныхъ людей Европы. Татищевъ—врагъ духовенства. Онъ презираетъ и ненавидитъ его властолюбіе, корыстолюбіе и невѣжество, а также эксплуатацію духовенствомъ суевѣрной массы. Съ одинаковой рѣзкостью и желчью бичуетъ онъ эти качества, гдѣ бы они ни проявлялись: и въ гоненіяхъ римлянъ на первыхъ христіанъ, и въ римскомъ папствѣ и въ буддійскомъ далайламствѣ. Такое одинаковое отношеніе къ представителямъ различныхъ религіозныхъ исповѣданій, языческихъ и христіанскихъ,—для того времени въ Россіи было дѣйствительно смѣлою мыслью, и эта смѣлая мысль, намъ кажется, главнымъ образомъ упрочила въ публикѣ мнѣніе объ „аоеизмѣ“ Татищева. Татищевъ сильно возмущается противъ боязни дьявола, противъ предсказаній, противъ „пустосвятства“ и „суесвятства“. Онъ не понимаетъ истинной причины появленія ересей и расколовъ въ

господствующей церкви и, по понятіямъ своего времени, объясняютъ появленіе ихъ желаніемъ пѣкоторыхъ людей, „любочестіемъ побѣжденных“, эксплуатировать невѣжественныя массы въ свою пользу. „Эти люди“ (какъ напримѣръ Арій и Несторій) — говоритъ Татищевъ, — „по остроумію вымысли что либо, для показанія себя, показали . . . и сладкорѣчіемъ множество народа за собою влекли“. Суевѣріе массы, эксплуатируемой духовенствомъ, — у Татищева большое мѣсто. „Я не почитаю то въ диво“ — говоритъ онъ — „когда слышу отъ людей къ знанію закона Божія непрілежанихъ и о разсужденіяхъ не внимающихъ, а вкорененныя имъ суевѣрныя бабьи басни и безумныхъ наукъ толкованія за истинну почитающихъ, — но дивнѣе всего онаго, когда видимъ и слышимъ пѣкоторыхъ тѣхъ, которые особливо пародомъ и властію избраны и учреждены на проповѣдь слова и закона Божія къ наученію народа истинной вѣрѣ Христовой и благонравію, яко соль обуявпая ни сами хотятъ законъ Божій разумѣть ни народъ обучать, и еще того тягчѣе, когда слышимъ преданія и узаконенія человѣческія и для своихъ лакомствъ вымышленное за сущее, яко спасенію нужное, предають“. „Вѣра, — говоритъ Татищевъ, — не въ чинахъ и убранствахъ, какъ подлость разумѣтъ, но въ сущемъ признаніи истины недовѣдомыхъ состоитъ“. Татищевъ высказывается въ одномъ изъ своихъ административныхъ проэктовъ за полную вѣротерпимость не только всѣхъ христіанъ, но и нехристіанскихъ вѣроисповѣданій. Исключеніе составляютъ одни Евреи. „Для пользы государствъ, — говоритъ онъ, — благоразсудѣннѣе правительства терпятъ за всѣ законы“. Татищевъ подчиняетъ церковь государству, которое для него, искреннаго послѣдователя Петра Великаго, выше всего^(*).

Изъ остальныхъ людей родословныхъ самыми выдающимися въ проэктѣ князя Черкаскаго были: князь И. О. Борятинской, князь А. И. Шаховской и князь П. Ю. Трубецкой.

Князь Иванъ Федоровичъ Борятинской († 1738 г.) происходилъ отъ одной изъ старшихъ вѣтвей черпиговскихъ князей и былъ женатъ на Настасьѣ Гавриловнѣ, доче-

---

(*) О Татищевѣ см. книгу П. А. Попова: «Татищевъ и его время» и ст. К. П. Бестужева-Рюмина въ «Ар. и Нов. Россіи» 1875 г.

ри капцлера Головкина. Въ 1730 г. онъ былъ вдовецъ (жена его † въ 1726 г.). Единственный сынъ окольного, извѣстнаго полководца царя Ѳеодора Алексѣевича, царевны Софьи и царей Петра и Иоанна — князя Ѳеодора Юрьевича Борятинскаго, князь Иванъ Ѳеодоровичъ началъ военную службу при Петрѣ В.: принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ съ Карломъ XII и въ персидскомъ походѣ 1722 года, командуя пѣхотнымъ полкомъ, носившимъ по обычаю того времени его имя. Въ 1730 г. онъ былъ генералъ-майоромъ, а въ послѣдующіе года занималъ весьма высокія мѣста въ государственной службѣ. При преобразованіи сената Анной Иоанновной, 4 марта 1730 года, онъ былъ сдѣланъ сенаторомъ, а въ день коронаванія ея произведенъ въ генералъ-лейтенанты; въ 1735 году назначенъ московскимъ генералъ-губернаторомъ, а въ 1736 году — главнокомандующимъ въ Малороссіи, каковую должность занималъ до самой своей смерти; онъ умеръ въ чинѣ генералъ-аншефа. Князь Борятинской былъ занятъ политическими вопросами и съ удовольствіемъ почиталъ книги политическаго содержанія. Любимымъ его чтеніемъ была книга Юста Липсіа, послужившая однимъ изъ главныхъ поводовъ къ осужденію Волинскаго; князь Борятинской снялъ копію съ русскаго перевода этой книги, принадлежавшаго графу Ѳ. М. Апраксину^(*).

Князь Алексѣй Ивановичъ Шаховской († 1737) принадлежалъ къ весьма небольшому числу самыхъ симпатичныхъ характеровъ и вполне честныхъ общественныхъ дѣятелей первой половины XVIII вѣка, этого „светлаго и опаснаго времени“, по выраженію современника. Происходя отъ древняго рода князей смоленскихъ, князь Шаховской началъ рано свое военное поприще. Съ успѣхомъ участвуя въ войнѣ со Швеціей, онъ еще въ молодыхъ годахъ своей честностью и исполнительностью обратилъ на себя вниманіе Петра В., который поручалъ ему серьезные слѣдственные дѣла. Вдали отъ двора и придворныхъ „ковъ-

---

(*) Долгор., род. кн., I, 75 и 77. — Чт. Моск. Общ. ист. и древн., 1858 г., кн. II, «Записка о дѣлѣ Волинскаго». — П. С. З., т. VIII, № 5510; т. IX, № 7126. — Сен. Арх., именн. указы, кн. 32 и слѣд. — П. П. В., с. 441. — Мат. Арх. Гл. Шт., т. I, с. 522, 523, 536, 537. — См. у Голикова, Дѣян. П. В., Указ. ко 2-му изд.

юнктуръ“, князь Шаховской продолжалъ свою военную службу при Екатеринѣ I и Петрѣ II уже въ чинѣ генераль-майора. Съ конца 1728 года онъ состоялъ при малороссійскомъ гетманѣ Данилѣ Апостолѣ, а послѣ смерти его въ 1734 г., былъ назначенъ правителемъ Малороссіи, гдѣ и прожилъ до конца своей жизни. Князь Шаховской, въ числѣ немногихъ лицъ одинаковаго съ нимъ общественнаго и служебнаго положенія, не былъ сторонникомъ самодержавія Анны Іоанновны; тѣмъ не менѣе 6 марта 1730 г. онъ былъ призванъ къ присутствованію въ преобразованномъ сенатѣ. Относительно нѣмцевъ-правителей въ царствованіе Анны Іоанновны онъ держалъ себя независимо, отстаивая передъ ними интересы малороссіянъ, за что подвергался преслѣдованію Мипуха и гяѣву Бирова. Князь Алексѣй Ивановичъ былъ воспитателемъ своего племянника, князя Якова Петровича Шаховскаго, также отличавшагося необыкновенной честностью и правдивостью. Князь Яковъ Петровичъ Шаховской въ „Запискахъ“ своихъ прямо заявляетъ, что нравственными основами онъ былъ обязанъ дядѣ. „Главнѣйшія-жъ и частыя мнѣ были отъ сего втораго отца полученія“, пишетъ онъ, „чтобы всякое дурно дѣлать стыдиться; а справедливость и добродѣтель во всякихъ случаяхъ всему предпочитать. Для преодоленія слабостей моихъ и пороковъ совѣтовалъ онъ мнѣ самому о себѣ часто помышлять и опыта обличать и обвинять собственнымъ разсудкомъ безъ послабленія, притомъ тщиться всегда читать пристойныя мнѣ лѣтаны и обстоятельства, честныя и полезныя прежде бывшія дѣла, похвальную память о себѣ оставившихъ, и научать себя твердымъ духомъ по такимъ путямъ слѣдовать“. Приведенныя строки достаточно характеризуютъ нравственные воззрѣнія князя А. И. Шаховскаго^(*).

(*) Голицковъ, IX, 496; XII, 642; XIV, 387, 319, 338.—П. С. З., т. V. № 3284.—Матеріалы воен.-учен. арх. Гл. Шт. (Сиб. 1874 г.) т. I, с. 012.—Сен. Арх., им. ук., кн. 27, 32, 68; ук. В. Т. С. 1727—1729 гг.—Записки кн. Я. П. Шаховскаго, изд. Р. Ст. с. 1, 4—5, 8.—О личности и дѣятельности кн. А. И. Шаховскаго въ печати, ничего нѣтъ кромѣ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ. Бантышъ-Каменскій не включилъ его въ свой «Словарь достопамятныхъ людей русской земли», несмотря на то, что дѣятельность его весьма замѣчательна, о немъ не упоминаютъ также ни де-Лиріа, ни Рондо, ни Маиштейнъ

Князь Никита Юрьевич Трубецкой является натурой совершенно противоположной князю Шаховскому. Человек не глубокого ума, но образованный и со свѣдѣніями, онъ былъ болѣе чѣмъ подозрительной нравственности: учившись въ молодости въ Германіи, по образованности своей онъ сближался съ такими людьми, какъ князь Антиохъ Кантемиръ, а его безнравственность возмущала честныхъ людей, представителямъ которыхъ является порицатель поврежденія нравовъ въ Россіи XVIII в. князь М. М. Щербатовъ. Двадцати лѣтъ началъ князь Трубецкой военную службу „валуптиромъ“ въ преображенскомъ полку, но не отличался на полѣ брани, а состоялъ при дворѣ. Будучи къ концу царствованія Петра В. только гвардейскимъ прапорщикомъ, онъ былъ сдѣланъ Екатериною I камеръ-юнкеромъ. Женившись на Настасьѣ Гавриловнѣ Головкиной 23 лѣтъ отъ роду, князь Трубецкой рассчитывалъ этой женитьбой составить себѣ карьеру. Петръ В. и императрица Екатерина крестили у него дѣтей, но при Петрѣ кумовство царя не выдвигало ничтожныхъ людей. Тесть Трубецкаго, гр. Головкинъ, какъ мы видѣли, самъ долженъ былъ держаться сильныхъ міра сего при Екатеринѣ I и Петрѣ II. Карьера Трубецкаго не удалась. Его приниженность передъ Долгорукими въ царствованіе Петра II переходила предѣлы возможности: онъ открыто позорилъ свою честь и имя преклоняясь предъ всесильными временщиками. Князь Щербатовъ передаетъ возмутительныя подробности объ открытой связи его жены съ фаворитомъ Петра II княземъ Иваномъ Долгорукимъ, который на вечерахъ у князя Трубецкаго публично его ругалъ и билъ. Преждевременная смерть Петра II и наступившія послѣ нея смуты не предвѣщали особенно свѣтлой будущности князьямъ Долгорукимъ, передъ которыми унижалъ себя князь Трубецкой; карьера его опять висѣла на ниточкѣ, и ему ничего не

изъ чего видно, что онъ держалъ себя скромно и въ сторонѣ. Богатый матеріалъ для исторіи служебной дѣятельности кн. Шаховскаго хранится въ Сенатскомъ Архивѣ, одинъ перечень этого матеріала занимаетъ въ указателѣ Н. И. Баранова къ описанію Сен. Арх. три столбца (см. т. II, с. 912—913), но мы воспользовались имъ въ настоящемъ изслѣдованіи лишь въ той мѣрѣ, въ какой необходимо было для общей характеристики личности кн. А. И. Шаховскаго.

оставалось больше, какъ пристать до поры до времени къ большинству шляхетства; онъ не зналъ исхода всего этого движенія, но при первой возможности явился переметчикомъ. Последующая роль князя Трубецкаго во все царствованіе Анны Іоанновны, правленіе Бирона, Анны Леопольдовны, Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II—отличается позорнымъ низкопоклонствомъ, криводушіемъ и предательствомъ. При Аннѣ Іоанновнѣ онъ быстро возвысился въ чинахъ. Едва она была провозглашена самодержицей, князь Трубецкой былъ сдѣланъ генераль-майоромъ. Въ 1738 году въ чинѣ генераль-лейтенанта мы видимъ его генераль-кригсъ-комиссаромъ, а въ 1740 г. онъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, съ назначеніемъ генераль-прокуроромъ сената, и эту должность занималъ около 20 лѣтъ. Въ 1756 г. Елизавета пожаловала его фельдмаршаломъ, а въ 1760 году онъ былъ президентомъ военной коллегіи; при погребеніи Елизаветы Петровны князь Трубецкой является главнымъ распорядителемъ, а при коронаціи Екатерины II—верховнымъ маршаломъ. Петръ III пожаловалъ князя Трубецкаго полковникомъ преображенскаго полка—званіе, принадлежавшее въ то время лишь царствующимъ особамъ, но Екатерина II лишила его этого званія. Князь Трубецкой былъ членомъ всѣхъ судебныхъ комиссій, надъ „государственными злодѣями“, при Аннѣ, Биронѣ и Елизаветѣ, по очереди подписывалъ смертные приговоры Долгорукиму и Волынскому, пожизненное заключеніе въ крѣпости князю Дмитрію Голицыну, ссылку въ Сибирь Н. О. Лопухиной и ея родственникамъ. Онъ былъ покорнымъ слугою всѣхъ временщиковъ, быстро смѣнявшихъ одинъ другаго и съ одинаковымъ усердіемъ и усѣхомъ служилъ Бирону, Лестоку, Шуваловымъ, Разумовскимъ, голштицамъ Петра III и Орловымъ. По словамъ Карабанова, послѣднія его минуты были страшны. Въ отчаяніи послалъ онъ за гр. Екатериной Ивановной Головкиной, своей спохой, женой погубленнаго имъ же Михайлы Гавриловича,—женицей идеальной добродѣтели. Когда Екатерина Ивановна вошла въ комнату къ умирающему, князь Трубецкой съ всклокоченными волосами бросился съ постели къ ней въ ноги и закричалъ: „Сестра, прости меня: я много виноватъ былъ въ вашемъ несчастіи! Меня совѣсть мучить, и я чувствую, что если ты меня не простишь и не разрѣшишь, то на томъ свѣтѣ меня ожидаютъ

страшныя мученія. Умоляю тебя именемъ Бога милосердаго: прости и разрѣши меня!“⁽⁷⁾.

Переходимъ къ представителямъ родословныхъ фамилій не княжескаго происхожденія. Здѣсь мы должны отмѣтить: Вельяминова, Дашкова, Измайлова, Мусина-Пушкина, Сукина, Апраксина и Лопухина. Последніе возвысились впрочемъ въ недавнее время, но тѣмъ не менѣе причисляли себя къ людямъ родословнымъ.

Степана пѣ Лукичъ Вельяминовъ былъ президентомъ малороссійской коллегіи въ послѣдніе годы царствованія Петра В. и послѣ него, до возстановленія въ Малороссіи гетманскаго достоинства. Въ коронацію Анны Іоанновны онъ уволенъ отъ службы съ производствомъ въ тайные совѣтники, но впоследствии въ ея царствованіе присутствовалъ въ московской сенатской канцеляріи, и затѣмъ былъ президентомъ канцеляріи-коллегии. Историкъ царствованія Петра II-го, К. Н. Арсеньевъ, заявляетъ, что главной причиной возобновленія гетманства было необыкновенное высокомеріе Вельяминова, возстановившаго противъ себя все населеніе Малороссіи. Вельяминовъ велъ свой родъ отъ того варяга Симона (Шимона), который прибылъ въ Кіевъ при Ярославѣ, въ началѣ XI в. и былъ основателемъ великой Успенской церкви въ Кіевонечерской лаврѣ⁽⁸⁾.

Александръ Дашковъ принадлежалъ къ старинной русской фамиліи, родоначальникъ которой татаринъ Дашекъ принялъ въ началѣ XVI в. крещеніе съ именемъ Данила.

⁽⁷⁾ «Журналъ кн. Н. Ю. Трубецкаго», Р. Ст. 1870 г., т. II, стр. 8—13.—Кн. Щербатовъ: «О поврежд. правовъ въ Россіи», *ibid*, т. II, с. 46.—Дѣло П. О. Лопухиной, *ibid*, 1874 г., т. XI, с. 44, 234 и слѣд.—Карабановъ «Статьи-дамы», *ibid*, 1870 г., т. II, с. 485.—Переписка кн. Тр-го съ кн. Кантемиромъ и стихи, написанные ему послѣднимъ. См. въ сочин. Кантемира, изд. Ефремова.

⁽⁸⁾ Сен. Арх., им. ук. кн. 18, 22, 24, 32, 39, 44; ук. В. Т. С. 1727 г.—Арсеньевъ «Царств. Петра II», с. 86.—См. также указат. ко 2-му изд. Д. П. В. Голикова.—Долг., род. кн., IV, 71—72. Одинъ изъ потомковъ варяга Симона, Протасій, былъ бояриномъ Іоанна Калиты, а внукъ и правнукъ этого Протасія были московскими тысяцкими при Симеонѣ Гордомъ и Дмитріи Донскомъ. Вельяминовы послѣдующихъ поколѣній служили боярами великимъ князьямъ и царямъ московскимъ; одинъ изъ Вельяминовыхъ былъ женатъ на княжнѣ Суздальской,

Дашковъ былъ въ родствѣ съ фамиліей Лихачевыхъ, игравшей при дворѣ царя Осодора Алексѣевича ту же роль, какую при Петрѣ II играли князья Долгорукіе. Самъ Алексѣй Дашковъ началъ службу стольникомъ при Петрѣ В., а затѣмъ былъ резидентомъ въ Константинополь и Варшавѣ, вслѣдствіе чего паходился въ частыхъ сношеніяхъ съ кп. Дм. Мих. Голицынымъ, княземъ Меншиковымъ и Шафировымъ; онъ былъ назначенъ еще при Петрѣ Великомъ генералъ-почтъ-директоромъ и уволенъ отъ этой должности въ 1727 году. Въ коронацію Анны Іоанновны, 28 апрѣля 1730 года, Дашковъ былъ пожалованъ въ тайные совѣтники съ увольненіемъ отъ службы ⁽⁹⁾.

Фамилія Измайловыхъ, предки которыхъ были съ XIV вѣка боярами рязанскихъ великихъ князей, играла видную роль при дворѣ царей московскихъ. Особенно возвысились при Петрѣ II двое Измайловыхъ: Иванъ Петровичъ и Левъ Васильевичъ, (о которыхъ у насъ рѣчь будетъ ниже). П е т р ъ В а с и л ь е в и ч ъ И з м а й л о в ъ († 1772 г.), братъ Льва Васильевича, пользовался значеніемъ лишь по родству съ ними. Въ концѣ царствованія Петра Великаго онъ былъ бригадиромъ и воронежскимъ губернаторомъ, а въ 1727 году произведенъ въ генералъ-майоры; въ царствованіе Анны Іоанновны занималъ должность совѣтника военной коллегіи ⁽¹⁰⁾.

Г р а ф ъ П л а т о н ъ И в а н о в и ч ъ М у с и я н ъ - П у ш к и н ъ, старшій сынъ гр. Ивана Алексѣевича, воспитывался за границей, былъ дважды въ Парижѣ и жилъ долгое время въ Голландіи. Рекомендуя его (въ 1716 году), русскому послу въ Голландіи князю Куракину, Петръ В. писалъ:

⁽⁹⁾ Голиковъ. Д. П. В., IX, 358, 480; X, 384; XIII, 368.—Матеріалы воен.-учен. арх. гл. шт., т. I (Сиб., 1871 г.) с. 648, 654, 655, 656, 774.—Р. Ст. 1872 г., т. V, с. 913, 923.—Долгор., род. кн., IV, 382, 384.—Сен. Арх., им. ук., кн. 18. 32; ук. В. Т. С. 1727 г.

⁽¹⁰⁾ Предокъ Измайловыхъ, черниговскій воевода Ив. Шв. Шанинъ, происходилъ отъ татаръ и переселился изъ Чернигова въ Рязань въ концѣ XIV в. См. Род. Р. Ст., I, 172—175.—Голиковъ, Д. П. В., XIII, 543, 642.—Письма Петра В. въ сб. рус. ист. общ., т. XI, с. 444. П. С. З., т. IX, № 6899; т. X, № 7323.—Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1728 г.; им. ук., кн. 39 и 44.

„Посылаемъ мы къ вамъ для обученія политическихъ дѣлъ племянника нашего Платона, котораго вамъ яко свойственнику, свойственника рекомендуемъ“. Въ 1719 году Мусинъ-Пушкинъ былъ посланъ для дипломатическихъ переговоровъ въ Данію, а въ слѣдующемъ году въ Парижъ для предварительныхъ переговоровъ съ регентомъ о посредничествѣ между Россіей и Швеціей. По просьбѣ престарѣлаго отца, онъ былъ вызванъ въ Россію и назначенъ присутствующимъ въ московской сенатской канторѣ. Въ декабрѣ 1730 г. Мусинъ-Пушкинъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Смоленскъ, а черезъ годъ переведенъ на ту же должность въ Казань, въ преемники А. П. Волынскому, съ которымъ странно связала его судьба. Черезъ девять лѣтъ, въ 1740 г., Мусинъ-Пушкинъ, въ то время президентъ коммерцъ-коллегіи, былъ замѣшанъ въ дѣло Волынскаго и, по урѣзанія языка, заключенъ въ казематы Соловецкаго монастыря. Биронъ въ свое кратковременное регентство смягчилъ его участь, позволивъ ему жить въ его деревняхъ; окончательно онъ прощенъ Елизаветой Петровной и умеръ въ своей симбирской деревнѣ, страшно разстроивъ свои силы физическія и умственные въ суровомъ заключеніи соловецкой тюрьмы ⁽¹¹⁾.

Семенъ Ивановичъ Сукинъ, генераль-майоръ и генераль-провіантмейстеръ, былъ вызванъ въ 1728 году въ Москву съ отчетами по заготовленію провіанта для Низоваго корпуса. Отчеты его оказались не безупречны, и онъ присталъ къ большинству шляхетства, чтобъ оградить себя на будущее время; онъ скоро присоединился къ сторонникамъ самодержавія Анны Іоанновны, за что и былъ сдѣланъ сенаторомъ, но темныя дѣла Сукина всплыли наружу и въ 1733 году онъ, по должности генераль-провіантмейстера, былъ преданъ военному суду. Ему однако удалось избавиться отъ наказанія и чрезъ три года мы видимъ его губернаторомъ въ Кіевѣ, гдѣ онъ умеръ въ 1738 г. ⁽¹²⁾.

⁽¹¹⁾ Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1726—1728 гг.; им. ук. кн. 32. 34 и 45.—См. статью о Волынскомъ «Др. и нов. Россія» 1877 г., т. II, с. 277 и слѣд.; т. III, с. 237, 242, 245 и слѣд.—Вантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1836 г., III, с. 387—389.—Пекарскій, «Наука и лит. Петр. врем.», I, 166.

⁽¹²⁾ Записки Миниха, изд. Шубинскаго, с. 173, прим. 103.—Голыковъ, Д. П. В., IX, 515, 518; X, 158; XIII, 365, 642.—П. С. З.,

Графъ Андрей Матвѣевичъ Апраксинъ оберъ-шенкъ, братъ генераль-адмирала Ѳеодора Матвѣевича Апраксина († 1727 г.) и царицы Марфы Матвѣевны, второй жены царя Ѳеодора Алексѣевича. И. Л. Желябужской въ своихъ „Запискахъ“ передаетъ случай, характеризующій Андрея Матвѣевича Апраксина. 18 марта 1696 года онъ со своими людьми напалъ на родственниковъ автора „Записокъ“—Василія Тимофеевича Желябужскаго съ сыномъ и „озарничествомъ своимъ билъ ихъ до увѣчья“. По жалобѣ обиженныхъ, Петръ В. передалъ ихъ дѣло на разсмотрѣніе князя-кесаря Ѳ. Ю. Ромодановскаго. Апраксинъ въ поданной имъ „сказкѣ“ отрицалъ взводимое на него обвиненіе. Петръ В., кромѣ взысканія съ Апраксина положенныхъ по тогдашнему закону штрафовъ за увѣчье въ пользу пострадавшихъ, велѣлъ его за ложную сказку „бить кнутомъ пещадно“. Только заступничество сестры его, Марфы Матвѣевны и любимца царя Франца Лефорта спасло Апраксина отъ наказанія. Петръ Великій послалъ молодого буяна провѣтриться за границу: въ 1697 году Андрей Апраксинъ поѣхалъ въ Англію и Амстердамъ учиться морскому дѣлу. Долго, до 1722 г., Петръ В. не утверждалъ за нимъ графскаго титула, который носили два старшихъ его брата, Петръ и Ѳеодоръ⁽¹³⁾.

Степанъ Васильевичъ Лопухинъ, двоюродный братъ царицы Евдокіи Ѳеодоровны, былъ женатъ на злосчастной Натальѣ Ѳеодоровнѣ, рожденной Балкѣ. Сильно замѣшанный, какъ близкій родственникъ Евдокіи Ѳеодоровны, въ процессъ царевича Алексѣя, онъ былъ сосланъ въ 1718 г. въ Кольскій острогъ; только Петръ II вызвалъ его въ 1727 г. ко двору изъ девятилѣтней ссылки и вазначилъ камергеромъ двора его двоюродной сестры, а своей бабки. Въ сентябрѣ 1730 года онъ назначенъ генераль-кригсъ-комиссаромъ морскаго вѣдомства, а при Елизаветѣ

т. VIII, № 5510; т. IX, № 6876.—Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1726—1728 гг.; им. ук., кн. 38.

(13) Долгор., род. кн., II, 113, 116.—Его же «Memoires», I, p. 16.—Записки Желябужскаго изд. Языкова, с. 97—100.—Устряловъ «Ист. Петра В.», II, с. 566.—Голіковъ, Д. П. В., IX, 359, 515; X, 68, 151, 158; XIII, 208; XV, 118.—Сен. Арх., им. ук., кн. 18.

Петровнѣ, въ 1743 году, былъ арестованъ по дѣлу своей жены и затѣмъ, послѣ наказанія кнутомъ и урѣзанія языка, вмѣстѣ съ женою сосланъ въ Селенгинскъ, гдѣ и умеръ въ 1748 году. Въ царствованіе Анны Іоанновны онъ былъ близокъ къ Остерману и держался нѣмецкой партіи ⁽¹⁴⁾.

Ко второй группѣ лицъ подписавшихъ проэктъ князя Черкаскаго, относятся: двое Грековыхъ, Бибиковы, Баскаковъ, Воейковъ, Елагинъ, Зыбинъ и Плещеевъ.

Максимъ Грековъ началъ военную службу при Петрѣ Великомъ и въ 1703 году былъ капитаномъ; въ 1722 году, въ чинѣ полковника назначенъ московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ; въ этой должности онъ находился до конца 1728 года, будучи уволенъ отъ службы, за старостію, съ чиномъ генераль-майора. Кромѣ участія въ проэктѣ князя Черкаскаго, онъ оставилъ по себѣ память въ событіяхъ 1730 г. отдѣльнымъ проэктомъ, посвящимъ его имя ⁽¹⁵⁾.

Его родственникъ Степанъ Грековъ занималъ должность московскаго генераль-полиціймейстера въ январѣ и февралѣ 1730 года и оставался въ пей до конца 1732 года. Въ 1733 году онъ назначенъ членомъ возобновленнаго доимочнаго приказа въ Москвѣ, а по соединеніи этого приказа съ канцеляріей конфискаціи, въ 1736 году былъ сдѣланъ судьей этой канцеляріи; въ 1738 году Степанъ Грековъ опредѣленъ главнымъ ея начальникомъ ⁽¹⁶⁾.

Изъ Бибиковыхъ особенно выдается Иванъ Ивановичъ, опытный финансистъ и юристъ. При Петрѣ Великомъ, уже въ чинѣ генераль-майора, былъ онъ главнымъ начальникомъ ревизіонъ-копторы и затѣмъ исправлялъ должность оберъ-прокурора сената. Въ 1727 году подъ его главнымъ руководствомъ производились выводы изъ первой ревизіи. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ президентомъ ревизіонъ-коллегіи, а въ концѣ 1729 года получилъ назначеніе на должность вице-губернатора въ Иркутскъ, но въ февралѣ 1730 года еще не уѣхалъ къ мѣсту новаго своего назначенія, а находился въ Москвѣ. Черезъ годъ, 31-го ян-

⁽¹⁴⁾ Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1727 г.; им. ук. кн., 42. — Дѣло Н. О. Лопухиной, Р. Ст. 1874 г., т. XI, с. 27—42, 191—212, 229—230.

⁽¹⁵⁾ Сен. Арх., им. ук. кн., 18, 29; ук. В. Т. С. 1728 г.

⁽¹⁶⁾ Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1728 г.; им. ук., кн. 36.

варя, онъ былъ назначенъ бѣлгородскимъ губерпаторомъ. Иванъ Ивановичъ Бибииковъ былъ въ числѣ сторонниковъ голштинскаго принца, находясь въ давнишнихъ близкихъ отношеніяхъ къ голштинскому двору; въ 1728 году онъ былъ посланъ въ Киль для сопровожденія въ Петербургъ тѣла умершей голштинской герцогини Анны Петровны.

Объ этомъ Бибииковъ сообщаетъ любопытныя подробности датскій посланникъ Вестфаленъ въ депешѣ $12\frac{1}{2}$ марта 1730 года. „Одинъ Бибииковъ (Vibikow) генераль-майоръ и генераль-прокуроръ прежняго сената, человекъ умный, смѣлый и интриганъ, съ давнихъ поръ преданный интересамъ герцога голштинскаго и его покойной супруги, во время бо-лѣзни послѣдняго монарха имѣлъ частыя совѣщанія по по-чамъ съ голштинскими министрами при этомъ дворѣ, а так-же со шведскимъ посланникомъ. Когда это дошло до свѣдѣнія Верховнаго Совѣта, то вышелъ указъ объ удаленіи Бибиикова изъ Москвы и онъ получилъ предписаніе отпра-виться пачальникомъ въ область, принадлежащую Россіи, которая находится всего въ 40 миляхъ пѣшецкихъ отъ зна-менитой Китайской Стѣны. Замѣтивъ, что распри между Верховнымъ Совѣтомъ и частію мелкаго шляхетства припи-мають серьезный оборотъ, онъ сталъ на сторону послѣдняго, въ качествѣ вожака, и съ отвагой подписалъ свою фамилію подъ запиской, въ которой эта партія умоляла Анну Іоанновну уничтожить, какъ условія, подписанныя ею въ Митавѣ, такъ и Верховный Совѣтъ, и возстановить значеніе прежняго сената. Когда Бибииковъ былъ допущенъ къ цѣлованію руки императрицы, онъ ловко внушилъ ей, что безъ малѣйшей съ его стороны вины, несправедливые его Долгоруки присудили отправить въ Сибирь командовать крѣпостцею, которую бы можно было ввѣрить подпоручику, влѣдствіе чего смиренно умолялъ Ея Величество въ интересахъ его семьи позволить ему уда-литься въ свои деревни, въ случаѣ если нельзя будетъ остаться ему въ Москвѣ на прежнемъ мѣстѣ; царица со-гласилась на его просьбу. Но великій канцлеръ, услышавъ объ этомъ, отправился къ царицѣ, для сообщенія ей о на-клонностяхъ этого человека и причинахъ, требующихъ его удаленія. Ея Величество находится въ недоумѣніи: съ одной стороны, влѣдствіе причинъ для удаленія Бибиикова, а съ другой—влѣдствіе даднаго ею слова. Наконецъ нашли вы-ходъ и рѣшили, что вмѣсто отправленія его въ Сибирь, его

пошлютъ въ Украйну, для начальства надъ крѣпостью, посящей названіе Бѣлгорода, такъ что удаленіе сего отсюда все-таки состоится“⁽¹⁷⁾.

А лексѣй Петровичъ Баскаковъ оберъ-прокуроръ синода, въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго былъ гвардіи капитаномъ. Съ 1724 года ему были поручены хозяйственныя дѣла русской церкви. Въ этомъ году Петръ Великій вручилъ Баскакову для изученія духовный регламентъ, а вслѣдъ за тѣмъ возложилъ на него приведеніе въ извѣстность и систему всѣхъ доходовъ монастырскихъ имѣній. Въ 1726 году, при раздѣленіи синода на два „апартамента“, Баскаковъ былъ назначенъ членомъ одного изъ нихъ—распорядительнаго, и въ томъ же году занялъ должность оберъ-прокурора синода. Произведенный въ коронацію Анны Іоанновны въ д. с. с., онъ вскорѣ послѣ того былъ назначенъ вице-президентомъ каморъ-коллегіи, а въ 1736 году директоромъ палмейстерской экспедиціи⁽¹⁸⁾.

Петръ Лукичъ Воейковъ, приближенный царицы Прасковьи Оеодоровны, матери Анны Іоанновны, былъ еще въ 1719 году, въ чинѣ генераль-майора, назначенъ вице-губернаторомъ въ Ригу; въ этой должности состоялъ онъ до 1728 года. Въ 1730 г. находился въ отставкѣ и умеръ въ 1732 году⁽¹⁹⁾.

---

(17) Предокъ Бибиковыхъ, мурза Жидимиръ изъ Синей Орды, выѣхалъ въ Тверь около 1300 г.; въ 1699 г. 20 Бибихъ владѣли насел. имѣніями. См. Долгор., род. кн., IV, 290—292, 295.—Сен. Арх., им. ук., кн. 18, 24, 32 и 33; ук. В. Т. С. 1726, 1727 и 1729 гг.—См. въ III-мъ приложеніи къ настоящему изслѣдованію, депеши Вестфалена, № 16.—И. С. З., т. VIII, № 5303.—Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1728 г.—Объ Ив. Ив. Бибиковѣ у Голякова, въ Д. Н. В. см. указатель ко 2-му изд.

(18) Сен. Арх., им. ук., кн. 26.—См. также указатель ко 2-му изд. Д. Н. В. Голякова.

(19) Сен. Арх., им. ук., кн. 12, 35; ук. В. Т. С. 1727 г.—Письма царицы Прасковьи Оеодоровны. Р. Ст. 1872 г., т. VI, с. 564.—Воейковы принадлежать къ старинному служилому роду; предокъ ихъ Воейко, Войтяговъ сынъ, владѣлецъ Торновскій, выѣхалъ изъ Пруссіи съ дружиной въ полтораста человекъ къ Дмитрію Донскому въ 1384 г. Воейко принялъ православіе въ Москвѣ; крещеніе совершено въ Чудо-

Андреяиъ Никифоровичъ Елагинъ, гофмейстеръ двора Петра II, былъ сторонникомъ Елизаветы Петровны и яркимъ противникомъ Долгорукихъ: князя Василья Лукича Долгорукаго въ разговорахъ съ пріятелями онъ иначе не называлъ, какъ „маткой бунта“⁽²⁰⁾.

Александръ Зыбинъ, — морякъ и знающій хорошо свое дѣло горный инженеръ. Это видно изъ того, что еще Петромъ Великимъ, въ 1724 году, онъ былъ назначенъ вице-президентомъ бергъ-коллегіи (президентомъ ея былъ ученый того времени Яковъ Виллимовичъ Брюсъ); Петръ Великій, такъ горячо заботившійся о развитіи въ Россіи горнаго дѣла, могъ назначить на этотъ постъ только опытнаго и знающаго специалиста. Въ 1727 году, при сверженіи князя А. Д. Меншикова, Зыбину было поручено составить опись дома и движимаго имущества Ижорскаго князя; въ 1728 году онъ произведенъ въ д. с. с. и назначенъ президентомъ бергъ-коллегіи на мѣсто уволеннаго отъ службы Брюсы. Мы не имѣемъ свѣдѣній объ отношеніяхъ Зыбина къ Татищеву, но можемъ предположить, что они, по крайней мѣрѣ въ 1730 году, были очень близки: въ то время Татищевъ, покровительствуемый Брюсомъ, начиналъ только свою службу по горному вѣдомству и находился подъ начальствомъ Зыбина, занимая мѣсто совѣтника монетной конторы. Въ царствованіе Анны Иоанновны Зыбинъ занималъ также видныя должности: въ декабрѣ 1730 года онъ былъ назначенъ членомъ въ комиссію сочиненія уложенія, а чрезъ годъ судьей въ сыскной приказъ. Въ 1735 году Зыбинъ явился одною изъ жертвъ пѣмецкаго правительства Анны Иоанновны: обвиненный въ неправильномъ рѣшеніи дѣла о работникѣ купца Луковникова онъ былъ лишенъ „ранга“ д. с. с. и опредѣленъ въ Дибировскую и Донецкую экспедицію зачѣдывающимъ славомъ лѣса по Дибіру и Десяи и стройкой мелкихъ судовъ въ городѣ Брянскѣ. Только въ 1738 году былъ ему возвращенъ прежній рангъ⁽²¹⁾.

вомъ монастырѣ митрополитомъ Кирииломъ и Св. Сергіемъ Радонежскимъ. Дмитрій Донской далъ ему въ кормленіе городъ Дмитровъ, а при вел. кн. Василіи Дмитріевичѣ онъ былъ бояриномъ. См. Долгор., род. кн., IV, 333.

⁽²⁰⁾ Дѣло Столѣтова. Р. Ст. 1873 г., т. VIII, с. 9—10.

⁽²¹⁾ П. С. З., т. VIII, № 3634. — Сеп. Арх., им. ук., кн. 34, 43, 49; каб., кн. 50, 57; ук. В. Т. С. 1727—1728 гг.; проток. В.

Иванъ Никифоровичъ Плещеевъ еще при Петрѣ Великомъ заявилъ себя весьма свѣдущимъ и исправнымъ слѣдственнымъ чиновникомъ и администраторомъ. Въ 1719 году онъ былъ опредѣленъ товарищемъ московскаго вице-губернатора Воейкова, а въ 1722 году — „къ герольдмейстерскимъ дѣламъ“. При Екатеринѣ I мы видимъ его д. с. с. и герольдмейстеромъ, а при Петрѣ II производимъ допросъ князю Меншикову въ Раненбургѣ и опечатавающимъ его бумаги; за исправное исполненіе этого порученія онъ производится въ тайные совѣтники. И. Н. Плещеевъ находился въ близкихъ отношеніяхъ къ барону Остерману⁽²²⁾.

Во главѣ третьей группы лицъ, возвысившихся исключительно благодаря Петру Великому, должны быть поставлены его родственники: по матери, — графъ Головкинъ и по второй супругѣ императрицѣ Екатеринѣ — Кошелевъ и Шепелевъ.

Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ, сынъ канцлера и братъ сенатора, незадолго предъ воцареніемъ Анны Іоанновны возвратился изъ Берлина, гдѣ еще со времени Петра Великаго былъ русскимъ резидентомъ. Онъ былъ женатъ на единственной дочери послѣдняго князя Ромодановскаго Екатеринѣ Ивановнѣ, благодаря которой, (мы упоминали о ней выше) — имя Михаила Гавриловича не стерлось въ смутное время дворскихъ переворотовъ; самъ онъ былъ человѣкъ не блестящихъ способностей, обладая впрочемъ достаточнымъ количествомъ свѣдѣній, чтобы занимать довольно видныя должности. Вслѣдъ за провозглашеніемъ самодержавія Анны Іоанновны, Михаилъ Гавриловичъ былъ сдѣланъ сенаторомъ преобразованнаго сената и исполнялъ спеціальныя порученія по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія, главнымъ образомъ по финансамъ и торговлѣ. При Аннѣ Леопольдовнѣ онъ назначенъ

Т. С. 1730 г. — П. П. В. 353, 411. — Голиковъ, Д. П. В., XIII, 363; XIV, 92, 100, 145; XV, 136, 137.

⁽²²⁾ Сен. Арх., им. ук., кн. 6, 27, 13, 18; ук. В. Т. С. 1726 — 1728 гг. — Арсеньевъ «Царств. Петра II» с. 58. — См. также Голикова, указатель ко 2-му изд. Д. П. В.

кабинетъ - министромъ и вице-канцлеромъ. Онъ явился искреннимъ и ревностнымъ сторонникомъ правительницы, за что погибъ при Елизаветѣ Петровнѣ: при восшествіи ея на престолъ онъ былъ лишенъ чиновъ и имѣній и сосланъ въ Сибирь, гдѣ и умеръ въ 1755 году⁽²³⁾.

Шталмейстеръ Родіонъ Михайловичъ Кошелевъ и гофмейстеръ Дмитрій Андреевичъ Шепелевъ были женаты на двухъ родныхъ сестрахъ, дочеряхъ пастора Глюка, въ семействѣ котораго жила нѣкогда Марта Скавронская; родственница Д. А. Шепелева Мавра Егоровна была лицомъ очень близкимъ къ Елизаветѣ Петровнѣ и впослѣдствіи вышла замужъ за ея фаворита П. И. Шувалова. По этимъ родственнымъ отношеніямъ Кошелевъ и Шепелевъ были сторонниками Елизаветы Петровны⁽²⁴⁾.

Оберъ-гофмейстеръ Матвѣй Дмитриевичъ Олсуфьевъ, занимавшій эту должность еще при Петрѣ Великомъ, въ ноябрѣ 1730 года былъ уволенъ отъ службы и не игралъ никакой роли во все время царствованія Анны Иоанновны, не смотря на то, что принималъ самое дѣятельное участіе въ провозглашеніи ея самодержавія⁽²⁵⁾.

Оберъ-шталмейстеръ Петра В. и при послѣдующихъ царствованіяхъ, Семенъ Алексѣевичъ Алабердеевъ, извѣстенъ не столько своей придворной должностью (вовсе не составлявшей при Петрѣ Великомъ виднаго положенія) сколько своими знаніями и близкими отношеніями

⁽²³⁾ Голиковъ Д. П. В., IX, 424. — П. С. З., т. VIII. № 3510. т. IX, №№ 6444, 6636; т. X, № 7589. — Сен. Арх. им. ук.; кн. 34, 39. — Хмыровъ «Гр. Е. И. Головкина».

⁽²⁴⁾ Род. Р. Ст., I, с. 148, 334, 339. — Сен. Арх.; ук. В. Т. С. 1726 и 1728 гг. — Голиковъ. Д. П. В., VI, 193, 283; IX, 303; X, 400; XI, 475, 482. — Helbig, «Russische Günstlinge», S. 130 — Карабановъ, «Статсъ-дамы», Р. Ст. 1870 г., т. II, с. 480; 1871 г., т. III, с. 466; т. IV, с. 59. О Маврѣ Егоровнѣ Шепелевой см. Р. Ст. 1870 г. т. I, с. 90; т. II, с. 102, 106, 488; 1871 г. т. III, с. 471. — Письма ея къ Елизаветѣ Петровнѣ *Ibid.*, 1870 г. т. I, с. 540; 1874 г.: т. IX, с. 99.

⁽²⁵⁾ Сен. Арх. им. ук., кн. 24, 32. — См. о немъ у Голикова указат. ко 2-му изд. Д. П. В.

къ „первому императору“. Алабердеевъ началъ службу во флотѣ и выказалъ солидныя знанія въ „навигаторской наукѣ“ и геодезіи, которымъ преобразователь Россіи придавалъ весьма большое значеніе. Въ 1724 году Петръ Великій возложилъ на него вмѣстѣ съ Любрасомъ порученіе отыскать и изслѣдовать новое водное сообщеніе между Волгой и Ладожскимъ озеромъ; порученіе это Алабердеевъ исполнилъ весьма скоро и искусно, вслѣдствіе чего императоръ писалъ ему слѣдующее: „Письмо ваше, отъ 1 сего сентября писанное, я съ немалою радостію принялъ, и по истинѣ всѣ кои услышали о семъ зѣло обрадовались, что отъ натуры способной водяной путь чрезъ помощь Божію нашелся вашими трудами, за которые нынѣ издали благодарствуемъ, а вѣдше будемъ, когда васъ увидимъ“. Въ томъ же 1724 году Алабердеевъ составилъ, вмѣстѣ съ другими морскими офицерами (Любрасомъ, Ганцемъ, Дебриныи и Волковымъ) гидрографическое описаніе Балтійскаго моря—и опять Петръ Великій остался очень доволенъ этимъ новымъ трудомъ своего оберъ-штабмейстера (*).

Александръ Васильевичъ Макаровъ, кабинетъ-секретарь Петра В., былъ очень незнатнаго происхожденія: онъ началъ свою службу подъячимъ воеводской канцеляріи въ Вологдѣ, гдѣ былъ замѣченъ Петромъ I и взятъ писцомъ въ его канцелярію. Способности Макарова и его умѣнье подлаживаться къ Петру Великому вскорѣ доставили ему полное расположеніе Петра и должность его тайнаго кабинетъ-секретаря. Онъ всюду сопровождалъ царя и вслѣдствіе этого много видалъ на своемъ вѣку; онъ зналъ хорошо Россію отъ Вологды до крымскихъ кочевьевъ и отъ Балтійскаго моря до рѣки Дона, бывалъ не разъ съ Петромъ Великимъ за границей: въ Даніи, Голландіи, Германіи и Франціи (въ 1716 и 1717 годахъ) и въ Персіи (въ 1722 году.) Близость Макарова къ Петру Великому ставила его выше всѣхъ тогдашнихъ сановниковъ въ имперіи: передъ нимъ одинаково заискивали иноземцы-карьеристы,

---

(*) Сен. Арх., им. ук., кв. 24, 29, 33; ук. В. Т. С. 1728 г.—Голяковъ, Д. П. В., VI, 621; VII, 370; IX, 413, 458, 459; X, 73, 92, 93, 158, 405, 435.

и родовитые русскіе люди и прославленные птенцы Петра Великаго,—Ягушипской, Головкинъ и даже самъ Меншиковъ. Макаровъ покровительствовалъ Мартѣ Скавронской, впоследствии воцарившейся съ именемъ Екатерины I-й и болѣе всѣхъ способствовалъ возведенію ея на престолъ. При Петрѣ II-мъ Макаровъ остался одинокимъ и долженъ былъ искать себѣ „милостивцевъ“. Ему удалось поддѣлаться къ всеильнымъ тогда Долгорукимъ, въ которыхъ онъ нашелъ надежныхъ покровителей; благодаря имъ, онъ получилъ важную должность президента каморъ-коллегіи. Въ 1730 году, когда противъ Долгорукихъ возстало шляхетство, Макаровъ не задумался перейти на его сторону, отступившись отъ своихъ покровителей такъ же быстро, какъ нѣкогда счумѣлъ заслужить ихъ милость ⁽²⁷⁾.

Прославившійся своими мрачными дѣянiями въ тайной канцеляріи Андрей Ивановичъ Ушаковъ, въ 1730 году уже шестидесятилѣтній старикъ, только что возвратился изъ ссылки, въ которой находился по милости Меншикова, будучи имъ впутанъ въ такъ называемое Девьеровское дѣло. Для Ушакова участіе въ шляхетскихъ совѣщанiяхъ было не больше, какъ вопросомъ карьеры. При Петрѣ II онъ не могъ разсчитывать на видное служебное положеніе и не въ силахъ былъ предугадать тѣхъ послѣдствій, которыя вытекли изъ воцаренiя Анны Іоанновны. Примкнувъ до поры до времени къ тому шляхетскому кружку, въ которомъ находилось всего болѣе людей власть имѣвшихъ, Ушаковъ чрезъ нѣсколько дней сталъ однимъ изъ ревностныхъ пропагандистовъ самодержавiя Анны Іоанновны, а въ ея десятилѣтнее царствованіе былъ не только усерднымъ слугою вѣмцевъ-правителей, но запятналъ свою память ролью политическаго сыщика и палача, связавъ неразрывно свою судьбу съ лихолѣтіемъ Бироновщины и страшнымъ „словомъ

⁽²⁷⁾ Бятышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1836 г., III, 277—278.—Fr. P. Dolgoroukow «Memoires», I, p. 217.—Helbig. «Russische Günstlinge». S. 125.—См. также указат. ко 2-му изд. Д. П. В. Голикова.—Покарскій «Наука и лит. Петр. вр.», I, 56, 57, 143, 153, 157, 162, 164—167, 218, 226, 233, 242, 259, 297, 298, 300, 356, 436, 503, 576, 377; II, 302—304, 397, 436, 459, 469, 562, 571, 643, 653, 660, 661.

и дѣломъ". Политическихъ убѣжденій онъ не имѣлъ, его profession de foi состояло въ рабскомъ служеніи существующему порядку и въ вымогательствѣ показаній противъ этого порядка посредствомъ страшныхъ истязаній и пытокъ, которыми онъ предавался съ увлеченіемъ. При такомъ воззрѣніи на вещи Ушакову весьма легко было удержаться при смѣнѣ всѣхъ правительствъ: къ нему одинаково благоволили и Анна съ Бирономъ, и правительница Анна Леопольдовна, и Елизавета Петровна. Онъ умеръ въ 1747 г. ⁽¹⁸⁾).

Григорій Петровичъ Чернышевъ (р. 1672 г. † 1745 г.) отецъ знаменитыхъ дѣятелей царствованія Екатерины II-ой—Ивана, Петра и Захара Чернышевыхъ, генераль-поручикъ, генераль крѣгсъ-комиссаръ и лифляндскій губернаторъ,—началь службу стольникомъ царей Іоанна и Петра; въ 1699 году зачисленъ въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ и опредѣленъ деньщикомъ къ Петру I. Въ шведскую войну онъ отличался храбростію и распорядительностью, за что и былъ быстро возвышенъ въ военныхъ чинахъ: черезъ пять лѣтъ боевой службы, онъ былъ уже майоромъ и командовалъ тобольскимъ пѣхотнымъ полкомъ, а еще черезъ пять лѣтъ—генераль-майоромъ. Онъ былъ женатъ на Авдотѣ Ивановнѣ Ржевской, впоследствии любимой статсъ-дамѣ императрицы Анны Іоанновны. „Генераль Чернышевъ“,—говоритъ о немъ испанскій посолъ де-Лиріа— „былъ уменъ, храбръ и исправенъ въ службѣ, но отличался чрезвычайной скупостію, лживостію и ненавистію къ иностранцамъ“ ⁽¹⁹⁾).

Генераль-майоръ Алексѣй Ивановичъ Таркановъ, завѣдывавшій укрѣпленіями на Дону, а затѣмъ состоявшій въ Низовомъ корпусѣ, ирибылъ изъ Персіи, по всей вѣроятности, съ фельдмаршаломъ Долгорукимъ. Онъ присталъ къ сторонникамъ самодержавія Анны Іоанновны,

---

⁽¹⁸⁾ Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1847 г., III, с. 438—446.—О дѣлѣ Девьера см. у Арсеньева въ Ист. царств. Екатерины I-й учен. зап. 2-го отд. акад. наукъ 1856 г., кн. II, в. I, с. 245—251.

⁽¹⁹⁾ Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1847 г., III, с. 509—511.—Долгор., род. кн., II, 101—104.—Род. Р. Ст., I, 368—370.—Де-Лиріа «Характеристики», ржн., с. 154. О Чернышевомъ много у Голикова: см. указат. ко 2-му изд. Д. II, В.

за что былъ сдѣланъ сенаторомъ, а вслѣдъ затѣмъ пазначенъ губернаторомъ въ Смоленскъ⁽⁸⁰⁾.

Очень блѣдною личностью по недостатку свѣдѣній является Сергѣй Васильевичъ Секіотовъ. Мы вносимъ его въ текстъ только потому, что имя его стоитъ первымъ въ числѣ лицъ, подписавшихъ проектъ большинства, который занесенъ въ officialный журналъ Верховнаго Тайнаго Совѣта подъ именемъ проекта Секіотова. Въ 1720 г. Секіотовъ былъ полковникомъ и комендантомъ въ Царицынѣ, важномъ стратегическомъ пунктѣ въ первую половину XVIII вѣка. Царицынъ былъ однимъ изъ крѣпкихъ оплотовъ русскаго владычества противъ кочевниковъ Азіи—калмыковъ и киргизовъ и стоялъ во главѣ цѣлаго ряда укрѣпленій, воздвигнутыхъ противъ набѣговъ этихъ кочевниковъ и извѣстныхъ подъ именемъ царицынской линіи. Царицынъ служилъ въ то время сборнымъ пунктомъ русскихъ войскъ при походахъ въ Персію, въ Крымъ и Турцію. Въ 1730 году С. В. Секіотовъ былъ бригадиромъ, а въ день коронаціи Анны Іоанновны произведенъ въ д. с. с. Вскорѣ послѣ этого онъ назначенъ членомъ военной коллегіи, а въ 1731 году опредѣленъ въ Кіевъ оберъ-комендантомъ⁽⁸¹⁾.

Въ проектѣ Секіотова намъ придется отмѣтить очень немного изъ людей родословныхъ.

Дальній родственникъ князя Ивана Ѳеодоровича Борятинскаго, участвовавшаго въ проектѣ князя Черкаскаго, князь Ѳеодоръ Борятинскій былъ при Екатеринѣ I прокуроромъ главнаго магистрата и въ 1727 году председателемъ комиссіи повѣрявшей счеты ревизіонъ-коллегіи. Не смотря на свое участіе въ шляхетскихъ совѣщаніяхъ, онъ въ коронацію Анны Іоанновны былъ произведенъ въ полковники. Съ 1731 по 1735 годъ состоялъ судьей сибирскаго приказа и подвергся отвѣтственности за разныя злоупотребленія, всплывшія наружу по дѣлу Жолобова, о которомъ мы будемъ говорить ниже⁽⁸²⁾.

⁽⁸⁰⁾ Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1728—1729 гг.; им. ук., кн. 32.

⁽⁸¹⁾ П. С. З., т. VI, № 3609.—Сен. Арх., им. ук., кн. 24, 32, 44.

⁽⁸²⁾ Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1727 г.; им. ук., кн. 32, 33, 63, 66.

Камергеръ князь Александръ Андреевичъ Черкасской, дальній родственникъ князя Алексѣя Михайловича Черкаскаго, съ 1713 по 1715 г. находился въ Голландіи для наученія корабельному дѣлу. Въ 1732 г. онъ былъ назначенъ смоленскимъ губернаторомъ и въ то время явился сторонникомъ голштинскаго принца Петра-Ульриха. Черкасской до 1728 г. состоялъ камергеромъ матери Петра-Ульриха Анны Петровны, былъ расположенъ къ принцу со дня его рожденія и за свою преданность ему понесъ жестокую кару. Въ 1735 году онъ былъ заключенъ въ отдаленное Жиганское зимовье на берегу Охотскаго моря; здѣсь пробылъ онъ пять лѣтъ, почти лишившись зрѣнія и слуха, и постоянно страдалъ цингой и скорбутомъ, вслѣдствіе невыносимаго климата. Биронъ во время своего регентства возвратилъ Черкасскому придворное званіе, а при Елизаветѣ Петровнѣ онъ былъ произведенъ въ генералъ-поручики и пожалованъ орденомъ Александра Невскаго (**).

Князья Щербатовы—Николай Петровичъ и Осипъ Ивановичъ, не занимая высокихъ должностей, выдвигались своимъ древнимъ родомъ и старинными родственными связями. Николай Петровичъ, женатый на Шереметевой, былъ армейскимъ майоромъ, а Осипъ Ивановичъ полковникомъ. Осипъ Ивановичъ (р. 1686 г. † 1765 г.) игралъ особую роль среди шляхетства, по своей женитьбѣ на Агравенѣ Ѳеодоровнѣ Салтыковой, родной теткѣ избранной императрицы Анны Іоанновны. Еще молодымъ стольникомъ онъ былъ отправленъ Петромъ Великимъ въ 1698 году въ Амстердамъ для наученія корабельному дѣлу (*).

Василій Матвѣевичъ Еропкинъ былъ въ 1730 году гофмейстеромъ Екатерины Іоанновны герцогини мекленбургской, старшей сестры императрицы Анны Іоан-

---

(**) Сен. Арх., им. ук., кн. 29, 35, 64. — П. С. З., т. IX, № 6647. — Дѣло кн. Черкаскаго, по извлеченіямъ изъ Госуд. Арх. II. И. Шульгина, въ «Памятн. Нов. Рус. Ист.» Каширева, т. I, с. 194—306. — Пекарскій «Наука и лит. Петр. вр.», I, 142.

(*) Долгор., род. кн.; I, 109. — П. С. З., т. VIII, № 6190. — Сен. Арх., им. ук., кн. 49. — Пекарскій, «Наука и лит. Петр. вр.», I, 14, 522.

новны, а до того времени завѣдывалъ „депешною выдачею“ ея матери, царицы Прасковьи Ѳеодоровны (*).

Изъ фамиліи Ржевскихъ, ведущихъ роль своей отъ удѣльнаго князя г. Ржева, подписали проэктъ Секіотова пятеро. Изъ нихъ мы остановимся на Александрѣ Тимофеевичѣ, его двоюродномъ братѣ Матвѣѣ Алексѣевичѣ и дальнемъ ихъ родственникѣ Иванѣ Ивановичѣ.

Александръ Тимофеевичъ Ржевской былъ извѣстный юристъ и дѣлецъ своего времени. Еще въ 1722 году былъ онъ назначенъ прокуроромъ юстицъ-коллегіи, а въ 1727 году состоялъ совѣтникомъ той же коллегіи. Жена роднаго дяди Александра Тимофеевича, Ивана Ивановича Ржевскаго, Дарья Гавриловна, рожденная Соковнина, была двоюродной сестрой казеннаго Петромъ Великимъ окольничаго Алексѣя Прокофьевича Соковнина, а впоследствии извѣстной князь-игуменьей „всепутѣйшаго собора“ Петра Великаго, а дочь ея Авдотья Ивановна Чернышева (жена Григорія Петровича Чернышева) была съ молодыхъ лѣтъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Анной Іоанновной, которая во время всей своей бездольной жизни въ Курляндіи писала къ ней письма и подписывалась въ нихъ „неотмѣннымъ ея другомъ“. Она была ея фрейлиной, а по провозглашеніи Анны Іоанновны самодержицей сдѣлана ея статсъ-дамой. Императрица любила ея особенно за ея умѣніе хорошо разсказывать разныя городскія новости и анекдоты.

Двоюродный братъ Александра Тимофеевича—Матвѣй Алексѣевичъ былъ морякъ и находился въ числѣ стольниковъ отправленныхъ въ 1697 году Петромъ Великимъ въ Италію, для наученія морскому дѣлу. Вмѣстѣ съ нимъ былъ отправленъ туда и дальній его родственникъ Иванъ Ивановичъ Ржевской, морякъ же (**).

(*) Долгор., род. кн., IV, 8—10.—Сен. Арх., проток. В. Т. С. 1730 г.—Письма царицы Праск. Ѳеод. къ В. Ѳ. Салтыкову, Р. Ст. 1873 г., т. VI, с. 564, 565. Еропкины происходятъ отъ князей Смоленскихъ.

(**) Долгор., род. кн., IV, 29, 32.—Сен. Арх., им. ук., кн. 18, 32; ук. В. Т. С. 1727 г.—Устряловъ, «Ист. Петра В.», II, с. 565.—Карабановъ, «Статсъ-дамы», Р. Ст. 1870 г., II, 479, 482.—Письма князь-игуменни къ Петру В., Р. Ст. 1872 г., т. V, с. 890—892.—С. Н. Шубинскій: «Придв. бытъ и—цы Анны Іоан.», Р. Ст.

Иванъ Михайловичъ Волинскій (р. 1693 г. † 1763 г.) двоюродный братъ извѣстнаго кабинетъ-министра Анны Іоанновны Артемія Петровича Волинскаго, началъ службу при Петрѣ Великомъ сержантомъ Семеновскаго полка, а въ 1728 году былъ уже бригадиромъ. По своему происхожденію и родственнымъ связямъ, (онъ былъ женатъ на княжцѣ Волхонской и находился въ свойствахъ съ Салтыковыми и Нарышкиными),—Иванъ Михайловичъ Волинскій занималъ видное мѣсто между людьми родословными и былъ изъ числа тѣхъ участниковъ въ шляхетскихъ провѣткахъ, которые впоследствии, вслѣдъ за княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ Черкасскимъ, княземъ Н. Ю. Трубецкимъ и С. А. Салтыковымъ,—явились главными сторонниками самодержавія Анны Іоанновны. Изъ его переписки за 1730 г. съ А. П. Волинскимъ, бывшимъ въ то время губернаторомъ въ Казани, видно, что Иванъ Михайловичъ Волинскій былъ посвященъ во всѣ тайны шляхетскихъ совѣщаній⁽³⁷⁾.

1873 г. т. VII, с. 344.—Нѣкоторые изъ предковъ Ржевскихъ отличались необыкновенной честностью и мужествомъ. Семейное преданіе сохранило память о честности Ивана Константиновича Ржевскаго, взятаго въ плѣнъ поляками въ 1566 г. Онъ былъ отпущенъ изъ плѣна, давъ честное слово прислать за себя выкупъ. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Московскомъ государствѣ и не найдя денегъ для выкупа, Ив. Конст. добровольно возвратился въ плѣнъ.—Три брата Ржевскихъ играли важную роль въ междоусобицѣ; одинъ изъ нихъ, Ив. Никит., вступился за врага своего, Прокопія Ляпунова, защищая его передъ возмущившимися казаками, за что и былъ ими изрубленъ. Правнукъ Ивана Конст., Ив. Ив. Ржевской, окольничій, мужественно защищалъ Чигиринъ отъ турокъ и крымцевъ въ 1678 году и, пробившись со всѣми жителями и гарнизономъ черезъ турецкій станъ, соединился съ войсками кн. Ромодановскаго. (Долгор., род. кн., IV, 34)—Сынъ Авдѣя Ивановича Ржевскаго, Алексѣй Андр. († 1804 г.) былъ писателемъ, членомъ Рос. академіи и депутатомъ отъ гор. Воротынска, Моск. губ., въ Екатерининской комиссіи 1767 г. Онъ былъ женатъ на дочери Ѳедота Каменскаго, принимавшаго участіе въ совѣщаніяхъ шляхетства въ 1730 г., (см. 2-е приложеніе къ настоящему изслѣдованію)—Александръ Ѳедотовъ Каменской, сестрѣ извѣстнаго фельдмаршала Михаила Ѳедотовича. Александра Ѳедотовна была также писательница и артистка (живописецъ и музыкантша).—См. замѣтку М. Н. Лонгинова въ Р. Ст. 1870 г., т. II, с. 78—80.

⁽³⁷⁾ Род. Р. Ст., I, 141, 146.—Предокъ Волинскихъ, князь Дмитрій Михайловичъ Волчинскій-Боброкъ, выѣхалъ во второй половинѣ XIV в.

Изъ Салтыковыхъ, родственниковъ избранной императрицы Анны Иоанновны, участвовали въ проектѣ Секиотова двое: дальній ея родственникъ Василій Ѳеодоровичъ (р. 1675 г. † 1775 г.) и двоюродный братъ ея Александръ Васильевичъ, сынъ кравчаго Василія Ѳеодоровича Салтыкова. Василій Ѳеодоровичъ Салтыковъ является сержантомъ Преображенскаго полка въ 1698 году, а въ 1722 г. полковникомъ драгунскаго петербургскаго полка. Въ коронацію Анны Иоанновны 28 апрѣля 1730 г. онъ былъ произведенъ въ генераль-майоры съ увольненіемъ отъ службы. Въ 1732 году—назначенъ генераль-полиціймейстеромъ С.-Петербурга съ подчиненіемъ ему полиціи во всемъ государствѣ. Въ этой должности, будучи ревностнымъ клевретомъ Биропа, онъ быстро возвышался въ чинахъ, а впоследствии явился сторонникомъ Елизаветы Петровны и содѣйствовалъ ея восшествію на престолъ. По всей вѣроятности, онъ былъ близокъ къ Елизаветѣ Петровнѣ и во время избранія Анны Иоанновны: только этимъ и можно объяснить его увольненіе отъ службы въ ея коронацію. Его двѣ дочери были фрейлинами Елизаветы Петровны. Александръ Васильевичъ Салтыковъ поступилъ въ 1698 году малолѣтнимъ сержантомъ къ Семеновскій полкъ. Въ концѣ царствованія Петра В., былъ онъ полковникомъ и комендантомъ въ Нарвѣ; въ 1728 г. уволенъ отъ этой должности съ зачисленіемъ по арміи, а въ коронацію Анны Иоанновны пожалованъ бригадиромъ (**).

изъ Волини въ Москву и былъ во второмъ бракѣ женатъ на сестрѣ Дмитрія Донжого, Аннѣ Ивановнѣ.—См. монографію объ А. П. Волевскомъ въ «Др. и Нов. Россіи» за 1876 и 1877 гг.—Устряловъ, «Ист. Петра В.», III, 569.—Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1728 г.—Переписка И. М. В.—скаго съ Арт. Петр. Воынскимъ въ «Памяти. Нов. Рус. Ист.» Кашпирева, т. II, отд. II, с. 195—250.

(**) Устряловъ «Ист. Петра В.», т III, с. 574.—Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1728 г., им. ук., кн. 32.—Кн. Долгорукой (род. кн., II, с. 74) указываетъ за XVIII в. только одного Александра Салтыкова сына Василія Ѳеодоровича (генер.-полиціймейстера) и означаетъ его умершимъ въ 1803 г. въ чинѣ Т. С. Очевидно это не можетъ быть Александръ Салтыковъ, поступившій сержантомъ въ 1698 г. — У кравчаго Василія Ѳеодоровича Салтыкова, по указаніямъ того же Долгорукаго

Михаилъ Григорьевичъ Нарышкинъ (р. 1699, г. † 1744 г.) отличался преданностью стариннымъ московскимъ обычаямъ и еще при Екатеринѣ I, послѣ смерти Петра, значился съ прежнимъ московскимъ чиномъ „близняго стольника“. Скомпрометтированный близостью своего брата Семена Григорьевича къ царевичу Алексѣю Петровичу, онъ подвергся также опалѣ и былъ сосланъ въ дальнюю деревню. Екатериной I онъ былъ возвращенъ ко двору и тотчасъ же уѣхалъ въ отпускъ въ Москву, въ которой и жилъ въ 1730 году безъ всякаго опредѣленнаго дѣла. Женатъ онъ былъ на Ульянѣ Андреевнѣ Колычовой, родной сестрѣ Степана Андреевича ⁽³⁹⁾.

Абрамъ Θεодоровичъ Лопухинъ, былъ съ 1728 г. шталмейстеромъ двора своей внучатной бабки царицы Евдокіи Θεодоровны ⁽⁴⁰⁾.

Переходимъ къ главнѣйшимъ участникамъ проекта Секиотова изъ стариннаго шляхетства.

Алексѣй Юрьевичъ Бибииковъ, двоюродный братъ Ивана Ивановича Бибиикова, участвовавшего въ проектѣ князя Черкаскаго, пользовался особою довѣренностью Петра В. Въ концѣ его царствованія онъ занималъ должность прокурора мануфактуръ-коллегіи, а въ 1726 г. опредѣленъ въ эту коллегію вице-президентомъ; въ 1727 г. назначенъ генераль-рекетмейстеромъ при сенатѣ ⁽⁴¹⁾.

О полковникѣ Петрѣ Алексѣевичѣ Соковинѣ мы знаемъ очень мало. Извѣстно только, что въ 1729

(II, с. 72, 74) дѣтей не было, но мы считаемъ Александра Васильевича сыномъ Салтыкова кравчаго, потому что онъ называется Александромъ Васильевичемъ въ официальныхъ документахъ и по годамъ своимъ не могъ быть сыномъ кого либо изъ другихъ Салтыковыхъ; сыномъ генераль-полиціймейстера онъ также не могъ быть, будучи почти однихъ съ нимъ лѣтъ.

⁽³⁹⁾ Сен. Арх., им. ук., кн. 18, 23, 24. — Род. Р. Ст., 239—242. — См. монографію о Волинскомъ въ «Др. и Нов. Россіи» 1877 г., т. I, с. 14—15.

⁽⁴⁰⁾ Сен. Арх., им. ук., кн. 38, 32; ук. В. Т. С. 1728 г. — П. С. З., т. IX, № 7052.

⁽⁴¹⁾ Сен. Арх., им. ук., кн. 18, 34, 32, 50, 110; ук. В. Т. С. 1726, 1727 и 1728 гг.; каб., 54, 59. — П. С. З., т. IV, № 1835; т. VIII, № 5534; т. IX, № 6876.

году онъ назначенъ состоять при С. А. Колычевѣ, по возложенному на послѣдняго порученію повѣрять счета по императорскому двору и по дворцовымъ управленіямъ; но личность Соковнина весьма интересна по его происхожденію. П. А. Соковнинъ былъ сыномъ извѣстнаго „супротивника“ Петра Великаго, окольного Алексея Прокофьевича Соковнина, замѣшаннаго въ т. назыв. заговоръ Циклера и казненаго въ мартѣ 1697 году. Послѣ казни отца, Петръ Алексѣевичъ Соковнинъ, вмѣстѣ со старшими братьями, Васильемъ и Ѳеодоромъ, и съ тремя племянниками (сыновьями Василя Алексѣевича)—былъ лишенъ чиновъ и сосланъ въ Бѣлгородъ. Помилованъ былъ онъ, вѣроятно при Петрѣ II. ⁽⁴²⁾

Борисъ Загрянскій (Загряжской), унтеръ-лейтенантъ пѣхотной службы былъ очень образованнымъ человекомъ и замѣчательнымъ педагогомъ. Обучавшій геодезіи въ академіи наукъ, онъ былъ опредѣленъ въ 1728 году „въ гардемарины, для обученія наукамъ и экзерциціи солдатской“. Загряжскій занимался своимъ дѣломъ очень успѣшно въ теченіи тринадцати лѣтъ и уже при правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, въ апрѣлѣ 1741 года, произведенъ за отличіе въ капитаны, съ назначеніемъ начальникомъ гардемариновской роты. Адмиралтейская коллегія, аттестуя его съ отличной стороны въ вышеозначенному повышенію, въ слѣдующихъ выраженіяхъ отзывается о его педагогическихъ заслугахъ: „Б. Загряжскій и пылъ со всякимъ радѣніемъ и желаніемъ исправляетъ (свою должность) и дѣйствительно *болѣе ста человекъ гардемариновъ собственнымъ его обученіемъ безъ помощниковъ наукамъ по регламенту обучилъ*, изъ которыхъ пожалованы въ мичманы, а другіе имѣются и въ поручикахъ отъ флота“ ⁽⁴³⁾.

Яковъ Римскій-Корсаковъ былъ при Петрѣ Великомъ комендантомъ Конорья и Ямбурга (1706), а вслѣдъ за тѣмъ ландрихтеромъ ингерманландской губерніи. По занимаемымъ имъ должностямъ — находился въ близкихъ

⁽⁴²⁾ Сев. Арх., ук. В. Т. С. 1729 г.—П. С. З., т. III, № 1577.

⁽⁴³⁾ П. С. З., т. XI, № 8367.

отношеніяхъ съ ингерманландскимъ губернаторомъ, княземъ А. Д. Меншиковымъ ⁽⁴⁴⁾).

Степанъ Лукичъ Игнатьевъ († 1747 г.) сдѣлался извѣстенъ, какъ опытный военный хозяйинъ-администраторъ уже въ царствованіе Анны Іоанновны, а до ея воцаренія свѣдѣнія о его службѣ весьма неполны. Онъ началъ службу въ началѣ царствованія Петра В. и въ 1711 году былъ уже полковникомъ; въ 1727 году, произведенный въ бригадиры, былъ назначенъ совѣтникомъ военной коллегіи, а въ коронацію Анны Іоанновны—произведенъ въ д. с. с. Двадцать лѣтъ, до самой своей смерти, Игнатьевъ служилъ въ военной коллегіи, достигнувъ въ 1741 году должности ея вице-президента; кромѣ того, на него возлагались и другія серьезныя порученія, такъ напримѣръ: въ 1732 году онъ участвовалъ въ обсужденіи главы о вотчинахъ вновь сочиняемаго уложенія, въ 1736 году состоялъ членомъ слѣдственной комиссіи надъ иркутскимъ вице-губернаторомъ Жолобовымъ, а въ 1737 году назначенъ членомъ генеральнаго суда надъ княземъ Д. М. Голицынымъ ⁽⁴⁵⁾).

Александръ Васильевичъ Потемкинъ (р. 1673 г. † 1746 г.) отецъ знаменитаго дѣятеля царствованія Екатерины II князя Таврическаго, былъ небогатымъ смоленскимъ, пензенскимъ и тульскимъ помѣщикомъ. Внучатный племянникъ князя Таврическаго, П. Θ. Карабатовъ, передаетъ слѣдующее семейное преданіе, характеризующее

⁽⁴⁴⁾ Родословная Римскихъ - Корсаковыхъ не издана; а потому мы затрудняемся опредѣлить съ точностью отчество Якова Р. К—ва. По всей вѣроятности, это былъ Яковъ Васильевичъ.—Въ указателяхъ къ Сенатскому Архиву П. И. Баранова я къ П. С. З. Г. К. Рѣпинскаго ингерманландскимъ ландрихтеромъ при Петрѣ В. показанъ, у перваго Яковъ Никитичъ, а у втораго Яковъ Θεодоровичъ. См. въ П. С. З. о Яковѣ Θ—ѣ, т. IV, №№ 2067, 2130, 2133, 2168. Письма Я. В. Римск.-Корс—ва къ Меншикову въ Русск. Стар. 1872 г., т. V, с. 906—907.—Письмо Як. Никит. Р. Корс. къ Нелединскому-Мелецкому, *ibid.* 1874, т. XI, с. 767—769.

⁽⁴⁵⁾ Сен. Арх., им. ук., кн. 32, 36, 41, 47, 48, 52, 54, 57; ук. В. Т. С. 1727 г.; каб., 44, 35, 87.—П. С. З., т. IX, №№ 6899, 7138; т. X, №№ 7310, 7743; т. XI, №№ 8220, 8396.—Долгор., род. кн., IV, 106.

личность А. В. Потемкина. Около описываемого времени Александр Васильевич уже въ преклонныхъ годахъ и будучи въ отставкѣ пріѣхалъ въ свою пензенскую деревню, село Маншино, одивъ, безъ жены, и влюбился въ свою сосѣдку, молодую, красивую и бездѣтную вдову Скуратову, рожденную Кондыреву, жившую у родныхъ своего умершаго мужа. Потемкинъ назвался вдовцемъ и женился на Скуратовой. Скоро послѣ свадьбы молодая Потемкина, уже беременная, узнала, что она обманута и что первая жена живетъ въ смоленской деревнѣ; потребовать съ нею свиданія, она горькими слезами довела ее до состраданія, убѣдила вступить въ монастырь и этимъ узаконить второй бракъ своего мужа. Отъ перваго брака Александръ Васильевичъ дѣтей не имѣлъ, а отъ втораго имѣлъ четырехъ дѣтей и сына, бывшаго моложе всѣхъ своихъ сестеръ,—Григорія, впоследствии князя Таврическаго (родился онъ въ 1739 г.). Анонимный біографъ князя Потемкина-Таврическаго (Рус. Стар. 1875 г., т. XII, с. 483—485) передаетъ слѣдующую характеристику Александра Васильевича: „За исключеніемъ личной храбрости, иными дарованіями онъ не отличался; онъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, бывалъ раненъ и при всемъ томъ, въ теченіи тридцати лѣтъ едва дослужился до чина арміи полковника. Безуспѣшность служебнаго поприща Александра Потемкина объясняется уже отчасти его характеромъ: онъ былъ человѣкъ тяжелый и своенравный. Желая подать въ отставку за ранами, Потемкинъ, согласно узаконеніямъ того времени, явился въ военную коллегію на свидѣтельствованіе. Спина мундиръ, онъ въ числѣ предсѣдательствовавшихъ члсповъ узналъ унтеръ-офицера, когда-то служившаго у него въ ротѣ. Эта встрѣча возмутила Потемкина и онъ, указывая на бывшаго своего подчиненнаго, сказалъ: „Какъ, и онъ будетъ меня свидѣтельствовать! И сего не перенесу и останусь еще въ службѣ, сколь ни тяжки мои раны“. И послѣ того пробылъ на службѣ еще два года (*).

(*) Долгор., род. кн., II, с. 168—169.—Карабановъ, «Статсъ-дамы», Р. Ст. 1871 г., т. IV, с. 39—41.—Его-же «Разказы», Р. Ст. 1872 г., т. V, с. 463—467.

Никита Матвѣевичъ Болотовъ († 1766 г.) приходился внучатымъ дѣдомъ извѣстному автору „Записокъ“, Андрею Тимоф. Болотову, который изображаетъ его (въ 1765 г.) слѣдующими чертами: „Онъ былъ человѣкъ не молодыхъ лѣтъ и изъ числа старинныхъ, а не новомодныхъ людей; житія былъ честнаго, но весьма строптиваго, правъ имѣлъ горячій, вспыльчивый и во всѣхъ своихъ дѣлахъ наблюдалъ такую единоравность, что почитаемъ былъ отъ всѣхъ не только весьма строгимъ, но притомъ своенравнымъ и упрямымъ человѣкомъ. Но что всего хуже, то духъ его былъ зараженъ непроницаемымъ лукавствомъ, для которой причины ни съ однимъ человѣкомъ не обходился онъ повѣренно, но всегда содержалъ себя въ нѣкоторомъ удаленіи. Сей порядокъ умѣлъ онъ покрывать наилучшимъ покрываломъ, обходясь съ незнакомыми и посторонними людьми съ необыкновенною ласкою и униженностью, и потому съ перваго вида казался всякому ангеломъ, а не человѣкомъ. Но противное тому сказывалось, когда доходило кому имѣть съ нимъ дѣло ближе, или кто по несчастію попадался ему въ команду. Однимъ словомъ, для вышеупомянутыхъ причинъ не имѣлъ онъ въ свѣтѣ ни одного не только вѣрнаго друга, но ниже хорошаго пріятеля, и тому единственно самъ былъ причиною: ибо, какъ онъ и съ наилучшими пріятелями и родственниками своими обходился всегда съ лукавствомъ и никогда не доходило до откровенности и дружеской повѣренности, и онъ наиболѣе не то говаривалъ, что думалъ; то они, не могши получить и найти въ немъ то, что въ обхожденіи и дружествѣ пріятнымъ почитается, мало по малу отъ него отставали“ (47).

---

(47) См. Записки Болотова, изд. Р. Ст., т. I, с. 322—324.— Болотовы ведутъ родъ свой отъ ордынскаго выходца въ XIII—XIV в. См. *ibid.*, с. 3.—Различіе двухъ линій Болотовыхъ, возникшихъ въ XVII в., потомковъ двухъ сыновей Ерофея Гавриловича—Осипа и Кирилы, авторъ „Записокъ“ характеризуетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Натура раздѣлила оба сіи дома чуднымъ образомъ, снабдивъ ихъ весьма разными свойствами. Потомки Осиповы были немногочисленны и не долговѣчны, но добродѣтельные и лучшихъ свойствъ и качествъ душевныхъ, а потомки Кирилыны гораздо долговѣчнѣе и многочисленнѣе, но при томъ далеко не такихъ свойствъ были. Однимъ словомъ, нравы обоихъ сихъ домовъ изстарѣ были несогласны между собой. Наши предки были добро-

Къ третьей группѣ принадлежатъ родственники любимцевъ Петра В.—Меншикова и Шафирова, и „худородные“ служилые люди новой Россіи. Здѣсь мы встрѣчаемъ двухъ Арсеньевыхъ (родственниковъ жены князя Меншикова Дарьи Ивановны, рожденной Арсеньевой) И. З. Аршеневскаго, А. Жолобова, молодаго инженера Ивана Мичурина, Василья Мошкова, придворнаго Петра В.—Сергѣя Нестерева, Познякова и Ѳ. И. Соймонова⁽¹⁸⁾.

Исаія Захаровичъ Аршеневскій изъ смоленскихъ шляхтичей, при Петрѣ В. былъ комендантомъ въ Смоленскѣ, а при Елизаветѣ Петровнѣ смоленскимъ губернаторомъ. Марья Николаевна Аршеневская, родная тетка отца Исаи Захаровича, была замужемъ за двоюроднымъ братомъ вице-канцлера Шафирова—Павломъ Веселовскимъ (р. 1685 г.). Веселовскій былъ замѣчательнымъ дипломатомъ эпохи Петра Великаго; онъ находился резидентомъ при вѣнскомъ дворѣ во время бѣгства въ Австрію царевича Алексѣя Петровича и оказалъ ему большое покровительство; послѣ процесса царевича, не смотря на требованія русскаго правительства возвратиться въ Россію, Веселовскій остался въ Германіи. Онъ кончилъ жизнь въ Женевѣ, имѣя отъ роду около 100 лѣтъ. Родственникъ Исаи Захаровича Аршеневскаго, Иванъ Аршеневскій, былъ замѣшанъ въ дѣло князя Александра Черкаскаго (1734 года)⁽¹⁹⁾.

Алексѣй Жолобовъ, прокуроръ штатсъ-конторы, назначенный на эту должность еще Петромъ Великимъ, былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Иваномъ Ивановичемъ Бибиковымъ и въ 1730 году желалъ видѣть на престолѣ Елизавету Петровну, или ея племянника голштинскаго принца. До

душны, откровеннѣе, чисто-сердечнѣе, дружелюбнѣе, а тѣ скромнѣе, или, прямо сказать, лукавѣе и неприступнѣе. (Записки Болотова, I, с. 23).

(¹⁸) Долгор., род. кн., IV, 244—249.—Сен. Арх., им. ук., кн. 39.—Р. Ст. 1874 г., т. XI, с. 241—242.—Арсеньевы принадлежатъ къ старинному служилому роду, но мы включаемъ ихъ въ эту группу потому только, что въ первой половинѣ XVIII в. они особенно возвысились по родственнымъ отношеніямъ къ Меншикову. Подробности см. въ 1-мъ приложеніи къ настоящему изслѣдованію.

(¹⁹) Голицковъ, Д. П. В., IX, с. 404.—Род. Р. Ст., I, 423, 438, 444.—П. С. З., IX, № 6647.—Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1836 г., I, 274—277. (биогр. А. П. Веселовскаго).

своего прокурорства Жолобовъ служилъ комиссаромъ въ Ригѣ, тамъ онъ встрѣчался съ Бирономъ и разъ подъ „пьяную руку“ толкнулъ его въ ассамблеѣ; по собственному призванію, онъ не рѣдко бивалъ въ то время Бирона. Жолобовъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ всесильнымъ въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго камергеромъ Мовсомъ и его секретаремъ Егоромъ Столѣтовымъ. Возвратясь въ 1727 году изъ Голштиніи съ тѣломъ умершей герцогини Анны Петровны, Бибииковъ рассказывалъ о печали и слезахъ ся мужа. Жолобовъ былъ очень тронутъ этимъ рассказомъ. „Правда, есть по комъ плакать: жена была всѣмъ его лучше, вся въ отца была“,—говорилъ Жолобовъ и затѣмъ заплакалъ.

— „Голштинскій молодой принцъ (которому было тогда около двухъ лѣтъ) къ русскимъ людямъ ласковъ“—говорилъ своимъ знакомымъ Жолобовъ въ 1730 г. ео время толковъ объ избраніи преемника Петру II-му.

Въ коронацію Анны Иоанновны Жолобовъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и вслѣдъ за тѣмъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Иркутскъ, вмѣсто своего пріятеля И. И. Бибиикова. Въ пять лѣтъ управленія Восточной Сибирью Жолобовъ прославился жестокостью и казнокрадствомъ. Въ 1735 году была учреждена коммиссія и въ томъ же году возникло въ Иркутскѣ дѣло Столѣтова. Изъ показаній Столѣтова обнаружались симпатіи Жолобова въ 1730 году и 9 іюля 1736 г. онъ былъ казненъ въ Петербургѣ. Официальными преступленіями Жолобова были его жестокость и казнокрадство въ Иркутской губерніи^(*).

Статскій совѣтникъ И в а н ъ Д а в ы д о в и ч ъ П о з ы н я к о в ъ при Петрѣ В. былъ дьякомъ, а затѣмъ оберъ-секретаремъ сената. За какой-то служебный проступокъ, намъ неизвѣстный, онъ былъ разжалованъ, но въ 1724 году прощенъ съ возвращеніемъ чиновъ, впрочемъ двумя рангами ниже. Въ 1726 году опредѣляется онъ въ петербургскую полицію, а въ концѣ 1727 года назначается петербургскимъ оберъ-полиціймейстеромъ. Въ 1729 году онъ переводится

(*) Сеп. Арх., им. ук., кн. 18. 32, 33, 46.—И. С. 3., т. IX № 7009.—Дѣло Столѣтова, Р. Ст. 1874 г., т. VIII, с. 11, 14, 17, 23, 25. Замѣтка о Жолобовѣ Н. И. Чупина, *ibid.*, с. 985, 992.

оберъ-полиціймейстеромъ въ Москву; въ этой должности застаютъ его кончина Петра II и избраніе Анны Іоанновны^(*).

Оеодоръ Ивановичъ Соймоновъ (р. 1682 г. † 1780 г.) родственникъ Нарышкинымъ и Головкинымъ, былъ сыномъ небогатаго помѣщика, но человѣка очень умнаго. Дома, подъ надзоромъ своего отца, Соймоновъ обучился русскому и латинскому языкамъ, потомъ поступилъ въ морское училище и, по окончаніи въ немъ ученія, былъ отправленъ Петромъ Великимъ въ Голландію для изученія морскаго дѣла. Успѣшно обучившись ему, Соймоновъ поступилъ во флотъ и пользовался покровительствомъ Петра Великаго. По порученію царя онъ описалъ Каспійское море (въ 1719—1720 гг.) и составилъ карту этого моря. Въ 1722 году Соймоновъ принималъ дѣятельное участіе въ персидскомъ походѣ Петра Великаго, а затѣмъ снова занялся болѣе подробнымъ изслѣдованіемъ и описаніемъ Каспійскаго моря. Соймоновъ былъ замѣчательный морякъ, математикъ и географъ. Бантышъ-Каменскій приводитъ заглавія семи его сочиненій. Назначенный въ концѣ 1730 года прокуроромъ адмиралтейской коллегіи, онъ въ царствованіе Анны Іоанновны занимаетъ все болѣе и болѣе важныя должности оберъ-кригсъ комиссара (1733 года) и оберъ-прокурора сената (1738 года). По своимъ близкимъ отношеніямъ къ А. П. Волынскому, Соймоновъ былъ замѣшанъ въ его процессъ и въ 1740 г. наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Охотскъ простымъ рабочимъ на тамошній солеваренный заводъ. Въ 1742 году Елизавета Петровна возвратила ему дворянское достоинство и дозволила жить, гдѣ пожелаетъ. Назначенный въ 1757 году губернаторомъ въ Сибирь, Осеодоръ Ивановичъ Соймоновъ былъ однимъ изъ немногихъ правителей этой обширной страны, оставившихъ послѣ себя неизгладимые слѣды просвѣщенной заботливости о нуждахъ мѣстнаго населенія. Онъ дожилъ до восшествія на престолъ Екатерины II, которая вызвала его изъ Сибири въ Петер-

(*) Матеріалы воен.-учен. арх. главн. штаба, т. I (Спб. 1871 г.), с. 258, 270, 282, 288, 323, 386.—Голиковъ. Д. П. В., VI, 284; VIII, 474; IX, 63, 423, 433, 436.—Сен. Арх., им. ук., кн. 26, 29; ук В. Т. С. 1727 и 1729 гг.—П. С. З., т. VIII, № 5476.

бургъ и пожаловала сенаторомъ. Екатерина II любила разсуждать съ умнымъ старцемъ о нуждахъ и потребностяхъ Сибири. Въ 1766 г. Соймоновъ былъ уволенъ отъ службы по прошенію, съ чиномъ д. т. с. и еще 14 лѣтъ мирно прожилъ въ кругу своего семейства⁽⁶²⁾.

Во главѣ проекта Алабердеева стоитъ Семенъ Григорьевичъ Нарышкинъ, личность замѣчательная во многихъ отношеніяхъ.

Семенъ Григорьевичъ Нарышкинъ, внучатный братъ царицы Натальи Кириловны, получилъ образованіе во Флоренціи, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Германіи и въ Англіи и былъ затѣмъ генералъ-адъютантомъ Петра В. Въ семейной распрѣ царя Петра съ сыномъ его Алексѣемъ, Семенъ Нарышкинъ держалъ сторону послѣдняго. Онъ былъ недоволенъ Петромъ за отрѣшеніе отъ престолонаслѣдія старшаго сына въ пользу младшаго (Петра Петровича—отъ Екатерины), находя въ этомъ нарушеніе справедливости и западноевропейскихъ обычаевъ, которые онъ тщательно изучилъ, будучи за границей. Семенъ Нарышкинъ разговаривалъ съ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ о порядкахъ престолонаслѣдія въ западно-европейскихъ государствахъ. Въ одинъ изъ такихъ разговоровъ онъ сказалъ царевичу:

—„У прусскаго короля дядя отставленъ, а племянникъ на престолѣ, для того что большаго брата сынъ“, — и, посмотрѣвъ на царевича, прибавилъ: „вѣдь и мимо тебя брату отдалъ престолъ отецъ дурно“.

— „У насъ онъ воленъ, что хочетъ, то и дѣлаетъ: у насъ не ихъ нравы“—отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ.

— „Это не вѣдомо, что будетъ“, возразилъ Нарышкинъ— „будетъ, такъ сдѣлается, во всемъ свѣтѣ сего не водится“.

Семенъ Нарышкинъ порицалъ Петра В. и за его крутость и непониманіе частныхъ нуждъ служивыхъ людей.

— „Горько памъ“, жаловался разъ Нарышкинъ царевичу Алексѣю.—„Говорить (царь): „что вы дома дѣлаете? я не знаю какъ безъ дѣла дома быть“. Онъ нашихъ нуждъ не

---

(62) Берхъ, «Извѣст. рос. адмир.», с. 113—164.—Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1847 г., III, 268—279.—О Соймоновѣ много у Голикова; см. указ. ко 2-му изд. Д. И. З.—Пекарскій, «Наука и лит. Петр. вр.», I, 346.

знаешь; а будешь домъ свой смотрѣть хорошенько, часу не найдешь безъ дѣла“.

— „То правда“ — отвѣчалъ царевичъ.

Нарышкинъ продолжалъ:— „Когда бѣ ему прилучилось придти домой, а иное дровъ нѣтъ, иное инаго нѣтъ, такъ бы узналъ, что мы дома дѣлаемъ“!

Нарышкинъ былъ сосланъ въ 1718 г. въ дальнюю деревню безъ лишенія впрочемъ чиновъ. Екатерина I вызвала ея ко двору и назначила гофмейстеромъ Анны Петровны, герцогини голштинской. Въ 1730 году С. Г. Нарышкинъ управлялъ дворомъ Елизаветы Петровны^(*).

Изъ остальныхъ участниковъ этого проекта, кромѣ уже извѣстнаго намъ Алабердеева, выдающимися личностями были: князь Василій Юрьевичъ Одоевской, баронъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ и Андрей Θεодоровичъ Хрущовъ.

Князь Василій Юрьевичъ Одоевской (р. 1672 г. † 1752 г.), потомокъ самаго старшаго поколѣнія князей Рюриковичей. Одинъ изъ родичей его, бояринъ Никита Ивановичъ Одоевской, былъ предсѣдателемъ комиссіи, подготовлявшей „Уложеніе“ царя Алексѣя Михайловича. 26-ти лѣтъ отъ роду, въ 1698 году, князь Василій Юрьевичъ былъ поручикомъ семеновскаго полка, а затѣмъ служилъ во флотѣ и около 1722 года занималъ должность члена адмиралтейской коллегіи, а въ этомъ году былъ президентомъ штатсъ-конторы. При Екатеринѣ I, въ концѣ 1726 года, князь Одоевской опредѣленъ къ дѣламъ мастерской палаты въ Москву, съ порученіемъ также завѣдывать оружейной палатой и казеннымъ приказомъ^(**).

Баронъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ, потомокъ знаменитыхъ Строгановыхъ, колонизаторовъ верховьевъ Камы, призванныхъ при Іоаннѣ Гроз-

---

(*) Род. Р. Ст., I, 239—242.—Замѣтка Лонгинова въ Р. Ст. 1870 г., т. II, с. 76.—Устряловъ «Ист. Петра В.», II, с. 567; VI, с. 165, 166, 195, 251.—Сен. Арх., им. ук., кн. 4, 7, 24; ук. В. Т. С. 1728 и 1729 гг.—Госуд. Арх., прот. В. Т. С. за янв. и февр. 1730 г.

(**) Долгор., род. кн., I, с. 55 и слѣд.—Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1727—1729 гг.

номъ Ермака, покорителя Сибири,—былъ женатъ вторымъ бракомъ на Дмитріевой-Мамоновой, вслѣдствіе чего считался родствомъ съ императрицей Анной Іоанновной⁽⁶⁶⁾.

А н д р е й Ѳ е о д о р о в и ч ъ Х р у щ о в ъ, отправленный Петромъ В. въ 1712 году въ Голландію, былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени; онъ имѣлъ очень хорошую бібліотеку, въ которой преобладали политическія сочиненія. Сблизившись впослѣдствіи съ А. П. Во-лынскимъ, Хрущовъ былъ казненъ вмѣстѣ съ нимъ въ 1740 году⁽⁶⁶⁾.

Участники первоначальной редакціи проекта Максима Грекова всѣ, кромѣ одного, извѣстны намъ изъ предъидущихъ проектовъ князя Черкаскаго и Секиотова. Новымъ лицомъ, подписавшимъ первоначальную редакцію проекта Грекова, является князь Григорій Дмитріевичъ Юсуповъ.

К н я з ь Г р и г о р і й Д м и т р і е в и ч ъ Ю с у п о в ъ, сынъ Абдула-мурзы, происходившаго отъ ногайскаго князя Юсуфа (половины XVI вѣка) былъ однимъ изъ боевыхъ генераловъ эпохи Петра Великаго. Его умъ, неустранимость и отвага доставили ему расположеніе царя. Въ 1719 году князь Юсуповъ былъ генералъ-майоромъ, а въ 1722 году сенаторомъ. Екатерина I произвела его въ генералъ-поручики, а Петръ II назначилъ подполковникомъ преображенскаго полка и первымъ членомъ военной коллегіи. Испанскій посолъ де-Лирія такъ характеризуетъ Юсупова: „Князь Юсуповъ татарскаго происхожденія, (братъ его еще и понынѣ магометанинъ)—человѣкъ вполне благовоспитанный (*galant homme*); очень хорошо служившій, достаточно знакомый съ военнымъ дѣломъ, онъ былъ весь покрытъ ранами; князь любилъ иностранцевъ, и былъ очень привязанъ къ Петру II,—однимъ словомъ принадлежалъ къ числу тѣхъ

(66) Долгор., род. кн., II, 208—243.—См. Д. П. В. Голикова. IX, 124, 348, 353, 377; X, 363; XI, 488; XV, 418, 427.—Иванъ Ильичъ Дмитріевъ-Мамоновъ былъ женатъ на родной сестрѣ Анны Іоанновны, царевнѣ Прасковѣ.

(66) П. П. В. въ Сб. рус. ист. общ., т. XI, с. 234.—Сен. Арх., им. ук., кн. 35, 43.—О Хрущовѣ см. у Голикова, въ Д. П. В., IX, 459; XI, 447; XV, 250, 253.—МонOGRAPHія объ А. П. Волинскомъ. «Др. и Нов. Рос.» 1877 г., т. II и III, гл. IX, X и XI.—Икарскій «Наука и лит. Петр. вр.», I, 142.

людей, которые всегда идутъ прямою дорогою. Одна страсть омрачала его—страсть къ вину⁽⁵⁷⁾.

Степанъ Андреевичъ Колычевъ, являющійся во главѣ особаго мѣтнія, остальные участники котораго намъ неизвѣстны,—происхожденіемъ своимъ принадлежалъ къ старинному русскому роду, предокъ котораго былъ знатный человѣкъ, выѣхавшій изъ Пруссіи въ Москву въ XIV вѣкѣ (Колычевы ведутъ свой родъ отъ одного родоначальника съ Шеремстевыми и Романовыми, предками царя Михаила Ѳеодоровича). Степанъ Андреевичъ Колычевъ обратился на себя вниманіе Петра В, еще будучи очень молодымъ человѣкомъ. Въ 1697 году, въ чинѣ стольника, онъ былъ отправленъ въ Англію и Голландію для наученія корабельному дѣлу. По возвращеніи изъ-за границы, онъ поступилъ въ семеновскій полкъ и будучи раненъ въ 1704 году подъ Нарвой, оставилъ военную службу. Онъ былъ назначенъ оберъ-комендантомъ, а потомъ губернаторомъ въ Воронежѣ, гдѣ въ то время дѣятельно производилось кораблестроеніе,—и Колычеву пришлось примѣнить къ практикѣ свѣдѣнія, вывезенныя имъ изъ за-моря. Въ 1713 году онъ былъ главнымъ комиссаромъ при проведеніи границы между Россією и Турцією по Прутскому договору, а въ 1721 году назначенъ герольдмейстеромъ, въ обязанность котораго входила въ то время, часть обязанностей прежняго разряда,—разборъ дворянскихъ недорослей, годныхъ къ военной службѣ. Съ 1725 по 1727 годъ онъ, также въ званіи главнаго комиссара, разграничивалъ земли между Китаемъ и Сибирью, а въ 1729 году получилъ порученіе проверить счеты дворцовой канцеляріи⁽⁵⁸⁾.

Изъ участниковъ проекта Матюшкина преобладающимъ элементомъ являются люди родословные (10 человѣкъ), остальные принадлежатъ къ стариннымъ шляхетскимъ фам-

---

(57) Долгор., род. кн., II, 33—35.—Бантишъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1836 г., V, с. 369—371.—Де-Лиріа, «Характеристики», ркн., с. 154—155.

(58) Долгор., род. кн., III, 497; IV, 136.—Матер. воен.-учен. арх. Гл. Шт., т. I (Спб. 1874 г.) Примѣч., с. 01—02.—Письма Петра В. къ Ст. Колычеву, *ibid*, с. 1—52.—Устряловъ, «Ист. Петра В.», II, 566.—Голяковъ, Д. П. В., см. указатель ко 2-му изд.

ліямъ (5 чел.). По роду службы они раздѣляются слѣдующимъ образомъ: генераловъ—8, высшихъ гражданскихъ чиновъ 6 и 1 придворный. Замѣчательно, что въ проектѣ Матюшкина участвуютъ лица, находящіеся въ близкомъ родствѣ, или близкихъ отношеніяхъ, съ одной стороны съ князьями Долгорукими, а съ другой—съ императрицей Анной Іоанновной.

Генераль - аншефъ Михаилъ Афонасьевичъ Матюшкинъ (р. 1686 г.) былъ сынъ холмогорскаго воеводы и боярина Аоонася Ивановича Матюшкина, пользовавшагося большимъ расположеніемъ царя Алексѣя Михайловича и приходившагося ему двоюроднымъ братомъ по матери: Ѳеодосія Лукьяновна Стрѣшнева, мать Аоонасія Ивановича Матюшкина, была родная тетка царя Алексѣя. По этому родству, съ самаго дѣтства Михаилъ Аоонасьевичъ былъ близокъ къ Петру Великому: на седьмомъ году отъ рожденія онъ былъ уже его компаньонъ-стольникомъ, а затѣмъ однимъ изъ первыхъ его „потѣшныхъ“. Въ 1697 г. онъ отправленъ въ Италію для обученія морскому дѣлу. Свои военныя дарованія Матюшкинъ особенно проявилъ въ персидскомъ походѣ 1722 года и затѣмъ во время главнаго начальства надъ войсками, расположенными въ персидскихъ областяхъ. Человѣкъ прямой и откровенный, Матюшкинъ—одинъ изъ немногихъ дѣятелей первой половины XVIII в. прожилъ честно, не покрывивъ душой. До страсти любя Петра Великаго, онъ не мирволилъ слабостямъ великаго монарха и былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ враговъ Меншикова (**).

Второй сынъ знаменитаго дипломата эпохи Петра В. князя Григорія Ѳеодоровича Долгорукаго, князь Сергѣй Григорьевичъ, извѣстенъ гораздо менѣе всѣхъ остальныхъ своихъ родичей первой половины XVIII в.; между тѣмъ князь Сергѣй Григорьевичъ, по своимъ способностямъ и служебной дѣятельности, стоитъ несравненно выше многихъ изъ нихъ. Молодость свою Сергѣй Григорье-

---

(**) Родоначальникъ Матюшкиныхъ Алабушъ выѣхалъ въ XIII в. изъ Золотой Орды въ Новгородъ гдѣ получалъ помѣстья отъ Александра Невскаго. См. Род. Р. Ст., I, 77—79.—Устряловъ «Ист. Петра В.», II, с. 566.—Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1847 г., II, с. 349—356.—О Матюшкинѣ много у Голицкова, см. указат. ко 2-му изд. Д. П. В.

вичъ провелъ въ западно-европейскихъ государствахъ, состоя при посольствахъ въ Парижѣ, Вѣнѣ и Лондонѣ. Женившись на дочери извѣстнаго знатока тогдашнихъ международныхъ сношеній вице-канцлера Шафирова, баронессѣ Марѣ Петровнѣ, онъ получилъ въ лицѣ своего тестя знающаго и опытнаго руководителя на дипломатическомъ поприщѣ. Въ 1721 году князь Сергѣй занялъ постъ своего отца, посланника при польскомъ королѣ Августѣ. Отозванный изъ Варшавы въ 1725 году, онъ снова былъ назначенъ посломъ въ Польшу въ 1728 г. и вторично оставилъ этотъ постъ лишь по вызову своихъ родичей въ 1729 году, когда былъ вовлеченъ въ честолюбивые замыслы своего брата Алексѣя Григорьевича. Князь Сергѣй былъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ въ составленіи подложной духовной императора Петра II, по которой русскій престолъ передавался отъ имени Петра II-го его обрученной невѣстѣ, княжнѣ Екатеринѣ Долгорукой, дочери князя Алексѣя. Участіе въ составленіи этой духовной погубило князя Сергѣя и всю его семью, довольно многочисленную ⁽⁸⁰⁾.

Личность князя Ивана Григорьевича Долгорукаго рисуется очевъ неясно. Изъ немногихъ данныхъ можно заключить, что онъ былъ человѣкъ весьма посредственнаго ума, пассивно подчинявшійся волѣ князя Василія Лукича Долгорукаго и своего брата Алексѣя. Служебнымъ возвышеніемъ (онъ былъ сенаторомъ) онъ исключительно обязанъ помолвкѣ своей племянницы съ императоромъ Петромъ II ⁽⁸¹⁾.

Иванъ Ильичъ Дмитріевъ-Мамоновъ принадлежалъ къ немногимъ потомкамъ Рюрика, утратившимъ княжескій титулъ. Онъ происходилъ отъ смоленскихъ князей и во второмъ супружествѣ былъ женатъ морганатически на родной сестрѣ Анны Іоанновны, царевнѣ Прасковѣ. Дмитріевъ-Мамоновъ отличался храбростію и суровостію нрава. Начавъ службу въ преображенскихъ потѣшныхъ, онъ доказалъ свою отвагу въ шведской войнѣ и былъ очень любимъ и уважаемъ Петромъ Великимъ; онъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи „воинскаго артикула“.

⁽⁸⁰⁾ Сказаніе о родѣ кн. Долгорукихъ, с. 88.

⁽⁸¹⁾ *ibid.*

Въ событіяхъ воцаренія Анны Іоанновны онъ держался въ сторонѣ, опасаясь слишкомъ открыто выставить себя сторонникомъ самодержавія своей свояченицы. Испанскій посолъ де-Лирія считаетъ его человѣкомъ значительнымъ, съ умомъ и характеромъ, но преисполненнымъ лукавства и пронырливости⁽⁶¹⁾.

Иванъ Петровичъ Шереметевъ, (р. 1689 г. † 1735 г.) меньшей братъ знаменитаго фельдмаршала графа Бориса Петровича, былъ членомъ стариннаго и извѣстнаго въ русской исторіи рода бояръ Шереметевыхъ. Потомки Андрея Кобылы, отъ котораго вели свой родъ и предки царя Михаила Ѳеодоровича Романова, Шереметевы въ теченіи XVI и XVII вв. занимали первенствующія должности при дворѣ и на службѣ царей московскихъ и состояли въ родствѣ съ княжескими родами Черкасскихъ, Долгорукихъ, Голицыныхъ, Одоевскихъ. Лично Иванъ Петровичъ Шереметевъ не отличался ни умомъ, ни талантами. Онъ началъ службу во флотѣ и въ 1727 году былъ капитанъ-командоромъ; въ 1728 г. перешелъ въ гражданскую службу съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и назначенъ сенаторомъ. Въ царствованіе Анны Іоанновны онъ былъ главнымъ судьей канцеляріи конфискаціи, а затѣмъ начальникомъ сибирскаго приказа⁽⁶²⁾.

Матвѣй Ѳеодоровичъ Воейковъ, назначенный въ 1722 году прокуроромъ въ главный магистратъ, съ 1727 г. былъ оберъ-прокуроромъ сената, а въ 1728 году

(61) Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1847 г., I, с. 564—566.—Рг. Р. Dolgouïkow. «Memoires», I, p. 122.—Де-Лирія, «Характеристики», риз., с. 155—156.—П. С. З., т. VI, № 4830; т. VIII, № 5510.—Сен. Арх., им. ук., кн. 18, 22, 25; ук. В. Т. С. 1727 г.

(62) Долгор., род. кн., III, 494—495, 498—500. И. П. Шереметевъ, сынъ боярина Петра (большаго) Васильевича, отъ втораго брака (съ кѣмъ неизвѣстно; отъ перваго брака съ Анной Ѳеодоровной Волинской († 1684 г.) Петръ Васильевичъ имѣлъ четырехъ сыновей, изъ которыхъ старшій былъ Борисъ Петровичъ, и двухъ дочерей.—Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1726—1728 гг.; им. ук., кн. 32, 34.—Академикъ Печкарскій приводитъ извѣстіе, что у И. П. Шереметева, въ числѣ другихъ книгъ, находился русско-латинскій лексиконъ Епифанія Славинецкаго, въ настоящее время хранящійся въ библіотекѣ Моск. Гл. Арх. М. П. Д. (См. «Наука и лит. Петр. вр.», I, 189).

произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. По словамъ К. И. Арсеньева, Восейковъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ князю Ивану Ѳеодоровичу Ромодановскому и С. А. Салтыкову и принадлежалъ къ сторонникамъ Остермана⁽⁶⁴⁾.

Ѳеодоръ Васильевичъ Наумовъ, еще при Петрѣ Великомъ былъ сенаторомъ, при Екатеринѣ I членомъ комиссіи о коммерціи, а при Петрѣ II на него было возложено важное порученіе приготовительныхъ дѣйствій для избранія гетмана въ Малороссіи; съ избраніемъ гетмана Данила Апостола онъ состоялъ при немъ „министромъ“ до конца 1728 г. Въ царствованіе Анны Іоанновны былъ уволенъ въ Казанскій край для устройства новой закамской линіи⁽⁶⁵⁾.

Петръ Михайловичъ Бестужевъ-Рюминъ (р. 1664 † 1743 г.), производившій свой родъ отъ древней британской фамиліи, одинъ изъ членовъ которой эмигрировалъ въ Московское государство въ XV в.,— состоялъ въ теченіи многихъ лѣтъ гофмейстеромъ курляндскаго двора Анны Іоанновны (съ 1712 по 1727 г.), и, какъ мы видѣли, былъ въ числѣ очень близкихъ лицъ къ курляндской герцогинѣ. Участіе его въ шляхетскомъ прозѣтѣ вмѣстѣ съ двумя Долгорукими набросило тѣнь на его преданность Аннѣ Іоанновнѣ и онъ былъ, вслѣдъ за провозглашеніемъ ея самодержавія, назначенъ губернаторомъ въ Нижній-Новгородъ. По мѣрѣ ухудшенія участи князей Долгорукихъ ухудшалась и судьба П. М. Бестужева. Онъ былъ сосланъ на безвыѣздное житіе въ деревню, гдѣ прожилъ до 1737 г. Только благодаря заступничеству сыновей своихъ, онъ получилъ дозволеніе жить по желанію или въ Москвѣ, или въ своихъ деревняхъ⁽⁶⁶⁾.

Дмитрій Ѳеодоровичъ Еропкинъ, отецъ извѣстнаго дѣятеля во время московской чумы 1771 года

⁽⁶⁴⁾ Сен. Арх., им. ук., кн. 18; ук. В. Т. С. 1727—1728 гг.—Арсеньевъ, «Царств. Петра II», с. 58.

⁽⁶⁵⁾ Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1726—1728 гг.; им. ук., кн. 35.

⁽⁶⁶⁾ Долгор., род. кн., IV, с. 287—288.—Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1727—1730; им. ук., кн. 32.—Бантышъ-Каменскій, Словарь, изд. 1836 г., т. I, с. 153—153.

затѣмъ московскаго главнокомандующаго, состоялъ въ 1711 году въ Варшавѣ при русскомъ посланникѣ князѣ Григоріи Ѳеодоровичѣ Долгорукомъ. Въ 1719 году онъ былъ уже въ чинѣ полковника и пользовался особымъ довѣріемъ Петра Великаго, который возлагалъ на него дипломатическія порученія—вести переговоры съ герцогомъ мекленбургскимъ и короннымъ польскимъ гетманомъ Сивявскимъ. Въ 1722 году Ерошкинъ командовалъ драгунскимъ нарвскимъ полкомъ, а съ 1728 года былъ московскимъ оберъ-комендантомъ и занималъ эту должность въ 1730 году, будучи въ чинѣ генераль-майора. Въ апрѣлѣ 1730 года, еще до коронаціи Анны Іоанновны, онъ былъ назначенъ въ „Низовый корпусъ“, гдѣ и находился въ теченіи всего ея царствованія. Ерошкинъ уволенъ отъ службы 3 марта 1740 года съ производствомъ въ генераль-поручики⁽⁶⁷⁾.

Иванъ Петровичъ, старшій изъ Измайловыхъ, въ описываемое время генераль-майоръ, занималъ должность гофмаршала при царицѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ. Еще при Петрѣ Великомъ, въ 1716 году онъ былъ назначенъ московскимъ оберъ-комендантомъ, а при Екатеринѣ I-й былъ губернаторомъ въ Архангельскѣ. По утвержденіи самодержавія Анны Іоанновны, Измайловъ былъ переселенъ губернаторомъ въ дальнюю астраханскую губернію⁽⁶⁸⁾.

Левъ Васильевичъ Измайловъ (р. 1687 г. † 1738 г.) принадлежалъ въ выдающимся по образованію людямъ своего времени. Молодость его прошла за границей: еще очень молодымъ человѣкомъ поступилъ онъ въ военную службу короля датскаго. Въ 1706 году Петръ Великій поручалъ ему дипломатическіе переговоры съ Пруссіей и Польшею и писалъ молодому Измайлову собственноручныя письма. Въ 1707 году, возвратясь въ Россію капитаномъ датской службы, Измайловъ былъ зачисленъ тѣмъ же чиномъ въ преображенскій полкъ и находился въ дѣйствующей арміи фельдмаршала Шереметева. Въ 1710 году онъ отправленъ въ Данію съ дипломатическимъ порученіемъ, а черезъ

---

(67) Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1728 г.; им. ук. кн. 32, 34, 57.—Голиковъ, Д. П. В., VII, 264, 430—431; XV, 286.—П. П. В. въ Сб. рус. ист. общ., т. XI, с. 442.

(68) П. С. З., т. VII, № 4954.—Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1727—1728 гг., им. ук., кн. 7, 43.

десять лѣтъ ѣздилъ въ Китай, въ званіи чрезвычайнаго посланника, для возстановленія торговли съ Китаемъ и заключенія коммерческаго трактата. Въ январѣ 1722 г. Измайловъ возвратился въ Москву, не достигнувъ цѣли посольства, но своимъ умомъ и благоразумнымъ образомъ дѣйствій упрочилъ послѣдующія сношенія Россіи съ Небесной Имперіей. Въ инструкціи, данной Петромъ Великимъ Измайлову, между прочимъ предписывалось, по обычаю царя, „развѣдывать объ образѣ и состояніи тамошняго правительства, о числѣ войскъ и оружіи ихъ, о сосѣдяхъ ихъ, о крѣпостяхъ и о войнѣ, или ссорахъ ихъ, *внося все это въ тайную записку*; а наипаче замѣтить, какіе товары оттуда лучше получаютъ Россіи съ прибыткомъ казнѣ и поданнымъ, и на какіе російскіе товары въ Китаѣ большой походъ“. По возвращеніи изъ Китая, Измайловъ представилъ Петру Великому „описаніе пути своего, положенія и разстоянія городовъ и мѣстъ“, приложивъ къ описанію географическую карту. Въ 1727 году Левъ Васильевичъ женился на дочери фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына, княжнѣ Аннѣ Михайловнѣ. При Аннѣ Іоанновнѣ Измайловъ не занялъ виднаго положенія; онъ былъ армейскимъ генераломъ подъ начальствомъ Миниха (**).

И в а н ъ М а к с и м о в и ч ъ Ш у в а л о в ъ, генерал-майоръ и Выборгскій оберъ-комендантъ, былъ назначенъ на эту должность еще Петромъ Великимъ и оставался въ ней до начала 1732 года. Въ ноябрѣ 1728 года онъ былъ выз-

---

(**) Посольство Измайлова въ Китай подробно описано Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ на основаніи официальныхъ документовъ Московскаго Архива М. И. Д.; извлеченія изъ этого описанія помѣщены у Голицкова въ Д. П. В. (т. VII и IX) и въ біографіи Измайлова въ «Словарѣ» Бантыша-Каменскаго, изд. 1836 г., II, с. 419—429.—Кромѣ того посольство Измайлова описано сопровождавшимъ его въ Китай врачомъ, англичаниномъ Белль д'Антермономъ, въ книгѣ «Voyages depuis St.-Petersbourg en Russie dans diverses contrées de l'Asie», trad. de l'anglais, Paris, 1776, 3 vol.—и Лангомъ въ его дневникѣ пребыванія въ Китаѣ въ 1721—1722 гг. (См. лейденское изданіе 1726 г.). Объ Измайловѣ, кромѣ вышеприведенной біографіи Бантыша-Каменскаго, см. Голицкова Д. П. В., VII, 459, 464; IX, 332, 336, 344; XIV, 292—294; 417, 421—422, 483—484.—Пекарскій «Наука и лит. Петр. вр.», I, с. 353, 432.

ванъ съ отчетомъ въ Москву. Отецъ его былъ небогатый дворянинъ, и родъ Шуваловыхъ сталъ извѣстенъ только съ Елизаветы Петровны, благодаря сыну Ивана Максимовича, знаменитому временщику того времени, графу Петру Ивановичу Шувалову, и племяннику, достопамятному основателю московскаго университета, Ивану Ивановичу Шувалову⁽⁷⁰⁾.

Въ проэктѣ тринадцати молодые русскіе аристократы первой поровины XVIII в. заботятся прежде всего о выдѣленіи старой родовой аристократіи изъ общей массы шляхетства; но ими руководятъ не тридиціи родословности московскаго боярства, столь сильныя въ людяхъ старшаго поколѣнія, а примѣры западно-европейскихъ государствъ, на которые они сами указываютъ. Участники этого проэкта распадаются на двѣ группы. Къ первой принадлежатъ руководители остальныхъ: братья князя Голицыны, сыновья князя Дмитрія Михайловича—князь Сергѣй и князь Алексѣй, и князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ; ко второй—молодые придворные и гвардейскіе офицеры.

Во главѣ подписей подъ проэктомъ стоитъ имя князя Сергѣя Дмитриевича Голицына (р. 1696 г.) человека весьма замѣчательнаго по выдающимся умственнымъ способностямъ и блестящему образованію: 27-ми лѣтъ отъ роду онъ былъ русскимъ посланникомъ въ Мадридъ. Онъ былъ вызванъ изъ Испаніи своимъ отцемъ, княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ, для противовѣса усиливавшейся партіи князей Долгорукихъ, и Петръ II до того сталъ подпадать его вліянію, что Долгорукіе рѣшились его удалить подъ благовиднымъ предлогомъ главнаго начальства надъ Сибирью. Когда князь Голицынъ отказался отъ такого назначенія (въ ноябрѣ 1729 года), то его опредѣлили посланникомъ въ Берлинъ, куда онъ уѣхалъ лишь въ концѣ января 1730 г. Князь Сергѣй Голицынъ наслѣдовалъ отъ отца страсть къ просвѣщенію. Въ 1736 году, во время опалы кн. Дмитрія Михайловича, онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Казань, что при его общественномъ и служебномъ положеніи являлось плохо замаскированной ссылкой. Онъ былъ женатъ на

⁽⁷⁰⁾ Долгор., род. кн., II, 148—149.—Сен. Арх., им. ук., кн. 20, 24, 29, 35; ук. В. Т. С. 1729 г.—Пекарскій, «Наука и лит. Петр. врем.», II, 336, 664.

Нарышкиной, которая умерла въ Испаніи, и находился въ близкихъ отношеніяхъ съ Остерманомъ, Г. И. Головкинымъ и другими высокопоставленными въ то время лицами ⁽⁷¹⁾.

Его младшій братъ, князь Алексѣй Голицынъ также со способностями, но менѣе выдающійся, чѣмъ Сергѣй, былъ женатъ на княжнѣ Хилковой, двоюродной сестрѣ жены князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго, матери фаворита Петра II, князя Ивана. Особенно видной должности онъ не занималъ: онъ былъ флигель-адъютантомъ у своего дяди фельдмаршала князя Голицына, но родство съ Долгорукими возвышало его въ глазахъ тогдашняго общества. Въ коронацію Анны Іоанновны онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники ⁽⁷²⁾.

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, происходившій отъ князей Гедиминовичей, былъ сынъ извѣстнаго дипломата эпохи Петра В., князя Бориса Ивановича Куракина, и Акипѣи Θεодоровны, рожденной Лопухиной, родной сестры царицы Евдокіи Θεодоровны; т. обр. онъ приходился племянникомъ Петру Великому по первой его женѣ. Молодость свою Александръ Борисовичъ провелъ въ Германіи, Англіи и Франціи, гдѣ отецъ его былъ въ теченіи многихъ лѣтъ посланникомъ; до смерти отца (1727 г.) онъ жилъ въ Парижѣ, въ бурную эпоху регентства и начала энциклопедизма. Не наследовавъ отъ отца выдающихся умственныхъ способностей и талантовъ, князь Александръ Борисовичъ усвоилъ вполнѣ лишь вѣтпій лоскъ европеизма того времени. Умственное движеніе Франціи не проникло глубоко въ его сознаніе и онъ вынесъ изъ Парижа лишь безукоризненный французскій языкъ, элегантныя манеры версальскаго придворнаго и модное въ то время легкомысленное отношеніе къ вопросамъ религіознымъ и нравственнымъ. Онъ былъ прототипомъ тѣхъ російскихъ дворянчиковъ, которые считали все французское безусловно

⁽⁷¹⁾ Долг., род. кн., I, 288—289. —Его-же «Memoires», I, p. 23. — Письма къ кн. Сергѣю Дмитріевичу въ Испанію Остермана, Головкина и другихъ. См. «Восемнадцатый вѣкъ», сб. Бартенева, кн. III, с. 133—149. —Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1729 г.; им. ук., кн. 24, 45.

⁽⁷²⁾ Долгор., род. кн., I, 289. —Его-же «Memoires», I, p. 23. — Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1728 г.; им. ук., кн. 32.

прекраснымъ и свысока третировали религію и нравственность: „ni foi ni loi“—было его катехизисомъ. Впослѣдствіи онъ превратился въ зауряднаго придворнаго, былъ непремѣннымъ участникомъ всѣхъ празднествъ и интимныхъ вечеровъ императрицы Анны Іоанновны, на которыхъ имѣлъ привилегію напиваться до-пьяна, потѣшалъ императрицу островами и каламбурами и былъ усерднымъ слугою Остермана и Бирона⁽⁷³⁾.

Вторая группа участниковъ проэкта тринадцати состоитъ изъ молодыхъ людей—большею частію родственниковъ князей Куракина и Голицыныхъ, и находящихся въ свойствѣ съ князьями Долгорукими⁽⁷⁴⁾.

---

(73) Долгор., род. кн., I, 277, 314—317.—Балтышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1847 г., II, біогр. его отца, кн. Бор. Ів. Куракина—Пекарскій «Ист. акад. наукъ», II, въ біогр. Тредьяковского.—Его-же «Наука и лит. Петр. вр.», II, 390.—Записки Маниха-сына, с. 34—42; Голиковъ, Д. П. В., см. указат. ко 2-му изд.

(74) О родственныхъ связяхъ этихъ лицъ см. Долгор., род. кн., I, 314—317, 55—56, 283, 78; II, 151, 159, 55, 60, 70—76; III, 53—54, 107—109; IV, 3.—Нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ находятся въ Сен. Арх., им. ук., кн. 38, 23, 36, 32, 34, 44; ук. В. Т. С. 1727—1729 гг.—О царевичѣ Сибирскомъ см. Устрялова, «Ист. царств. Петра В.», VI, с. 161, 163, 183.

VIII.

ОТЪ 10-ГО ДО 25 ФЕВРАЛЯ 1730 ГОДА.

Прибытіе Анны Іоанновны во Всесвятское. — Приёмъ императрицу В. Т. С., сената и генералитета и рѣчь князя Д. М. Голицына. — Торжественный въѣздъ Анны Іоанновны въ Москву. — Присяга 20 февраля. — Мѣры В. Т. С. къ сближенію со шляхетствомъ: «заявленіе» В. Т. С. и «мнѣніе» князя В. Л. Долгорукаго. — Планъ дѣйствій Остермана въ пользу самодержавія Анны Іоанновны, главнѣйшіе исполнители этого плана и сторонники его. — «Анонимная записка» объ интересахъ средняго шляхетства. — Новыя совѣщанія шляхетства.

10 февраля Анна Іоанновна прибыла въ подмосковное село Всесвятское и остановилась тамъ во дворцѣ царевны имеретинской, дочери грузинскаго царя Арчила. Она оставалась во Всесвятскомъ пять дней, такъ какъ умершаго императора еще не похоронили и приготовленія къ торжественному въѣзду императрицы въ Москву не были совершенно окончены. 11 февраля совершилось погребеніе Петра II въ Архангельскомъ Соборѣ, на мѣстѣ, гдѣ было погребено тѣло царевича казанскаго, Александра Сафагиреевича⁽¹⁾. Въ то время, какъ выносили изъ дворца гробъ, среди пре-

---

⁽¹⁾ Мысль о погребеніи Петра II на мѣстѣ казанскаго царевича принадлежитъ Теофану Прокоповичу. На могилѣ царевича была слѣдующая надпись: «Въ лѣто 7074 (1366 г. по Р. Х.) іюня 11 дня, на память св. св. апостолъ Варфоломея и Варнавы преставился царь казанскій, а во св. крещеніи Александръ Сабогиреевичъ, сынъ царя казанскаго». См. Арх. Св. Синод. дѣло 1730 г., № 34-й, л. л. 1—7, 9.

краснаго солнечнаго дня на небѣ показалась радуга, которая оставалась видима въ теченіи получаса. Это явленіе было принято многими за предзнаменованіе чего-то необычайнаго (*).

На другой день, 12 февраля, верховники занялись только однимъ дѣломъ: былъ призванъ генералъ Матюшкинъ и приказано ему, чтобъ ко входу Ея Императорскаго Величества все было непременно готово къ 15 февраля.

Въ этотъ самый день во Всесвятскомъ произошло событіе повидимому незначительное, но заставившее иныхъ призадуматься, а другихъ возликовать: Анна Іоанновна объявила себя полковникомъ преображенскаго полка и капитаномъ кавалергардовъ, „что было принято“ — пишетъ испанскій посоль де-Лиріа— „этими двумя полками съ величайшей радостью и удовольствіемъ. Эта рѣшимость многихъ поразила, потому что это формальный актъ самодержавія“ (*).

По журналу Верховнаго Тайнаго Совѣта „господа министры, такожъ сенатъ и нѣкоторые изъ генералитета и шляхетства были у Ея Величества во Всесвятскомъ 14-го февраля“. Журналъ такъ передаетъ это представленіе:

Всѣ вышеупомянутые сановники собрались во Всесвятскомъ въ домѣ занимаемомъ кн. Михаиломъ Михайловичемъ меньшимъ Голицынымъ, за три дома отъ квартиры Анны Іоанновны. Кн. Василій Лукичъ Долгорукой прислалъ къ нимъ сказать, „что время къ Ея Величеству идти.“ Тогда всѣ они пошли, а правитель дѣлъ Верховнаго Тайнаго Совѣта тайный совѣтникъ В. П. Степановъ, несъ за ними на серебряномъ вызолоченномъ блюдѣ „кавалерію свя-

---

(*) Де-Лиріа, с. 42.—Во время отпѣванія Петра II-го кн. Д. М. Голицынъ хлопоталъ о выборѣ лучшихъ соборей для императрицы Анны Іоанновны: онъ былъ недоволенъ отправленными наканунѣ, а правитель дѣлъ Верховнаго Тайнаго Совѣта Степановъ «объявилъ приказъ» господамъ министровъ «чтобъ заставу свезть» и о томъ бригадиру Полибину приказано. Эти распоряженія занесены въ журналъ Верховнаго Тайнаго Совѣта; такимъ образомъ 14-го февраля присутствіе Совѣта происходило въ Архангельскомъ соборѣ во время отпѣванія императора. См. Госуд. Арх. черн. журн. В. Т. С., л. л. 48—49.

(*) Де-Лиріа, с. 42.

таго Андрея и звѣзду⁴. Они вошли въ большую свѣтлицу; черезъ вѣсколько времени появилась Анна Іоанновна. Савонники низко ей поклонились, а князь Д. М. Голицынъ говорилъ отъ лица всѣхъ, „благодаря Ея Величество за милость, учиненную ко всему народу, которую изволила письменно своею рукою подписать, обнадеживая подданнымъ къ Ея Величеству вѣрность, что во оной непременно пробудутъ не жалѣя и живота своего“ (⁴).

Датскій посланникъ Вестфаленъ приводитъ въ своей депешѣ отъ 2 го марта нов. ст. самый текстъ рѣчи кн. Д. М. Голицына. Вотъ этотъ текстъ:

„Благочестивѣйшая и всемилостивѣйшая государыня! Мы—всевижайшіе и вѣрные подданные Вашего Величества,—члены россійскаго Верховнаго Совѣта, вмѣстѣ съ генералитетомъ и россійскимъ шляхетствомъ, признавая Тебя источникомъ славы и величія Россіи,—являемся вручить Тебѣ Твой орденъ св. Андрея, первѣйшій и самый почетный, а также и орденъ св. Александра Невскаго, установленный императоромъ Петромъ I, по случаю славнаго мира съ могущественнымъ государствомъ предскимъ, дабы Ты своевременно носила каждый изъ нихъ и жаловала бы ими тѣхъ, кого признаешь достойными. Мы благодаримъ Тебя за то, что Ты соблаговолила принять наше избраніе Твоей особы Всемилостивѣйшей императрицей для царствованія надъ нами; благодаримъ тебя за то, что Ты удостоила принять изъ нашихъ рукъ корону и возвратиться въ отечество; съ веменьшей признательностью благодаримъ мы Тебя и за то, что Ты соизволила подписать кондиціи, которыя нашимъ именемъ предложили Тебѣ наши депутаты па славу Тебѣ и на благо Твоему народу. Вотъ почему, Всемилостивѣйшая Императрица, мы всѣ явились предъ Твоимъ Величествомъ. Удостоите все сіе милостиво принять и положитесь на нашу ненарушимую вѣрность къ особѣ Вашей.“

По словамъ того же Вестфалена, Анна Іоанновна отвѣчала Голицыну въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Дмитрій Михайловичъ и Вы прочіе господа изъ генералитета и шляхетства! Да будетъ Вамъ извѣстно, что я смотрю на избраніе меня Вами Вашей Императрицей, какъ на выраженіе

(⁴) Голсуд Арх., чернов. журн. В. Т. С., л. л. 50—51.

преданности, которую Вы имѣете ко мнѣ лично и къ памяти моего покойнаго родителя. Я постараюсь поступать такъ, что всѣ будутъ мною довольны; согласно вашему желанію я подписала въ Митавѣ кондиціи, о которыхъ упомянулъ ты, Дмитрій Голицынъ,—и вы можете быть убѣждены, что я ихъ свято буду хранить до конца моей жизни въ надеждѣ, въ которой и теперь пребываю, что Вы никогда не преступите границъ вашего долга и вѣрности въ отношеніи меня и отечества, коего благо должно составлять единственную цѣль нашихъ заботъ и трудовъ“ (*).

Канцлеръ гр. Головкинъ, какъ старшій кавалеръ андреевскаго ордена, „снявъ съ блюда кавалерію, надѣлъ на Ея Величество“; „при этомъ знаки ордена и ленту поддерживалъ того же ордена кавалеръ кн. Д. М. Голицынъ. Затѣмъ всѣ прибывшіе, по очереди приносили Аннѣ Іоанновнѣ поздравленія и цѣловали Ея руку“ (°).

Послѣ этого были у Анны Іоанновны частныя аудіенціи испанскаго посла герцога де-Лиріа и датскаго посланника Вестфалена (°).

Въ воскресенье, 15-го февраля, послѣдовалъ торжественный въѣздъ Анны Іоанновны въ Москву.

Императорскій кортежъ открывала гренадерская рота преображенцевъ, ѣхавшихъ верхомъ, за которыми слѣдовали запряженные цугомъ пустыя кареты генералитета и знатнаго шляхетства (счетомъ 21), со служителями въ парадныхъ ливреяхъ. За ними ѣхало 8 каретъ, каждая въ 6 лошадей цугомъ, въ которыхъ помѣщались Верховнаго Тайнаго Совѣта министры и прочія знатнѣйшія особы въ цвѣтномъ богатомъ платьѣ: кн. М. В. Долгорукой, кн. А. Г. Долгорукой, кн. Д. М. Голицынъ, 3 генералъ-фельдмаршала (кн. И. Ю. Трубецкой, кн. В. В. Долгорукой, кн. М. М. Голицынъ), государственный канцлеръ гр. Г. И. Головкинъ и царь грузинскій Ватхангъ Леоновичъ.

Далѣе шествіе происходило въ слѣдующемъ порядкѣ:

(*) Деша Вестфалена № 9-й. См. въ III-мъ приложеніи къ настоящему изслѣдованію.

(°) Госуд. Арх., черн. журн. В. Т. С., л. 51.

(°) Де-Лиріа, с. 42.—Tourgueneff, III, p. 269.

а) 4 камеръ-лакея Анны Иоанновны пѣшкомъ, а за ними ея же 7 парадныхъ каретъ цугами въ вызолоченныхъ шорахъ; кучера и форрейторы въ парадныхъ ливреяхъ съ золотыми позументами. 4 изъ этихъ каретъ ѣхали пустыми, въ остальныхъ помѣщались придворныя дамы. б) 21 человекъ изъ знатнаго шляхетства верхами по чинамъ: младшіе впереди; во главѣ ихъ ѣхалъ генераль-маіоръ кн. А. И. Шаховской. с) Предшествуемый трубачами и литавриками отрядъ кавалергардовъ подъ командой И. И. Дмитріева-Мамонова.

Императрица ѣхала въ большой каретѣ, запряженной девятью богато-убранными лошадьми; кучеръ и форрейторы были одѣты въ бархатныя ливреи съ золотыми позументами, а около каждой лошади находилось по одному придворному конюху. Передъ каретой императрицы скакали 2 камеръ-фурьера, шли 12 придворныхъ лакеевъ и 4 арапа и скорохода; подлѣ кареты—6 гайдуковъ, а сзади ѣхали верхами караульные кавалергарды подъ командой кн. Н. Ю. Трубецкаго. По обѣимъ сторонамъ кареты гарцовали 3 депутата, возившіе „кондиціи“ въ Митаву. и генераль-маіоръ И. М. Шуваловъ: кн. В. Л. Долгорукой и генераль-маіоръ Леонтьевъ ѣхали у правой дверцы, а у лѣвой кн. М. М. Голицынъ и Шуваловъ.

Шествіе замыкалось гренадерской ротой гвардейскаго семеновскаго полка.

Въ такомъ порядкѣ кортежъ двигался по Москвѣ отъ Землянаго города къ Кремлю по улицамъ, которыя были усыпаны пескомъ и украшены елками, поставленными у домовъ. Армейскіе полки были вытянуты по улицамъ пиллерами, гвардейскіе полки—преображенскій и семеновскій—выстроены въ Китай-городѣ и на Красной площади въ Кремлѣ до Успенскаго собора. При въѣздѣ въ Земляной городъ и у Китая-города были воздвигнуты триумфальныя ворота.

Когда кортежъ показался у Землянаго города, послѣдовалъ салютъ изъ 71 орудія, а при приближеніи его къ Бѣлому городу грянуло 85 орудій. У триумфальныхъ воротъ въ Китаѣ-городѣ Анна Иоанновна была встрѣчена синодскими членами съ Теофаномъ Прокоповичемъ во главѣ, всѣми бывшими въ то время въ Москвѣ архіереями и прочимъ духовенствомъ, съ крестомъ и иконами.

Въ Кремлѣ Анна Иоанновна прежде всего пошла въ Успенскій соборъ „для отправленія Господу Богу молитвы“.

Звонъ съ колокольной Ивана Великаго привѣтствовалъ государыню. У входа въ соборъ стояли въ парадныхъ одеждахъ сенаторы и коллежскіе президенты и члены, не участвовавшіе въ кортежѣ, а также не находившіеся въ строю офицеры; въ самомъ соборѣ ожидали ея знатныя дамы въ „робахъ“ и въ „самарахъ“. При входѣ Анны Іоанновны въ соборъ послѣдовалъ выстрѣлъ изъ 101 орудія, и всѣ войска на пространствѣ отъ Успенскаго собора до Землянаго вала стрѣляли троекратно бѣглымъ огнемъ.

Изъ Успенскаго собора Анна Іоанновна пошла въ Архангельскій соборъ для поклоненія гробницамъ предковъ и новопреставленнаго императора, а оттуда, въ сопровожденіи всѣхъ знатныхъ особъ обоюго пола, въ Кремлевскій дворецъ, въ „аппартаменты Ея Величества“^(*).

На три дня (15, 16 и 17 февраля) былъ снятъ трауръ, наложенный по случаю кончины Петра II. Москва ликовала, принявъ праздничный видъ, но не ликовала сама императрица и ея сторонники: кн. В. Л. Долгорукой слѣдилъ за каждымъ шагомъ Анны Іоанновны^(*).

Верховный Совѣтъ прежде всего былъ озабоченъ приведеніемъ къ присягѣ на вѣрность Аннѣ Іоанновнѣ, какъ жителей столицы, такъ и всего руссійскаго государства.

18 февраля разсматривалась въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ форма присяги. Она была слѣдующая:

«Азъ нижеимяпованный обѣщаюся и клянуся всемогущему Богу предъ святымъ Его Евангеліемъ, что долженъ Ея Величеству Великой Государынѣ Царицѣ Аннѣ Іоанновнѣ и *Государству* вѣрнымъ и добрымъ рабомъ и подданнымъ быть; такожъ Ея Величеству и *отечеству моему* пользы и благополучія во всемъ по крайней мѣрѣ искать и старатца, и оную производить безъ всякихъ страстей и лицемерія, не ища въ томъ своей отнюдь партикулярной, только общей пользы; здравіе и честь Ея Императорскаго Величества и цѣлость всего Государства и благополучіе по крайнему разумнію, силѣ и возможности предостерегать и охранять, какъ истинному и вѣрному сыну отечества принадлежить; а ежели бы Ея Величеству и отечеству моему что ни есть противное сему приключо-

---

(*) Ркп. Малиновскаго, «Управл. Всер. имп.» перепечат. у Языкова въ прилож. къ его изд. записокъ де-Липіа, с. 174—178.

(*) «Сказаніе» Теофана Прокоповича, с. 240.

читца хотѣло, то не точію охранять и оборонять, но въ потребномъ случаѣ и живота своего не щадить, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. И во всемъ томъ клянуся, памятуя будущій Судъ въ день страшнаго испытанія, иже воздастъ комуждо по дѣломъ его, отъ котораго тогда, ежели не сохранию здѣсь обѣщаннаго, да будетъ мнѣ мѣсть, здѣ же градская казнь. Въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь»⁽¹⁰⁾.

Присяга для жителей Москвы была назначена на 20 февраля.

Почти все засѣданіе Верховнаго Совѣта наканунѣ этого дня, 19-го февраля, было посвящено разсужденіямъ о подробностяхъ приведенія къ присягѣ. Кромѣ Успенскаго собора присягать было назначено въ четырнадцати церквахъ; въ каждой церкви жителей столицы должно было приводить къ присягѣ нарочно избранное для этого Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ „лице изъ сената и генералитета“. Лица эти были слѣдующія: генералъ Матюшкинъ, кн. А. М. Черкасской, С. А. Салтыковъ, И. И. Дмитріевъ Мамоновъ, кн. Г. Д. Юсуповъ, А. И. Ушаковъ, Г. П. Чернышевъ, И. П. Л. В. и П. В. Измайловы, кп. А. И. Шаховской, генералъ Леонтьевъ, И. П. Шереметевъ и В. Я. Новосильцевъ. Имъ были посланы повѣстки, приглашавшія ихъ въ Верховный Совѣтъ на 20 февраля, въ началѣ восьмага часа утра. Обо всѣхъ этихъ распоряженіяхъ сообщено въ синодѣ.

20 февраля прибыли въ Верховный Совѣтъ лица назначенныя для приведенія къ присягѣ по церквамъ. По прочтеніи имъ присяги, верховники спросили ихъ „довольны ли они тою присягою“? На это „всѣ согласно объявили, что довольны и благодарили“; затѣмъ они подписали присяжные листы. Имъ было приказано немедленно арестовывать всѣхъ уклоняющихся отъ присяги, а о числѣ присягнувшихъ еже-

---

(10) Госуд. Арх., чен. журн. В. Т. С., л. 55.—Подлинная присяга въ Сен. Арх., протоколы В. Т. С. 1730 г., л. 53.—До сихъ поръ текстъ этой присяги былъ почти неизвѣстенъ. Нѣмецкіе переводы его помѣщены въ малодоступныхъ изданіяхъ: въ журналѣ 1730 г. «Europäische Fama» и у Шмидтъ-Физельдека въ прилож. ко 2-му тому его «Materialien zu der Russisch. Geschichte» S. 401—402.—Въ большей части печатныхъ свѣдѣній о воцареніи Анны Іоанновны объ этой присягѣ говорится на основаніи донесеній иностранныхъ пословъ.

дневно сообщать въ Верховный Тайный Совѣтъ. Каждому изъ секретарей, назначенныхъ состоять при этихъ лицахъ, вручено отъ тысячи до двухъ тысячъ экземпляровъ присяжной формы.

Затѣмъ присягнули въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ: кн. И. Ѳ. Ромодановской, кн. М. В., кн. С. Г. и кн. И. Г. Долгорукіе, В. П. Степановъ и статскій совѣтникъ Масловъ. Хотя въ засѣданіи Верховнаго Совѣта 19-го февраля и было постановлено, чтобы 20-го числа присягнули въ Верховномъ Совѣтѣ „господа министры“, но въ журналѣ этого дня, гдѣ аккуратно обозначены имена всѣхъ присягнувшихъ въ Верховномъ Совѣтѣ, нѣтъ въ числѣ ихъ ни одного изъ „господъ министровъ“.

„Потомъ всѣ вышеписанные“ — читаемъ въ журналѣ Верховнаго Совѣта, — „пошли въ Успенскій соборъ и тамо всенародному собранію какъ Святѣйшему Синоду и прочимъ духовнымъ особамъ, такъ и свѣтскимъ всякихъ чиновъ людямъ та присяга чтена и цѣловали Евангеліе и крестъ и всѣ кромѣ тѣхъ, которые подписывались въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, какъ духовные такъ и свѣтскіе чины подписывались и присягали“. Гвардейскіе полки приводились къ присягѣ на площади у собора двумя фельдмаршалами, ихъ подполковниками: преображенскій полкъ княземъ Вас. Вл. Долгорукимъ, а семеновскій — княземъ М. М. Голицынымъ ⁽¹¹⁾.

Въ то время носились слухи, что верховники сочинили присягу на вѣрность императрицѣ и Верховному Совѣту. Поэтому Теофанъ Прокоповичъ, прежде чѣмъ отправиться въ Успенскій соборъ, счелъ нужнымъ обратиться къ духовенству, собравшемуся въ синодѣ, съ увѣщаніемъ о святости присяги. Съ такимъ же увѣщаніемъ обратился онъ и къ собравшемуся въ Успенскомъ соборѣ шляхетству ⁽¹²⁾.

⁽¹¹⁾ Госуд. Арх., черн. журн. В. Т. С., л. 56—59. — 23-го февраля сенаторы, находившіеся въ числѣ лицъ, приводившихъ къ присягѣ, замѣнены другими, чтобы не было остановки въ дѣлахъ. Вмѣсто нихъ назначены: Ѳ. В. Наумовъ, С. Л. Вельяминовъ, С. Сукинъ и Д. П. Еропкинъ. (Ibid., с. 62).

⁽¹²⁾ «Сказаніе» Теофана Прокоповича, с. 211—213. — Сб. Рус. Ист. Общ., т. V, с. 360. — Въ Успенскомъ соборѣ, по словамъ Теофана, на

21 февраля Верховный Тайный Совѣтъ распорядился о приводѣ къ присягѣ иноземцевъ. Всѣ жители Нѣмецкой Слободы (кромѣ чужестранныхъ министровъ и ихъ служителей), присягали въ слободской лютеранской киркѣ. Приводилъ ихъ къ присягѣ генералъ Боннъ ⁽¹³⁾.

22 февраля послѣдовалъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта указъ отъ имени императрицы Анны Іоанновны, которымъ объявлялось о ея восшествіи на престолъ и прибытіи въ Москву, а также призывались всѣ ея подданные къ присягѣ. Въ тотъ же день были отправлены отъ сената нарочные офицеры и сержанты ко всѣмъ губернаторамъ и воеводамъ съ этимъ указомъ и съ присяжными листами; такіе же нарочные отправились въ епархіи отъ сипода ⁽¹⁴⁾.

Покончивъ съ присягой, верховники снова обратились къ шляхетскимъ проектамъ и мѣвніямъ. „Пункты“ присяги, какъ мы видѣли, не были приняты шляхетствомъ, а между тѣмъ прибытіе императрицы могло имѣть большое вліяніе на дальнѣйшее развитіе шляхетскихъ воззрѣній. Поэтому верховники предприняли рядъ мѣръ, чтобы склонить нѣкоторыхъ изъ вождей шляхетской оппозиціи на свою сторону.

его требованіе о томъ, чтобы форма присяги была всѣмъ прочтена, сталъ преко-
словить князь Д. М. Голицынъ; другіе же верховники, опасаясь смуты, согла-
сились на требованіе Новгородскаго архіепископа, но ни у секретарей,
и ни у кого изъ присутствующихъ формы не оказалось. За ней послали
въ Верховный Совѣтъ, и когда ее прочли «стало ясно слышавшимъ, что
она верховнымъ не къ пользѣ и впредь къ раздруженію намѣренія ихъ
помѣшки сдѣлать не можетъ, приговорили принять оную снисходительно».
Это свидѣтельство противорѣчить показанію журнала В. Т. С.

⁽¹³⁾ Госуд. Арх., черн. журн. В. Т. С., л. 60.

⁽¹⁴⁾ Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1730 г., л. 28. — Арх. Св. Снн.,
дѣло № 35, л. л. 4, 16. — Въ архивахъ сената и синода нами не най-
дено подробныхъ распоряженій о разсылкѣ этихъ присягъ, какъ было сдѣ-
лано съ вторичными присягами на самодержавіе Анны Іоанновны. Свѣдѣ-
нія объ этомъ заимствованы нами изъ вышеприведеннаго указа В. Т. С.
и изъ послѣдующихъ распоряженій сената и синода о повсемѣстномъ ото-
браніи первыхъ присягъ. Въ Государственномъ Архивѣ, гдѣ сохраняются под-
линные присяжные листы на самодержавіе Анны Іоанновны, нѣтъ ни одного
изъ документовъ по первой присягѣ, о которыхъ говорится въ приведенныхъ
выше черновыхъ журналахъ В. Т. С.

Они начали съ Матюшкина, проэкты котораго былъ менѣе другихъ враждебенъ верховникамъ ⁽¹⁵⁾.

Затѣмъ Верховный Совѣтъ обратился къ гвардейскимъ офицерамъ, убѣждая ихъ внушить своимъ товарищамъ, что Верховный Совѣтъ готовъ сдѣлать существенныя уступки шляхетскимъ требованіямъ. Результатомъ такого обращенія было соглашеніе между верховниками и нѣкоторыми изъ шляхетства. Соглашеніе это выразилось въ особомъ документѣ, появившемся нѣсколько дней спустя по пріѣздѣ Анны Іоанновны въ Москву и представляющемъ весьма неполную выдержку изъ нѣкоторыхъ „пунктовъ“ присяги:

«Понеже Верховный Тайный Совѣтъ состоитъ не для какой собственной того собранія власти, точію для лучшей государственной пользы и управленія въ помощь ихъ императорскихъ величествъ, а впредь ежели кого изъ того собранія смерть пресѣчетъ или какимъ случаемъ отлученъ будетъ, то на тѣ упалы мѣста выбирать кандидатовъ Верховному Тайному Совѣту обще съ Сенатомъ и для апробаціи представлять Ея Императорскому Величеству изъ первыхъ фамилій изъ генералитета и изъ шляхетства людей вѣрныхъ и обществу народному доброжелательныхъ (*не воспоминая объ иноземцахъ*). И смотрѣть того, дабы въ такомъ пер-

---

⁽¹⁵⁾ Верховный Тайный Совѣтъ, вопреки донесеніямъ иностранныхъ пословъ, усердно занимался текущими дѣлами съ пріѣзда Анны Іоанновны въ Москву до 24 февраля включительно. Отмѣтимъ главнѣйшія изъ разсмотрѣнныхъ имъ дѣлъ за это время: По внутреннему управленію. 1) О казенныхъ лѣсахъ въ Казанской губерніи. 2) Объ отпускѣ въ военную коллегію на содержаніе крѣпостей 35 тысячъ рублей. 3) О чеканкѣ монетъ Екатерины I съ изображеніемъ персоны и именованія Е. И. В. Г. И. Анны Іоанновны (по докладу Дмитріева - Мамонова); при томъ же приказано ему отъ господъ-министровъ: а) о какихъ нужныхъ дѣлахъ поданы изъ сената въ Верховный Тайный Совѣтъ, а указу не получено, о томъ нынѣ подать доношеніе съ регистромъ; б) откуда писали о починкѣ городовыхъ крѣпостей, а указу не получено, о томъ подать доношеніе; в) отставныхъ отъ службы солдатъ, которые отсылаются на пропитаніе въ монастыри, чтобъ селить на свободныхъ земляхъ, подать доношеніе жъ. 4) Постановленіе о наказаніи разныхъ лицъ по прежнимъ преступленіямъ и проступкамъ. По иностраннымъ дѣламъ. 17-го февраля. 1) Подписанъ протоколъ В. Т. С., состоявшійся еще 30-го января, о вспомогательномъ корпусѣ цесарю нѣмецкому. 2) Слушаны выписки изъ реляцій: резидента Цеплжева изъ Цареграда отъ 7-го января 1730 г., генерала Румянцева изъ Дербента отъ 31-го декабря прошлаго

вомъ собраніи одной фамиліи больше двухъ персонъ умножено не было; и должны разсуждать, что не персоны управляютъ законъ, но законъ управляетъ персонами, и не разсуждать ни о фамиліяхъ, ниже о какихъ опасностяхъ, токмо искать общей пользы безъ всякой страсти, памятуя всякому судъ вышній. Буде же когда случится какое государственное новое и важное дѣло, то для оного въ Верховный Тайный Совѣтъ имѣютъ для совѣту и разсужденія собраны быть—Сенатъ, генералитетъ, коллежскіе члены и знатное шляхетство» ⁽¹⁶⁾.

Заявленіе это кромѣ членовъ Верховнаго Совѣта подписали разныя лица изъ генералитета и шляхетства, а именно: 1). Гр. Ѳеодоръ Андр. Апраксинъ (сынъ оберъ-шенка), 2) кн. И. Ю. Трубецкой, 3) кн. М. В. Долгорукой, 4) М. А. Матюшкинъ, 5) И. И. Дмитріевъ-Мамоновъ, 6) Гр. И. А. Мусинъ-Пушкинъ, 7) Баронъ П. П. Шафировъ, 8) кн. С. Г.

1729 года о баталіи съ Сурхавымъ сыномъ и его служителемъ Качайбекомъ. 3) Слушано доношеніе генераль-лейтенанта Левашева изъ Гіляни отъ 25-го ноября прошлаго 1729 года и разсуждено писать къ нему Левашеву слѣдующее (оставлено мѣсто и ничего не вписано). *18-го февраля*: 1) Разсуждали о персидскихъ дѣлахъ и опредѣляли: для разбора дѣла въ Персіи послать генераль-маіора Тараканова, а съ нимъ вмѣстѣ одного инженеря и двухъ кондукторовъ. 2) Слушанъ и апробованъ рескриптъ къ Неплюеву—резиденту въ Константинополѣ, о происшествіяхъ въ Персіи, изложенныхъ въ доношеніи генерала Румянцева. При этомъ тайный совѣтникъ Степановъ доложилъ мнѣніе Остермана, чтобы о случившемся въ Персіи сообщить римско-цесарскому министру гр. Вратиславу, съ требованіемъ содѣйствія Неплюеву со стороны цесарскаго резидента въ Константинополѣ. Мнѣніе Остермана было принято. 3) Разсуждали о послѣ персидскаго шаха, пріѣхавшемъ съ грамотой на имя Петра II-го и постановили, чтобы канцлеръ, призвавъ его къ себѣ, объявлялъ ему что съ этой грамотой къ императрицѣ онъ явиться не можетъ, а чтобы онъ просто привезъ Ея Величеству поздравленіе съ воспріятіемъ державы, а потомъ, ежели онъ имѣетъ о чемъ здѣсь предлагать, то можетъ имѣть конференціи съ гг. министрами». *19-го февраля*. Слушано доношеніе генерала Левашева изъ Гіляни отъ 13-го декабря, полученное въ Москвѣ только въ этотъ день, и приказано, чтобы обо всѣхъ персидскихъ происшествіяхъ сообщить всѣмъ россійскимъ министрамъ, обрѣтающимся при чужестранныхъ дворахъ». (Гл. Арх М. И. Д., дѣла В. Т. С. 1730 г., л. л. 7—9, 12—13).

⁽¹⁶⁾ Черновая записка В. Т. С. въ Госуд. Арх., разд. III, дѣло № 6-й, л. 8; напечатано съ нѣкот. измѣнен. въ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева, т. XIX, с. 237. Въ подлинной черновой вѣтъ конца, отъ слова: «буде-же».

Долгорукой, 9) кв. И. Г. Долгорукой, 10) кв. М. М. Голицынь младшій, 11) Л. В. Измайловъ, 12) А. Бутурлинъ, 13) В. П. Степановъ, 14) О. В. Наумовъ, 15) М. П. Бестужевъ, 16) Иванъ Колтовской, 17) Алексѣй Никиф. Плещевъ, 18) Д. П. Еропкинъ. Кромѣ того подписалось подъ этимъ заявленіемъ штабъ и оберъ офицеровъ *тридцать семь*, кавалергардовъ *четырнадцать*, да придворныхъ и военныхъ незнатныхъ *двадцать одинъ*, всего *девяносто семь* ⁽¹⁷⁾.

Но это заявленіе Верховнаго Совѣта, подписанное многими изъ генералитета и шляхетства, было уже запоздалой уступкой. Сдѣлай ее верховники раньше—они можетъ быть хоть отчасти достигли бы своей цѣли и удержали бы власть въ своихъ рукахъ, но теперь большинство шляхетства занято было уже иными комбинаціями политическихъ вопросовъ. Въ виду этого, князь Василій Лукичъ Долгорукой, опытный дипломатъ, попробовалъ сдѣлать еще нѣсколько уступокъ для привлеченія къ Верховному Совѣту наибольшаго числа фамилльных людей.

Сохранился черновой набросокъ мнѣнія князя В. Л. Долгорукаго, въ которомъ онъ считаетъ возможнымъ привести въ исполненіе нѣкоторыя общія требованія шляхетскихъ проектовъ, при чемъ болѣе всего склоняется къ мѣрамъ, предложеннымъ въ запискѣ подъ названіемъ „Способы“. Эти требованія слѣдующія: 1) Увеличеніе числа членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. 2) Разсмотрѣніе нуждъ общественныхъ выборными отъ шляхетства. Все это „чипить съ доклада Ея Величеству“, говоритъ князь Долгорукой. Цѣль этихъ уступокъ состоитъ въ томъ „чтобъ народъ узналъ, что къ пользѣ народной дѣла начинать хотятъ“. Князь В. Л. Долгорукой предлагаетъ сдѣлать выборъ дополнительныхъ членовъ въ Верховный Тайный Совѣтъ по соглашенію съ сенатомъ и генералитетомъ. „Сей способъ“—прибавляетъ онъ—„удобенъ для того, чтобъ убѣгнутъ разногласія“. Изъ шляхетства призываются въ этомъ случаѣ въ Верховный Тайный Совѣтъ такъ-

---

(17) Записка Татищева „Утро“, с. 378.

же одни только, „главные“. Кп. Долгорукой предлагаетъ Верховному Совѣту тщательно обсудить какимъ образомъ избрать этихъ представителей изъ генералитета и шляхетства. „Сей способъ“, — говоритъ кн. Василій Лукичъ, — „видитца бо больше можетъ удовлетворять народъ, толко можетъ причинять трудности отъ несогласія, и надобно чаять, что не безъ нареканія будетъ отъ тѣхъ, которые къ тѣмъ выборамъ допущены не будутъ; и о семъ потребно разсужденіе Верховнаго Совѣта, какъ бы вышеупомянутыхъ трудностей и нареканія убѣгнуть. Верховный Совѣтъ долженъ также подробно опредѣлить вопросы, которые будутъ подлежать обсужденію собранія выборныхъ людей согласно предложенію „Способовъ“. Всѣ заключенія, къ которымъ придетъ Верховный Совѣтъ, должны быть кратко изложены въ особой запискѣ, которую обнародовать во всеобщее свѣдѣніе^(1*).

Князь В. Л. Долгорукой имѣлъ серьезныя причины настаивать на тѣхъ уступкахъ, которыя онъ предлагалъ въ своемъ мнѣніи. Сторонники самодержавія Анны Іоанновны ждали только ея прибытія, чтобы гласно выразить свои симпатіи. Но и до ея прибытія они не сидѣли сложа руки. Въ то время, какъ верховники препирались со шляхетствомъ, они готовили почву: недаромъ Остерманъ былъ боленъ. Обложенный подушками и натертый разными мазями, онъ руководилъ движеніемъ, направленнымъ, какъ противъ верховниковъ, такъ и противъ всѣхъ участниковъ шляхетскихъ проектовъ. Принятіе Анной Іоанновной во Всесвятскомъ главнаго пачальства надъ преображенцами и кавалергардами было первымъ проявленіемъ того плана, который старательно обдумывалъ хитроумный вѣмецъ. Планъ этотъ заключался въ слѣдующемъ:

1) Доказать шляхетству, что всѣ его желанія, направленные къ улучшенію государственнаго строя Россіи, будутъ приведены въ исполненіе самой императрицей, самодержавная власть которой направится на тотъ же путь ре-

---

(1*) Госуд. Арх., разд. III, дѣло № 4, л. л. 1—3. Внизу приписка: *«переписано съ руки князя Василья Лукича, а его руки писанное возвращено къ нему».*

формъ: стѣить только обратиться къ Аннѣ Іоанновнѣ съ прошеніемъ—совсѣмъ уничтожить Верховный Тайный Совѣтъ, возстановить сенатъ въ томъ значеніи, какое онъ имѣлъ при Петрѣ Великомъ, дозволить шляхетству разсмотрѣть всѣ поданные проекты и мнѣнія и выработать основанія для дальнѣйшихъ государственныхъ преобразованій. 2) Убѣдить Анну Іоанновну, что она, какъ государыня, происходящая отъ старшаго брата Петра Великаго, имѣетъ неоспоримыя права на престолъ безъ всякаго избранія.

Повліять на шляхетство было гораздо легче, чѣмъ на самое императрицу⁽¹⁹⁾.

Оставивъ въ сторонѣ „родословныхъ людей“, число которыхъ было сравнительно очень незначительно, Остерманъ обратилъ главное вниманіе на большинство — на среднее шляхетство. Изъ родословныхъ людей онъ выбралъ только тѣхъ, на которыхъ всего легче было подѣйствовать. Арестъ Ягушинскаго помогъ еще болѣе въ этомъ случаѣ Остерману: противниками какихъ бы то ни было ограниченій власти Анны Іоанновны явились прежде всего самъ Ягушинской и его родственники—графы Головкины, князь И. О. Борятинской, князь Н. Ю. Трубецкой, а вслѣдъ за нимъ и старикъ фельдмаршалъ князь Трубецкой, считавшій себя лично обиженнымъ верховниками. С. А. Салтыковъ, какъ мы видѣли, давно былъ расположенъ къ Аннѣ Іоанновнѣ, а на перѣшительнаго князя Алексѣя Михайловича Черкаскаго не трудно было повліять Остерману,—и они оба пристали къ партіи за самодержавіе.

Единомышленниковъ у Остермана было довольно. Люди считавшіе Анну Іоанновну законной наслѣдницей престола, а равно и тѣ, кто стоялъ за принципъ самодержавія—перешли теперь открыто на сторону Остермана. Число сторонниковъ самодержавія прибывало съ каждымъ днемъ, благодаря тѣмъ безтактнымъ дѣйствіямъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, съ которыми мы познакомились подробно въ IV и V главахъ нашей книги. Кромѣ этой готовой уже почвы, сложились нѣкоторыя внѣшнія обстоятельства, которыми Остерманъ не преминулъ воспользоваться. Вестфа-

---

(19) Tourgueneff, III, p. 279—282.

лѣнъ сообщаетъ, что Швеція, въ виду происходившихъ въ Москвѣ смутъ, стала принимать угрожающее положеніе относительно Россіи: расположенныя въ Финляндіи войска получили приказаніе мобилизоваться; ожидали движенія этихъ войскъ на Петербургъ, и Минихъ принималъ мѣры для отраженія ихъ отъ забытой новой русской столицы⁽²⁰⁾. Вестфаленъ не упоминаетъ о своихъ переговорахъ съ Остерманомъ, но изъ прежнихъ его отношеній по вопросу о престолонаслѣдіи къ князьямъ Долгорукимъ и изъ общаго тона его депешъ можно заключить, что провозглашеніе Анны Іоанновны самодержавной императрицей не произошло безъ участія датскаго посланника. Очень хорошо понимая отношенія своего правительства къ Швеціи и опасаясь вмѣстѣ съ тѣмъ воцаренія въ Россіи „кильскаго ребенка“, или Елизаветы Петровны—Вестфаленъ весьма естественно долженъ былъ поддерживать мысль о провозглашеніи самодержавія новоизбранной русской императрицы. Въ томъ же смыслѣ дѣйствовалъ и посолъ нѣмецкаго цесаря графъ Вратиславъ, съ которымъ Остерманъ даже совѣтовался о личномъ составѣ имѣющаго быть восстановленнаго сената⁽²¹⁾. На Украинѣ, въ Малороссіи начинались беспорядки. Многіе боялись, что Малороссія, имѣя своего гетмана, можетъ отложиться отъ Россіи⁽²²⁾.

Всѣми этими обстоятельствами ловко воспользовался Остерманъ, чтобы повліять на среднее шляхетство, подписавшее разные проэекты. Но прежде всего ему нужно было окончательно унижить въ глазахъ шляхетства Верховный Тайный Совѣтъ. Съ этою цѣлью онъ предпринималъ слѣдующія мѣры: 1) поселить несогласіе между членами Верховнаго Совѣта, 2) поколебать авторитетъ Долгорукихъ, внушая, что они для того только желаютъ ограничить власть Анны Іоанновны, чтобы господствовать самимъ, а затѣмъ увѣрить большинство шляхетства, что императрица никогда бы не стала вмѣшиваться въ важнѣйшія государственныя дѣла,

(20) Депеша № 43., См. III-е приложение.

(21) Нензд. депеша графа Вратислава № 47.

(22) Tourgueneff, III, 278

еслибы Верховный Совѣтъ былъ охранителемъ императорской власти⁽²³⁾.

Мѣры эти привели къ желанному результату.

Несогласія между членами Верховнаго Совѣта, какъ мы видѣли, дѣйствительно произошли; поколебать же авторитетъ Долгорукихъ было не особенно трудно. Князя Голицыны были слишкомъ сильны, чтобы Остерманъ рѣшился возстать противъ нихъ; какъ опытный дипломатъ, онъ даже старался задобрить ихъ. Совершенно въ иномъ положеніи находились князья Долгорукіе: большинство изъ нихъ не только не пользовалось популярностью, но возбуждало всеобщую ненависть своею заносчивостью и напыщенностью, которыя особенно рѣзко выразились со времени помолвки княжны Екатерины съ покойнымъ императоромъ. Болѣе чѣмъ другихъ несправедливо князя Алексѣя Григорьевича и сына его Ивана; Кн. В. Л. Долгорукой, недавно вернувшійся изъ за границы, былъ мало извѣстенъ въ Москвѣ; фельд-маршалъ кн. Долгорукой составлялъ исключеніе изъ всей фамиліи, будучи весьма популярнымъ въ войскахъ. Почва для нападенія на князей Долгорукихъ такимъ образомъ уже была подготовлена; стоило только раздуть существовавшую противъ нихъ ненависть путемъ разглашенія въ различныхъ слояхъ общества анекдотовъ, ихъ компрометировавшихъ. И вотъ начинаютъ ходить по Москвѣ подробные рассказы о томъ, какъ князья Долгорукіе не заботились о здоровьи покойнаго императора, какъ они обкрадывали дворцовое и государственное казначейство, и, наконецъ о томъ, какъ они сочинили подложную духовную Петра II, по которой послѣдницею престола назначалась кн. Екатерина. Въ этихъ разсказахъ дѣйствительность изукрашивалась фантазіей: т. наприм говорили, что фаворитъ Петра II-го, князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукой, едва только императоръ испустилъ духъ, вышелъ съ обнаженной саблей къ народу, окружавшему Лефортовскій дворецъ, и закричалъ: „да здравствуетъ императрица Екатерина!“—Въ простомъ народѣ, среди черни, разсказы объ усиліяхъ Долгорукихъ возвести на престолъ

---

(23) Записки Манштейна, с. 23—24.—Снес. Ив. Нехачина: «Новое Ядро російской исторіи», 2-е изд., т. III, с. 24 и слѣд.

кн. Екатерину принимали чудовищно-легендарные размѣры; впоследствии по Москвѣ ходили даже слухи, что кн. Долгорукиѣ обвиняли кн. Екатерину, уже послѣ смерти императора, съ его трупомъ⁽²⁴⁾.

Князь Черкасской сталъ во главѣ того кружка, изъ котораго распространялись всѣ эти слухи. Изъ этого кружка, или „партіи“, какъ пазываетъ его датскій посланникъ Вестфаленъ, расходились громогласныя обвиненія, словесныя и письменныя, противъ Долгорукихъ, а также и противъ Голицыныхъ. На нихъ вападали за непримиримую ихъ ненависть къ памяти Петра В. и къ его потомству, на которое они будто-бы смотрѣли, какъ на нѣчто совершенно чуждое Россіи.⁽²⁵⁾

Прежде всего ненависть къ Долгорукимъ рѣзко проявилась среди гвардейскихъ офицеровъ. Въ ихъ кружкахъ стали рассказывать разныя небывалыя исторіи. Говорили напр., что фельдмаршалъ Долгорукой предлагалъ преобразенцамъ присягнуть Аняѣ Іоанновнѣ и Верховному Совѣту, но гвардейцы отвѣчали, что переломаютъ ему всѣ кости, если онъ снова явится къ нимъ съ подобнымъ предложеніемъ. Прусскій посланникъ Мардефельдъ, въ депешѣ отъ 23 февраля, передаетъ слѣдующія разглагольствованія одного офицера: „Не смотря на принесенную присягу, я желаю ис-

---

(²⁴) «Europäische Fama» 1730 г., ч. 328, с. 328—330. — «Historisches journal» 1730 г. — «Mercure historique et politique» 1730 г., ч. 88, с. 301—302. — «Nationen Gespräche», 24 Entrevue, 508—509. — Hemptel «Osterman's Leben» 276—301, 311—321; его же «Münich's Leben» 2-te Aufg., S. 185 и слѣд., и Biron's Leben» S. 106 и слѣд. — Шмидтъ-Физельдекъ «Materialien», Bd. II, S. 34—35, 44. — Мавштейнъ «Записки», с. 19. — Эти обвиненія Долгорукихъ цѣлкомъ вошли въ манифестъ о ихъ преступленіяхъ, отъ 14-го апрѣля 1730 г. (См. въ «Сказаніяхъ о родѣ кн. Долгорукихъ», приложение, с. 239—241). — Манифестъ этотъ сдѣлался тогда же извѣстенъ во всей Европѣ изъ переводовъ, появившихся во всѣхъ французскихъ и нѣмецкихъ періодическихъ изданіяхъ. Въ 1732 г. возникло особое дѣло о слухахъ въ простомъ народѣ относительно князей Долгорукихъ. Дѣло это хранится въ Государственномъ Архивѣ (разд. VI, № 168).

(²⁵) Депеша Вестфалена № 8-й, см. въ III-мъ приложеніи къ настоящему изслѣдованію.

крепно лишь одного“—говорилъ этотъ офицеръ—„видѣть верховниковъ публично обезглавленными по приказанію императрицы“⁽²⁶⁾. Гвардейцы собирались напасть на верховниковъ во время ихъ засѣданія и выбросить Долгорукихъ въ окно, а болѣе рѣшительные просто предлагали ихъ убить⁽²⁷⁾.

Шляхетство открыто требовало, чтобы Алексѣю Григорьевичу Долгорукому было запрещено находиться въ какомъ либо высшемъ правительственномъ учрежденіи. „Пологаютъ“ — пишетъ польско-саксонскій посланникъ Лефортъ,—„что князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукой (фаворитъ Петра II) легко можетъ отправиться въ Дербентъ, а отцу его (князю Алексѣю) готовится сюрпризъ въ тысячеверстномъ путешествіи въ страну звѣриной ловли“. Носились слухи, что князь А. Г. Долгорукой поторопился уѣхать въ свою подмосковную Горенки, и на этотъ отъѣздъ смотрѣли, какъ на предварительную ссылку⁽²⁸⁾.

Князь Василій Лукичъ Долгорукой держалъ себя иначе. Старательно слѣдя за Анной Иоанновной, онъ, какъ мы видѣли, пришелъ къ необходимости сдѣлать значительныя уступки шляхетству, но въ виду все болѣе и болѣе возраставшей агитаціи противъ его фамиліи, рѣшился на отчаянное средство. 25 февраля онъ намѣренъ былъ произвести государственный переворотъ посредствомъ ареста самыхъ значительныхъ сторонниковъ самодержавія Анны Иоанновны. Въ числѣ этихъ лицъ находились: графъ Головкинъ, Остерманъ и князья Черкасской и Борятинской⁽²⁹⁾.

Весьма дѣятельнымъ и энергическимъ союзникомъ Остермана былъ Теофанъ Прокоповичъ, руководившій духовенствомъ. „Нѣкоторые наиболѣе хитрые люди ихъ духовенства“—писалъ французскій резидентъ Маньянъ 23 марта (3 апрѣля н. ст.)—„дѣлали всякія усилія, чтобы восстано-

---

⁽²⁶⁾ Сб. Рус. Ист. Общ., V, с. 358—360. — Неизд. депеши Мардефельда, № 127.

⁽²⁷⁾ Депеши де-Лирія, с. 56. — Неизд. депеши Мардефельда, № 127. — Записка Бюсси, Tourgueneff, III, p. 277.

⁽²⁸⁾ Сб. Рус. Ист. Общ., V, 361.

⁽²⁹⁾ Шмидтъ-Физельдекъ: «Materialien», Bd. II, S. 32—34. Къ сожалѣнію Шмидтъ-Физельдекъ не указываетъ источника.

вить мелкое дворянство противъ Верховнаго Совѣта, главныхъ членовъ котораго изображали злодѣями, желавшими измѣнить форму правленія только для того, чтобы самымъ безнаказанно завладѣть верховною властію, вслѣдствіе чего рабское положеніе дворянства стало бы еще невыносимѣе, чѣмъ при сохраненіи самодержавія государственнаго (80). Теофанъ Прокоповичъ распространялъ среди шляхетства слѣдующія мысли: „Паче же бѣдное самой Государыни состояніе, аки бы предъ очами ходящее, на гнѣвъ и ярость позывало: не приходитъ она, не видитъ, не поздравляетъ ее народъ. А когда тому всюду вѣсть приносилась, что кн. Василій Лукичъ, какъ бы нѣкій драконъ блюдетъ неприступу, и что она безъ воли его ни въ чемъ невольна, и неизвѣстно жива ли? а если жива, то насилу дышетъ, и что оныи тираны имѣютъ Государыню за тѣнь Государыни, а между тѣмъ злѣйшее нѣчто промышляютъ, чего другимъ догадываться нельзя. Сія и симъ подобная, когда вездѣ говорено, ожила другой компаніи ревность, и жестокаѣ, нежели прежде, воспламенялась. Видѣть было на многихъ, что нѣчто весьма странное умышляютъ; но тихомірныя головы къ тому всѣхъ приклонили, чтобы мятежное иное господство упразднить правильнымъ и безопаснымъ дѣйствіемъ“ (81).

Самыми выдающимися пропагандистами Остермановскаго плана среди гвардейскихъ полковъ были два гвардейскихъ офицера, совершенно противоположные другъ другу, по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, и по значенію, которое имѣютъ въ нашей исторіи. Одинъ изъ нихъ—очень извѣстный писатель и провозвѣстникъ просвѣтительныхъ идей, иностранецъ происхожденіемъ; другой—совершенно неизвѣстный банальный гвардейскій офицеръ, но вполнѣ русскій человекъ, родной внукъ приближеннаго, даже друга царя Алексѣя Михайловича. То были князь Антіохъ Дмитриевичъ Кантемиръ и графъ Ѳеодоръ Андреевичъ Матвѣевъ.

Двадцати-лѣтній юноша кн. Кантемиръ почти съ самаго дѣтства былъ близокъ и друженъ съ Теофаномъ

---

(80) Tourgueneff, III, p. 280.

(81) «Сказаніе» Теофана Прокоповича, с. 214—215.

Прокоповичемъ; его сближало съ ученымъ архіереемъ прежде всего общее имъ страстное отношеніе къ знанію, къ наукѣ. Увлеченный реформой Петра В., молодой Кантемиръ принималъ ее всецѣло и безъ критики, и въ замыслахъ верховниковъ и шляхетства видѣлъ исключительно только враждебное отношеніе къ реформѣ. Кантемиръ ни происхожденіемъ, ни воззрѣніями не былъ связанъ съ русскими „родословными людьми“. Онъ былъ среди нихъ въ полномъ смыслѣ слова „чужакъ“. Но онъ не былъ „худороднымъ служилымъ иноземцемъ“ (онъ былъ очень аристократическаго рода) и сознательно считалъ Россію своею второю отчизною; не будучи однако прирожденнымъ русскимъ, онъ не могъ переживать того, что переживали русскіе люди во время реформаціоннаго переворота Петра В. Идеалы Кантемира лежали не въ допетровской Руси, не въ желаніи освободиться отъ тягостей, возложенныхъ на шляхетство, и не въ политическомъ строѣ европейскихъ государствъ, а въ отвлеченныхъ морально-философскихъ схемахъ; во имя этихъ идеаловъ онъ отрицательно относился къ окружавшей его русской дѣйствительности, безжалостно бичуя ее своею дидактическою сатирой.

Кромѣ этихъ, такъ сказать, природныхъ условій, отчуждавшихъ Кантемира отъ тогдашнихъ внутреннихъ политическихъ вопросовъ русской земли, обстоятельства его жизни ставили его въ недружелюбныя отношенія къ верховникамъ и сближали съ людьми противной партіи. Лишенный майората по милости князя Д. М. Голицына, Кантемиръ не могъ сочувственно относиться, ни къ его личности ни къ его замысламъ. Съ князьями Долгорукими онъ также былъ не въ ладахъ, и въ одной изъ сатиръ подъ именемъ „Новаго Менаандра“ осмѣялъ фаворита Петра II, князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго. Кантемиръ считался свойствомъ съ князьями Трубецкими, изъ которыхъ былъ очень близокъ съ княземъ Никитою Юрьевичемъ,—а эта близость вводила его въ родственныя круги князя Никиты: графовъ Головкиныхъ, князей Борятинскихъ и Ягушинскаго. Сердечное влеченіе князя Антиоха Кантемира къ княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Черкасской, дочери князя Алексѣя Михайловича, привязывала его къ человѣку, который сталъ теперь

однимъ изъ дѣятельныхъ провозвѣстниковъ самодержавія вновь избранной императрицы ⁽³²⁾.

Графъ Ѳеодоръ Андреевичъ Матвѣевъ (р. 1706 † 1734 г. холостымъ и съ нимъ пресѣлся родъ Матвѣевыхъ) сынъ извѣстнаго дипломата эпохи Петра В., графа Андрея Артамоновича, былъ большимъ ничтожествомъ. Кутила и гуляка, графъ Матвѣевъ способенъ былъ подъ вліяніемъ винныхъ паровъ на выходки очень дикія; одна изъ такихъ выходокъ,—его ссора съ испанскимъ посломъ де-Лирія, подробно описана послѣднимъ. Эта ссора произошла лѣтомъ 1729 г., и съ тѣхъ поръ графъ Матвѣевъ тайлъ злобу противъ князей Долгорукихъ, возмущенныхъ его выходкой, что и побудило его въ описываемое время открыто возстать противъ нихъ. Еще болѣе возстановляли его противъ проектовъ шляхетства его родственныя отношенія. Мать его была очень близкимъ лицомъ къ Аннѣ Іоанновнѣ: она была гофмейстериною ея курляндскаго двора, а одна изъ старшихъ его сестеръ, графиня Марья Андреевна, бывшая замужемъ за Александромъ Ивановичемъ Румянцевымъ, находилась въ неблагопріятныхъ отношеніяхъ ко многимъ изъ участниковъ шляхетскихъ проектовъ. Александръ Ивановичъ Румянцевъ, одинъ изъ любимѣйшихъ деньщиковъ, а потомъ сподвижниковъ Петра В. (отецъ знаменитаго полководца эпохи Екатерины II-ой гр. Румянцева-Задунайскаго)—не могъ пользоваться сочувствіемъ и уваженіемъ многихъ видныхъ участниковъ этихъ проектовъ, по той роли, которую игралъ въ гибели злосчастнаго царевича Алексѣя Петровича. ⁽³³⁾.

⁽³²⁾ См. біогр. кн. Кантемира В. Стоюнина при изд. сочиненій Кантемира ред. Ефремова, т. I; также самыя сочиненія, т. I, с. 118—119, 199, 206—208, 213, 227—247, 283—287, 297—304.

⁽³³⁾ Р. Р. С., I, с. 36.—Рг. Р. Dolgoroukow, «Memoires», I, p. 108.—XVIII-й в., де-Лирія, II, с. 183—188.—Бятышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1836 г., IV, с. 326 и слѣд., біографія А. И. Румянцева.—Карабановъ, «Статсъ-дамы», Р. Ст. 1871 г., т. IV, с. 587; *ibid.* 1875 г., т. XII, с. 155.—Гр. Матвѣевъ находился въ свойствѣ съ Нарышкиными. Ѳеодоръ Полуэктовичъ Нарышкинъ, родной дядя Натальи Кирилловны, былъ женатъ на Авдотѣ Петровнѣ Хомутовой (Гамильтонъ), племянницѣ жены Артамона Сергѣевича Матвѣева, Авдотьи Григорьевны Гамильтонъ. Вслѣдствіе этого Наталья Кирилловна, круглая сирота безъ

Весьма понятно, что графъ Матвѣевъ агитировалъ въ пользу самодержавія Анны Іоанновны совершенно въ иныхъ кружкахъ, чѣмъ князь Кантемиръ.

За княземъ Кантемиромъ и графомъ Матвѣевымъ стояла цѣлая дружина гвардейскихъ офицеровъ. Изъ этихъ молодыхъ гвардейцевъ мы должны отмѣтить во первыхъ двухъ родственниковъ вновь избранной императрицы и возжаковъ движенія, во вторыхъ — людей близкихъ къ этимъ возжакамъ, и въ третьихъ, наконецъ, — чѣмъ либо лично замѣчательныхъ. Къ первой группѣ относятся: князь Семенъ Волконскій, родственникъ Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ, двое Салтыковыхъ, Иванъ и Николай, и князь Петръ Борисовичъ Черкасской. ⁽⁸⁴⁾ Ко второй — Бецкой, Гурьевъ и Херасковъ.

Иванъ Ивановичъ Бецкой, дѣятельность котораго принадлежитъ всецѣло эпохѣ Екатерины II, слишкомъ извѣстенъ, чтобы говорить о немъ здѣсь, а потому остановимся на Гурьевѣ и Херасковѣ.

Гурьевъ состоялъ флигель-адъютантомъ при фельд-маршалѣ, князѣ И. Ю. Трубецкомъ, а Матвѣй Андреевичъ Херасковъ былъ въ давнишнихъ дружескихъ отношеніяхъ съ семействомъ князей Трубецкихъ. Онъ былъ отцемъ Михаила Матвѣевича Хераскова извѣстнаго „піиты“ эпохи Екатерины II, куратора Московскаго Университета и массона (р. 1733 † 1807 г.) На вдовѣ Матвѣя Андреевича Хераскова, Аннѣ Даниловнѣ, рожденной княжнѣ Друцкой, женился въ 1735 г. князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, овдовѣвшій также къ тому времени. ⁽⁸⁵⁾

состоянія, жила у А. С. Матвѣева, гдѣ впервые встрѣтилась съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Извѣстный рассказъ о встрѣчѣ съ нею царя Алексѣя Михайловича у Матвѣева, заимствованъ изъ рассказовъ Марьи Андреевны Румянцевой, которая умерла 90 лѣтъ въ 1788 г.

⁽⁸⁴⁾ См. о Салтыковыхъ Арх. Сената, им. ук., кн. 57 и Анненкова, ист. л.-гв. коннаго полка, ч. IV. — О кн. П. Б. Черкасскомъ также у Анненкова. — О кн. Волконскомъ П. С. З., т. IV, № 2172 и въ статьѣ М. Н. Лонгинова о Θεод. Изв. Дмитріевъ-Мамоновѣ (писателѣ), Р. Ст. 1870 г., I, с. 465—468.

⁽⁸⁵⁾ О Гурьевѣ см. прилож. къ исторіи Измайловскаго полка. — О Херасковѣ, статья Лонгинова въ Русск. Арх. 1873 г., т. II, с. 1453—

Къ третьей группѣ принадлежатъ: Апраксинъ, Соковнинъ и Булгаковъ.

Степанъ Ѳеодоровичъ Апраксинъ (р. 1702 † 1758) извѣстный полководецъ Семилѣтней войны, побѣдитель пруссаковъ и сторонникъ супруги наслѣдника престола Софіи Августы-Фридерики, впоследствии Екатерины II. Обвиненный въ измѣнѣ за отступленіе послѣ блистательной побѣды при Гросъ-Эгерсдорфѣ (1757 г.) Апраксинъ былъ преданъ военному суду и умеръ скорострѣжно отъ удара. Современники изображаютъ его человѣкомъ добрымъ, но тщеславнымъ, любившимъ почестъ и роскошь, и весьма недалекимъ. Кн. М. М. Щербатовъ характеризуетъ Апраксина въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „человѣкъ благодѣтельный и добраго расположенія сердца, но малознающъ въ вещахъ, проницливъ, роскошенъ и честолюбивъ, а къ тому хотя не былъ пьяница, но не отрекался иногда въ излишность сію впадать“⁽⁸⁶⁾.

Никита Ѳеодоровичъ Соковнинъ, племянникъ казеннаго Петромъ В. окольничаго Алексѣя Прокофьевича Соковнина, еще мальчикомъ, въ 1697 г. былъ сосланъ въ Сѣвскъ, вмѣстѣ съ тремя своими старшими братьями. Въ 1712 г. онъ былъ прощенъ Петромъ и отправленъ въ Ревель для обученія нѣмецкому языку, а вслѣдъ за тѣмъ посланъ въ Голландію изучать „навигацию“, и при Екатеринѣ I-ой былъ унтеръ-лейтенантомъ флота. Онъ находился въ родствѣ съ Чернышевыми и Ржевскими⁽⁸⁷⁾.

Секретарь преображенскаго полка Иванъ Михайловичъ Булгаковъ, отецъ извѣстнаго дипломата

1454 и въ «Журналѣ князя Н. Ю. Трубецкаго», Р. Ст. 1870 г., т. I, с. 10.

(⁸⁶) Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1836 г., I, с. 58—63; изд. 1847 г., I, с. 29—36.—Кн. Щербатовъ: «О поврежд. нравовъ», Р. Ст. 1870 г., II, с. 101, 103, 114.—Снес. отзывы Болотова, въ 1-мъ томѣ его «Записокъ» въ главахъ о Семилѣтней войнѣ.—Апраксины происходятъ отъ Салхамиръ мурзы, выхавшаго изъ Золотой Орды къ Олегу Рязанскому въ 1371 г.

(⁸⁷) П. С. З., III, № 1577.—П. П. В. въ Сб. Рус. Ист. Общ., т. XI, с. 232.—Берхъ «Жизнеоп. первыхъ рос. адмир.», I, 25,—Карабачева «Статсъ-дамы», Р. Ст. 1870 г., II, с. 482.

царствованія Екатерины II-ой, Якова Ивановича Булгакова, въ царствованіе Анны Іоанновны былъ въ дурныхъ отношеніяхъ къ Бирону. За ссору съ его „конфидентомъ“ Альбрехтомъ (послѣ 1737 г.) онъ чуть не заплатился жизнію. Слѣдствіе по этому дѣлу раскрыло его отношенія къ нѣмцамъ и Булгаковъ былъ приговоренъ къ смерти; но Анна Іоанновна, вспомнивъ его услугу въ 1730 г., помиловала его (**).

Въ числѣ новыхъ лицъ, не принимавшихъ участія въ шляхетскихъ проэктахъ и мнѣніяхъ, сторонниками самодержавія являются также: генералъ-поручикъ Иванъ Михайловичъ Головинъ и полковникъ Петръ Михайловичъ Еропкинъ.

Иванъ Михайловичъ Головинъ, († 1738) потомокъ стариннаго рода (XIV в.), занимаетъ видное мѣсто среди приближенныхъ къ Петру В. лицъ. Ивана Михайловича Головина прежде всего выдвигало родство съ любимцемъ Петра В., Ѳеодоромъ Алексѣвичемъ Головинымъ, которому Иванъ Михайловичъ приходился двоюроднымъ братомъ. Въ 1697 году онъ былъ отправленъ Петромъ В. въ Италію и Голландію, для обученія морскому дѣлу. Въ 1698 г. зачисленъ поручикомъ въ преображенскій полкъ. Въ Амстердамѣ Головинъ работалъ на корабельной верфи вмѣстѣ съ Петромъ; проживъ четыре года въ Венеціи, Головинъ не научился ни морскому искусству, ни итальянскому языку; но это не помѣшало ему стать въ ряды самыхъ близкихъ людей къ Петру В. Царь очень любилъ Головина за его правдивый нравъ и за неподкупную честность. Голиковъ передаетъ о Головинѣ нѣсколько анекдотовъ, ярко рисующихъ его нравственныя качества и характеръ (***).

Гофъ-интендантъ Петръ Михайловичъ Еропкинъ, обучавшійся архитектурѣ въ Италіи, впослѣдствіи былъ замѣшанъ въ дѣло Волинскаго и обезглавленъ вмѣстѣ съ нимъ въ 1740 г. Еропкинъ былъ человѣкъ большаго образованія, какъ по своей спеціальности, такъ и въ нау-

---

(**) Рассказы Карабанова, Р. С. 1871 г., т. IV. с. 690.

(***) Сев. Арх., ук. В. Т. С. 1729—1730 гг.—Берхъ «Жизнеоп. перв. рос. адмиръ», II, с. 48—60.—Устряловъ, «Ист. Петра В.», II, 567; III, 564.—Д. П. В. Голикова, изд. 2-е, т. XV, анекд., с. 97—99; 181—182.

кахъ политическихъ и историческихъ. Многими изъ его рукописныхъ лѣтописцевъ пользовался В. Н. Татищевъ ^(1°).

При помощи всѣхъ названныхъ лицъ среди шляхетства была пущена записка, направленная противъ верховниковъ во имя соблюденія интересовъ среднего шляхетства. Записка эта была, по всей вѣроятности, однимъ изъ тѣхъ памфлетовъ, о которыхъ упоминалъ, какъ мы видѣли выше, Вестфаленъ. Анонимный авторъ записки предпочитаетъ самодержавіе олигархіи верховниковъ по тому только, что въ самодержавіи онъ видитъ болѣе гарантій правамъ и пользѣ шляхетства. Вотъ содержаніе этой записки:

„Слышно здѣсь, что дѣлается или уже и сдѣлано—чтобъ быть у насъ республикѣ. Я зѣло въ томъ сумнителенъ“—такъ начинается авторъ свою записку. „Боже сохрани“,—продолжаетъ онъ—„чтобъ не сдѣлалось вмѣсто одного самодержавнаго государя десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій; и такъ мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ и принуждены будемъ горше прежняго и долопоклонничать и милости у всѣхъ искать, да еще и сыскать будетъ трудно, понеже нынѣ между главными (т. е. родословными людьми) какъ бы согласно ни было, однаковъ впредь, конечно, у нихъ безъ раздоровъ не будетъ, и такъ, одинъ будетъ миловать, а другіе, на того злобствуя, вредить и губить станутъ“.

Авторъ записки всего болѣе опасается, при такихъ общественныхъ условіяхъ, военнаго времени. „Въ то время потребно расположить будетъ обществомъ или рекрутскій наборъ, или прочій какой сборъ для пользы и обороны государства, для того надлежитъ тогда всякому понести самому на себѣ, для общей пользы, нѣкоторую тягость; въ томъ голосовъ сообразить никакъ не возможно будетъ, и что надобно сдѣлать и расположить въ недѣлю, того въ полгода или въ годъ не сдѣлаютъ, а что и положено будетъ на главныхъ—всегда въ домикахъ, а мы средніе одни будемъ оставаться въ платежахъ и во всѣхъ тягостяхъ“. Противъ назначенія сроковъ для шляхетской службы авторъ записки выставляетъ слѣдующіе аргументы:

---

^(1°) П. С. З., т. X. №№ 7323, 7564, 7890.—Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1728 г.—См. о Еропкинѣ въ статьѣ «А. П. Волинской», «Др. и Нов. Россія» 1877 г.

„Народъ нашъ не вовсе честолюбивъ, но паче лѣнивъ и не трудолюбивъ; и для того, если нѣ котораго принужденія не будетъ, то, конечно и такіе, которые въ своемъ домѣ ѣдятъ одинъ ржаной хлѣбъ, не похотятъ чрезъ свой трудъ получать ни чести, ни довольной пищи, кромѣ, что всякъ захочетъ лежать въ своемъ домѣ; развѣ останутся одни холопы и крестьяне наши, которыхъ принуждены будемъ производить и своей чести надлежащія мѣста отдавать имъ, и такихъ на свою шею произведемъ и насажаемъ непотребныхъ, отъ которыхъ впредь самимъ намъ мѣста не будетъ, и весь воинскій порядокъ у себя, конечно, потеряемъ; притомъ же подъ властью такихъ командировъ, Боже сохрани, такъ испотворованы будутъ солдаты, что злѣе стрѣльцовъ будутъ“. По мнѣнію автора записки, выходъ въ отставку лицъ низшаго шляхетства поведетъ за собою страшныя послѣдствія. Не привыкли къ труду, эти отставные шляхтичи будутъ искать себѣ средствъ для существованія—разбоями и грабежами. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, авторъ записки считаетъ возможнымъ дозволить выходить въ отставку послѣ опредѣленнаго числа лѣтъ службы только тѣмъ шляхтичамъ, у которыхъ не менѣе 30—50 дворовъ крестьянъ⁽⁴¹⁾.

Сношенія съ Анной Іоанновной для сторонниковъ ея самодержавія были не особенно легки и требовалась при этомъ большая осторожность. Чтобы сохранить тайну, въ данномъ случаѣ весьма понятную, сторонники самодержавія Анны Іоанновны для сношенія съ нею и для передачи ей своихъ плановъ и „конъюнктуръ“, избрали такихъ лицъ, которыя менѣе всего могли дать поводъ къ подозрѣніямъ со стороны верховниковъ. То были все дамы: родныя сестры императрицы—герцогиня мекленбургская Екатерина Іоанновна и царевна Прасковья Іоанновна, а также ея родственницы и близкія къ ней статсъ-дамы и фрейлины—баронесса Остерманъ, кн. Черкасская, Черпышева, Ягушинская; сестра кн. Черкасской, Прасковья Юрьевна Салтыкова, рож-

---

⁽⁴¹⁾ «Пам. Нов. Рус. Ист.» Кашпирева, т. II, отд. II, с. 209—211.—Записка эта найдена въ бумагахъ А. II. Волинскаго съ поправками его рукою, вслѣдствіе чего несправедливо приписывалась самому Волинскому. Подробн. см. «Древн. и Нов. Рос.» 1877 г., т. II, с. 43.

денная кн. Трубецкая, крестница царицы Прасковьи Θεодоровны, матери Анны Іоанновны; Екатерина Ивановна Головкина, двоюродная сестра императрицы, и Наталья Θεодоровна Лопухина, любовница Рейнгольда Лёвенвольде. Особенно видная роль выпадаетъ на долю трехъ: мекленбургской герцогини, Салтыковой и Лопухиной. Первая, говорятъ, ободряла колебавшуюся Анну Іоанновну, вторая передавала о мѣрахъ, принимаемыхъ Рейнгольдомъ Лёвенвольде, а послѣдняя употреблялась шиномъ для „узнанія мыслей знатныхъ людей скрытнымъ образомъ, для чего она прѣзжала ко многимъ по ночамъ“.

Кромѣ того, какъ гласитъ преданіе, были придуманы болѣе хитрые способы для сношенія съ императрицей. Каждый день приносили къ ней меньшаго сына Бирона, такъ какъ она чувствовала къ этому ребенку большую нѣжность; въ его пеленки вкладывались записки съ извѣщеніемъ объ успѣхахъ сторонниковъ императрицы. Въ двадцатыхъ числахъ февраля Θεофанъ Прокоповичъ прислалъ Аннѣ Іоанновнѣ въ подарокъ столовые часы, подъ доской которыхъ находилось изложеніе плана дѣйствій императрицы⁽⁴²⁾. Анна Іоанновна колебалась. Она хотѣла провозгласить себя самодержавной лишь въ день коронаціи, которая предполагалась въ апрѣлѣ, но открытіе Остермапомъ замысла князя В. Л. Долгорукаго объ арестахъ, назначенныхъ на 25 февраля—ускорило дѣло. Этотъ день былъ избранъ именно днемъ провозглашенія самодержавія Анны Іоанновны⁽⁴³⁾.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ шляхетство стало собираться на новыя совѣщанія. Важнѣйшіе изъ фамильныхъ людей собрались 23 февраля въ домѣ кн. И. О. Борятинскаго на Моховой и рѣшили просить Анну Іоанновну принять самодержавіе, уничтожить подписанныя ею „кондиціи“ и Верховный Тайный Совѣтъ, а возстановить сенатъ, какъ было при Петрѣ В. Василій Никитичъ Татищевъ былъ посланъ отъ этого собранія извѣстить о его рѣшеніи другой кружокъ шляхетства, собравшійся на Никольской, въ

⁽⁴²⁾ Tourgueneff, III, p. 276.—Сб. Рус. Ист. Общ., V, 367.—См. депеші Вестфалена № 13.—«Записка неизвѣстнаго» въ примѣчан. къ Зап. герц. Липійск. изд. Языковымъ, с. 180—182.

⁽⁴³⁾ Tourgueneff, III, p. 272.

домъ кн. А. М. Черкаскаго. Здѣсь предложеніе кружка кн. Борятинскаго принимались не совсѣмъ охотно. Кп. Антиохъ Кантемиръ долго уговаривалъ рѣшиться на эту мѣру, „довольно со многими разсуждая“, и уговорилъ наконецъ вѣ-
которыхъ подписать челобитную о самодержавіи, проектъ которой тутъ же и вбросалъ. Переписавъ набѣло, привезли этотъ проектъ въ домъ кн. Борятинскаго, гдѣ подъ челобитной подписалось с е м ь д е с я т ь ч е т ы р е ч е л о в ѣ к а . Былъ уже первый часъ ночи. Несмотря на это позднее время, всѣ подписавшіе челобитную въ домъ у кп. Борятинскаго, поѣхали въ домъ кн. Черкаскаго, въ которомъ шляхетство ожидало исхода подписи челобитной. Въ числѣ этихъ ожидавшихъ было много изъ генералитета и изъ гвардейскихъ офицеровъ: увидавъ с е м ь д е с я т ь ч е т ы р е подписи, они начали быстро подписываться подъ челобитной, и скоро листъ покрылся еще д е в я н о с т о т р е м я подписями. Въ это время кн. Кантемиръ и гр. Матвѣевъ поѣхали въ гвардейскія и кавалергардскія казармы и стали тамъ собирать рукоприкладства. Изъ гвардейскихъ офицеровъ подписалось п я т ь д е с я т ь в о с е м ь , да изъ кавалергардовъ (дежурившихъ у гроба покойнаго императора) т р и д ц а т ь ш е с т ь ⁽⁴⁴⁾.

Такъ было подготовлено провозглашеніе самодержавія Анны Іоанновны, происшедшее 25 февраля 1730 г.

~~~~~

(44) Записка Татищева, «Утро», с. 378.

IX.

25 ФЕВРАЛЯ 1730 ГОДА.

Засѣданіе Верховнаго Тайнаго Совѣта.—Собраніе шляхетства въ Кремлевскомъ дворцѣ и прошеніе о пересмотрѣ шляхетскихъ проактовъ и мнѣній.—Прошеніе о «воспріятіи» самодержавія.—Изодравіе «кондицій» и письма отъ 28 января.—Объявленіе Анны Іоанновны самодержавной императрицей.

25 февраля утромъ въ Мастерской палатѣ Кремлевскаго дворца засѣдалъ Верховный Тайный Совѣтъ. Въ засѣданіи присутствовали: князья Голицыны, Дмитрій Михайловичъ и Михайлъ Михайловичъ, и князья Долгорукіе—Василій Владиміровичъ, Василій Лукичъ и Алексѣй Григорьевичъ. Въ этотъ день верховники, повидимому пришедшіе уже къ соглашенію относительно плана государственнаго устройства (Голицынскаго), были заняты обсужденіемъ вопроса о коронаціи и о назначеніи дня для этого торжества. Послѣ этихъ разсужденій присутствующіе „имѣли секретные разговоры“, по окончаніи которыхъ князь Василій Лукичъ Долгорукой оставилъ засѣданіе; безъ него рассмотрѣны были доношенія по разнымъ вопросамъ адмиралтейской коллегіи и постановлено послать подтвердительные указы о рекрутахъ и ландмилицкихъ деньгахъ. Василій Лукичъ Долгорукой возвратился, и всѣ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта отправились къ государынѣ (¹).

Такъ передаетъ начало дня 25 февраля журналъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, не объясняя, какіе секретные раз-

(¹) Госуд. Арх., Черн. журн. В. Т. С.; л. 65.

говору имѣли между собою верховники, для чего уходилъ изъ засѣданія князь В. Л. Долгорукой и по чему, по его возвращеніи, всѣ верховники пошли къ Аннѣ Іоанновнѣ.

Между тѣмъ всему этому были важныя причины.

По словамъ датскаго посланника Вестфалена, 25 февраля 150 человекъ изъ главныхъ военныхъ отправились въ Кремль, требуя отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, въ то время засѣдавшаго, чтобы ихъ выслушали. Во главѣ этихъ челобитчиковъ находились: сенаторъ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасской, генераль-лейтенантъ и майоръ гвардіи князь Григорій Дмитріевичъ Юсуповъ и генераль-лейтенантъ Чернышевъ. Получивъ согласіе Верховнаго Совѣта, они вручили бумагу съ изложеніемъ своихъ справедливыхъ неудовольствій; Верховный Совѣтъ объявилъ имъ свою готовность удовлетворить ихъ желаніямъ и передать объ этомъ Ея Величеству. Челобитчики не удовольствовались однако этимъ отвѣтомъ и попытались передать свое прошеніе лично Аннѣ Іоанновнѣ. Императрица приняла ихъ милостиво, обѣщая все исполнить, при чемъ выразила увѣренность, что между шляхетствомъ и Верховнымъ Совѣтомъ установится полное согласіе. Послѣ такого пріема предводители челобитчиковъ возвратились въ Верховный Совѣтъ и рассказали о происшедшемъ на аудіенціи у государыни.

— „По моему мнѣнію, снисходительность нашей всемилостивѣйшей государыни и обращеніе ея съ подданными заслуживаетъ съ нашей стороны искренней признательности“, — сказалъ князь Юсуповъ.

Чернышевъ добавилъ къ этому: — „Мы не можемъ лучше возблагодарить Ея Величество за всѣ милости къ народу, какъ возвративъ ей похищенное у нея, т. е. самодержавную власть, которой пользовались всѣ ея предки“.

Князь Черкасской, поддерживаемый великимъ канцлеромъ гр. Головкинымъ, воскликнулъ вмѣстѣ съ остальными: „да здравствуетъ наша *самодержавная* государыня Анна Іоанновна“.

Князья Голицыны и Долгорукіе, не будучи въ состояніи сопротивляться долѣе, сказали:

— „Пойдемъ, присоединимся къ другимъ и да будетъ такъ, какъ предопредѣлено Св. Провидѣніемъ“ (*).

(*) Дешета Вестфалена № 13-й, см. III-е приложеніе къ настоящему изслѣдованію.

Князь Черкасской не отважился направиться къ Кремлевскому дворцу одновременно со всѣми своими единомышленниками, потому что Верховный Совѣтъ рѣшилъ арестовать его. По словамъ Маньяна и де-Лиріа, князь Черкасской велѣлъ всѣмъ лицамъ изъ шляхетства, раздѣлявшимъ его намѣреніе, явиться по одиночкѣ въ пріемныя комнаты дворца, и, по его прибытіи, немедленно сомкнуться. Такъ же поступилъ и князь Юсуповъ съ гвардейскими офицерами (*). Князь Черкасской явился во дворецъ одинъ въ 10 часовъ утра и, найдя тамъ своихъ единомышленниковъ, испросилъ аудіенцію у императрицы (*). О числѣ „согласниковъ“ кн. Черкаскаго свѣдѣнія весьма противорѣчивы: нѣкоторые насчитываютъ ихъ 800, другіе же уменьшаютъ до 150 (°).

Анна Іоанновна, зная уже обо всемъ, приняла предварительныя мѣры для обезпеченія своей безопасности. Она отдала приказъ начальнику дневнаго караула во дворцѣ, капитану А л ь б р е х т у, никого не слушать кромѣ майора гвардіи С. А. Салтыкова, который былъ назначенъ начальникомъ дворцовыхъ карауловъ вмѣсто кн. В. Л. Долгорукаго. Салтыкову императрица поручила наблюдать за ея безопасностью и велѣла оцѣпить весь дворецъ войсками (°).

Шляхетство, съ кн. Черкасскимъ во главѣ, предстало передъ императрицей. Князь Черкасской вручилъ челобитную, которую В. Н. Татищевъ прочелъ вслухъ (°).

(*) Tounguenef, III, p. 276.—Депеши де-Лиріа, с. 55.

(*) Де-Лиріа, с. 53.

(°) У Лефорта 800 человекъ; изъ нихъ 150 депутатовъ, которые входятъ во дворецъ. То же число подписавшихъ оба прошенія о пересмотрѣ самодержавія выставлено въ «Mercure historique», ч. 88, с. 430.—У Вестфалена—150 человекъ (см. выше, примѣч. 2-е).—У Мардефельда—200 человекъ (Неизданныя депеши № 129). Въ «Europäische Fauna»—390 человекъ, (ч. 326, с. 318).—Де-Лиріа, Маньянъ и Бюсси вовсе не указываютъ числа.

(°) Записка Бюсси, Tounguenef, III, p. 275.—Сб. Рус. Ист. Об., V, 366, 367.—Неизд. депеши Мардефельда, № 129.—«Europ. Fauna», ч. 326, с. 318.

(°) Ibid., также Маньянъ и де-Лиріа, Записка Татищева, «Утро», 1859 г., с. 378.

Челобитная была слѣдующаго содержанія:

„Всепресвѣтлѣйшая всемилостивѣйшая Государыня Императрица! Хотя волею Всевышняго Царя, согласнымъ соизволеніемъ всего народа единодушно Ваше Величество на престолѣ Имперіи Россійской возведена, Ваше же Императорское Величество, въ показаніе высокой Вашей ко всему Государству милости, изволили представленныя отъ Верховнаго Совѣта пункты подписать, за которые Ваше милостивое намѣреніе всенижайше рабски благодарствуемъ, и не токмо мы но и вѣчно наслѣдники наши имени Вашему безсмертное благодареніе и почитаніе воздавать сердцемъ и устами причину имѣютъ; однакоже, Всемилостивѣйшая Государыня, въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ тѣхъ пунктовъ находятся сумнительства такіа, что большая часть народа состоитъ въ страхѣ предбудущаго безпокойства, изъ котораго только непріателемъ Отечества нашего польза быть можетъ, и хотя мы, съ благоразсуднымъ разсмотрѣніемъ написавъ на оныя наше мнѣніе, съ подобающею честію и смиреніемъ Верховному Тайному Совѣту представили, прося, чтобы изволили для пользы и спокойствія всего Государства по оному, яко по большому числу голосовъ, безопасную Правленія Государственнаго форму учредить, однакоже, Всемилостивѣйшая Государыня, они еще о томъ не разсудили, а отъ многихъ и мнѣній подписанныхъ не принято, а объявлено, что того безъ воли Вашего Императорскаго Величества учинить невозможно.

Мы же, вѣдая Вашего Императорскаго Величества природное челоуѣколюбіе и склонность къ показанію всему Имперію милости, всепокорно низайше Вашего Величества просимъ, дабы Всемилостивѣйше по поданнымъ отъ насъ и прочихъ мнѣніямъ соизволили собраться всему генералитету, офицерамъ и шляхетству по одному или по два отъ фамилій разсмотрѣть и всѣ обстоятельства изслѣдовать, согласнымъ мнѣніемъ по большимъ голосамъ форму Правленія Государственнаго сочинить и Вашему Величеству ко утвержденію представить. Напротивъ же тому всепокорно низайше желаемъ и обѣщаемъ всякую вѣрность и надлежащую пользу персонѣ Вашего Величества изыскивать и яко сущую всего Отечества мать почитать и прославлять во вѣки безсмертныя будемъ. И хотя къ сему прошенію не многіе подписались, и не же с о б о ю с о б р а т ь с я д л я

и подписи опасны, а согласуютъ большая часть, чему свидѣлствуютъ подписанные отъ многихъ мнѣній, о которыхъ выше показано, что иныя еще и не приняты^а.

Челобитная эта подписана восемьюдесятью семью лицами^(*).

Анна Иоанновна смутилась и растерялась. Она ожидала провозглашенія самодержавія, а ей вдругъ подносятъ челобитную съ просьбой обсудить кондиціи и шляхетскіе проекты выборными отъ генералитета и шляхетства. Среди присутствовавшихъ началось движеніе. Тамъ и сямъ раздавались голоса, утверждавшіе, что все шляхетство единодушно требуетъ возстановленія самодержавной власти; съ другой стороны послышались возраженія на эти заявленія. Поднялся шумъ, въ которомъ рѣзко выдѣлялись голоса гвардейскихъ офицеровъ, требовавшихъ возстановленія самодержавія^(*).

Тогда кн. В. Л. Долгорукой призвалъ собраніе къ спокойствію и просилъ слова.

„Кто позволилъ вамъ присвоить себѣ право законодателя?“ — обратился онъ съ вопросомъ къ князю Черкасскому.

— „Дѣлаю это потому“ — отвѣчалъ князь Черкасской, — „что ея величество, была вовлечена вами въ обманъ; вы увѣрили ее, что „кондиціи“, подписанныя ею въ Митавѣ, составлены съ согласія всѣхъ чиновъ государства, но это было сдѣлано безъ нашего вѣдома и участія“.

(*) Списокъ всѣхъ участниковъ этой челобитной см. во II-мъ приложеніи къ настоящему изслѣдованію. Челобитная напечатана въ „Пам. Нов. Рус. Ист.“ Кашпирева, т. I, отд. II, с. 8—10) по списку И. П. Шульгина. Въ Госуд. Архивѣ мы ея не нашли. Кромѣ того, она помѣщена въ современныхъ ей французскихъ и нѣмецкихъ переводахъ: въ депешахъ Маньяна (*La Russie et les Russes*, III, p. 269—270). Мардефельда (неизд. депеша № 130). — По нѣкоторымъ извѣстіямъ, кромѣ князя Черкасскаго такую же челобитную представлялъ кн. Юсуповъ отъ гвардейскихъ офицеровъ, по другимъ извѣстіямъ кн. Юсуповъ прочелъ челобитную Черкасскаго, наконецъ по третьимъ извѣстіямъ князя Черкасскаго вовсе не было при началѣ аудіенціи, а императрица, принявъ челобитную изъ рукъ Юсупова, послала за Черкасскимъ, который такъ при этомъ струсилъ, что простился съ женой, не зная что его ожидаетъ; являсь во дворецъ, Черкасской прочелъ челобитную, представленную Юсуповымъ, и сказалъ приличную случаю рѣчь.

(*) Де-Лиріа, 53. — Tourgueneff, III, p. 271.

Кн. В. Л. Долгорукой обратился послѣ этого къ Аннѣ Іоанновнѣ, совѣтуя ей удалиться въ кабинетъ и тамъ спокойно обсудить шляхетскую челобитную⁽¹⁰⁾. Само собою, онъ былъ увѣренъ, что обсужденіе это не обойдется безъ его участія.

Быть можетъ, Анна Іоанновна и приняла бы предложеніе кн. В. Л. Долгорукаго, еслибы на помощь ей не явилась ея сестра, герцогиня мекленбургская. Екатерина Іоанновна заранѣе запаслась чернильницей и перомъ и, видя нерѣшительность и смущеніе Анны Іоанновны, быстро подбѣжала къ ней, подала чернильницу съ перомъ и сказала:

— „Сестра, теперь не время разсуждать и такъ долго раздумывать,—подпиши скорѣй“⁽¹¹⁾. Лефортъ сообщаетъ, что она прибавила: „Я отвѣчаю за это; если намъ придется поплатиться жизнію, я первая приму смерть!“⁽¹²⁾.

Анна Іоанновна взяла изъ ея рукъ перо и написала на челобитной: „у ч н н и т ь п о с е м у“⁽¹³⁾. Затѣмъ она выразила желаніе, чтобы шляхетство немедленно обсудило поданное ей прошеніе и въ тотъ же день представило бы ей результаты своихъ совѣщаній⁽¹⁴⁾.

⁽¹⁰⁾ Сб. Рус. Ист. Общ., V, с. 368—349.—Кратко о томъ же Маньянъ (2-е донесеніе).

⁽¹¹⁾ Герцогиня мекленбургская подошла къ ней съ чернильницей въ рукѣ и сказала, что нечего разсуждать, а должно подписать; царица немедленно и исполнила это. (Tourgueneff, III, p. 278.—*De-Liria*, 53).—Нѣтъ, государыня, теперь нечего разсуждать—сказала герцогиня мекленбургская, видя, что Анна Іоанновна намѣрена была согласиться на предложеніе кн. Вас. Лук. Долгорукаго—«вотъ перо, извольте подписать»; и царица дѣйствительно подписала прошеніе. (Маньянъ, «*La Russie et les Russes*», III, p. 278). Теофанъ Прокоповичъ говоритъ то же. (См. «Сказаніе», с. 216).—У Бюсси, Мардефельда, «*Eug. Fata*» и «*Merc. histor.*» этого вовсе нѣтъ.

⁽¹²⁾ Сб. Рус. Ист. Об., V, с. 369.

⁽¹³⁾ Записка Татищева. «Утро», с. 379.—Очевидно надпись, приводимая Татищевымъ, относится къ первой челобитной шляхетства, потому что на прошеніи о возстановленіи самодержавія, видѣнномъ нами въ Госуд. Архивѣ, этой надписи нѣтъ.

⁽¹⁴⁾ Невзд. депеша Мардефельда № 129.—«*Europäische Fata*» ч. 326, с. 318 и слѣд.

Такимъ образомъ шляхетство получило ясный намекъ на то, чего собственно желаетъ императрица и въ какомъ смыслѣ ему нужно высказаться. Вѣроятно были приняты мѣры, чтобы шляхетство не выпускать изъ дворца, потому что по всѣмъ свидѣтельствамъ оно удалилось въ другую дворцовую залу на совѣщаніе, что и какъ выразить императрицѣ. Верховники были также благовидно арестованы: Анна Іоанновна пригласила ихъ на обѣдъ.

Въ то время, какъ шляхетство удалилось совѣщаться, оставшіеся въ аудіенцъ-залѣ гвардейскіе офицеры подняли шумъ и крикъ.

— „Мы не желаемъ“,—кричали они—„чтобы предписывали государынѣ законы; она должна быть такою же самодержицею, какъ были ея предки!“

Шумъ и движеніе до того усилились, что императрица сочла нужнымъ пригрозить офицерамъ, но они, припадая къ ея ногамъ, кричали:

— „Государыня, мы вѣрные рабы Вашего Величества, вѣрно служили вашимъ предшественникамъ и готовы пожертвовать жизнію на службѣ Вашему Величеству; но мы не потерпимъ вашихъ злодѣевъ. Повелите, и мы сложимъ къ вашимъ ногамъ ихъ головы“. Тогда Анна Іоанновна приказала имъ повиноваться С. А. Салтыкову. Онъ сталъ во главѣ гвардейцевъ и первый привѣтствовалъ Анну Іоанновну самодержавной государыней; за нимъ послѣдовали всѣ находившіеся въ аудіенцъ-залѣ⁽¹⁵⁾.

Между тѣмъ, какъ происходила описанная сцена, шляхетство обсуждало вопросъ: какимъ образомъ возблагодарить императрицу за милостивое принятіе челобитной?—и, по словамъ Лефорта, рѣшило поднести ей благодарственный адресъ⁽¹⁶⁾.

Намъ неизвѣстны подробности этого совѣщанія, но такъ какъ происходившее въ аудіенцъ-залѣ не могло конечно остаться для шляхетства тайной, то предводителямъ провозглашенія Анны Іоанновны самодержицей не трудно было убѣдить шляхетство, что лучше всякаго адреса поднести императрицѣ прошеніе о самодержавіи, накануне заготов-

(15) Записка Бюсси, Tourgueneff, III, p. 275.—Де-Лиріа, с. 53.

(16) Сб. Рус. Ист. Общ., V, с. 369.

ленное княземъ Кантемиромъ. Предложеніе это большинствомъ было принято сочувственно, и шляхетство, предводимое на этотъ разъ кн. Трубецкимъ, вошло въ аудіенцъ-залу. Было 3 часа по полудни. Императрица, окончившая свою трапезу съ верховниками, снова появилась въ аудіенцъ-залѣ, и кн. Трубецкой вручилъ ей новую челобитную, которую прочелъ кн. Антиохъ Кантемиръ.

„Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Великая Государыня Императрица Анна Іоанновна, Самодержица Всероссійская!“ — такъ начиналась эта новая челобитная. „Когда Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше изволили пожаловать всепокорное наше прошеніе своеручно, для лучшаго утвержденія и пользы отечества нашего, сего числа подписать“, — читаемъ въ челобитной — „недостойныхъ себе признаемъ къ благодаренію за такъ превосходную Вашего Императорскаго Величества милость. Однакожъ усердіе вѣрныхъ подданныхъ, которое отъ насъ должность наша требуетъ“, — продолжаетъ челобитная — „побуждаетъ насъ по возможности нашей не показаться неблагодарными; для того въ знакъ нашего благодарства всеподданнѣйше приносимъ и всепокорно просимъ всемилостивѣйше принять САМОДЕРЖАВСТВО таково, каково Ваши славные и достохвальные предки имѣли, а присланные къ Вашему Императорскому Величеству отъ Верховнаго Совѣта и подписанные Вашего Величества рукою пункты уничтожить. Только всеподданнѣйше Ваше Императорское Величество просимъ, чтобъ соизволили сочинить вмѣсто Верховнаго Совѣта и высокаго Сената одинъ правительствующій Сенатъ, какъ при Его Велиествѣ, блаженной памяти дяде Вашего Императорскаго Величества Петрѣ Первомъ было, и исполнить его довольнымъ числомъ 21 персоною; такожде нынѣ въ члены и впредь на упалыя мѣста въ оный правительствующій Сенатъ и въ губернаторы, и въ президенты повелѣно-бъ было шляхетству выбирать баллотированьемъ, какъ то при дяде Вашего Величества, Его Императорскомъ Велиествѣ Петрѣ Первомъ уставлено было; и притомъ всеподданнѣйше просимъ, чтобъ по Вашему Всемилостивѣйшему подписанію форму правительства государства для предбудущихъ временъ нынѣ установить“.

Заключеніе челобитной слѣдующее: „Мы напоследокъ Вашего Императорскаго Величества всепокорнѣйшіе рабы

надѣмся, что въ благоразсудномъ правленіи государства, въ правосудіи и въ облегченіи податей по природному Величества Вашего благоутробію призрены не будемъ, но во всякомъ благополучіи и довольствѣ тихо и безопасно житіе свое препровождать имѣемъ. Вашего Императорскаго Величества всенижайшіе раби". (Здѣсь слѣдуютъ подписи с г а ш е с т и д е с я т и ш е с т и ч е л о в ѣ к ѣ) (17).

Къ сожалѣнію, неизвѣстно какого рода бесѣда происходила у Анны Іоанновны съ верховниками за обѣдомъ, по выслушавъ прошеніе о самодержавіи, она сочла нужнымъ обратиться къ нимъ, какъ бы за совѣтомъ, чѣмъ ей дѣлать? Въ сущности это былъ уже не совѣтъ, а высочайшее повелѣніе, которому верховники и должны были повиноваться. Мардефельдъ, а за нимъ иностранные журналы того времени, передаютъ эту предпоследнюю сцену трагедіи 25 февраля 1730 г. въ слѣдующемъ видѣ.

Выслушавъ прошеніе, Анна Іоанновна сказала шляхетству:

— „Мое постоянное намѣреніе было управлять моими подданными мирно и справедливо, но такъ какъ я подписала извѣстные пункты, то должна знать, согласны ли члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, чтобы я приняла предлагаемое мнѣ моимъ народомъ?“

Члены Верховнаго Совѣта молча наклонили головы въ знакъ согласія (18).

„Счастье, что министры Верховнаго Совѣта въ это время ничего не предприняли“, — пишетъ французскій резидентъ Маньявъ; — „еслибы они оказали какое нибудь сопротивление рѣшенію дворянъ, то дворяне и гвардейскіе офицеры положили выбросить верховниковъ за окно“ (19).

Послѣ этого произошло слѣдующее: „По полудни въ четвертомъ часу къ Ея Императорскому Величеству призванъ

(17) Госуд. Арх., разд. III, дѣло № 6, лл. 49—54. — Прошеніе это съ весьма незначительными выпусками напечатано С. М. Соловьевымъ въ его «Исторіи Россіи» (т. XIX, с. 267). Полный списокъ лицъ, подписавшихъ это прошеніе см. во II мѣ приложеніи къ настоящему изслѣдованію.

(18) Неизд. депеши Мардефельда, № 129. — «Mercure historique» 1730 г., т. 88, с. 430. — «Europäische Fama» 1730 г., ч. 326, с. 320.

(19) Tourgueneff, III, p. 277. — Де-Ляриа, с. 56.

статскій совѣтникъ г. Масловъ (одинъ изъ правителей дѣлъ Верховнаго Тайнаго Совѣта) и приказано ему подписанные отъ Ея Императорскаго Величества собственною рукою пункты и письмо (Анны Іоанновны изъ Митавы отъ 28-го января) принести къ Ея Величеству, которые въ тожъ время и отнесены и Ея Величеству отъ господъ министровъ (членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта) поднесены. И тѣ пункты Ея Величество при всемъ народѣ изволила, принявъ, изодратъ⁽²⁰⁾.

Вслѣдъ затѣмъ императрица обратилась къ шляхетству съ „милостивымъ словомъ“, въ которомъ заявила, что постарается быть истинной матерью отечества и желаетъ душевно доставить своимъ подданнымъ всевозможныя милости⁽²¹⁾. Послѣ этого всѣ присутствующіе были допущены къ цѣлованію руки самодержавной императрицы⁽²²⁾. Обѣщанныя милости начались немедленнымъ освобожденіемъ Ягушинскаго, который, по словамъ Лефорта, прямо изъ тюрьмы явился во дворецъ; Анна Іоанновна приказала фельдмаршалу кн. Долгорукому встрѣтить его въ дверяхъ и возвратить ему шагу и орденъ, при чемъ обрадованный Ягушинской въ слезахъ палъ на колѣни передъ императрицей⁽²³⁾.

Такъ были уничтожены, „затѣйки“ верховниковъ. Повидимому все сдѣлалось просто и обошлось совершенно спокойно, — но это было только повидимому.

⁽²⁰⁾ Госуд. Арх. Черя. журн. В. Т. С. 1730 г., л. 65. — Долго думали, что «кондиція» и письмо совершенно разорваны и истреблены. Маньянъ, Бюсси и де-Лириа пишутъ отъ 2/13 марта, что императрица разорвала ихъ въ клочки (Tounguenet, III, «р. 276; де-Лириа, 54—56). Татищевъ, лично бывшій на этомъ собраніи, рассказываетъ, что ихъ изодралъ С. А. Салтыковъ и бросилъ («Утро», с. 379). — Между тѣмъ оба эти документа сохранились въ Госуд. Архивѣ. «Кондиція» (разд. III, дѣло № 6, л. 28) написаны на двухъ страницахъ листа, другая половина котораго осталась бѣлою; написанныя страницы разорваны пополамъ сверху до низу, а бѣлая половина листа осталась цѣлою. Письмо Анны Іоанновны изъ Митавы отъ 28 января 1730 г. (ibid., л. 27) написанное такъ же, какъ и «кондиція», надорвано на первомъ полулистѣ до половины.

⁽²¹⁾ Неизд. дещоши Мардефельда № 129. — «Mercure historique» и «Europäische Fama» 1730 г., указан. выше томы и стр.

⁽²²⁾ Донес. Рондо, «La Cour de Russie», p. 39.

⁽²³⁾ Сб. Рус. Ист. Общ., V, 369—370.

„Говорятъ, что дѣло могло легко дойти до печальныхъ крайностей“,— пишетъ Маньявъ недѣлю спустя послѣ описанныхъ происшествій—„что могла совершиться одна изъ самыхъ трагическихъ сценъ и что все зависѣло отъ той минуты, когда императрица, побуждаемая герцогиней мекленбургской, отказала кн. В. Л. Долгорукому обсудить первую челобитную дворянства въ собраніи государственныхъ чиновъ (т. е. Верховнаго Совѣта)“⁽²⁴⁾.

Де-Бюсси считаетъ уничтоженіе „кондицій“ дѣломъ, разрушившимъ обширныя проекты тѣхъ, кто воодушевлялся государственнымъ интересомъ. То же говорить и де-Лирія⁽²⁵⁾.

25 февраля вечеромъ всѣ ииошранные министры были извѣщены канцлеромъ Головкинымъ о томъ, что Анна Іоанновна приняла самодержавіе. На другой день происходили новая присяга и представленіе императрицъ всего дипломатическаго корпуса. 25, 26 и 27 назначена иллюминація, которая не состоялась только 27-го, по случаю сороковаго дня послѣ кончины Петра II-го. 28-го февраля послѣдовалъ манифестъ о самодержавіи Анны Іоанновны.

Иллюминація 25 февраля не могла затмить своимъ свѣтомъ сѣвернаго сіянія бывшаго въ тотъ же вечеръ: весь горизонтъ казался залитымъ кровью. „Это явленіе природы“, говоритъ Манштейнъ, „произвело такое впечатлѣніе на суетѣрный народъ, что всѣ были приведены въ ужасъ и впоследствии русскіе говорили, что предзнаменованіе это было слишкомъ оправдано тѣми потоками крови, которыя Биронъ проливалъ въ странѣ“.

Въ тотъ же день князь Д. М. Голицынъ, въ кругу своихъ друзей, какъ-бы объяснилъ то предчувствіе, которое на многихъ наводило страхъ.

„Циръ былъ готовъ“,—говорилъ онъ—„но гости были недостойны его. Я знаю, что я буду его жертвою! Такъ и быть, я пострадаю за отечество; я близокъ къ концу моего жизненнаго поприща, но тѣ, которые заставляютъ меня плакать, будутъ проливать слезы долѣе меня!“⁽²⁶⁾.

Пророческія слова князя Голицына также сбылись.

⁽²⁴⁾ Tounguenoff, III, p. 278.

⁽²⁵⁾ Де-Бюсси *ibid.* 278.—Де-Лирія, 54.

⁽²⁶⁾ Записки Манштейна, с. 333.

Х.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Источники политических возрѣній верховниковъ и шляхетства.—Общій характеръ стремленій тѣхъ и другихъ.—Причины, вслѣдствіе которыхъ стремленія ихъ не осуществились.—Результаты провозглашенія самодержавія Анны Іоанновны.

Днемъ 25 февраля собственно оканчивается фактическая исторія воцаренія императрицы Анны Іоанновны; но мы не считаемъ себя въ правѣ закончить этимъ днемъ наше изложеніе.

Передъ нами прошли всѣ подробности происшествій съ 19 января по 25 февраля 1730 г., мы познакомились съ ближайшими причинами, произведшими эти происшествія, съ главнѣйшими личностями, посредствомъ которыхъ они совершились, съ ихъ возрѣніями и мнѣніями. Обращаясь теперь къ дѣятелямъ этихъ событій съ прощальнымъ словомъ, всматриваясь и вдумываясь въ самыя событія—мы невольно задаемся вопросами: откуда, изъ какихъ источниковъ черпали верховники и шляхтичи тѣ идеи, которыя они высказывали въ своихъ политическихъ планахъ и проэктахъ? въ чемъ заключались ихъ стремленія? вслѣдствіе какихъ причинъ не достигли они тѣхъ результатовъ, къ которымъ стремились? къ какимъ результатамъ привело провозглашеніе Анны Іоанновны самодержицей, уничтожившес замыслы верховниковъ и шляхетства? Только при сильномъ отвѣтѣ на эти вопросы, мы можемъ уяснить себѣ значеніе воцаренія Анны Іоанновны.

Припоминая обстоятельства жизни верховниковъ и главныхъ участниковъ шляхетскихъ проэктовъ, мы не мо-

жемъ не замѣтить, что ихъ политическія воззрѣнія сложились подъ продолжительными и разнообразными вліяніями. Эти вліянія могутъ быть подведены подъ двѣ главныя рубрики: 1) традиціи родословности, заставлявшія родословныхъ людей идеализировать политическій бытъ московской до-петровской Руси, 2) вліяніе западно-европейское, выразившееся въ примѣрахъ государственнаго строя западно-европейскихъ государствъ и въ чтеніи историческихъ и политическихъ сочиненій.

Традиціи родословности указаны нами при разсмотрѣніи политической роли князей Долгорукихъ и Голицыныхъ; по этому здѣсь мы остановимся на вліяніи западно-европейскомъ. Уяснить это вліяніе для насъ очень важно въ томъ отношеніи, что на дѣятеляхъ 1730 г. до сихъ поръ лежитъ укоръ, будто бы они дѣйствовали исключительно изъ желанія обратиться къ стариннымъ обычаямъ московскимъ.

Мы видѣли, что князья Долгорукіе и Голицыны, а также и очень многіе изъ участниковъ шляхетскихъ проектовъ—по долгу жили въ западно-европейскихъ странахъ, что нѣкоторые изъ нихъ любили чтеніе книгъ историческаго и политическаго содержанія. Время Петра Великаго было временемъ наибольшаго сближенія нашего съ западомъ. Усиленіе дипломатическихъ сношеній съ европейскими дворами, посылка молодыхъ людей за границу для науки, наконецъ война со Швеціей въ союзѣ съ Польшей и Даніей—все эти обстоятельства вдвигали, т. сказ., русское шляхетство въ Западную Европу. Пребываніе русскихъ людей съ дипломатическими порученіями въ Швеціи, въ Польшѣ, въ Голландіи—не могло не производить на нихъ впечатлѣнія: невольно бросались имъ въ глаза инныя условія политическаго строя, чѣмъ тѣ, которыя они видѣли у себя дома. То же слѣдуетъ сказать и объ учившихся за границей. Молодые стольники и недоросли, посылавшіеся Петромъ Великимъ для изученія навигаторской науки и корабельнаго дѣла въ Италію и Голландію, не все учились прилежно, не все успѣшно усваивали тѣ свѣдѣнія, приобретаемыя представлялъ ихъ Царь-Преобразователь; но они невольно поражались аристократическимъ строемъ Венеціи и Генуи и бюргерскими порядками Амстердама и Гаги. Конечно, да-

леко не всё вникали въ политическія учрежденія Италіи и Голландіи, но всё видѣли ясно, что это пѣчто иное, чѣмъ строй московскаго государства и даже не похоже на новые порядки, заводимые на Руси Петромъ Великимъ.

Еще болѣе сближала съ политическимъ строемъ сосѣднихъ съ Россіей западно-европейскихъ государствъ шведская война. Русскія войска занимали многія шведскія области (Финляндію, Эстляндію, Лифляндію и Ингерманландію), герцогство Курляндское, Польшу и наконецъ, переходили въ Померанію и Мекленбургъ, приближаясь къ границамъ Даніи. Русскіе генералы и офицеры, захваченные въ плѣнъ, отвозились въ Стокгольмъ, шведскіе плѣнные разсылались по внутреннимъ областямъ Россіи.

Польша хорошо и давно была извѣстна русскимъ людямъ, ся политическіе порядки издавна пользовались симпатіей бояръ московскихъ; но со Швеціей не были столь близко знакомы въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII вв. какъ познакомились съ пей въ первой половинѣ XVIII в.— Война очень сблизила русскихъ со шведами. Петръ Великій называлъ ихъ своими учителями въ дѣлѣ военномъ, но они явились учителями многихъ людей изъ шляхетства и въ политическомъ устройствѣ. Самъ Царь-Пресобразователь увлекался шведскимъ уложеньемъ, организаціей шведскихъ фипапсовъ и коллегіальнымъ строемъ государственныхъ учреждений. Петръ В. любилъ указывать во многихъ случаяхъ на Швецію, какъ на примѣръ. Шляхетство шло по стопамъ Петра, по оно увлеклось не тѣми сторонами шведскаго государственнаго строя, которыми уваскался царь.

Государственный строй Швеціи былъ очень свособразенъ, отличающійся особенностями представительства (¹).

Швеція въ правленіе Карла XII переживала политическій кризисъ. Отличаясь съ давнихъ поръ оригинальной конституціей (шведскій сеймъ, кромѣ трехъ европейскихъ сословій, допускалъ въ свою среду представительство и отъ крестьянъ),—Швеція была сильна аристократією,

(¹) Подр. см. въ книгѣ von - Norden flycht'a: «Die Schwedische Staats-Verfassung in ihrer geschichtlichen Entwicklung», Berlin 1861; о воцареніи Ульрики-Элеоноры стр. 253---274.

постоянно боровшеюся съ королевской властію. Въ концѣ XVII в. сила аристократіи была сломлена отцемъ Карла XII-го, Карломъ XI. Опираясь на среднее и мелкое дворянство и на крестьянскихъ представителей, Карлъ XI произвелъ въ 1680 г. государственный переворотъ, лишившій аристократію всѣхъ ея преимуществъ и утвердившій авторитетъ королевской власти. Сумасбродный и взбалмошный характеръ Карла XII, его продолжительное отсутствіе изъ страны и войпа, раззорившая Швецію матеріально и унизившая ея нравственно—все это заставило не только аристократовъ, но и среднее и мелкое дворянство—желать возвращенія къ прошлому. Мысль о новомъ ограниченіи королевской власти обращалась среди представителей сословій сейма еще при Карлѣ XII; его неожиданная и скоропостижная смерть ускорила осуществленіе этой мысли. Въ 1719 году, по смерти Карла XII, шведскимъ сеймомъ была избрана въ королевы его сестра Ульрика-Элеонора, помимо династическаго наслѣдника шведскаго престола Фридриха голштинскаго. Сеймъ 1719 года предложилъ Ульрикѣ-Элеонорѣ условія, ограничивающія ея власть, которыя она и приняла, а чрезъ годъ, при воцареніи на шведскомъ престолѣ ея мужа, Фридриха герцога гессенъ-кассельскаго,—ограниченія королевской власти были еще увеличены.

Сеймъ 1719—1720 г. отличался особенностью направленія. На немъ взяло верхъ среднее и низшее дворянство, которое, вступивъ въ открытую борьбу съ аристократіей, ограничивало королевскую власть въ интересахъ своихъ, а не аристократіи. Аристократическая партія желала прежде всего усилить власть государственнаго совѣта, создавъ ему то значеніе, какое онъ имѣлъ въ XVII вѣкѣ при Христианѣ, Карлѣ X и въ первые года правленія Карла XI, т. е. передавъ въ его руки дѣйствительное управленіе страной; при этомъ государственный совѣтъ долженъ былъ состоять изъ ограниченаго числа членовъ, принадлежавшихъ къ знатнѣйшимъ фамиліямъ. Противъ этого возсталъ сеймъ и подчинилъ государственный совѣтъ своему контролю. Аристократическая партія, потерпѣвъ пораженіе въ этомъ предпріятіи, употребила всѣ усилія, чтобы возстановить прежнія прерогативы аристократическихъ фамилій, но и въ этомъ случаѣ дворянскому большинству сейма удалось одержать

побѣду. 22 марта 1720 г. Фридрихъ принесть торжественно присягу въ вѣрности конституціи, а всѣ члены сейма, военные, чиновники и духовенство, кромѣ вѣрности конституціи клялись также и въ томъ, чтобы никогда не допускать въ Швеціи неограниченной монархіи.

Для насъ очень важны многія подробности, какъ аристократической программы и поправокъ къ ней большинства дворянства; такъ и пѣкоторыхъ пунктовъ королевской присяги. Приведемъ главнѣйшіе изъ нихъ.

Изъ аристократической программы: 1) Король не предпринимаетъ ничего безъ согласія государственнаго совѣта, а тѣмъ паче не дѣлаетъ чего либо вопреки ему, 2) въ совѣтѣ король имѣетъ два голоса, 3) по совѣщанію съ совѣтомъ король назначаетъ лицъ на высшія гражданскія и военныя должности; по собственной инициативѣ король назначаетъ только президентовъ коллегій, губернаторовъ и министра двора, но не иначе, какъ изъ членовъ государственнаго совѣта, 4) въ промежуткахъ между сеймами король можетъ издавать, по совѣщанію съ государственнымъ совѣтомъ, нетерпяція отлагательства обязательныя постановленія, а также заключать союзы и договоры, 5) востановляется уничтоженное въ 1680 г. старинное избирательное право на низшія должности въ пѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстахъ.

П о п р а в к и с е й м а: 1) Государственный совѣтъ находится подъ контролемъ сейма, который провѣряетъ всѣ его протоколы, 2) члены совѣта назначаются королемъ не иначе, какъ съ вѣдома и согласія сейма, 3) сословія сейма предлагаютъ королю трехъ кандидатовъ на должность членовъ государственнаго совѣта, изъ которыхъ одного утверждаетъ король, 4) число членовъ въ государственномъ совѣтѣ должно быть 24, 5) ваканціи на должность членовъ, явившіяся въ промежутокъ между сеймами, не замѣщаются до новаго сейма. Большинство дворянства на сеймѣ требовало также и себѣ сословныхъ и имущественныхъ льготъ, которыя на этомъ сеймѣ не прошли, а большая часть ихъ утверждена слѣдующимъ сеймомъ 1723 г., при помощи духовенства, получившаго также пѣ некоторыя привилегіи^(*).

(*) Дворянское большинство требовало себѣ слѣдующихъ привилегій на сеймѣ 1719—1720 г.: востанавливаются старинныя права, офицерами могутъ быть лишь преродные шведы, бракъ съ лицами не дворян -

Изъ королевской присяги 1720 г. Король общается: 1) на всѣ высшія должности до полковника и на соотвѣтствующія имъ гражданскія должности назначать съ согласія государственнаго совѣта по большинству голосовъ; 2) не дѣлать сверхштатныхъ назначеній въ войска и въ коллегіи; 3) не жаловать дворянства, исключая немногихъ случаевъ при коронаціи, потому что въ Швеціи дворянъ пожалуй больше, чѣмъ можетъ перенести страна; 4) всегда соглашаться съ тѣмъ, что рѣшаютъ сословія, такъ какъ они имѣютъ власть издавать законы и постановленія, какія сочтутъ нужными для блага страны. Сословія освобождаются отъ присяги въ вѣрности, въ случаѣ если король нарушитъ свою присягу и клятву, или преступитъ что либо постановленное сословіями для блага страны, въ защиту религіи и для собственной безопасности³⁾.

Стоитъ только припомнить насколько сильно было вліяніе шведскаго государственнаго устройства на князя Д. М. Голицына, а затѣмъ сопоставить „кондиціи“ верховниковъ, политическій планъ князя Голицына и „пункты“ присяги съ приведенными выдержками изъ актовъ шведскаго сейма 1719—1720 гг., чтобы придти къ весьма вѣроятному предположенію о *заимствованіи* изъ нихъ княземъ Д. М. Голицынымъ въ его политическихъ проэктахъ. Князь Д. М. Голицынъ очевидно хотѣлъ присвоить „родословнымъ людямъ“ и Верховному Тайному Совѣту то самое значеніе, которое придавала аристократіи и шведскому государственному совѣту аристократическая партія сейма 1719—1720 г. Такое значеніе родословныхъ людей и Верховнаго Тайнаго Совѣта ясно выражено и въ кондиціяхъ, и въ политическомъ пла-

скаго происхожденія воспрещается (при смѣшанныхъ бракахъ дѣти теряютъ права дворянства), устанавливаются точныя правила объ арестѣ дворянъ и о производствѣ у нихъ обыска, восстанавливаются старинныя права дворянъ по отношенію къ крестьянамъ, а также различныя преимущества относительно права пользованія коронными и дворянскими имѣніями.

³⁾ Постановленіемъ 1720 г. власть короля была еще болѣе ограничена. Ему не было предоставлено права созывать войска, или собирать налоги безъ согласія государственнаго совѣта; государственный совѣтъ уполномочивался созывать чины сейма по собственной инициативѣ. Король постоянно сопровождается двумя членами государственнаго совѣта. — *Norden flycht*, S. 266—267.

пѣ, и въ пунктахъ присяги. Обращаясь къ каждому изъ этихъ актовъ въ отдѣльности, мы замѣчаемъ на нихъ еще болѣе вліянія шведскихъ государственныхъ порядковъ вообще и политическихъ замысловъ 1719—1720 гг. въ частности. Въ иныхъ случаяхъ подробности избранія Ульрики-Элеоноры служатъ причиной нѣкоторыхъ измѣненій по отношенію къ Аннѣ Іоанновнѣ. Ульрика-Элеонора была замужемъ, Анна Іоанновна—вдова; и вотъ князь Д. М. Голицынъ, чтобы избѣжать тѣхъ затрудненій, которыми сопровождалось воцареніе короля Фридриха, ставитъ въ „кондиціяхъ“—условіе, чтобы Анна Іоанновна никогда не выходила замужъ и не назначала бы себѣ преемника. Разсматривая далѣе „кондиціи“, мы не можемъ не найти въ нихъ большаго сходства съ вышеприведенными выписками изъ шведскихъ проектовъ государственныхъ реформъ. Нѣкоторые пункты кондицій прямо заимствованы изъ нихъ. Такъ напр. 4-й пунктъ о томъ, что императрица не имѣетъ права жаловать въ чины выше полковника—просто переведенъ изъ присяги короля Фридриха. Въ іерархіи высшихъ государственныхъ учрежденій политическаго плана князя Д. М. Голицына, нельзя не замѣтить нѣкотораго вліянія организаціи шведскаго сейма. Эта іерархія выражается въ ч е т ы р е х ъ учрежденіяхъ (Верховный Тайный Совѣтъ, сенатъ, шляхетская палата, палата горожанъ)—шведскій сеймъ состоялъ также изъ четырехъ камеръ. Но учрежденія, предполагавшіяся княземъ Голицынымъ, не имѣли ничего общаго съ камерами шведскаго сейма. Шведское представительство сложилось исторически, и князь Голицынъ очень хорошо понималъ, что историческія условія Швеціи и Россіи далеко не одинаковы; поэтому то онъ и допускалъ нѣкоторыя необходимыя отклоненія. Онъ заимствовалъ изъ шведскаго государственнаго строя только то, что, по его мнѣнію, было приложимо къ Россіи. Два сословія, игравшія на шведскомъ сеймѣ значительную роль, совсѣмъ исключены княземъ Голицынымъ—духовенство и крестьянство. Духовенство, по мнѣнію князя Голицына, должно быть чуждо политической жизни; что же касается до крестьянства, то онъ очень хорошо видѣлъ, чѣмъ являлось это сословіе на шведскомъ сеймѣ: оно являлось тамъ или опорой для королевской власти, или игрушкой въ рукахъ представителей другихъ сословій. Пункты присяги князя Д. М. Голицына, по замыслу своему, составляютъ подражаніе шведской присягѣ всѣхъ чиновъ людей 1720 г.

Шляхетское движеніе, направленное противъ преобладавшаго родословныхъ людей и Верховнаго Тайнаго Совѣта также не свободно отъ нѣкотораго вліянія событій, сопровождавшихъ избраніе Ульрики-Элеоноры. Ограниченіе власти Верховнаго Совѣта, увеличеніе его членовъ и избраніе ихъ, контроль его дѣйствій шляхетскимъ общепародіемъ, расширеніе шляхетскихъ льготъ—все это тѣ же самыя идеи, какія мы замѣчаемъ и въ стремленіяхъ дворянскаго большинства на шведскомъ сеймѣ 1719—1720 г. Какъ видно, эти послѣднія стремленія служили примѣромъ для русскаго шляхетства. Но шляхетство, также какъ и князь Д. М. Голицынъ, увлеклось только правами и преимуществами шведскаго дворянства, но не думало подражать вообще шведскому государственному строю: ни въ нижнее правительство, ни въ избирательное собраніе, ни въ собраніе для обсужденія высшихъ государственныхъ дѣлъ—не привлекаются ни духовенство, ни горожане, ни крестьяне. При организаціи этихъ учрежденій у шляхетства, какъ видно, былъ другой идеалъ—шляхетскій сеймъ Рѣчи Посполитой Польской.

Кромѣ личныхъ впечатлѣній отъ западно-европейскихъ государственныхъ порядковъ и разсказовъ о нихъ иностранцевъ, русскіе шляхтичи имѣли возможность почерпнуть свѣдѣнія о состояніи европейскихъ государствъ и изъ книгъ. „Введеніе въ Гисторію Европейскую“ Пуффендорфа, переведенное по приказанію Петра В., и представлявшее краткіе очерки государственнаго устройства разныхъ западно-европейскихъ странъ въ началѣ XVIII в.,—не было единственной книгой въ этомъ родѣ; среди тогдашняго шляхетства обращалось нѣсколько рукописныхъ компиляцій географическо-историческаго содержанія. Къ такимъ компиляціямъ относится рукопись начала XVIII в.: „Краткое политическое описаніе государствъ Европейскихъ“. Симпатіи составителя компиляціи лежатъ на сторонѣ неограниченной монархіи, и онъ съ особю любовью останавливается на тѣхъ моментахъ исторіи государствъ, въ которые прежнія представительныя формы уступили мѣсто самодержавію (какъ напр. въ Даніи въ 1662 г., въ Швеціи въ 1680 г.); государственный строй Польши подвергается сильнымъ нападкамъ автора, а положеніе англійскаго короля, всецѣло ограниченаго парламентомъ, вызываетъ въ немъ просто соболѣзнованіе и жалость. Такая точка зрѣнія не мѣшаетъ однако

автору подробно излагать организацію самоуправленія и Польши, и Англіи, и государствъ итальянскихъ, и „Союзаго Белгіума“—какъ называется онъ тогдашніе голландскіе штаты. Приведемъ для примѣра наиболѣе характеристическіи мѣста изъ этой компіляціи (*).

Въ разсмотрѣніи „Нѣмецкой земли“ подробно излагается государственнѣйшій строй тогдашней священной римской имперіи съ цесаремъ во главѣ, власть котораго опредѣлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Онъ (цесарь) власть имѣетъ трактовать о згодѣ и о войнѣ, союзъ чинить, денги ковать, сейны назначать; ниче соже опредѣлить не можетъ безъ уде съ (т. е. безъ чиновъ государственныхъ). Подъ этими „удесами“ разумѣются „электоры“, курфюрсты германской имперіи, которымъ и посвящено все остальное содержаніе главы о нѣмецкой землѣ. Здѣсь указано на ихъ сѣзды, на избраніе ими императора, на порядокъ его коронованія и присяги „статусу“ (т. е. государству).

Государственное устройство „Рѣчи Посполитой Польской“ изложено очень подробно. Здѣсь обращено вниманіе на слѣдующіе вопросы: 1) кто можетъ выбираться въ короли польскіе и почему это право не принадлежитъ природеннымъ полякамъ? 2) о порядкѣ избранія короля, 3) о предѣлахъ его власти, 4) о сенаторахъ и совѣтникахъ королевства и о ихъ правахъ (подробное перечисленіе государственныхъ сановниковъ польскихъ), 5) о сеймахъ, общемъ и частныхъ (провинціальныхъ).

Англійскій парламентъ,—„наивышній дворъ“ по терминологіи автора, изображается въ слѣдующихъ чертахъ. „Онъ не состоитъ на единомъ самомъ наивышшемъ сенатѣ, по подѣ нимъ заключается общій чинъ всихъ удѣсъ королевства, которые купно съ королемъ о причинахъ общаго статуса или состоянія опредѣляютъ и заключаютъ. Онъ же раздѣляется на сеймовое сяданіе, вышнее и нишнее. Къ первому надлежатъ вси архіепископы, епископы, князіе, графы и бароны; къ второму же сяданію надлежатъ вси кавалеры и два посланника, безъ которыхъ согласія немощно податки въ королевствѣ ставить“.

(*) Ркп. И. П. Б., F, IV, № 70.

Изъ остальныхъ государствъ съ представительной формой правленія, которыя назывались у насъ въ XVII и въ началѣ XVIII в. „рѣчами посполитыми“, первое мѣсто отводится „рѣчи посполитой Венеційской“. Изложивъ общій строй государственнаго управленія Венеціи, авторъ такъ характеризуетъ венеціанскихъ сенаторовъ. „Что речено ипогда о давныхъ римскихъ сенаторахъ согласно пмыѣ возможно прилати венеципкымъ сенаторамъ“—говоритъ онъ—„которы-хотѣ бы не короли они, однакоже не надобно ихъ въ мѣнь, шомъ почтеніи имѣть“. Власть дожа опредѣляется слѣдующимъ образомъ. „Не найдется монархъ во окруженіи свѣта, котораго бы пмыѣли съ толикими царемопіями выбрать, какъ князя сего (т. е. дожа); однакожъ достоинствомъ малымъ цвѣтеть, или силою малою, ибо онъ дукѣ безъ панства или безъ земли и князь безъ силы“.

Союзныи Бельгіумъ (Голландскіе штаты) имѣетъ, по словамъ составителя компиляціи, большее значеніе чѣмъ Венеція, благодаря своей обширной торговли и богатствъ страны, о чемъ и сообщаются статистическія свѣдѣнія (городскіе доходы Амстердама, число торговыхъ кораблей, ость-индскія колоніи). Въ изложеніи строя „статуса“ подробно опредѣляется составъ и предметы вѣдѣнія общаго сейма, собирающагося въ Гагъ, и предѣлы власти „губернатора“, т. е. штатгальтера. „Голанскій статусъ волность свою, съ многою кровію полученою, выше почитаютъ прочихъ богатствъ“—замѣчаетъ авторъ и вслѣдъ за тѣмъ отводитъ довольно много мѣста для опредѣленія политическихъ основъ голландской торговли. Голландцы, по замѣчанію автора, твердо держатся пословицы: „покой миръ строитъ—война раззоряетъ“. Въ заключеніе главы о Голландіи, авторъ съ похвалою отзывается о вѣротерпимости голландцевъ и объ ихъ благотворительности.

Не меньшей похвалы удостоиваются „Хелветы“ за ихъ преданность свободѣ, храбрость, патріотизмъ, („за ихъ вѣрность, правду, мудрость и людкость“). „Хелветы воинственною силою толь славны, что едва народъ можетъ пайгить, который имѣлъ бы ихъ цѣною превосходить“—говорится о нихъ.—„Сего знаки изъявилися прежде 300 лѣтъ, когда за свои дома и за волность мужественно воевали, которую волность и до нынешняго дня зѣло содержали сопротивъ нападателей“. „Наипаче же надобно хвалить расторопность ихъ и сеи причипы, что не токмо обновили рѣчь посполи-

тую сію, во оную очень разумножили и мудро напразвляли и въ цѣлѣющей пынешней статусъ надвѣли“. Въ подтвержденіе такого мнѣнія о „Хелвѣтахъ“ передается исторія освобожденія трехъ кантоновъ изъ подъ зависимости нѣмецкой имперіи и образованія союзнаго правительства. Самое это правительство характеризуется въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Образъ владѣнія частію есть демократицки, частію же аристократицки, но и болше однакожь часть есть демократицка, понеже аристократицки образъ токмо въ нѣкоторыхъ городахъ мѣсто имѣетъ“. Государственное устройство Гельвеціи излагается довольно подробно: общій, союзный сеймъ, организація управленія кантоновъ, которые называются „уѣздами“ и городскихъ сенатовъ.

Переводы историческихъ и политическихъ сочиненій западно-европейскихъ писателей, предпринятыхъ по повелѣнію Петра В., также распространяли среди шляхетства свѣдѣнія политическія. Титъ Ливій, сочиненія Пуффендорфа, („О должностяхъ челоѣка и граждаина“ и др.) Юста Липсіа, Стратемана, и др. были переведены при Петрѣ В., а нѣкоторыя изъ нихъ изданы по нѣскольку разъ⁽⁵⁾. Кромѣ того въ разныхъ регламентахъ и даже отдѣльныхъ указахъ Петра Великаго объяснялись политическіе вопросы. Въ этомъ отношеніи всего болѣе замѣчательнъ „Духовный Регламентъ“, гдѣ очень подробно опредѣляется различіе власти свѣтской отъ духовной. „Правда Воли Монаршей“ подробно разсматриваетъ существенные вопросы государственнаго права, всего болѣе волновавшіе русское общество первой половины XVIII в.: 1) о власти государей, 2) о разныхъ формахъ правленія, 3) объ отношеніи подданныхъ къ государю и государя къ подданнымъ, 4) объ избраніи наслѣдника по кончинѣ государя, не успѣвшаго назначить его при жизни, 5) о преимуществѣ монархіи наслѣдственной передъ избирательною⁽⁶⁾.

(5) Подробн. въ книгѣ акад. Пекарскаго: «Наука и литература Петровскаго вр.»—Титъ Ливій былъ переведенъ въ 1722 году Гаврииломъ Бужинскимъ, но не былъ пропущенъ къ печати синодомъ, по несправности перевода (?).—Ibid., I, прим. 2.

(6) «Правда воли Монаршей», въ VII т. II. С. З., № 4870, с. 602—643.—При Петрѣ В. «Правда» была издана въ количествѣ 1200 экз. До мая 1726 г. продано 550 экз., да безденежно роздано 50. Въ апрѣлѣ 1726 г. послѣдовалъ сенатскій указъ объ изданіи «Правды» въ ко-

Но кромѣ всѣхъ этихъ книгъ среди образовавшихся людей ихъ шляхетства обращались и отдѣльные политическіе трактаты, рассматривающіе сущность государственнаго устройства теоритически и исторически. Во главѣ такихъ сочиненій долженъ быть поставленъ извѣстный трактатъ Локка († 1704 г.) „о гражданскомъ правительствѣ“, (переводъ начала XVIII в., сдѣланный уже по смерти Локка). За Локкомъ слѣдуютъ другіе корифеи политической науки XVI и XVII вв.—Макиавелли, Гуго-Гроцій, Томазіи и совершенно неизвѣстные въ настоящее время политическія сочиненія, но тогда пользовавшіеся большимъ авторитетомъ. Мы укажемъ только на такія, изъ которыхъ могли почерпаться свѣдѣнія о политической роли дворянства и о значеніи государственныхъ реформъ. Сюда относятся: книга пѣмца Хр. Георга Бесселя—„Политическаго счастья кователь“ (первое изданіе въ 1666 г.), „Камень опыта политическаго“, переводъ сочиненія политическаго радикала и сатирическаго поэта, итальянца Боккалинни († 1613 г.), „Теоримато, или разсужденіе о правомъ и мирномъ царствѣ, или коей либо области правленія“, неизвѣстнаго автора (какъ видно, итальянца), „Описаніе винъ, ими же къ гибели и разоренію всякаго царства приходятъ и которыми дѣлы въ цѣлости и въ смиреніи содержатся и строятся“, ржп. нач. XVIII в., „Наставленіе мужа народнаго“, переводъ съ французскаго, нач. XVIII в.

Хр. Георгъ Бессель представляетъ не только необходимость принимать дворянамъ участіе въ государственной дѣятельности, но рекомендуетъ цѣлый рядъ способовъ, какъ пріобрѣсти полную довѣренность государя и какъ сохранить эту довѣренность для полученія власти въ свои руки. „Главное пазпаченіе мудраго человѣка“—говоритъ Бессель—„занимать публичныя государственныя должности“ Онъ излагаетъ въ своей книгѣ пространную программу подготовленія дворянина къ государственной дѣятельности, начиная съ воспитанія умственнаго и нравственнаго, и затѣмъ предлагаетъ цѣлый рядъ наставленій, какъ вести себя на скольз-

личествѣ 19,000 экземпляровъ для разсылки по всей имперіи. Подробности см. у акад. Некарскаго, въ вышеприведенной книгѣ, т. II. стр. 571—574.

комъ пути государственной и придворной службы. Между прочимъ рекомендуется „къ лучшему утверженію искать милости своего государя; также подобаетъ искать и склонности временщиковъ и высокихъ служителей“. Временщикъ характеризуется такимъ образомъ: „временщикъ не есть иное что якоже горсть пыльной земли, которую принцы сами возвышаютъ выше своей головы, около которой летаютъ непрестанно бесчисленное множество мухъ; но коль скоро оной (т. е. принцъ) руку открыть, то она (горсть земли) выпадетъ и разсѣется такимъ образомъ, что ничего не останется, и тогда мухи, которые оной (горсть земли) окружали, т. е. ласкатели, которые имъ молилися, отдалятся, якоже оны со всѣхъ странъ оставятъ его тотъ часъ, сколь скоро принцъ его оставитъ“. Всѣ подобные афоризмы подтверждаются историческими примѣрами, вравоучительными выдержками изъ священнаго писанія и классическихъ римскихъ писателей: Цицерона, Тацита, Тита Ливія и др. (').

Въ „Камнѣ опыта политическаго“—„всѣ статусы, (т. е. государства) свѣта суть ценсурованы въ Парнассѣ о своихъ погрѣшностяхъ“. Аполлонъ, окруженный обществомъ ученыхъ людей, производитъ имъ судъ и расправу. Монархи всего свѣта рассказываютъ ему по очереди происходившее въ ихъ государствахъ. Принцъ московскій является великимъ ненавистникомъ паукъ и просвѣщенія. Онъ откровенно высказалъ Аполлону и ученому собранію Парнасса свои воззрѣнія и всѣ принцы приняли его сторону, а „сердца ученыхъ были весьма воспалены гнѣвомъ и ожесточены досадою“. Дука венеціанскій передаетъ о возстаніи молодыхъ нобилей противъ венеціанскаго правительства и о строгомъ ихъ наказаніи. Въ уста венеціанскаго дожа влагается слѣдующее правоученіе въ пользу шляхетства: „аристократіямъ (т. е. правленіямъ аристократическимъ) какъ возможно надобно воздерживаться отъ публичныхъ наказаній надъ шляхетными особы, аще бы и развратными, чтобъ чрезъ поносимые казни у народовъ не истребить тожъ самое шляхетство; когда правленіе статское касается о превеликомъ интересѣ въ публичную ползу волностей, для

(') Ркп. И. П. Б., Р. II, № 68, гл. 11.

того тогда имѣсть быть содержано въ вѣщцѣхъ почтеніи“⁽⁸⁾.

„Теоримато“—сочиненіе направленное противъ „злочестиваго Махіявелли ученія“, которое называется „кораномъ дворянскимъ“; (дворяне имѣютъ Махіавелли „не въ меньшей чести, яко Торки алкоранъ и привиденія махометанскіе“) ⁽⁹⁾.

„Описаніе винъ“ направлено противъ крутыхъ и насильственныхъ реформъ. Это сборникъ правоучительныхъ примѣровъ изъ священнаго писанія и изъ исторіи греческой и римской на слѣдующую тему: „добродѣтели славно и честно содержатъ государство, а злоба, неправда и лукавство—ведутъ государство къ погибели“.—Чтобы государство было въ цѣлости“—говоритъ неизвѣстный авторъ—„надо блюсти, чтобы не были переменные sprawy или судебники и постановленія государскіе. Если понадобится переменити что нибудь обычаиное въ государствѣ, то не подобаеъ того вскорѣ дѣлать, но легкимъ путемъ, для того, чтобы скорою переменною сердца въ подапныхъ не смутились и чтобы за тѣмъ дѣломъ не послѣдовалъ страхъ въ государствѣ, потому что всякая новая вещь болши убыткомъ въ государствѣ бываеъ нежели корыстію (т. е. пользою) и за нею послѣдуетъ смута и мятежъ въ государствѣ, а болши того когда тѣ новые дѣла и управы, сирѣчь судебники, бываютъ постановлены не для корысти (пользы) всѣхъ людей въ государствѣ, но для повышенія богатыхъ и великихъ людей, либо для пониженія убогихъ“. Совѣтуется также воздерживаться отъ иноземцевъ „не того ради, дабы иноземцомъ чести умалити, или ненавида ихъ, но сего ради, дабы во обычаехъ и въ дѣлахъ государства премѣна не была“. „Наипаче же того довлѣетъ хранить“—продолжаетъ составитель сборника—„чтобы изъ обычаевъ иноземскихъ проторей ихъ, или убытковъ въ житіи человѣческомъ, сирѣчь въ пищи и одеждѣ, не содѣялось которое дѣло; егда скоро въ государство выйдетъ и примирится, тогда уже приносить безконечное зло; послѣдуетъ же за тѣмъ

⁽⁸⁾ Ibid., F. XV, № 22 (листы не нумеров.).

⁽⁹⁾ Ibid., F. II, № 27.

дѣломъ великая злоба, проторь или убытокъ, который нареченъ есть отецъ бѣдности и убожества“ (10).

„Наставленіе мужа народнаго“ представляетъ подробное руководство „къ пріятію рѣчи посполитой, со изображенными авторомъ сентенціями“. Наставленія эти слипкомъ общи и сводятся къ тому, что всякій просвѣщенный и честный гражданинъ, принимающій участіе въ управленіи страной долженъ заботиться объ общемъ благѣ и счастіи народа и обязанъ строго исполнять законъ. Примѣромъ такого отношенія къ страпѣ долженъ быть князь (государь); онъ не долженъ торопиться распоряженіями, а тщательно ихъ обдумывать и во всемъ совѣщаться съ своимъ „сигклитомъ“. Добрый „князь“—есть залогъ благосостоянія государства, тогда и „злой сигклитъ“ не принесетъ вреда, между тѣмъ какъ „добрый сигклитъ со злымъ княземъ“ всегда ведетъ къ гибели. Умѣренность и кротость во всѣхъ мѣропріятіяхъ есть идеалъ составителя наставленій. Онъ отдастъ предпочтеніе роли въ государствennomъ управленіи людямъ средняго умственнаго уровня передъ умами выдающимися. „Къ радѣнію рѣчи посполитой“—говоритъ онъ—„лучше есть помѣрнаго мужа разума нежели высокоумнаго стяжовати“. Исходя изъ этой точки зрѣнія, осуждаются всѣ скороспѣлыя нововведенія и рѣзкія перемѣны въ управленіи страной, въ особенности во вновь пороченныхъ областяхъ (11).

Въ чемъ заключались стремленія верховниковъ и шляхетства? Этотъ вопросъ по отношенію къ верховникамъ, повидимому, уже рѣшенъ учеными и публикой; что касается до стремленій шляхетства, то они не разъяснены должнымъ образомъ. Верховники дѣйствовали изъ своеобразныхъ цѣлей, желая ради своихъ эгоистическихъ побужденій ограичить власть Анны Иоанновны—таково хотячее мнѣніе, ставшее общимъ мѣстомъ. Въ словахъ князя Д. М. Голицына, сказанныхъ имъ при избраніи Анны Иоанновны, находятъ несомнѣнное подтвержденіе этому мнѣнію. „Надобно *себѣ* полегчить, воли *себѣ* прибавить“—говорилъ князь Димитрій Михайловичъ, мотивируя необходимость проэктиро-

(10) Ibid., F. XV, № 24.

(11) Ibid., F. I, № 322.

ванныхъ имъ „пунктовъ“. Прибавить *себѣ* воли—значить привести въ неволю всѣ остальные общественные классы земли русской—заключали обыкновенно. Олигархія, nepотизмъ!—вотъ какія восклицанія раздавались и раздаются при разсужденіяхъ о дѣятельности верховниковъ, и этими восклицаніями думаютъ порѣшить все. Весьма естественно, что такой взглядъ не можетъ почестъся серьезнымъ, тѣмъ болѣе научнымъ. Историкъ не въ правѣ судить на основаніи общихъ и предвзятыхъ воззрѣній; по олигархизмъ верховниковъ пытаются доказать и инымъ способомъ: предположеніемъ на основаніи неизвѣстнаго.—Что бы было, еслибы верховники успѣли въ своихъ намѣреніяхъ? Такой вопросъ, очень любимый нѣкоторыми историками, представляется намъ празднымъ и анти-историческимъ. Что бы было если бы не Іоаннъ III покорилъ Новгородъ, а Новгородцы побѣдили бы Московскаго великаго князя, что бы было, еслибы Борисъ Годуновъ не прикрѣпилъ къ землѣ крестьянъ? что бы было, если бы Карлъ XII побѣдилъ Петра подъ Полтавой и т. д. и т. д. Такихъ фантастическихъ вопросовъ можно наставить безчисленное множество, но совершенно безцѣльно и безрезультатно. Между тѣмъ на такой вопросъ относительно верховниковъ отвѣчаютъ обыкновенно, что еслибы они восторжествовали, то Россія, разрываемая олигархіей, превратилась бы въ юдоль плача и стenanія. Осуждать верховниковъ на основаніи такого предположенія странно по очень простой причинѣ: мы не знаемъ что было бы, если бы верховники одержали побѣду. Но зато мы знаемъ, что самодержавіе Анны Іоанновны явилось не самодержавіемъ, а именно олигархіей, да еще вдобавокъ не національной, а иноземной.

Дѣятельность Верховнаго Тайнаго Совѣта до 1730 года не даетъ намъ права заключить, что эта высшая россійская коллегія дѣйствовала исключительно олигархически. Еще менѣе мы можемъ сдѣлать такое заключеніе относительно политическихъ намѣреній князя Д. М. Голицына. Его планъ и его „пункты“ присяги не заключаютъ въ себѣ олигархическихъ тенденцій. Забыты крестьяне!—вотъ укоръ, который дѣлается обыкновенно князю Голицыну. По нашему мнѣнію они вовсе не забыты. Надо перенестись въ тотъ вѣкъ, когда происходили событія, надо проникнуться пониманіемъ той эпохи, чтобы вѣрно судить о ея намѣре-

ніяхъ. О крестьянахъ князь Голицынъ заботился, но не такъ, какъ заботятся о нихъ сторонники благосостоянія низшихъ классовъ нашего времени. Князь Голицынъ заботится о нихъ на первое время только съ финансово-государственной точки зрѣнія—хлопочетъ объ облегченіи ихъ податей; но что было бы дальше—мы не знаемъ: планъ князя Голицына намъ неизвѣстенъ во всей подробности.

Соображая всѣ мѣропріятія верховниковъ, мы приходимъ относительно ихъ намѣреній къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) они избрали Анну Іоанновну, падѣясь, что она безусловно подчинится ихъ требованіямъ, 2) они желали въ ея царствованіе выработать прочныя основанія государственнаго устройства, 3) на первый разъ они желали прибавить себѣ воли, считая себя, стоящихъ во главѣ государственнаго управленія, первыми людьми, съ которыхъ нужно начать.

Противъ этихъ-то замысловъ и возсталъ шляхетство. Его цѣли были солидарны съ цѣлями верховниковъ по первымъ двумъ вопросамъ; по относительно третьяго оно расходилось съ ними по существу: шляхетство требовало и *себя соли*, требовало участія себѣ въ управленіи государствомъ. Обвинять шляхетство въ сословномъ эгоизмѣ и своекорыстіи столь же странно, какъ обвинять верховниковъ въ олигархіи. Исторія не знаетъ вповзатыхъ. Шляхетство заботилось о себѣ, но оно заботилось объ интересахъ и другихъ сословій; правда, что эти сословія не уполномочивали его на это, но за то они не имѣли средства сами высказать своихъ желаній.

Вслѣдствіе какихъ причинъ не достигли ни верховники, ни шляхетство тѣхъ результатовъ, къ которымъ они стремились? Вопросъ этотъ прежде рѣшался обыкновенно очень просто. Шляхетство, возмущенное олигархіей верховниковъ, просило Анну Іоанновну принять самодержавную власть. Изъ нашего изложенія видно, что дѣло вовсе не происходило такимъ образомъ. Не шляхетство, просившее о самодержавіи, сокрушило верховниковъ, не уничтожили ихъ замысловъ Остерманъ, Теофанъ Прокоповичъ и Ягупинской, а подготовили они паденіе своему дѣлу, главнымъ образомъ, сами.

Князь Д. М. Голицынъ, которому принадлежитъ инициатива и управленіе всего дѣла, взялся за него самопа-

дѣянно и опрометчиво. Онъ слишкомъ возомнилъ о себѣ, „забравъ паче мѣры ума“. Его сгубила гордость. Онъ хотѣлъ одинъ дѣйствовать за всѣхъ и всѣхъ подчинить своей власти. Онъ до того презрительно относился къ своимъ товарищамъ—верховникамъ и къ своимъ противникамъ, что не начерталъ даже программы дѣйствій: онъ заранее былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Онъ считалъ своихъ противниковъ за толпу, которой онъ можетъ руководить и помыкать по произволу. Другіе члены Совѣта, кромѣ брата Голицына, не желали ему подчиниться. Вслѣдствіе всего этого въ дѣятельности Верховнаго Тайнаго Совѣта съ 19-го января по 2-е февраля видна замѣчательная сбивчивость въ распоряженіяхъ. Вмѣсто того, чтобы привлечь къ себѣ главнѣйшихъ • лицъ изъ духовенства, генералитета и шляхетства, кн. Голицынъ открыто возсталъ противъ нихъ. Этимъ онъ раздражилъ Θεοφана Прокоповича, Остермана, Головкина, Ягупинскаго, Салтыкова, Черкаскаго и другихъ и создалъ то положеніе дѣлъ, которое, усложняясь постепенно съ 2 по 25 февраля, окончилось разорваніемъ „кондицій“.

Шляхетское движеніе поражаетъ насъ противоположнымъ качествомъ. У шляхетства не доставало вождей; не было именно такихъ людей, какъ князь Д. М. Голицынъ, которые могли бы, воодушеваясь общимъ интересомъ, подчинить своей волѣ большинство шляхетства. Шляхетство высказывало въ своихъ проэктахъ въ сущности почти одно и тоже, по группировалось случайно. Основаніемъ для этой группировки, какъ мы видѣли, были частныя, личныя отношенія, а соображенія, высказанныя въ разныхъ проэктахъ, обуславливались личными воззрѣніями того или другаго сильнаго человека. Но можемъ ли мы выпить шляхетство? Шляхетство въ 1730 г. такъ или иначе впервые сознало свою корпоративность, еще очень незадолго до того времени, какихъ нибудь 25 лѣтъ, представляя изъ себя разобщенные „чины“ служилыхъ людей. Неумѣнье дѣйствовать сообща, возвыситься надъ личными цѣлями во имя общихъ интересовъ, неумѣнье правильно понять эти интересы, отдѣлать въ нихъ существенное отъ несущественнаго, болѣе важное отъ менѣе важнаго—все это прямо вытекаетъ изъ двухъ причинъ: во 1-хъ, изъ того неопредѣленнаго положенія, въ какое было поставлено шляхетство законодательствомъ Петра Великаго и во 2-хъ, изъ той вообще

ломки въ умственной и нравственной жизни русскаго народа, которая произведена реформой Петра. Что общаго имѣли и могли имѣть между собой М. А. Матюшкинъ и какой нибудь Аршеневскій. Ржевскіе и Жолобовъ, Татищевъ и Макаровъ?—а между тѣмъ мы видимъ рядомъ ихъ имена подъ проэктами. Русскіе люди первой половины XVIII в. не отличаются цѣльностью характера: все это натуры изломанныя — противорѣчіе ихъ стихія. Изъ довольно значительнаго числа участниковъ шляхетскихъ проэктовъ мы встрѣчаемъ весьма пемного цѣльныхъ характеровъ: изъ 76-ти представленныхъ нами характеристикъ этихъ участниковъ мы едва наберемъ какихъ нибудь десяти человѣкъ, которые могутъ быть названы людьми убѣжденія и характера. А остальные?... „Намъ русскимъ не надобенъ хлѣбъ—мы другъ друга ѣдимъ и съ того сыты бываемъ“, — говорилъ юродивый первой половины XVIII в. Тихонъ Архипычъ, лучше всего опредѣливъ „умоначертаніе“ современнаго ему русскаго шляхетства. — Прибавьте ко всему этому раздраженіе шляхетства противъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, страхъ „маломочныхъ“ передъ угрозами верховниковъ, общую симпатію (главнымъ образомъ на основаніи слуховъ) къ Аннѣ Іоанновнѣ, неизвѣстность будущаго, инсинуаціи Остермана и Теофана Прокоповича, присоедините къ тому всегдашнее російское качество дѣйствовать на авось—и перемѣна мыслей у большинства шляхетства будетъ вполне понятна. Верховники, — атаманы разбойниковъ, они придупаютъ среднее шляхетство, а императрица Анна Іоанновна милосерда; она дастъ льготы среднему шляхетству и повелитъ ему собраться для составленія плана правленія російскимъ государствомъ! Таковы были умозаключенія, какъ у тѣхъ изъ шляхетства, которые подали императрицѣ челобитную о разсмотрѣніи проэктовъ, такъ и у тѣхъ, которые просили ее о „воспріятіи самодержавія“.

Не всѣ замыслы шляхетства канули безслѣдно въ вѣчность. Только главныя, политическія ихъ стремленія не осуществились, но второстепенныя требованія, касающіяся служебныхъ и сословныхъ льготъ—были до нѣкоторой степени уважены Анной Іоанновной. Опираясь на желанія шляхетства, выраженные въ прошеніи о самодержавіи, Анна Іоанновна поспѣшила уничтожить Верховный Тай-

ный Совѣтъ и востановить правительствующій сенатъ въ томъ значеніи, въ какомъ онъ былъ при Петрѣ В.; но члены въ него опредѣлялись не по выбору генералитета и шляхетства, а по назначенію императрицы. Всѣ министры Верховнаго Тайнаго Совѣта, кромѣ князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго, были сдѣланы сенаторами. Это произошло 4-го марта 1730 г. ⁽¹³⁾. Въ концѣ 1730 года была возстановлена должность генераль-прокурора сената, которую снова занялъ П. И. Ягушинской ⁽¹⁴⁾. Первые два года царствованія Анны Иоанновны отличаются исполненіемъ многихъ шляхетскихъ требованій. Отмѣтимъ главнѣйшія.

Учреждена комиссія для разсмотрѣнія состоянія арміи, артиллеріи и фортификаціи и исправленія оныхъ ⁽¹⁵⁾, составленъ новый штатъ генералитету и офицерамъ ⁽¹⁶⁾, возстановлена баллотировка офицеровъ ⁽¹⁷⁾, составлена новая табель жалованья военнымъ чинамъ ⁽¹⁸⁾, возобновленъ указъ Петра В., о первенствѣ воинскихъ чиновъ передъ гражданскими ⁽¹⁹⁾; наконецъ 29 іюля 1731 г. былъ учрежденъ кадетскій корпусъ для шляхетства ⁽²⁰⁾. Всего дольше правительство Анны Иоанновны не опредѣляло сроковъ шляхетской службы и шляхетство продолжало по прежнему маяться въ полкахъ, большинство офицеровъ въ которыхъ при Аннѣ Иоанновнѣ было изъ нѣмцевъ. Только въ самый послѣдній день 1736 г. послѣдовалъ манифестъ о назначеніи для желавующихъ 25-ти лѣтняго срока службы. Охотниковъ воспользоваться этимъ срокомъ явилось такъ много, что правительство въ августѣ 1740 г. отмѣнило льготу и снова возвратилось къ безсрочной шляхетской службѣ ⁽²¹⁾.

Часть ходатайства о льготахъ шляхетству была также удовлетворена. Запрещено покупать вотчины боярскимъ людямъ и монастырскимъ слугамъ ⁽²²⁾, уничтоженъ за-

⁽¹³⁾ П. С. З. т. VIII, № 5510.

⁽¹⁴⁾ Ibid., № 5625.

⁽¹⁵⁾ Ibid., № 5571, — 4 іюня 1730 г.

⁽¹⁶⁾ Ibid., № 5637, — 30 окт. т. г.

⁽¹⁷⁾ Ibid., № 5690, — 5 февр. 1731.

⁽¹⁸⁾ Ibid., № 5864, — 28 окт. т. г.

⁽¹⁹⁾ Ibid., № 5877, — 13 ноябр. т. г.

⁽²⁰⁾ Ibid., № 5841.

⁽²¹⁾ Ibid., т. IX, № 7142 и т. XI, № 8195.

конъ 1714 г. о единонаслѣдіи и восстановлены законы о наслѣдствѣ по Уложенію (9 декабря 1730 г.) ⁽²¹⁾, окончательно сглажено различіе между вотчинами и помѣстьями, названными вообще недвижимыми имѣніями, и подтверждено право раздѣла ихъ между дѣтьми по Уложенію ⁽²²⁾, учреждена особая книга для записыванія грамотъ на вотчины ⁽²³⁾. Обращено было также вниманіе и на составленіе законовъ. Выборные изъ шляхетства для сочиненія новаго уложенія, распущенные было въ 1729 г. по домамъ, снова вытребованы въ Москву въ 1730 г., а въ декабрѣ 1730 въ комиссію для сочиненія Уложенія прибавлены новые члены уже по назначенію ⁽²⁴⁾.

На положеніе остальныхъ сословій не было обращено должнаго вниманія. Относительно духовенства правительство Анны Иоанновны ограничилось на первый разъ манифестомъ отъ 17 марта 1730 года, въ которомъ предписывалось синоду стараться: 1) о соблюденіи православными христіанами закона Божія и церковныхъ преданій, 2) о возобновеніи храмовъ и страппопринимныхъ домовъ, 3) объ учрежденіи духовныхъ училищъ, 4) объ исправленіи установленныхъ церковныхъ требъ, церемоній и моленій ⁽²⁵⁾. Съ торговыхъ людей были сложены недоимки таможенныхъ пошлинъ по 1724 г. и повелѣно исправно платить ихъ на будущее время, (23 іюля 1730 г.), а также разрѣшена свободная продажа трески (23 апрѣля 1730 г.), по рядомъ съ этимъ отданы въ аренду питейные сборы (9 октября 1730 года) ⁽²⁶⁾.

25 марта 1730 г. крестьяне освобождены отъ податей на майскую треть 1730 г. и введенъ контроль по расходованію податныхъ недоимокъ прежнихъ лѣтъ ⁽²⁷⁾. Бо-

⁽²¹⁾ Ibid., т. VIII, № 5633, — 25 октября 1730 г.

⁽²²⁾ Ibid., № 5653.

⁽²³⁾ Ibid., № 5717, — 17 мар. 1731.

⁽²⁴⁾ Ibid., № 5884, — 18 нояб. т. г.

⁽²⁵⁾ Ibid., №№ 5577 и 5654.

⁽²⁶⁾ Ibid., № 5518.

⁽²⁷⁾ П. С. З., т. VIII, №№ 5580, 5545 и 5628. (20 іюня, 23 апр. и 9 окт. 1730 г.).

⁽²⁸⁾ Ibid., №№ 5525 и 5529 — 25 мар. и 13 апр. 1730 г.

лѣе всѣхъ выиграли жители вновь присоединенныхъ балтійскихъ областей: имъ подтверждены всѣ ихъ прежнія права и привилегіи (²⁹).

Изъ всѣхъ предположеній князя Д. М. Голицына приведено въ исполненіе только одно—увеличеніе гвардіи двумя полками. 22 сентября 1730 года былъ учрежденъ новый пѣхотный гвардейскій полкъ, названный по имени родовой вотчины Анны Іоанновны — измайловскимъ, а 31 декабря того же года изъ лейбъ-режима сформированъ лейбъ-гвардіи конный полкъ. Командирами этихъ новыхъ полковъ сдѣлапы лица, давшія знать Аннѣ Іоанновнѣ о „затѣйкахъ“ верховниковъ: измайловскаго полка — Густавъ фонъ Лёвенвольде, а копаго—П. И. Ягушинской (³⁰).

Рядомъ съ перечисленными исполненіями нѣкоторыхъ шляхетскихъ ходатайствъ начались преслѣдованія верховниковъ и сторонниковъ ограниченія власти Анны Іоанновны. Ранѣе другихъ подвергаются опалѣ всѣ Долгорукіе, кромѣ фельдмаршала. Голицыныхъ пока щадятъ: ихъ очевидно бояться тронуть такъ скоро. Гибель ихъ отсрочена; они „искорепаются“ шесть лѣтъ позже. За Долгорукими наступаютъ очередь очень многихъ видныхъ представителей шляхетскихъ заявленій. В. Н. Татищевъ, С. Л. Вельяминовъ, Дашковъ, Пл. Ив. Мусинъ-Пушкинъ, И. И. Бибииковъ, И. М. Волюпской. Таракановъ. Вас. Осод. Салтыковъ, Жолобовъ, Наумовъ. Матюшкинъ, Бестужевъ-Руминъ, Д. Ѳ. Еропкинъ, Л. В. и Ив. Петр. Измайловы—всѣ эти лица подъ благовиднымъ предлогомъ удаляются изъ Москвы на административныя должности и въ войска въ отдаленныя провинціи.

Имѣть копію съ „кондицій“ считается государственнѣмъ преступленіемъ. Изъ за этого возникаетъ цѣлый рядъ процессовъ, которыми дебютируетъ возобновленный преобразовательскій приказъ, названный „тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцеляріей“ и порученный Андрею Ивановичу Ушакову. Еще болѣе тяжкимъ преступленіемъ почитается оказывать сочувствіе Елизаветѣ Петровнѣ, или гоштинскому привцу. За имѣніе у себя копій съ „кондицій“ и за сочув-

(²⁹) Ibid., №№ 5607, 5608, 5610, 5730, 5731, 5732, 5766.

(³⁰) Ibid., №№ 5623, 5664, 5692.

ствіе голштинскому принцу гибнуть вице-президентъ коммерцъ-коллегіи Фикъ и адмиралъ Сиверсъ: первый сослается въ Сибирь, а второй въ свою деревню. Но эти преслѣдованія и ссылки не останавливаютъ того порядка идей, который высказывало шляхетство въ своихъ проэктахъ. А. П. Волынской и люди, составлявшіе его кружокъ, выражаютъ тѣ же политическія желанія, какія высказывались шляхетствомъ въ 1730 г. Нѣкоторые изъ принадлежавшихъ къ его кружку участвовали въ шляхетскихъ проэктахъ; но эти люди гибнутъ на эшафотѣ.

Указанными выше льготами шляхетству и преслѣдованіемъ главныхъ дѣятелей 1730 г. не исчерпываются результаты самодержавія Анны Іоанновны. Челобитчики о самодержавіи не думали-не гадали, что изъ монархической власти Анны Іоанновны вырастетъ та нѣмецкая олигархія, которая извѣстна подъ именемъ Бироповщины; не думали русскіе шляхтичи, что слово „русскій“ станетъ въ царствованіе Анны Іоанновны чуть не позорной кличкой, не предполагали они, что тѣ внутреннія нестроенія, которыя выразились въ пять лѣтъ послѣ кончины Петра Великаго и поправить которыя они хотѣли средствами, предложенными ими въ проэктахъ,—еще болѣе усилятся въ самодержавнос правленіе Анны Іоанновны.

Въ царствованіе Анны Іоанновны престолонаслѣдіе не только не получило опредѣленности, но явилось еще болѣе произвольнымъ, чѣмъ прежде. Императрица назначила своимъ пресмникомъ несуществующее лице—того ребенка, который долженъ родиться отъ ея племянницы Анны Леопольдовны, а Анна Леопольдовна была при воцареніи Анны Іоанновны *одиннадцатилѣтней* дѣвочкой, такъ что о ея замужествѣ нельзя было и думать. Дѣйствительный наслѣдникъ Анны Іоанновны родился только въ послѣдній годъ ея царствованія и русскій императорскій скипетръ былъ врученъ двухмѣсячному ребенку. Такое самодержавіе повело къ дальнѣйшимъ замѣшательствамъ въ престолонаслѣдіи.

Личныя качества Анны Іоанновны, на которыя съ такимъ довѣріемъ положились русскіе люди, привели въ ея царствованіе къ совершенно противоположнымъ результатамъ, чѣмъ ожидали. Правителями стали нѣмцы. Московское

царство, преобразованное Петромъ въ российскую имперію, превращается въ третьестепенное нѣмецкое герцогство, для котораго политическимъ идеаломъ является не идеаль европейскаго монархизма во главѣ коллегіальнаго строя, о чемъ мечталъ Петръ Великій, а государственное устройство Голштиніи, Мекленбурга и Курляндіи. Европейская дипломатія хозяйничаетъ въ Петербургѣ какъ у себя дома, и во вѣшной политикѣ петербургскій кабинетъ всецѣло зависитъ отъ капризнаго воззрѣнія нѣмецкаго цесаря. Учрежденія Петра извращаются, система его внутренняго управленія измѣняется, флотъ, созданіе всей его жизни, „дѣла его сердца“—приходитъ въ упадокъ, военная дисциплина превращается въ мекленбургско-голштинскую казарменную формалистику, торговля и промышленность чахнутъ, финансы разстраиваются, государственный долгъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ.

Шляхетство, получивъ при Аннѣ Іоанновнѣ нѣкоторыя льготы, все болѣе и болѣе удаляется отъ того значенія, которое желало получить себѣ въ 1730 г. „Родословные люди“ постепенно „искореняются“ нѣмцами — правителями, потомки старинныхъ служилыхъ людей все болѣе и болѣе бѣднѣютъ, вслѣдствіе отмены закона о единонаслѣніи, раздробляя свои имѣнія на мелкопомѣстные участки; ряды шляхетства гуще и гуще наполняются „худородными“ людьми и иностранцами. Крѣпостное право становится съ каждымъ годомъ почти единственной прерогативой шляхетства, и въ сохраненіи и развитіи этой прерогативы ищетъ шляхетство своего выдающагося положенія въ обществѣ и государствѣ. Жестокость правительства Анны Іоанновны, презрительное обращеніе съ русскими начальствующими лицъ вообще и генераловъ и офицеровъ въ частности, необходимость заискивать у нѣмцевъ — правителей путемъ лести и низкопоклонства — все это развращаетъ шляхетство болѣе и болѣе и все сильнѣе развиваются въ немъ дикіе инстинкты крѣпостничества. Идеалы его съуживаются и шляхетскія заявленія въ знаменитой екатерининской комиссіи 1767 г.—несравненно ниже шляхетскихъ воззрѣній 1730 г. Только въ 1762 году шляхетство получаетъ совершенное освобожденіе отъ обязательной службы государству, но эта свобода шляхетства ведетъ за собою еще большее закрѣпощеніе крестьянъ.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ главнѣйшіе результаты провозглашенія самодержавія Анны Іоанновны. Этими результатами опредѣляется и историческое значеніе ея воцаренія.

Да не упрекнуть насъ нѣкоторые читатели въ предвзятой мысли и въ односторонности. Въ нашей книгѣ дѣйствующими лицами являются почти исключительно люди одного общественнаго класса — шляхетскаго; представитель духовенства, Ѳеофанъ Прокоповичъ, скрывается за кулисами исторической сцены; другія лица изъ духовенства—только упоминаются; купцы, посадскіе, крестьяне—совсѣмъ отсутствуютъ.

Такъ было въ дѣйствительности.

Движеніе, возбужденное замыслами верховниковъ и шляхетства ограничивалось ихъ кругомъ. Слегка задѣвая духовенство, оно не пропикало въ средніе и вѣдшіе слои русскаго народа. Эти слои, не посвященные въ тайны политики, не могли быть заинтересованы вопросами о подробностяхъ государственнаго устройства. Весь государственный строй земли Русской выражался у нихъ въ исконномъ представленіи о самодержавномъ государѣ. Они ничего не знали о замыслахъ верховниковъ и шляхетства, а влѣдствіе этого и были безучастны въ событіяхъ, совершившихся въ Москвѣ въ началѣ 1730 г.

